

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

#B 109 296

изъ рукописей

№ 51/2

А. Н. ШМИДТЪ.

Съ письмами къ ней Вл. Соловьева.

§ 50-00 Schmidt, Anna Nikolaevna
ИЗЪ РУКОПИСЕЙ

АННЫ НИКОЛАЕВНЫ ШМИДТЪ.

О Будущности.—Третій Завѣтъ.—Изъ дневника.—
Письма и пр.

Съ письмами къ ней Вл. Соловьева.

~180

1916.

Складъ изданія въ книгоиздательствѣ „Путь“
(Москва, Мертвый пер., д. 9).

ТИПОГРАФІЯ „РУССКАЯ ПЕЧАТНІЯ“ В. В. НАЗАРЕВСКАГО. ВОЛЬШ. САДОВАЯ, Д. 14.

Шмидтъ: наверху слѣва—дѣтскіе годы (съ семейной группы); въ срединѣ—зрѣлые годы;
 вверху справа—последніе годы (изъ группы съ матерью); внизу—на смертномъ одрѣ.

Анна Николаевна Шмидтъ (1851—1905).

А. Н. Шмидтъ родилась 30 іюля ¹⁾ 1851 года ²⁾ въ Нижнемъ Новгородѣ ³⁾. Здѣсь она провела большую часть своей жизни, здѣсь имѣла она свои „откровенія“, здѣсь же скончалась отъ воспаленія мозга 7 марта 1905 года, здѣсь и погребена вмѣстѣ съ матерью. Съ Нижнимъ внѣшнимъ образомъ связана почти вся ея жизнь. По тѣмъ скуднымъ и случайнымъ біографическимъ матеріаламъ (преимущественно воспоминаніямъ), которые пока имѣются, можно установить, что „отецъ и мать ⁴⁾ А. Н. (оба дворянскаго рода), хотя и носили нѣмецкую фамилію, но были вполне русскими людьми, особенно мать, богомольная, набожная женщина, ревностно исполнявшая всѣ православные обряды, строго соблюдавшая посты“. Отецъ ея былъ юристъ и служилъ, кажется, судебнымъ слѣдователемъ, впрочемъ судьба его была превратна, какъ это явствуетъ изъ нижеприводимыхъ воспоминаній о дѣтствѣ А. Н. Она была единственною дочерью и воспитывалась въ старозавѣтномъ духѣ. Школьнаго образованія она, повидимому, не получила, но держала экзаменъ на званіе учительницы французскаго языка и въ теченіе трехъ лѣтъ (1873—1876) была его преподавательницей въ Маріинской женской гимназіи, откуда вышла „по болѣзни“ (согласно свидѣтельству врача, страдая острымъ сочленовнымъ ревматизмомъ), но главнымъ образомъ, повидимому, вслѣдствіе несродности ей педагогическихъ занятій, хотя французскимъ языкомъ она вообще хорошо владѣла. Послѣ разоренія, постигшаго семью Шмидтъ еще въ дни ея молодости, ея жизнь съ внѣшней стороны наполнена заботой о кускѣ хлѣба для себя и, главнымъ образомъ, для обожжаемой ею матери, ко-

¹⁾ См. ея собственное указаніе: „Изъ дневника“, стр. 267 наст. тома.

²⁾ Такъ опредѣленъ этотъ годъ въ „Краткомъ словарѣ писателей нижегородцевъ“, изд. Нижегород. Ученой Архивной Комиссіи. 1915. Въ нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ указывается 1853 годъ. По документамъ годъ этотъ нами не установленъ. Если послѣдняя дата вѣрна, то годъ рожденія А. Н. совпадаетъ съ годомъ рожденія В. С. Соловьева.

³⁾ По даннымъ того же очерка въ „Словарѣ“. Однако по воспоминаніямъ А. П. М., сама А. Н. однажды сказала ему: „я родилась въ городѣ святой Софіи“ (т. е. Новгородѣ).

⁴⁾ Согласно метрической выписи, 27 сент. 1850 г. повѣнчанъ первымъ законнымъ бракомъ въ С.-Петербургѣ прикомандированный къ Комиссаріатскому департаменту коллежскій секретарь Николай Шмидтъ съ дочерью отставнаго титулярнаго совѣтника Федора Романова, дѣвицей Анной Федоровной, въ церкви лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

торую она старалась обставить возможнымъ комфортомъ (мать ея, послѣ ея смерти, несмотря на случайную поддержку со стороны людей, близкихъ В. С. Соловьеву, терпѣла нужду и скончалась въ 1910 году). А. Н. брала всякія занятія, не гнушаясь черной работой, — секретарствовала, переводила, сотрудничала въ мѣстныхъ газетахъ, давая хронику, театральныя рецензіи, отчеты о думскихъ и городскихъ засѣданіяхъ и т. под. На работѣ она и умерла: 6-го января, придя на губ. земское собраніе, чтобы дать отчетъ о немъ, она почувствовала себя плохо, врачи нашли воспаленіе мозга, и съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ она не открывала глазъ, почти не приходя въ сознаніе до самой смерти (См. „Нижегор. Лист.“, № 63, отъ 8 марта 1905 г.).

Вотъ безхитростныя, но выразительныя воспоминанія чело­вѣка, стоявшаго близко къ ея дѣтству и ея семьѣ (В. В. К.).

Насколько память не измѣнила мнѣ, я помню, мнѣ было тогда 6 лѣтъ, какъ пріѣхала въ Нижній моя крестная—Анна Федоровна Шмидтъ—родная мать Анны Николаевны. Остановились они въ номерахъ, на Б. По­кровкѣ. Когда мы пришли съ моей матерью къ нимъ, то едва могли успокоиться отъ радостнаго свиданія. Моя мать была съ А. Н. подругой въ дѣтствѣ. Жили тогда они въ Н.-Новгородѣ. Хорошенько не помню, кѣмъ былъ тогда отецъ А. Н., но по рассказамъ моей матери жизнь А. Н. была очень веселая. Она была хорошая музыкантша. Очень хорошо играла на любительскихъ спектакляхъ. Была красива. Ее всѣ боготворили. Была изъ очень старинной дворянской семьи. Ея сестра была, кажется, фрейлиной у Императрицы Маріи. Но это я знаю только по рассказамъ моей матери.

А. Н., какъ рассказывала моя мать, росла удивительнымъ ребенкомъ. Она не любила общества, но зато любила играть, не въ куклы,—нѣтъ, но разсуждать сама съ собой, или, если приходила къ ней моя мама, то она усаживала ее на стулъ, а на другіе стулья сажала куклол и начинала сама имъ что-нибудь рассказывать, какъ взрослая. Конечно, матери надобѣдало слушать ее и у нихъ происходили иногда разногласія, хотя это нисколько не охлаждало другъ къ другу. Потомъ, когда настало время учиться А. Н., ей взяли репетиторовъ.

Они ходили заниматься къ ней на домъ. Мать говорила, что учителя поражались тогда ея умомъ и развитіемъ. Она часто задавала имъ такіе вопросы, что они не могли ей отвѣчать (объ этомъ мнѣ рассказывала ея мать). По рассказамъ же ея матери, въ дѣтствѣ А. Н., когда къ нимъ приходили гости, то занимать ихъ не приходилось, такъ какъ А. Н. такъ умѣла ихъ увлечь своими разсужденіями, что всѣ съ удовольствіемъ ею занимались.

Когда они переѣхали въ Нижній, то А. Н. стала держать экзаменъ въ Нижегород. мужской гимназіи. И выдержала его съ отличіемъ. Поступила она послѣ этого въ Маріинскую гимназію учительницей французскаго языка. Ея мать была противъ этого и въ концѣ концовъ А. Н. пришлось уступить и уйти изъ гимназіи. Отецъ ея въ это время служилъ въ Польшѣ, кажется, мировымъ судьей. А Ан. Н. съ матерью жила въ Нижнемъ. Въ это время я жила у нихъ; они взяли меня отъ родителей, чтобы я училась въ гимназіи. Занималась со мной А. Н. Помню, какъ она сердилась на меня за мою лѣнь; сколько я пролила слезъ: хотѣлось бѣгать, играть, а тутъ за книжки сажаютъ. Онѣ меня очень любили, въ особенности А. Н. Я была ея крестницей, а моя сестра—крестницей А. Н., и вотъ онѣ такъ и дѣлились: одна—одну баловала, другая—другую.

Помню, какъ у нихъ было все натянато: все было распределено, въ какой часъ что дѣлать—это было такъ скучно не только для меня, рѣзаво ребенка, но и для А. Н.

Когда она бывало расшалится,—это была не взрослая барышня, а рѣзвая шалунья; схватить бывало меня подъ руки и вертима по комнатѣ, а то въ жмурки начнемъ играть. Какая была она славная, такъ остроумно что-нибудь говорила въ это время. Мать тоже размилюется. И такъ хорошо, такъ весело. Но бывали и тяжелыя минуты. Это когда А. Н. въ чемъ-нибудь провинится, и тогда бѣда, и ей, и мнѣ скверно: старуха начнетъ ворчать, закрывается дверь въ спальню и тамъ начинается отчитыванье А. Н. Поставить ее на колѣни, а та стоитъ и просить прощенья, и такъ часа 2, наконецъ-то послѣдуетъ прощенье, цѣлованье ручки, и опять все развеселяется.

Помню, какъ они собирались въ концерты. Начиналось одѣванье съ 5 часовъ. Надѣвалось столько разныхъ фуфаякъ! А. Н. капризничала—она не любила кутаться, но мать, боясь простуды, заставляла. Ихъ всегда сопровождала горничная, которая ихъ тамъ раздѣвала, и когда публика вся разойдется, то онѣ начинаютъ одѣваться.

Любила я разговаривать съ А. Н.—такъ славно, такъ понятно она все объясняла.

Помню, они каждый годъ ѣздили въ село Воскресенское на дачу, тамъ служилъ ей отецъ раньше, до Польши, и они къ этому селу привыкли и ежегодно ѣздили туда на лѣто. Сборовъ было очень много. Ъхали мы съ большимъ мученьемъ. Намъ обѣимъ много попадало отъ А. Ѳ.—то „не раскрывайте рта—пыль летитъ“, когда намъ хотѣлось болтать; то кутаетъ насъ къ вечеру въ теплыя платья, тогда какъ и такъ жарко.

Наконецъ пріѣхали. Въѣхали въ село къ вечеру. Квартира была уже готова, т. к. раньше письмомъ предупреждали о нашемъ пріѣздѣ. Большой домъ въ пять комнатъ. Мнѣ дали хорошенькую комнату. Начался споръ изъ-за комнаты. А. Н. желаетъ эту комнату, но ей не позволяютъ ее занять, т. к. она далеко будетъ отъ мамы. Ей было запрещено писать по вечерамъ и поэтому мать держала ее при себѣ. На дачѣ жизнь пошла опять однообразная, съ тѣми же сценами стоянія на колѣняхъ. Разъ, какъ мнѣ было обидно за А. Н. И меня тогда еще поразила ея покорность передъ матерью—она только заплакала, цѣлуя ея руки.

Много удовольствія намъ доставляли поѣздки въ лѣсъ, когда только рѣшалась на это А. Ѳ. Все было бы хорошо, если бы это было просто. Но, къ сожалѣнію, и тутъ насъ ждало разочарованіе. Подавалась намъ догугша. Усаживались въ нее: я, крестная (А. Ѳ.), А. Н. и горничная. Ъхали въ лѣсъ. Тамъ начиналось наше мученье—дальше 10 шаговъ мы съ А. Н. не имѣли право двинуться. Наконецъ крестная рѣшалась углубиться въ лѣсъ. Тогда вынимался шнурокъ. За одну руку привязывали А. Н., за другую—меня. Идемъ лѣсомъ. Видимъ землянику. Тамъ ея такъ много. Господи, съ какимъ удовольствіемъ порвать бы и поѣлъ. Но зоркій глазъ слѣдитъ за нами.

Разрѣшается намъ собирать, но только, Боже сохрани, ѣсть! Конечно, я похитрю А. Н. и сама слѣжу глазами;—какъ зоркій глазъ отвернулся, такъ я десятокъ въ ротъ. Но опять таки и тогда меня поражала А. Н.: она ни одной ягоды не съѣла. Настолько была у нея честная натура. Мы больше чувствовали съ ней удовольствія, когда крестная насъ отпускала гулять вдвоемъ. Вотъ тогда я была очень рада побыть съ А. Н. Сколько она мнѣ рассказывала интереснаго.

Помню, рассказывала она тогда мнѣ про какую-то волшебную сказку, и я удивлялась, какъ она можетъ сочинять такъ хорошо. Разъ случайно застала я ее у себя въ комнатѣ съ бумажкой и карандашомъ, она что-то писала. Она быстро спрятала бумагу въ карманъ. Я просила ее прочесть мнѣ; но она взяла съ меня клятву, что я никогда не скажу крестной, что она что-то пишетъ. Я дала слово и насъ съ ней это еще болѣе сблизило. Я пускалась на всѣ хитрости, чтобы ей была возможность оставаться болѣе одной.

Осенью вернулись съ дачи. И тутъ-то случился переворотъ въ ихъ жизни. Кто-то принесъ крестной анонимное письмо на ея мужа. Она не повѣрила. Но по прошествіи мѣсяца, когда нужно было получать деньги, которые мужъ ея высылалъ, она ихъ не получила.

Прошло 2, 3, 4 мѣсяца, деньги хотя и высылались, но очень немного. Въ письмахъ писалось, чтобы пока заняли—онъ вышлетъ. И вотъ началось ихъ мученье: долги въ лавкахъ, за квартиру. Наконецъ, дошло до того, что никто имъ не вѣрилъ. У меня была бабушка, которая съ родителями А. Θ. была знакома. Она вошла въ ихъ положеніе, стала давать имъ деньги. Набралось около 500 руб., но дальше и она не могла ихъ выручать. Наконецъ А. Θ. и А. Н. рѣшили ѣхать лично въ Варшаву къ мужу. Что тамъ было—не помню; только бабушка получила вексель и письмо, чтобы она все распродала и взяла себѣ деньги. Потомъ было еще письмо отъ крестной. Она писала, что ихъ постигло горе. Мужъ ея, чтобы достать денегъ больше, сдѣлалъ подлогъ съ сестрой А. Θ. Пользуясь тѣмъ, что та была слѣповата и стара, заставилъ ее подписать все, что ему было нужно. Потомъ это открылось, его судили, но, благодаря хлопотамъ и протекціи А. Θ., его сослали въ Астрахань. Тамъ А. Н. поступила въ редакцію газеты, давала уроки. Забывая себя, отдавалась родителямъ, но не забывала и другихъ: вѣчно у нея были бѣдные, вѣчно она пристраивала, за всѣхъ хлопотала. Послѣ, по манифесту, имъ разрѣшили жить въ Нижнемѣ. По пріѣздѣ въ Нижній А. Н. поступила въ „Волгарь“ и давала уроки, и все-таки мать ея распоряжалась, какъ ей хотѣлось. А. Н. было уже 45 лѣтъ. а она не смѣла, придя уставши, взять хлѣба себѣ, пока мать не дастъ. И все это безъ ропота переносилось. Потомъ заболѣлъ отецъ ея и вотъ она сидитъ у его постели ночь, ухаживаетъ за нимъ, исполняетъ безъ ропота капризы матери, а день на работѣ. Умеръ отецъ, стали онѣ жить вдвоемъ. Переѣхали сначала на Похвалинскую ул. Послѣ переѣхали за церковь Похвалы. Тутъ А. Н. заболѣла и умерла.

Помню, какъ она урывками писала безъ конца.

Потомъ, боясь, чтобы матери не попали ея писанія, она мнѣ принесла цѣлыя пачки написанной бумаги, просила хранить ихъ и молчать. Потомъ какъ-то разъ пришла ко мнѣ и взяла у меня все...

Вспоминается мнѣ одинъ разсказъ А. Н. о своихъ похожденияхъ къ прокурору. Она хлопотала за одного студента, который былъ въ чемъ-то замѣшанъ и ему не давали свидѣтельства. Первый разъ прокуроръ ее не принялъ. Она пошла во 2-й разъ — тоже отказъ, все его дома нѣтъ. Наконецъ она пришла утромъ рано. Онъ еще спалъ. Она дождалась, когда онъ проснется. И когда лакей вышелъ, она недолго думая вошла въ комнату и застала его въ халатѣ. Она такъ смѣшно рассказывала, какъ смутился его превосходительство; но потомъ самъ разсмѣялся и говоритъ ей: „отъ васъ не отвяжешься“ и сдѣлалъ для нея все, что она просила.

Она такъ увлекалась своими мыслями, что забывала обо всемъ. Кокетство она считала порокомъ. Она была религіозна, но какъ-то по своему. Помню, она долго рассказывала мнѣ про вселенскій соборъ, но я, откровенно говоря, по своей глупости, не понимала тогда многого.

Вспоминаются мнѣ торжественные дни: это ея именины 3-го февр. и первые дни праздниковъ Рождества и Пасхи. Если бы въ эти дни я вадумала не придти, то обиды большей нельзя было бы нанести. Бывало отдать послѣднюю копейку и сама пойдетъ занимать.

Она такъ далека была отъ сего міра, что намъ, маленькимъ людямъ, казалось смѣшно. Ей, напр., нѣтъ времени поѣсть. Она нисколько не постѣсняется, гдѣ бы ни была, взявъ хлѣбъ и начать ѣсть. Если у нея сваливаются туфли, то она возьметъ веревочку и привяжетъ ихъ. Много надъ ней смѣялось народу, но мнѣ всегда было за нее обидно. Конечно, занятая своимъ дѣломъ, я не могла углубляться въ ея разговоры, что и сожалѣю теперь.

Передъ ея смертью я ночевала у нихъ. Ночью она какъ будто бы пришла въ себя. Спросила, узнаетъ ли меня. Сказала, что узнаетъ, но черезъ полчаса ей стало плохо. Я поѣхала къ доктору Агапову. Это было часа

2 ночи. Привели доктора. Онъ сказалъ, что положеніе безнадежное. На другой день она умерла.

Вспоминается мнѣ еще случай съ А. Н. Ей нужно было экстренно ѣхать въ Арзамасъ на какое-то собраніе. Но т. к. дома она никого не застала, было заперто, то, придя ко мнѣ, она взяла попавшійся ей подъ руку головной уборъ (капоръ) моей маленькой дочери и такъ уѣхала. Постѣ она мнѣ рассказывала, что идя по улицамъ Арзамаса обращала на себя вниманіе, и только когда на собраніи ей сказали про ея костюмъ, то она поняла, что надъ ней смѣялись.

Помню еще балъ въ консерваторіи у В. Ю. Валлуана. Было, кажется, 25 лѣтъ со дня открытія ея, и т. к. отецъ А. Н. былъ одинъ изъ организаторовъ этого музыкальнаго общества, то А. Н. была приглашена. Помню, какъ они собирались на этотъ балъ. Сшила она себѣ коричневое платье, бѣлый круглый воротничекъ, и т. к. ее всегда беспокоили башмаки, она одѣла туфли, но туфли спальные, самыя простыя, и какъ мы ее ни уговаривали одѣться помоднѣе, никакъ не уговорили. Ей было все равно, что скажетъ толпа, она не могла измѣнить себѣ и тутъ. Всегда носила она костюмъ на булавкахъ, говоря, что это ей удобнѣе: когда какъ вахочешь, такъ и застегнешься.

Этотъ человекъ, несмотря на всѣ чудачества свои, былъ великій человекъ. Сколько она добрыхъ дѣлъ сдѣлала. Она муку не убила, говоря мнѣ, что все живущее должно жить. Благодаря ей, ея влиянію на меня, до сихъ поръ много хорошаго осталось въ моей душѣ, и жизнь мнѣ кажется хороша, только благодаря ея влиянію на мой характеръ.

Но чѣмъ она заслуживаетъ поклоненія, это отношеніемъ своимъ къ матери—безъ ропота сносить ея капризы и заботиться такъ, какъ она...

Другія воспоминанія содержатъ описаніе внѣшности и внѣшняго образа жизни А. Н. Шмидтъ въ разные ея годы.

„Я была въ 6-мъ классѣ Нижегородской 1-й женской гимназіи, а она была учительницей французскаго языка въ нашемъ классѣ. Помню ея первый приходъ: вошла молодая дѣвушка въ свѣтлосинемъ платьѣ, прекрасные русые волосы вѣнкомъ обвивали ея голову. Вся розовая отъ смущенія предъ любопытными взорами нѣсколькихъ десятковъ ученицъ, начала она урокъ... Встрѣтила я ее спустя почти 20 лѣтъ въ 1896 г. въ трамваѣ, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на ея костюмъ и шляпу. Волосы на головѣ были также уложены какъ и 20 лѣтъ назадъ, но въ нихъ уже пробивалась сѣдина“ (М. М. Г.).

„Какъ сейчасъ вижу А. Н.: небольшого роста, средней полноты, живое лицо, привлекавшее вниманіе своими сѣрыми, вдумчивыми глазами. Она была некрасива въ обыденномъ пониманіи этого слова, но притягивала глазъ той духовной работой, которая совершалась въ А. Н.—Торопливая, вѣчно озабоченная походка, внѣшняя небрежность въ костюмѣ и неизбѣжная плетеная сумка съ туго набитыми рукописями и другими матеріалами въ рукѣ, заставляло многихъ оглядываться и улыбаться при встрѣчѣ съ нею. Ея энергія не знала предѣловъ. По своей специальности корреспондентки „Нижег. Листка“ она проникала всюду, но и вездѣ была желанной... Вѣчно въ хлопотахъ по чужимъ дѣламъ, она совершенно забывала о себѣ. Я самъ видѣлъ на ней худые башмаки съ подвязанной мочалкой подметкой, и А. Н. нерѣдко заѣзжала ко мнѣ погрѣться, потому что ея шуба была, что называется, на рыбьемъ мѣху“ (Г. Н. С.).

„Она избрала въ газетѣ для себя главной спеціальностью театральныя рецензіи, а также начала доставлять отчеты о засѣданіяхъ разныхъ общественныхъ и просвѣтительныхъ мѣстныхъ организацій. Говорятъ, А. Н. отличалась необыкновенной способностью схватывать и нѣтету почти стенографически записывать все, происходившее на разныхъ засѣданіяхъ. Съ этихъ поръ ее всегда можно было видѣть по обыкновенію странно и небрежно одѣтою, гдѣ-нибудь примостившеюся въ театральномъ зрительномъ залѣ или въ залѣ различныхъ засѣданій, сосредото-

ченно записывающею на клочкахъ смятой бумаги. Во время театральныхъ антрактовъ или перерывовъ засѣданія, не обращая вниманія на окружающую публику, она нерѣдко вынимала изъ кармана принесенную съ собой изъ дома булку или бутербродъ и преспокойно начинала ѣсть, такъ какъ иногда, какъ корреспонденткѣ, ей до самаго вечера приходилось находиться на дѣлѣ, ни на минуту не отлучаясь домой. Если ей что-нибудь было нужно, она нисколько не затруднялась позднимъ временемъ ночи, являясь къ тому лицу, въ которомъ она встрѣчала надобность; получивъ необходимую справку, невозмутимо удалялась. Всѣ ее знали за чудачку, никого это не удивляло и для А. Н. извинялось. Она была невысокаго роста, худощавая, жидкіе съ легкой просьдью свѣтлые волосы свои она небрежно завязывала какимъ-то узломъ на затылкѣ. Съ ея лица почти никогда не сходила жизнерадостная улыбка и выраженіе дѣтской довѣрчивости, глаза ея были всегда устремлены куда-то въ пространство, все въ ней было какъ-то полно невозмутимаго покоя, покоя не ищущей, а уже нашедшей" (А. П. М.).

„Думаю, что не будетъ съ моей стороны дерзостью причислить покойную А. Н. къ близкимъ кровнымъ, такъ сказать, родственникамъ по духу „святого“ доктора Гааза. Она дѣлала въ Нижнемъ то же, что дѣлалъ въ свое время знаменитый докторъ въ Москвѣ: неотомимо помогала всѣмъ нуждающимся въ помощи дѣломъ и словомъ. Она совершенно забывала о себѣ, работала черезъ силу, вѣчно волновалась, вѣчно торопилась куда-нибудь по какому-нибудь дѣлу и всегда по чужому дѣлу. Ее можно было встрѣтить и у архіерея, и у прокурора, и въ жандармскомъ управленіи. Ей отказывали, надъ ней подшучивали, отъ нея иногда прятались, а она настойчиво всегда добивалась своего; много лишннихъ слезъ не упало благодаря этой настойчивости... долго будутъ съ теплою благодарностью вспоминать имя А. Н. Шмидтъ и говорить: „Эхъ, если бы жива была Анна Николаевна, она бы сдѣлала, она бы похлопотала, она бы помогла, она рискнула бы на это ради насъ“ (Изъ надгробной рѣчи).

Изъ статьи А. Уманскаго въ *Нижегородскомъ Листѣ* (1905, № 64):

„Покойная А. Н. Шмидтъ была извѣстна чуть ли не всему городу, но извѣстна больше, какъ репортеръ, какъ оригинальный человѣкъ, чѣмъ какъ просто человѣкъ. И немногіе, вѣроятно, сознавали, что она была не только оригинальный человѣкъ, но и человѣкъ необыкновенный,—потому что ей и не пришлось развернуть вполнѣ своихъ дарованій.

Убивала ее мелкая газетная работа, занимаясь которой она приносила не мало пользы, обнаруживала большія способности, но которая далеко не отражала ея духовнаго содержанія.

Пишущій эти строки познакомился съ А. Н. Шмидтъ въ началѣ 1894 г., когда она прѣхала съ семьей изъ Астрахани. Въ то время я завѣдывалъ редакціей „Волгари“ (въ теченіе полутора лѣтъ), и А. Н. Шмидтъ обратилась ко мнѣ, предлагая переводы съ иностранныхъ языковъ, преимущественно съ французскаго, которымъ она владѣла въ совершенствѣ, какъ роднымъ языкомъ.

Между прочимъ, она переводила и стихами изъ Виктора Гюго, и переводы ея были умѣлы, близки къ подлиннику, но въ нихъ недоставало поэзіи. И А. Н. вскорѣ оставила переводы стихами, чувствуя, что это не ея область; да и Виктора Гюго она, вѣроятно, переводила потому, что во многихъ стихахъ его больше декламация, чѣмъ поэзіи. Помню, что ему было переведено изъ сборника стихотвореній Виктора Гюго: „L'année Terrible“, то стихотвореніе, въ которомъ поэтъ обращается къ рабочему, желающему поджечь бібліотеку, указывая ему на сокровища, въ ней заключенныя, а рабочій отвѣчаетъ: „я не умѣю читать“.

Семейныя обстоятельства заставили А. Н. стараться расширить свой литературный заработокъ; но такъ какъ въ редакціи рѣшительно не имѣлось работы, а въ разговорѣ съ ней я указывалъ, что заработокъ она могла бы имѣть въ отдѣлѣ „хроники“, она выразила желаніе доставлять таковую.

Я сомнѣвался, возможна ли для женщины эта работа, но тогда же долженъ былъ убѣдиться, что А. Н. прекрасный репортеръ.

Къ сожалѣнiю, моего высокаго мнѣнiя о способностяхъ А. Н. не раздѣлялъ издатель, противившiйся расширенiю ея участiя въ газетѣ. Впрочемъ, вскорѣ я самъ долженъ былъ оставить редакцiю „Волгара“, гдѣ А. Н. продолжала уже работать не въ качествѣ сотрудника, но корректора, да и то недолго. Въ концѣ 1894 года, когда я сдѣлался завѣдующимъ редакцiей „Нижег. Листка“, она стала постояннымъ сотрудникомъ этой газеты, въ которой оставалась до самой своей кончины въ теченiе десяти лѣтъ.

Тогда же она приняла на себя веденiе земской хроники, отчетовъ о земскихъ собранiяхъ, отчетовъ о концертахъ, оперныхъ спектакляхъ, отчасти отчетовъ о драматическихъ спектакляхъ, которые впослѣдствii всецѣло перешли въ ея руки. Лучшихъ отчетовъ чѣмъ тѣ, какiе составляла А. Н., и быть, кажется, не можетъ.

Обладая большимъ умомъ, она быстро ориентировалась во всякомъ вопросѣ и въ рѣчи каждаго всегда умѣла схватывать главную суть ея. По точности передачи, отчеты эти не уступали стенографическимъ, если не превосходили ихъ, потому что отъ нихъ отmetalось случайное и оставалось самое существенное.

Равно можно было не соглашаться съ тѣмъ или другимъ въ музыкальныхъ и театральныхъ рецензiяхъ А. Н., но несомнѣнно, что онѣ выдѣлялись изъ общаго уровня, потому что авторъ ихъ обладалъ тонкимъ вкусомъ и своеобразнымъ художественнымъ пониманiемъ и читались онѣ поэтому всегда съ большимъ интересомъ. Это была область, въ которой А. Н. выходила изъ своей сферы удивительнаго репортера, давая просторъ своему уму и вкусу.

Лично я вскорѣ долженъ былъ покинуть „Ниж. Листокъ“ и даже затѣмъ уѣхать изъ Нижняго, но амплуа, занятое въ газетѣ А. Н., оставалось за нею неизмѣннымъ при всѣхъ перемѣнахъ, происходившихъ въ газетѣ. Только репутацiя ея вполне упрочилась, да и извѣстность ея въ городѣ стала огромной.

Послѣднему много помогала вѣншность А. Н., ея странности, которыя заставляли многихъ говорить о ней съ улыбкой.

Она не придавала никакого значенiя вѣншности, ходила небрежно одѣтой, обѣдала тоже кое-какъ, иногда по пути въ магазинахъ или у знакомыхъ, не придавая никакого значенiя и вѣншнымъ условностямъ общенiя. Такъ, если нужно было для дѣла, она являлась къ людямъ во всякое время дня (иногда и ночи) и не оставала до тѣхъ поръ, пока не доставала нужнаго свѣдѣнiя.

А. Н. Шмидтъ на похоронахъ В. С. Соловьева.

„Когда несли тѣло Вл. С. Соловьева, около него было такъ мало народу, что я подумалъ, не ошибся ли я, даже спросилъ, чьи похороны. Въ храмѣ (университетскомъ) было тоже мало народу, такъ что онъ казался пустымъ. Лишь позади гроба, у дверей и колоннъ, тѣснилась кучка людей, впереди же не было никого. Какъ-то не вѣрилось смерти Вл. С. и все казалось, что онъ встанетъ. Въ срединѣ обѣдни, когда я стоялъ впереди гроба, справа отъ него, въ пустой части храма, прошла мимо меня со свѣчей молодая женщина, невысокая, худощавая, въ простой шляпѣ, въ короткой юбкѣ, некрасиво и бѣдно одѣтая, производившая впечатлѣнiе бѣдной, живущей своимъ трудомъ, интеллигентной дѣвушки. Хотя я былъ въ слезахъ отъ скорби о Вл. С., однако невольно остановился вниманiемъ на вошедшей, которая поставила свѣчу въ подсвѣчникъ около гроба. Въ ея походкѣ, выраженiи лица, насколько его можно было видѣть сбоку, въ томъ, какъ подошла она ко гробу и стала впереди меня, одна у гроба, сразу почувствовалось, что для нея смерть Вл. С. имѣла особенное, исключительное значенiе. Во время службы она не разъ пристально взглядывала въ лицо покойнаго. Невольно въ душѣ поднимался вопросъ, что это за человѣкъ? Чѣмъ занимается, гдѣ и какъ живетъ? Выраженiе глазъ ея поражаало какой-то особенной экстаичностью, порождаемой не только волненiемъ момента, но и постоянной внутренней напряженностью. Вспоминались невольны образы Достоевскаго, — людей, живущихъ своеобразной внутренней

жизнью, охваченных одною идеей. Къ отпѣванію собралось народу нѣсколько больше, но все-таки немного. Время было лѣтнее, и Москва была пуста. Когда вынесли гробъ и поставили на колесницу, я пошелъ впереди гроба, нѣсколько сбоку, позади же гроба шли близкіе и родственники. А. Н. Шмидтъ шла предо мною, справа впереди гроба, отдѣльно отъ всѣхъ. Она плакала и время отъ времени смотрѣла на гробъ какимъ-то особеннымъ взглядомъ, который я иногда ловилъ, а иногда ощущалъ не видя. Несмотря на то, что и самъ я не могъ удерживаться отъ слезъ, мысль о покойномъ все время чередовалась у меня съ мыслью объ этой загадочной женщинѣ. Въ это время брать Вл. С-ча — Михайлъ Сергѣевичъ, шедшій почти рядомъ со мною, видя нескрываемую мою скорбь, подошелъ ко мнѣ и сталъ спрашивать о моихъ отношеніяхъ къ Вл. С-чу; вскорѣ онъ также спросилъ меня, не знаю ли я эту женщину, идущую впереди; я отозвался незнаемъ. Вопросъ М. С-ча побудилъ меня удовлетворить и собственному любопытству, я поравнялся съ А. Н.—ой и хотѣлъ спросить ее: „Вы, должно быть, *очень* любили его?“ Но какъ-то сразу почувствовалъ, что это можетъ быть понято въ нежелательномъ смыслѣ, и я только спросилъ ее: „Вамъ *очень* жаль его?“ Она быстро взглянула на меня заплаканными глазами и, утвердительно кивнувъ головой, заплакала еще сильнѣй. Я почувствовалъ, что продолжать разговоръ было неудобно. Помню ее стоящей надъ могилой въ ту минуту, когда въ землю опускался гробъ, пристально смотрящей въ могилу. Начались надгробныя рѣчи. Нѣсколько словъ сказалъ и я: обращаясь къ покойному, я вспомнилъ тотъ завѣтъ, который онъ оставилъ въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ. На мой вопросъ: „что самое важное и нужное въ жизни?“ онъ тогда далъ такой отвѣтъ: „быть возможно чаще съ Господомъ“, а потомъ подумавъ прибавилъ: „если можно, всегда быть съ Нимъ“. Когда я начиналъ свою рѣчь, то почувствовать, какъ она, стоявшая рядомъ со мною, метнулась въ меня глазами, а затѣмъ снова опустила ихъ. Больше я ее уже не видать, хотя изъ этой встрѣчи возникло нѣкоторое заочное знакомство“¹⁾. (М. А. Н.).

Трудовая и хлопотливая жизнь А. Н. совершенно не оставляла ей возможности работать надъ своимъ образованіемъ, а постоянный недостатокъ средствъ не позволялъ приобрѣтать книгъ (извѣстенъ случай, что для того, чтобы имѣть возможность познакомиться съ интересовавшей ее книгой, она ходила къ мало знакомому человѣку по ночамъ, за неимѣніемъ другого времени). Достаточно сказать, что, по ея же собственнымъ признаніямъ, она не знала даже о существованіи Вл. Соловьева, сыгравшаго въ ея жизни столь большую роль, до 1900 года. Всѣ ея мистическія созерцанія являются поэтою дѣломъ ея личнаго творчества, или воздѣйствіемъ того таинственнаго наитія, которому сама она ихъ приписывала. Начало ихъ относится, по ея указанію, примѣрно къ 1886 году. Слѣдовательно, она была около 35 лѣтъ, когда ей было первое явленіе „Возлюбленнаго“ въ церкви Знаменія, извѣстной также подъ названіемъ женъ Мурносицъ. Такъ какъ она тайла отъ матери, какъ и отъ большинства окружающихъ, свой духовный міръ, то записывать свои откровенія она могла только урывками, иногда ночью, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Объ этомъ свидѣ-

¹⁾ Одно изъ писемъ А. Н. Шмидтъ къ автору настоящихъ воспомина- ній приведено и въ настоящемъ томѣ, стр. 277—279.

тельствуетъ и внѣшній видъ ея рукописей,—эти полосы тонкой, пожелтѣвшей бумаги, исписанныя бѣглымъ карандашнымъ почеркомъ. Однако основная ея рукопись, „Третій Заѣтъ“, совершенно пожелтѣвшая, обветшавшая и выцвѣтшая, очевидно, есть плодъ упорной работы, судя потому, что существуетъ нѣсколько черновиковъ отдѣльныхъ ея частей, впрочемъ мало отличающихся между собою ¹⁾. Гораздо новѣе другая основная ея рукопись „Изъ Дневника“, написанная уже послѣ смерти Вл. Соловьева. Повидимому, въ хаосѣ бумагъ А. Н. эти обѣ рукописи суть самое важное и цѣльное, если не считать сдѣланнаго ею перевода французской книги Вл. Соловьева, „La Russie et l'Eglise universelle“ и изложеній его сочиненій. Въ связи съ вліяніемъ Вл. Соловьева находится ея влеченіе къ католичеству, раньше, какъ видно изъ „Третьяго Заѣта“, у нея совершенно отсутствовавшее. Впрочемъ, здѣсь установить ея окончательное мнѣніе затруднительно ²⁾.

Конечно, вѣра А. Н. во Вл. Соловьева, какъ одно изъ воплощеній Христа на землѣ, въ связи съ ея собственнымъ самосознаніемъ, есть наиболѣе странная, непонятная и соблазнительная черта во всемъ ея духовномъ обликѣ, и безъ того столь загадочномъ. Мало того, именно этой чертой ставится огромный вопросительный знакъ относительно природы и всѣхъ предыдущихъ ея „откровеній“. Ибо и склонные къ принятію религіозныхъ идей А. Н. едвали не наибольшую трудность ощущать въ той конкретности, съ какою она приурочиваетъ ихъ—сначала только къ своей личности, а позднѣе еще и ко Вл. Соловьеву. Однако нельзя отрицать и того, что именно эта конкретность придаетъ ученію А. Н. сугубое своеобразие и силу.

Биографически во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вни-

¹⁾ Nota bene. Въ рукописи „Третьяго Заѣта“ имѣются карандашные помѣтки, очевидно, позднѣйшаго происхожденія,—подчеркнуты отдѣльные слова и фразы; въ настоящемъ изданіи подчеркнутыя слова всюду набраны курсивомъ, хотя очевидно, что далеко не всегда эти отмѣтки имѣютъ въ виду усилить значеніе подчеркнутаго слова.

²⁾ Въ письмѣ къ В. А. Т. 1903 г. она, напр., отдаетъ рѣшительное предпочтеніе православію (275 стр.), между тѣмъ въ „Дневникѣ“ (стр. 263) „новоизраильская вѣра“ есть уже не дальнѣйшее развитіе православія, какъ въ „Третьемъ Заѣтѣ“, но „преображенное католичество“. Есть и другія свидѣтельства о колебаніяхъ А. Н. въ вѣроисповѣдномъ вопросѣ послѣ знакомства съ Вл. Соловьевымъ и его сочиненіями. Такъ, одна изъ ея пріятельницъ (уже умершая) передавала, что послѣдніе годы А. Н. причащалась у католическаго священника, хотя до конца жизни оставалась въ православной церкви. Въ письмѣ одного католическаго духовнаго лица, относящемся къ 1901 году, ей дается такая рекомендація: „вы можете вполне довѣрять ей, такъ какъ она по духу вполне католичка, и очень ревностная, хотя по семейнымъ обстоятельствамъ не сдѣлала еще формальнаго присоединенія“. Судя по ея замѣткамъ, она рассчитывала, что „Третій Заѣтъ“ и „новоизраильская вѣра“ получать санкцію папы.

манія, что послѣ знакомства съ Вл. Соловьевымъ, за которымъ скоро послѣдовала и его смерть, ея собственное творчество замѣтно оскудѣваетъ, почти изсякаетъ, а взамѣнъ появляются переводы и конспекты философскихъ книгъ Соловьева. О томъ, какъ самъ Соловьевъ относился къ ея признаніямъ, пока можно судить лишь по его письмамъ къ ней. Несомнѣнно, что встрѣча съ А. Н. есть одно изъ важныхъ, хотя и сокровенныхъ, событій его біографіи. Да и все учение А. Н. существенно освѣщаетъ самыя интимныя идеи Соловьева, которыхъ онъ до конца не договаривалъ, но у А. Н. призналъ себѣ близкими (см. его первое письмо). Объ ихъ взаимномъ мистическомъ соотношеніи, конечно, возможны разныя гипотезы.

Послѣ смерти Вл. С. Соловьева у А. Н. Шмидтъ возникаетъ рядъ письменныхъ и личныхъ знакомствъ какъ съ его ближайшими родственниками, такъ и съ другими лицами, интересующимися религіозными вопросами. Можно видѣть, какъ она металась, изнемогая отъ своего одиночества и непонятости, и какъ доврчиво искала сочувствія своимъ идеямъ иногда совершенно не по адресу. Отсюда возникло и нѣсколько писемъ, здѣсь печатающихся. Но въ самомъ для нея существенномъ, повидимому, и тогда она оставалась также одинокой, какъ и была. При всей открытости и любвеобильности своей натуры, она осталась лишена, если не участія и личной привязанности, то настоящей дружбы.

Теперешнее изданіе не только не притязаетъ на полноту, но имѣетъ лишь предварительный характеръ, хотя (если не считать сокращеній „Дневника“, отчасти вынужденныхъ) въ немъ содержится самое существенное, что можно извлечь изъ имѣющихся рукописей, и оно достаточно знакомитъ съ міромъ идей А. Н. Шмидтъ. Портреты сдѣланы съ ветхихъ любительскихъ фотографій, увеличенныхъ и переснятыхъ.

* * *

Теперь нѣсколько словъ въ объясненіе этого изданія.

„Сочиненія Анны Николаевны Шмидтъ“ .. По какимъ побужденіямъ издаются въ свѣтъ эти невѣдомыя сочиненія невѣдомаго автора? Какъ отнестись къ этимъ необычнымъ темамъ и къ еще болѣе страннымъ, скажемъ болѣе, жуткимъ притязаніямъ? Вотъ вопросы, которые не могутъ не встать у читателя, впервые приступающаго къ настоящему томику. И личность, и сочиненія А. Н. Шмидтъ окружены плотной атмосферой недоумѣній; тѣ, кому спутанными и почти таинственными путями выпала на долю нелегкая участь быть чѣмъ-то вродѣ душеприказчиковъ покойной, десятки разъ ставили себѣ не только эти, но и многіе другіе вопросы объ А. Н. Шмидтъ и ея литературномъ наслѣдіи. Вотъ почему

теперь, когда, послѣ обсужденій и колебаній въ теченіе ряда лѣтъ, ими все-таки признано неизбѣжнымъ настоящее изданіе, является необходимымъ указать нѣкоторые изъ мотивовъ, ихъ къ тому понудившихъ.

Если разсматривать предлагаемыя сочиненія *только* въ плоскости литературной и психологической, *онѣ* оцѣнки ихъ по существу, т. е. оцѣнки чисто религіозной, то едва ли кто станетъ возражать, что въ сочиненіяхъ А. Н. Шмидтъ мы имѣемъ одинъ изъ наиболѣе примѣчательныхъ памятниковъ мистической письменности, по меньшей мѣрѣ не уступающій произведеніямъ такихъ корифеевъ мистики, какъ Дж. Пордеджъ, Як. Бѣме, Тереза, канонизованная въ католичество, Сен-Мартенъ, Сведенборгъ и т. п. По самобытности же, по отсутствію всякихъ литературныхъ „вліяній“, по своеобразію тона и по особенностямъ въ рѣшеніи мистическихъ вопросовъ, Анна Николаевна даже и въ плеядѣ славныхъ мистиковъ займетъ совершенно особое мѣсто. Единственное, съ чѣмъ въ области мистики есть у нея точки касанія,—это Кабала; но Анна Николаевна, образованная весьма недостаточно, о Кабалѣ, конечно, и понятія не имѣла, такъ что тутъ и рѣчи не можетъ быть о „вліяніи“. Мы ничуть не сомнѣваемся, что въ плоскости историко-литературной, какъ памятникъ, сочиненія А. Н. Шмидтъ будутъ признаны цѣннымъ вкладомъ въ несуществующій еще *Corpus mysticorum omnium*.

Не сомнѣваемся мы и въ томъ, что какъ личность, такъ и сочиненія А. Н. Шмидтъ представляютъ огромный интересъ для изслѣдованія религіозной психологіи. Какъ „человѣческій документъ“, на коллекціонера, эти сочиненія — рѣдкая находка. Полуобразованная некрасивая провинціалка, всю жизнь придавленная борьбою изъ-за куска хлѣба для любимой матери, всю жизнь угнетаемая самой подлинной нуждой, не имѣвшая ни книгъ, ни знакомствъ, ни досуга, — и глубина мысли и блескъ писательства, богатство философско-мистическихъ вдохновеній! Какой удивительный контрастъ между внѣшнимъ и внутреннимъ!

Откуда брала А. Н.—а свои вопросы, не говоря ужъ объ ея глубокихъ и нерѣдко завѣдомо мудрыхъ рѣшеніяхъ, объ ея пронзительныхъ словахъ? И далѣе, какъ могла эта обойденная судьбою дѣвушка мыслить и говорить о себѣ въ упоръ такъ, какъ не посмѣла бы помыслить ни одна царица даже въ смутныхъ мечтаніяхъ? А если это — безуміе, то гдѣ же признаки безумія, и почему душевное здоровье героини романа, столь дерзновеннаго, осталось неповрежденнымъ, а нравственная чистота не возмущилась ни сомнѣніемъ, ни высокоуміемъ? И поразительно не только это противорѣчіе провинціального обывательства со вселенскимъ размахомъ внутренней жизни, а и, того болѣе, въ *какомъ-то* смыслѣ, еще

не поддающемуся выясненію, извѣстная законность его. Но хотя бы и не такъ, фигура А. Н. Шмидтъ можетъ удовлетворить самому избалованному вкусу коллекціонера религіозныхъ типовъ и послужить богатой темой для проникновеннаго психологическаго изслѣдованія.

Однако и не психологическая вивисекція была завершающимъ побужденіемъ при настоящемъ изданіи, а нѣчто иное.

А. Н. Шмидтъ говоритъ о вопросахъ, которые сейчасъ выдвигаются въ сознаніи не только духомъ времени, но и самими событіями. Все ли, что говоритъ она объ этомъ, истина?—*Мы этого не знаемъ*; но мы знаемъ, что ея рѣчи значительны и своеобразны. Не считается при современныхъ обсужденіяхъ подобныхъ вопросовъ съ голосомъ А. Н.—ны (хотя бы для того, чтобы его рѣшительно отвергнуть) было бы легкомысленно. Но мало того, А. Н.—на говорить со властію и съ силою. Она убѣждаетъ, умоляетъ, грозитъ, запрещаетъ. Въ отличіе отъ мистическихъ откровеній Порреджа, Бѣме и проч., которая существенно внѣ-историчны и потому одинаково хороши (или одинаково нехороши) *всегда и всюду*, откровенія А. Н. Шмидтъ въ высокой степени конкретны, насквозь историчны, и если въ нихъ есть хоть какая-нибудь правда, то съ ними надо считаться не только теоретически, но и практически. Въ то время, какъ мы обсуждали здѣсь вкратцѣ изложенное и многое иное около А. Н. Шмидтъ, наступила міровая война. Мы не считаемъ себя вправѣ взять на свою отвѣтственность утвержденіе, что это навѣрное не одно изъ тѣхъ событій, о которыхъ, еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, волнуясь говорила А. Н.—на. Притомъ, помимо утвержденія и отрицанія, могутъ быть и среднія мнѣнія. Вѣдь, возможно еще и то, что А. Н., вѣрно предчувствуя общій *типическій* характеръ надвигающихся событій, все-таки видѣла ихъ лишь въ туманной перспективѣ, въ которой сливаются ближній и дальній планы, почему раннія эсхатологическія волны могли быть ею приняты уже за „девятый валъ“. Повторяемъ, мы не знаемъ, *насколько* истинны всѣ историческія откровенія А. Н.—ны, но именно потому, что мы этого не знаемъ, замалчивать о нихъ *сейчасъ*, когда они могутъ оказаться и ключомъ къ міровымъ событіямъ,—изъ боязни и нерѣшительности замалчивать то, что намъ лишь поручено, но *вовсе не наше*, — стало, очевидно, невозможно. Поэтому не желаніе обогатить литературныхъ коллекціонеровъ или сдѣлать подарокъ психологамъ перевѣшиваетъ чашу на вѣсахъ нашихъ раздумій, а чувство отвѣтственности, обострившееся подъ впечатлѣніями теперешнихъ событій: если мы не знаемъ, какова положительная цѣнность писаній А. Н. Шмидтъ, то во всякомъ случаѣ мы допускаемъ, что она *можетъ быть* и очень значительна. Пусть же

всѣ будутъ равно призваны участвовать въ обсужденіи дѣла, одинаково касающагося всѣхъ.

Какъ бы мы ни отнеслись къ откровеніямъ А. Н. Шмидтъ по существу, но нельзя удовольствоваться относительно ихъ однимъ *формальнымъ* отводомъ,—ссылкой на ихъ „прелестность“. Понятіе „прелести“, которое примѣняется съ легкимъ сердцемъ въ подобныхъ случаяхъ въ религіозной литературѣ, ничего не поясняетъ именно вслѣдствіе легкости и широты своего примѣненія. Поскольку „прелестъ“ опредѣляется только отрицательно, то, будучи весьма важнымъ въ смыслѣ церковной дисциплины и въ цѣляхъ практической аскетики, обвиненіе „въ прелести“ перестаетъ имѣть какое бы то ни было теоретическое значеніе „Въ прелести“—это значитъ: „не авторитетенъ; къ словамъ его надо относиться съ большою опаскою“ и т. под. Внѣ всякаго сомнѣнія, что къ „откровеніямъ“ А. Н. Шмидтъ надо относиться съ большою опаскою; да и все, что не получило одобренія Церкви—таково же, и всякое откровеніе до признанія его Церковью, должно разсматриваться какъ подозрительное или проблематическое. Но при всемъ томъ останется еще теоретическій вопросъ: „какъ *возможно* это явленіе?“ И въ этомъ смыслѣ откровенія А. Н. Шмидтъ, истинныя или ложныя, равно представляютъ теоретическую проблему. Даже въ послѣднемъ случаѣ—большую, ибо если намъ сравнительно понятно, какъ можетъ открыться истина, то гораздо менѣе понятно, какъ можетъ возникнуть подобіе истины, имѣющее свою глубину и свою культурную цѣнность и въ то же время *пустое* въ свѣтѣ благодатнаго содержанія. Проблема мистической видимости—это и есть проблема *прелести*, которая не только не разрѣшена, но даже приблизительно не ставилась еще на обсужденіе.

Поэтому ссылка на „прелестъ“ не только не устраняетъ вопроса о природѣ „откровеній“ А. Н., но скорѣе его усложняетъ. Да и при этомъ предположеніи остается не исключена возможность того, что въ мистикѣ А. Н. окажется не мало цѣнныхъ мотивовъ и подлинныхъ интуицій, хотя бы и ошибочно истолкованныхъ, или же отнесенныхъ, такъ сказать, не по адресу. Каково бы ни было наше предварительное сужденіе, думается, что съ окончательнымъ приговоромъ какъ о природѣ „откровеній“ А. Н., такъ и о загадкѣ ея личнаго самосознанія приходится еще повременить.

При чтеніи сочиненій А. Н. Шмидтъ, очевидно, напередъ приходится исключить нѣкоторыя предпосылки и притязанія, для нея самой однако безспорныя. Въ виду этого становится необходимымъ критически взвѣшивать каждое положеніе, и это-то и должно составить задачу дальнѣйшаго разслѣдованія.

И прежде всего мы никоимъ образомъ не можемъ рассматривать „Третій Завѣтъ“ какъ *Откровеніе*, ибо такая расцѣнка вообще принадлежитъ не индивидуальному сужденію, но церковному разуму; да эта оцѣнка не соответствуетъ и чисто вкусовымъ ощущеніямъ отъ сочиненій А. Н., насколько можно здѣсь полагаться на вкусъ. „Третій Завѣтъ“, какъ и все вообще творчество А. Н., относится къ типу *мистики*, естественныхъ (и въ этомъ смыслѣ безблагодатныхъ) прозрѣній человѣка въ глубину міра. Въ основѣ этой мистики обычно лежитъ подлинный опытъ, который однако преломляется чрезъ призму „психологизмовъ“ и наряду съ цѣнными мистическими открытіями способенъ приводить къ аберраціямъ и ошибкамъ. Самую основную аберрацію въ мистикѣ А. Н., очевидно, приходится видѣть въ опредѣленіи лица „возлюбленнаго“, которое было позднѣе сближено ею съ Вл. Соловьевымъ, а въ связи съ пониманіемъ „возлюбленнаго“ стоитъ и собственное самосознаніе А. Н.—ны какъ воплощенной церкви. Не слѣдуетъ подвергать сомнѣнію особенной, исключительной софійности духовнаго лика А. Н., лишь эта одаренность и можетъ объяснить какъ ея прозрѣнія въ области мистики пола, любви и материнства, такъ и самую наличность смущающихъ смѣшеній лицъ въ софійной сферѣ. Возможно, что и въ духовномъ обликѣ Вл. Соловьева найдутся типическія черты „возлюбленнаго“ вообще и что вдохновенія А. Н. могли до извѣстной степени являться, какъ она сама вѣрила, плодомъ „невидимыхъ“, телепатическихъ и, быть можетъ, безсознательныхъ воздѣйствій на созвучныя струны ея души со стороны именно Вл. Соловьева. Для такого же читателя, который не захочетъ увидать въ сочиненіяхъ А. Н.—ны ничего, кромѣ хуль и ересей, вытекающихъ изъ злой воли, остается признать здѣсь прямое воздѣйствіе „духа лестца“, мистическій обманъ (полезно напередъ знать и прельщенія, хотя бы чтобъ ихъ остерегаться). У А. Н.—ны есть смѣлая догматическія утвержденія, но нѣтъ *воли* къ ереси, какъ и сама она свѣдѣтельствуетъ въ письмѣ къ о. Іоанну Кронштадтскому и въ Дневникѣ.

Наибольшимъ новшествомъ является ея ученіе о перевоплощеніяхъ Христа (но даже этому ученію могутъ быть указаны нѣкоторыя богословскія аналогіи, напр. у св. Максима Исповѣдника); съ нимъ именно связаны и другія наиболѣе соблазнительныя ея утвержденія о личности „возлюбленнаго“. Остальныя же ея догматическія мнѣнія, хотя выражены съ крайней прямолинейностью, но не являются безусловнымъ новшествомъ. Таково ученіе о соборно-личной природѣ церкви, находящее опору и въ Словѣ Божіемъ и отчасти въ отеческомъ преданіи (эту мысль, несомнѣнно, раздѣлялъ и Вл. Соловьевъ). Мысль о женской природѣ третьей вѣпостаси (недавно еще выраженная Н. Ѳ. Федоро-

вымъ), сыздавна высказывалась въ церковныхъ кругахъ (ее можно совершенно отчетливо установить, напримѣръ, уже въ IV вѣкѣ въ средѣ сирской церкви).

Мысль о воплощеніи Св. Духа въ Богоматерь встрѣчается еще въ древнемъ „Евангеліи отъ Евреевъ“. Хотя почитаніе церковью „честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимъ“ и выше всѣхъ данныхъ предѣловъ, однако доселѣ православіе не имѣетъ догматической формулы для этого почитанія (въ католичествѣ первымъ, но неудачнымъ сюда подходомъ является догматъ о непорочномъ зачатіи). Формула А. Н.—ны, согласно которой Богоматерь должна опредѣляться какъ Богочеловѣкъ, не адекватна ея же собственной мысли, поскольку догматическое опредѣленіе, примѣненное къ Христу, какъ воплотившемуся отъ рожденія, прилагается и тамъ, гдѣ это послѣднее условіе отсутствуетъ. Положительное значеніе догматическихъ идей А. Н. въ томъ, что ими обостряются тѣ проблемы, которыя дѣйствительно еще могутъ быть поставлены предъ церковнымъ сознаніемъ, ибо въ православіи нѣтъ догмата о неподвижности въ догматическомъ самосознаніи.

Но писанія А. Н. слѣдуетъ разсматривать не только какъ сочиненія, цѣнность которыхъ можетъ оспариваться и вызывать разногласія, но и какъ біографическій матеріалъ, притомъ единственный и незамѣнимый. Ибо какимъ способомъ можно иначе рассказать объ ея жизни? А въ то же время можно ли предать забвенію или тайнѣ эту, по своему, совершенно исключительную жизнь, оставшуюся въ безвѣстности? Пусть же тѣ, кто не захочетъ считаться съ ея идеями, посмотрятъ на ея писанія какъ на біографическіе матеріалы, ибо это, конечно, есть прежде всего не „сочиненія“, но автобіографическая исповѣдь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

А. Н. Шмидтъ (біографическій очеркъ съ портретами и факсимиле).....	I—XV
О Будущемъ (1904).....	1—16
Замѣчанія по поводу одной теософской статьи (1903—4)...	17—21
Третій Завѣтъ (въ подробномъ изложеніи (1886 ?).....	22—239
Книга I.....	22—68
Книга II. Часть I.....	68—75
Часть II: Условія духовной жизни во плоти.....	75—95
Часть III: Условія духовной жизни во плоти по воскресеніи...	95—98
Часть IV: Условія духовной жизни въ новомъ мірѣ.....	98—101
Книга III.....	102—171
О нынѣшней жизни Маргариты.....	163—171
Книга IV.....	171—239
Письмо къ о. Іоанну Кронштадтскому (1888).....	340—244
Изъ дневника (отрывки) (1902).....	245—269
Письмо къ В. А. Т.....	270—276
Письмо къ М. А. Н.....	277—279
Вариантъ (къ стр. 22).....	280
Приложеніе. Письма Владиміра С. Соловьева къ А. Н. Шмидтъ.....	281—288.

О БУДУЩЕМЪ¹⁾.

(1904).

I.

То, о чемъ я буду говорить теперь, многимъ покажется очень далекимъ отъ волнующихъ насъ, русскихъ, въ нынѣшнюю историческую минуту вопросовъ. Но поистинѣ ни одинъ нашъ вопросъ не разрѣшится (если не считать за разрѣшеніе, что мы будемъ по-дѣтски забавлять себя суррогатами дѣла, не замѣчая отсутствія самаго дѣла), пока не осуществится, хотя въ зачаткѣ, однако сполна весь идеаль добра, вплоть до избавленія твари. Добро едино и нераздѣльно. Неисправимымъ бесплодіемъ поражено всякое дѣло, не вмѣщающее его цѣликомъ. И въ прежнія времена истинно доброе въ мірѣ вмѣщало въ своихъ крайнихъ послѣдствіяхъ все добро сполна, до преобразованія природы. Въ наше же время эта необходимость стала еще очевиднѣе и ярче, и связь между реальнымъ добромъ и его идеальными послѣдствіями тѣснѣе. Должно въ зачаткѣ осуществиться избавленіе животныхъ отъ „рабства тлѣнію“, тогда осуществится, и даже въ полномъ развитіи, и социальное-экономическое, и политическое наше благоденствіе, и блаженство нашего духа. Инымъ же путемъ оно не осуществится никогда. Наше время—послѣднее въ исторіи. Дальше будетъ уже не прежній, а новый космическій періодъ. Наше время мчится навстрѣчу

---

¹⁾ Статья подъ этимъ заглавіемъ, за подписью „А. Тимшевскій“, была напечатана въ *Новомъ Пути*, июнь, 1904 года. Въ бумагахъ А. Н. Шмидтъ имѣется черновой карандашный списокъ этой статьи (на обычныхъ для ея рукописей полосахъ сѣрой бумаги), который значительно, раза въ два, обширнѣе напечатаннаго. Напечатанное въ *Новомъ Пути* соответствуетъ главамъ II; главы I и III взяты изъ рукописи. ♦

краткой, но вполне мировой истории, а уже не национальной. Т.-е. все, что впредь ни произойдет, произойдет во всех народах одинаково и одновременно. Актером истории будет не тот или иной народ, а человечество. Все события примут характер мировой, а не местный. Этого не нужно забывать при суждении о чем бы то ни было в наше время. И с каждым дальнейшим годом, с каждым месяцем, это будет все более верно. История идет с быстротой геометрически прогрессивной. *Ничего сколько-нибудь существенного ни в одном отдельном народе не случится.* Кажущаяся важная дѣла разсѣются, какъ дымъ, пока они не станутъ мировыми. Чтобы въ этомъ убѣдиться, пусть только взглянутъ имѣющіе глаза.

Исходя изъ этого несомнѣннаго положенія, нельзя мѣрять какого бы то ни было начинанія и вопроса на національный и местный аршинъ. Стало быть, нельзя говорить, что мировое, всечеловѣческое „далеко отстоитъ отъ волнующихъ насъ, русскихъ, теперь вопросовъ“.

Мировое и всечеловѣческое стоитъ лицомъ къ лицу съ не-правдой самой природы,—не одного человѣческаго общества. Неужели, слѣпые люди, вы не видите, что все планы улучшения вашей жизни, сочинявшіеся внѣ связи съ цѣлымъ,—миражъ? Не будутъ ли ваши хорошіе законы обойдены плутами? Плоды здраваго воспитанія не окажутся ли уничтожены наслѣдственными пороками? Думаете ли вы побѣдить людскую жадность, зависть, властность, или хотя бы глупость, разлитую, какъ море, въ большинствѣ людей, одними тѣми средствами, которыя у васъ въ рукахъ? Христосъ совершилъ. Свое искупительное дѣло въ мірѣ глупости и злобы, гдѣ еще свирѣпствовалъ князь вѣка сего. Но міръ доселѣ таковъ же, Христосъ только создалъ для него возможность сдѣлаться инымъ. Раньше Его самой этой возможности не было. Но дѣло Его еще не совершилось явно. Міръ доселѣ таковъ же, хотя основанія его зла поколеблены.

Можетъ ли дѣло Христа совершиться сполна, можетъ ли міръ улучшиться тѣми средствами, какія извѣстны и примѣнялись вами до сихъ поръ?

Однимъ изъ такихъ средствъ вы часто съ гордостью называете науку.

Какая же это наука? эмпирическая? Но вы сами, проти-

ворѣча себѣ, говорите, что не видно еще и вдали тѣхъ береговъ, гдѣ она отвѣтитъ на вопросы нравственные. Какъ же намъ быть до тѣхъ поръ? Чѣмъ жить и руководиться? Допустимъ даже, что такіе берега вообще существуютъ (чего я не думаю по той причинѣ, что не мѣряютъ вѣса аршинами и протяженія фунтами). Зачѣмъ мы будемъ притворяться, будто все еще не знаемъ ту идею, которая намъ нужна? Идея эта давно открыта. Въ главныхъ чертахъ она давно и проверена. Она есть предметъ нравственной философіи.

Итакъ, не нравственная ли философія сдѣлаетъ насъ лучшими и болѣе счастливыми? Отдѣльно взятая, опять таки нѣтъ. Никакое философское образованіе не мѣшало разнымъ людямъ быть негодаями. Но говорятъ: когда знаніе, образованіе будетъ общимъ достояніемъ, оно воспитаеъ людей. Выходить, какъ-будто ученые, увидѣвъ, что не одни они учены, исправятся вслѣдствіе этого отъ всѣхъ нравственныхъ недостатковъ, а бывшіе неученые получаютъ нравственное совершенство только оттого, что станутъ учеными и равными всѣмъ. Совершенно произвольное ожиданіе! Почему образованіе, не улучшавшее меньшую сумму людей, улучшить болѣшую? Почему прежніе порочные образованные люди исправятся только отъ увеличенія компаніи имъ равныхъ? Что это не будетъ такъ, видно уже изъ того, что мученія бѣдныхъ животныхъ тогда не прекратятся. Ибо, если не все зло искореняется данными средствами, то въ самомъ средствѣ есть зло, и никакое добро имъ сполна не достигается. У добра со зломъ нѣтъ компромиссовъ, нѣтъ примиренія. Если не все зло истребится вашимъ средствомъ, то и никакое. Христосъ истребляетъ все зло. Время не ждетъ. *Немедленно* надо дать страждущимъ облегченіе. Даже по одной этой аксіомѣ нельзя довѣряться мѣшкотной пробѣ—всеобщаго большаго образованія.

Еще считается улучшающимъ людей средствомъ уравниваніе правъ всѣхъ ихъ. Но если неравенство правъ людей возникло изъ ихъ пороковъ, а не наоборотъ, и есть пороки, происходящіе отъ давнишняго неравенства, то есть и такіе, отъ которыхъ оно само давно произошло. Лѣчить же послѣдствія болѣзней, не вырывая ея корня, значитъ идти на то, что тѣ же послѣдствія возвратятся. Практика равенства правъ не есть воспитательная панацея, такъ какъ слѣдствіе

не можетъ уничтожить свою причину. Итакъ, въ чемъ же спасеніе?

II¹⁾.

Если бы мы ярко вообразили и отчетливо поняли, что совершается непрестанно вокругъ насъ въ природѣ и среди людей, ужасъ и жалость съ такой силой охватили бы насъ, что мы удивились бы, какъ мы можемъ жить.

Множество скорбей и мученій не оставляетъ міру ни мгновенія отдыха. Море крови и слезъ ни на минуту не иссякаетъ.

Но обычная туманность нашего сознанія, исчезающая только при близкой опасности, и то только лично нашей, заставляетъ насъ большую часть времени забывать даже нашу собственную жалкую участь, объ участи же другихъ страждущихъ существъ многіе изъ насъ и никогда не вспоминаютъ.

Но оставаться ли намъ на этой туманной степени сознанія вѣчно? Вѣчно ли намъ забавляться жизнью,—пока не схватитъ насъ своими клещами неизбежная смерть, забавляться, какъ-будто бы мы живемъ въ эдемѣ? Достойно ли мыслящихъ существъ вѣчно жить въ чаду душевной тупости?

Правда, наша якобы „естественная“ забывчивость о смерти была для насъ, въ извѣстной мѣрѣ и до извѣстнаго срока, благодѣяніемъ: она дала намъ ту степень беззаботности, какая нужна была намъ, чтобы работать и двигать культуру впередъ. Но многіе признаки указываютъ, что пора разстаться съ этимъ относительнымъ „благодѣяніемъ“. Перейдя за свой срокъ, увѣковѣчившись, оно станетъ уничтожительнымъ для насъ и поведетъ насъ не впередъ, а назадъ—къ одичанію. Первый прогрессъ нашъ въ данную минуту долженъ состоять въ нашемъ пробужденіи. Наше сознаніе должно обостриться, проясниться, стать бодрствующимъ. Забывчивость о смерти, нашемъ великомъ врагѣ, не можетъ уже быть, какъ до сихъ поръ, нормальнымъ, „похвальнымъ“ состояніемъ. Побѣдить своего врага можно, только

---

¹⁾ Напечатано въ *Новомъ Пути*, 1904, іюнь.

зная о немъ; а забывая о немъ, нельзя его узнать. Мы только тогда найдемъ путь къ побѣдѣ надъ смертью, когда со всею возможною болью, со всею возможною остротою сознанія прочувствуемъ ее. Мы уже отчасти возвысились въ этомъ надъ животными. Будемъ же продолжать нашъ путь вверхъ, временно по необходимости приостановившійся. Мы уже собрались съ силами на нашей долгой стоянкѣ. Пусть тѣ изъ насъ, которые проснулись, разбудятъ спящихъ!

Жалость—одинъ изъ трехъ элементовъ нравственности нашего богоподобнаго существа (вмѣстѣ со стыдомъ и благоговѣніемъ, какъ училъ Вл. Соловьевъ). Не будемъ больше суживать нашу жалость до примѣненія лишь къ тому, что видитъ нашъ глазъ. Жалѣть то, что передъ глазами, умѣть, при томъ до самоотверженія, и животное. Пусть не возражаютъ, что распространенная „міровая жалость“ слишкомъ теоретична и холодна, что она—не чувство, а идея. Она была такою именно на низшей ступени сознанія, но въ будущемъ должна перестать такою быть. У Христа міровая жалость была жива и дѣйствена (между прочимъ, отъ силы ея возникло мнѣніе, что Онъ никогда не смѣялся).

Нашъ долгъ—содѣйствовать упраздненію самой нужды въ жалости. На небесахъ она существуетъ только по отношенію къ преходящей землѣ. Но потенциально она существовала отъ вѣка.

Истребимы ли вообще поводы къ жалости? Пока міръ находится въ своемъ нынѣшнемъ ненормальномъ, тлѣнномъ состояніи—конечно, нѣтъ, но можно стремиться перевести міръ въ состояніе нормальное.

Многіе думаютъ, что уменьшить область жалости могутъ усовершенствованія общественной жизни. Они отчасти правы, если имѣтъ въ виду мелкія развѣтвленія жалости—къ голоднымъ, больнымъ, безправнымъ... Но корня ея, жалости къ смертнымъ, къ приговореннымъ на смерть—общественныя улучшенія вовсе не касаются...

Передъ существованіемъ смерти для всего живого—блѣднѣютъ и исчезаютъ голодъ, болѣзни, безправіе. Здѣсь говорится о нихъ, какъ о величинахъ значущихъ, только потому, что они нынѣшнему, еще спящему, сознанію кажутся важнѣе смерти.

Не можетъ также никакая жалость, даже самая широкая

и зрячая, тѣмъ болѣе односторонняя и слѣпая, сдѣлать что-нибудь, т. е. положить хотя бы начало своего уничтоженія, сама по себѣ, безъ своихъ органическихъ дополненій. Ничто расколотое не бываетъ живо—культъ человѣческаго достоинства (стыдъ), культъ Бога (благоговѣніе) дѣлають жалость цѣльною, могучею, живою и основывающіеся на этомъ благоговѣніи любовь-радость, любовь-восторгъ—высшій и первый элементъ нравственности. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ все мертво, даже любовь-жалость.

Нынѣшнее міровоззрѣніе колеблется между двумя заблужденіями: одни отрицають жалость во имя любви-радости (слѣдуя Ницше); другіе отрицають любовь-радость во имя жалости (слѣдуя Толстому). На дѣлѣ же послѣдніе убивають и сушатъ жалость, вынимая ее, эту часть изъ живого цѣлаго, а вторые—любовь-радость, вынимая изъ нея необходимую часть.

Общественная жизнь, о которой мы только что упоминали, съ ея двумя факторами, нравами и учрежденіями, движется только идеями. Учрежденія и нравы сами по себѣ пассивны.

Изъ идей же только одна—блага и плодотворна: это идея нашего подобія и необходимости воссоединенія съ Единымъ Богомъ, Источникомъ жизни. Оттого что природа отдалилась отъ Него, желанія наши безчисленны и неосуществимы, а страданія безконечны. Къ Единому же Богу мы приходимъ черезъ Слово Его, Христа.

Христа любитъ природа, и тѣмъ болѣе, что она отъ Него отдѣлена. Въ ней мы любимъ Его всѣ, даже не знающіе о Немъ, даже когда мы думаемъ, что отрицаемъ Его. Онъ—единая наша жизнь, дыханіе, свобода. Имѣя Его, мы имѣемъ то, что только намъ и нужно. Мы всѣ вмѣстѣ заключены въ природѣ, а природа любитъ только Его.

Но въ большинствѣ изъ насъ эта любовь безсознательна. Въ этомъ все зло и вся хроничность зла. Когда же она проникаетъ до нашего сознанія, она смягчаетъ скорбь отъ смерти. Смягчаетъ не только вѣрой, а и знаніемъ, хотя сначала тусклымъ; но тусклое знаніе смѣняется вскорѣ инымъ, блаженнымъ и яркимъ, о вѣчномъ общеніи съ Возлюбленнымъ Христомъ, о воскресеніи тѣлъ всѣхъ когда-либо жившихъ, до мельчайшей былинки, о лицезрѣніи всѣхъ со всѣмъ и пол-

номъ прекращеніи смерти. Объ этомъ одномъ была послана намъ Благая Вѣсть. Нынѣшняя вѣра лишь воспитываетъ насъ для будущаго знанія. И вотъ тогда-то, имѣя Христа, сознательно понимая свою органическую любовь къ Нему, мы можемъ достигнуть уменьшенія той области страданій, отъ голода и безправія, которая кажется намъ такою несо-размѣрно-важною, страданій, устранимыхъ *только* при коренномъ условіи сознательной любви. Правда, страданія эти требуютъ безотложной помощи, Но великое значеніе получить эта помощь не раньше, какъ при общественномъ проясненіи сознанія нашей любви къ Христу. Объ этомъ проясненіи и нужно заботиться. Оно—первый шагъ. И говоря: *тогда, только тогда*, мы вовсе не разумѣемъ отдѣльныхъ временъ для безотлагательной помощи. Времена эти могутъ наступить сегодня, завтра, немедленно...

Но какъ бы далеко ни подвинула насъ сознательная любовь къ Христу, какъ бы ни улучшила условія человѣческой смертной жизни, какъ бы ни помогла переносить смерть—одного глубокаго зла и она еще не прекратитъ, даже не ослабитъ: не прекратитъ, не ослабитъ страданій бѣдныхъ животныхъ, голодныхъ и живьемъ поѣдающихъ другъ друга. Для этой коренной язвы природѣ нужно иное средство, чѣмъ великое чувство.

Есть работа человѣка надъ собой, которая ведетъ его къ такому же подъему въ высъ, какимъ въ космическомъ процессѣ, раньше процесса историческаго, было появленіе на землѣ жизни, а среди жизни появленіе человѣческаго разума. Эта работа—художественное творчество человѣка надъ самимъ собою.

Виртуозно, какъ искусный актеръ, воплощаетъ онъ въ себя свой идеальный образъ. Разница его отъ актера та, что тотъ никогда вполне и на вѣкъ не отождествляется со своею ролью, человѣкъ же, „играющій“ свой идеалъ, отождествитъ себя съ нимъ. Все снова рисуетъ онъ, себя улучшая, отмечаетъ лишнее, прибавляетъ нужное. Измѣняя черту за чертой своего лица, приближается онъ чуть замѣтными поправками къ цѣли.

Эти черты—поступки его повседневной жизни. Эти вѣчныя поправки сотканы изъ ежедневнаго приближенія къ Единому Богу черезъ Христа. Не видны на образѣ человѣка

его мелкія, кропотливыя самоизмѣненія. Онъ кажется себѣ и другимъ сегодня такимъ, какимъ былъ вчера, завтра такимъ, какъ сегодня. Но работа идетъ, трудный путь совершается.

Человѣкъ стремится быть такимъ, какимъ явился впервые Христосъ въ Ѣаворскомъ событіи. Это была гармонія содержанія съ формой, духа съ тѣломъ; мысль, не скованная въ своемъ полетѣ, чувство, не охлажденное въ своемъ блаженствѣ, воля, немедленно воплощающая мысль; тѣло, легкое и бодрое, какъ духъ; духъ, слившійся со всею жизнью тѣла. [Во всѣхъ же насъ, какъ бы высоко мы ни поднялись, недостаетъ котораго-нибудь изъ совершенствъ (не говоря уже объ ихъ интенсивности). Либо геній мысли и творчества уживается съ низменнымъ нравственнымъ характеромъ. Либо высокое нравственное развитіе (области воли и чувства) сопровождается несоотвѣтственнымъ ему состояніемъ ума, сравнительной ограниченностью его кругозора. Гармоніи и цѣльности въ человѣчествѣ нѣтъ. Не художественно написанъ имъ его образъ.

Приближались люди цѣлыми группами къ типу Христа въ первый вѣкъ Его эры. Отдѣльныя лица изъ нихъ близились къ этому типу въ послѣдствіи. Но до того предѣла, куда зоветъ насъ Христосъ, ни одинъ еще не дошелъ. Не дошелъ ни одинъ до того событія, что свершилось съ Христомъ на Ѣаворѣ. А свершилось съ нимъ пророческое раскрытіе будущности дѣломъ, а не однимъ лишь словомъ. Свершилось мгновенно явившееся и мгновенно исчезнувшее то состояніе, которое ожидаетъ насъ въ будущей природѣ. Свершилось достиженіе того, къ чему порывается наше тѣло, о чемъ мечтаетъ нашъ духъ... Вотъ что было съ Христомъ на Ѣаворѣ. И туда Онъ позвалъ за Собой всѣхъ насъ. Онъ пробылъ тамъ недолго въ этомъ вѣщемъ снѣ Будущаго. Онъ быстро вернулся на землю, тлѣнную и тяжелую, рабскую и скучную ¹⁾]. Онъ пробылъ недолго въ этомъ сіяніи славы. Но примѣръ Его не пропалъ. Онъ остался въ насъ живымъ сѣменемъ. Каковы бы мы ни были, — мы дойдемъ до Ѣавора за Нимъ. [Дойдутъ туда отъ насъ, быть можетъ,

---

¹⁾ Вставка въ скобкахъ [ ] взята изъ рукописи и отсутствуетъ въ печатномъ текстѣ. Такое же значеніе имѣютъ и всѣ дальнѣйшія скобки.

и не столь праведные, какъ величайшіе святые, быть можетъ, и не столь геніальные, какіе бывали между грѣшниками. Но лишь бы произошло въ нихъ равное усовершенствованіе всѣхъ сторонъ духа во исполнѣ стройномъ аккордѣ, они туда дойдутъ. Что-то таинственное должно произойти. Умъ, чувство и воля въ ихъ отдѣльности будутъ у пророковъ дѣла, пусть и не столь совершенны, какъ у многихъ не достигшихъ единаго нужнаго дѣла, но они будутъ одно другому равны. Велико не отдѣльное совершенство ихъ, а совершенство ихъ сочетанія, ихъ общій аккордъ. Гдѣ этотъ аккордъ раздастся какъ небесный благовѣсть, тамъ и совершится преображеніе человѣчества послѣ преображенія Христа, тамъ и встрѣтитъ оно своего Возлюбленнаго. Не остановится преобразенное человѣчество на одной личности [кто бы она ни была. За одною послѣдуютъ на святую гору и другія]. Человѣчество—соборно; оно—множественность въ единствѣ. Не все оно завоеуетъ сразу завѣтную вершину, но завоевателей будетъ достаточно, чтобы истинный образъ человѣчества—множественность въ единствѣ—былъ сохраненъ.

„И на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями,
Меня дождется мой завѣтный храмъ“.

Вл. Соловьевъ.

Этого момента, величайшаго въ мірѣ послѣ Христовой жизни, и ждетъ безсознательно вся бѣдная тварь, „стенающая и мучающаяся донинѣ“.

Лишь съ нимъ оживятся ея надежды, давно уснувшія; лишь тогда скорбный, сонный взоръ животной души засвѣтится зарею свободы. Лишь тогда мученія этой части нашей міровой жалости ослабѣютъ отъ ожиданія близкаго конца злой жизни. Ибо тамъ, гдѣ поселятся новыя наши Фаворскія тѣла на новой землѣ, подъ новымъ небомъ, не будетъ больше поѣданія другъ друга. Тамъ ягненокъ ляжетъ около льва. За надеждой долженъ явиться для твари и фактъ, за разсвѣтомъ—показаться солнце. Послѣ человѣка, и другія живыя существа должны пророчествовать вѣчное избавленіе. И роза вспыхнетъ на мигъ блескомъ новой земли. И лѣсъ всколыхнется, проснувшись, взглянетъ на дивный призракъ будущности преобразенными вѣтвями,—и снова во времени

уснетъ. Птица засвѣтитъ въ воздухѣ сіяніемъ своего тѣла передъ апостолами Творца. Рыба таинственно сверкнетъ въ водѣ, звѣрь въ древесной тѣни, червякъ на пескѣ.

Земля зацвѣтетъ, готовясь къ плоду своей осени...

Многіе въ нашемъ обществѣ назовутъ представленную здѣсь картину сказкой. Но внѣ этой сказки со всѣми ея послѣдствіями истребятся—ли поводы къ мученіямъ жалости? Если же нѣтъ — а что нѣтъ, это очевидно! — то „сказка“ нужна. Она нужна, если вы признаете, что міръ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. Это написано впервые не здѣсь, а въ книгѣ, называемой Евангеліемъ. Безъ нашего восхожденія на Оаворъ и идея общенія нашего съ Единымъ Богомъ мало можетъ быть дѣйствительна. Свою практическую силу она получитъ только тогда, когда выразится на землѣ въ видимыхъ символахъ. И Христосъ не словами, не ученіемъ, а воскресеніемъ Своимъ открылъ путь человѣчеству, далъ силу Своей первой Церкви.

„Не знаете, когда придетъ хозяинъ дома—утромъ, или въ послѣднюю стражу, или въ пѣніе пѣтуховъ“. Не знаете, что накапливается въ бездонной глубинѣ жизни, въ сердцахъ, быть можетъ, великихъ. Но какъ только вулканъ сокрытыхъ подвиговъ выброситъ свое пламя, религиозное сознаніе людей неизмѣримо повысится. А религиозное знаніе—это весь прогрессъ.

Можно предвидѣть важное недоразумѣніе у читателей относительно сказаннаго здѣсь, что только послѣ преображеній истребятся социальныя бѣдствія, начнется новая социальная эра. При чемъ, спросятъ они, социальная эра въ человѣчествѣ, уже преображенномъ? Какое значеніе могутъ имѣть *тогда* учрежденія и законы, экономическій и государственный строй? Гражданскіе законы въ мірѣ нуменовъ!!

Въ томъ-то и дѣло, что феноменальный міръ не сразу и не весь туда перейдетъ. Сначала перейдутъ черезъ вершину лишь передовые отряды человѣчества. Чтобы помочь остальнымъ,—всѣмъ, кто можетъ,—взойти туда, нужны свободные гражданскіе законы, нуженъ справедливый экономическій строй. Но не иллюзорными, не обманными они будутъ только послѣ преображенія передовыхъ отрядовъ. Достигнутая послѣдними цѣль подыметъ все человѣчество на ту этическую и культурную высоту, которая минимально необхо-

дима, чтобы улучшение внѣшняго строя не было иллюзіей.

До тѣхъ же поръ, спросить насъ, что дѣлать? Ждать, сложа руки, невѣдомаго и невиданнаго чуда?

Нѣтъ, сложа руки мы его не дождемся. Помимо программы дѣйствій, имѣющихъ *непосредственное* отношеніе къ цѣли, нельзя оставлять и *палліативовъ*. Палліативныя средства не излишни для больного: безъ нихъ онъ не дождется радикальной операціи. До преобразеній соціальныя дѣла будутъ именно такими палліативами, и не надо ими пренебрегать. Мы только остерегаемъ всѣхъ отъ принятія ихъ за средства радикальныя. Такая ошибка можетъ довести иную пылкую душу до отчаянія, разочаровать ее въ силѣ добра вообще. Кормите же голоднаго, защищайте безправнаго, но помните, что до Великаго Дня это удастся вамъ лишь отчасти, лишь слабо, и большаго не ждите. А главное знайте, что Великій День дастъ голодному и безправному нѣчто большее, чѣмъ хлѣбъ и *здѣшнія* права,—дастъ хлѣбъ жизни для его духа, дастъ право вѣчнаго свиданія со всѣми, кого онъ любилъ, и со Христомъ,—Единымъ, въ Комъ онъ любитъ всѣхъ.

Мы живемъ уже давно какъ слѣпые. Лишь въ послѣдніе дни засвѣтилась надежда, что мы прозримъ.

Ощущенью производили мы опыты надъ природой, радуясь, когда завоевывали у нея новое техническое удобство для своего обихода.

Наше сердце истекало кровью отъ существованія смерти. Но мы даже не пытались унять эту боль. Мы знали, что *внѣшніе* опыты не скажутъ намъ, гдѣ наши умершіе и увидимся ли мы съ ними,—и постыдно, тупо мирились съ этою неизвѣстностью, мирились съ вѣчною смертію будущихъ поколѣній, съ непоправимою гибелью прошлыхъ. Прошедшія поколѣнія не увидѣли бы даже „благодѣяній“ того жалкаго прогресса, лучше котораго мы ничего не умѣли вообразить, какъ ребенокъ не умѣетъ вообразить ничего лучше коробки съ лакомствами. Умершіе остались бы навѣкъ безъ своей доли даже въ этихъ жалкихъ лакомствахъ.

И что же? Это ни малѣйшимъ образомъ не возмущало насъ. Мы питали къ нимъ, погибшимъ, обездоленнымъ, поистинѣ дикое равнодушіе.

Но нужно оговориться: со смертію своею собственною и

нашихъ непосредственныхъ близкихъ мы все-таки не мирились, а бессознательно, наслѣдственно, благодаря множеству поколѣній, передавшихъ намъ свою вѣру въ крови, вѣрили въ безсмертіе. О вѣчной смерти мы только болтали, примѣняя ее безъ противоборствующаго въ насъ инстинкта лишь тамъ, гдѣ не слишкомъ страдалъ отъ этого нашъ эгоизмъ.

Религіей мы называли то, что никого и ничего не „связывало“,—то, что ютилось въ дальнемъ домашнемъ углу, внѣ знанія, внѣ творчества, внѣ общественной жизни.

Но уже готовится, чувствуется поворотъ. И какъ только мы снова подальше, гораздо дальше прежняго, заглянемъ въ природу будущаго,—прояснится и повысится сознание наше религіозное, а потому и всякое, такъ какъ религія включаетъ въ себѣ все остальное, сама же не включается ни во что.

Передовые братья, побывавшіе „въ Будущности“, увлекутъ за собою отсталыхъ. Быстро организуется союзъ людей, подобный первому христіанству, но болѣе сознательный. Новый союзъ преобразившихся придастъ догматамъ новую жизненность, ясность и, главное, единящую силу. Въ этой лучшей христіанской группѣ различія исповѣданій, раньше чѣмъ гдѣ-либо, прекратятся. Догматъ сольется съ заповѣдью, заповѣдь—съ жизнью. Церковь почувствуетъ въ лицѣ лучшихъ своихъ сыновъ свое вселенское единство.

Но это произойдетъ не въ тихое, безопасное время, ибо тихое время мертво, истина же нуждается въ очищенномъ грозой воздухѣ.

„Но когда услышите о войнахъ и военныхъ слухахъ—не бойтесь, ибо это еще не конецъ“. Это время указалъ Вл. Соловьевъ въ „Трехъ разговорахъ“. И оно близко. Христіане будутъ дрожжами, отъ которыхъ взойдетъ питающій человечество хлѣбъ. Сквозь варварскую эпоху донесутъ они сокровища культуры до освобожденія. Вдохнувшая Европа сброситъ иго матеріалистовъ, наводнившихъ ее, и пошлетъ во всѣ уголки земли вдохновенное, животворящее слово. Тогда народы поймутъ, что значать слова прощальной бесѣды: „еще многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину. Ибо Онъ не отъ Себя будетъ говорить, но будетъ говорить, что услышитъ и будущее воз-

вѣститъ вамъ“. Послѣ бури, при блескѣ явившейся Будущности, станетъ возможно многое, невозможное нынѣ. Не сдѣлаются больше матеріаломъ для сатиры человѣческія учрежденія. Опытная наука и сестра ея, техника, не засыплетъ своимъ мелкимъ пескомъ высшія дѣятельности духа—богословіе и мистику, но, обезпечивъ человѣчеству все, что нужно для тѣла, покорно послужать имъ. Умозрительная философія и искусство будутъ посредниками между наукой и богословіемъ, техникой и мистикой. Государство безъ таможенъ и границъ пойметъ, что оно для людей, а не люди для него. Оно не сдѣлаетъ себя послѣдней инстанціей. Мудро и достойно склонить оно голову передъ обновленной церковью; оно признаетъ, что Христу дана всякая власть на небѣ и на *земли*. Церковь съ кроткою, но непоколебимою властью потребуетъ у государства исполненія ея ученія о любви и, держа въ своихъ крѣпкихъ рукахъ защиту человѣческаго духа, не давая никому стѣснить слово или мысль, хотя бы они были ей самой, Церкви, враждебны,—соблюдетъ, чтобы на землѣ, ей подвластной, не было ни голоднаго, ни нагого, не забывался ни старикъ, ни больной, не отвергался преступникъ. Съ своей Божественной идеей она, „бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ“ (Откр. Іоанна), облетитъ всю землю. Тогда-то земля принесетъ свой плодъ—сочный плодъ ея осени.

III ¹⁾.

Настанутъ три короткіе пароксизма земли между царствами Церкви и тѣмъ печальнымъ временемъ въ 3½ года, которыми закончится всемірная исторія. (Объ этомъ тоже у Вл. Соловьева въ повѣсти объ антихристѣ). Въ царствѣ Церкви, хотя и при подавляющемъ преобладаніи добра въ людяхъ, зло меньшинства, хотя численно небольшое, будетъ крайне напряженно. Люди безъ сердца, цѣнящіе одинъ комфортъ; люди съ любовью къ власти и ненасытнымъ честолюбіемъ; люди, которымъ всякихъ матеріальныхъ благъ всегда мало, а другія блага непонятны—будутъ роптать, что общее благо покупается Церковью слишкомъ дорогой цѣной:

---

¹⁾ Отсюда и до конца печатается по рукописи.

не сильна роскошь, уравнивлены удобства,—ихъ аппетиты не удовлетворены; другимъ будетъ казаться, что мала доза возможной въ Бѣломъ Царствѣ власти, мала доля власти, имъ отмежеванной; третьихъ будетъ мучить зависть къ успѣхамъ, равно излитымъ на всякое дарованіе. Эти злые люди увлекутъ въ свое недовольство другихъ, слабыхъ и легко-вѣрныхъ, и потрясутъ Царство до основанія. Утомятся люди слишкомъ большимъ добромъ, захотятъ злого разнообразія. Къ тому же преображенія, сыгравъ свою роль, будутъ рѣже или таинственнѣе, и вѣра снова оскудѣетъ. Бѣлое Царство падетъ подъ мятежемъ, несущимъ на своемъ знамени надпись: „безпредѣльность чувственныхъ наслажденій“. „И видѣлъ я рыжаго всадника на рыжемъ конѣ, и данъ былъ ему большой мечъ, и дана была ему власть взять миръ съ земли и чтобы убивать другъ друга“ (Іоаннъ). За мятежемъ послѣдуетъ реакція лже-теократической тиранніи (черный всадникъ на ворономъ конѣ). Власть же этой второй—будетъ вырвана тиранніей атеистической (всадникъ блѣдный, и адъ, и смерть слѣдовали за нимъ, ибо атеизмъ есть ученіе о вѣчной смерти). Все это пройдетъ быстро, какъ всякая острая болѣзнь. О дальнѣйшемъ—сказалъ Вл. Соловьевъ. Замѣтимъ только, что когда антихристъ—императоръ напишетъ свою книгу „Открытый путь“, это покажется торжествомъ надъ блѣдными отдѣльными успѣхами Церкви: въ Церкви была наложена извѣстная узда на чувственные (не на духовныя) потребности, ради общаго равновѣсія требовалось даже иногда самоотверженіе, напр., добровольный голодъ избранныхъ ради истребленія голода подневольнаго ихъ братьевъ. Въ проектѣ же императора всѣмъ будетъ обѣщанъ неограниченный просторъ, и всѣмъ тѣмъ не менѣе гарантирована сытость. Но подъ этими обѣщаніями будутъ скрыты, какъ послѣдствія, не только ужасный духовный голодъ, а и физическія муки, близорукимъ людскимъ глазамъ невидимыя, до муки отъ людоедства включительно, ибо полный просторъ физическихъ наслажденій ведетъ прямой дорогой къ людоедству.

Гоненія и пытки за вѣру трехъ предшествующихъ тиранній убавятъ ко времени антихриста число христіанъ до степени горсти сравнительно съ бушующимъ вокругъ нихъ, снова безбожнымъ, міромъ. Въ Бѣломъ Царствѣ будетъ имѣть

власть повышенное преображеніями религіозное сознаніе, но власть эта по принципу допустить свободу всяких заблужденій. На ряду съ наибольшей истиной останутся прежніе предразсудки, дѣлившіе на части Церковь Христову, и потому останется частичное раздѣленіе церквей. Во время предъ-антихристовыхъ трехъ гоненій, наиболѣе мучениковъ добра имѣла та разновидность христіанства, которая только что на землѣ царила. Остальныя, гоненіемъ почти нетронутыя, очутятся, какъ и сказано въ повѣсти Вл. Соловьева, въ такой же пропорціи одна къ другой и къ господствовавшей, какая приблизительно существуетъ между ними теперь. Такимъ образомъ, окончательному, полному, безъ остатка соединенію церквей и будетъ суждено совершиться, какъ у него ярко описано, лишь къ концу антихристова царства. Старецъ Іоаннъ и папа Петръ, представители церквей восточной и западной, повидимому, одинъ явно, другой безмолвно, но раздѣляли передовое религіозное воззрѣніе. Профессоръ же Паули, протестантъ, если временно и былъ чуждъ ему, то лишь до заключительной сцены.

Дальше повѣсти, если еще не катастрофа мірозданія, то уже та будущность, которую преображенія предваряли, будущность сплошного вѣчнаго преображенія. Тамъ не надобѣсть людямъ постоянное добро, не захотятъ они злого разнообразія, ибо Добро будетъ обитать съ ними живое.

Историческая часть приведеннаго здѣсь плана событій предвидится въ такой послѣдовательности авторитетными умами. Что касается мистической—преображенія, то она вызоветъ, можетъ быть, наибольшій протестъ, хотя и вытекаетъ прямо изъ Евангелія. Но даже люди вѣрующіе, вполне признающіе появленіе новой земли и новыхъ небесъ,—послѣ конечнаго воскресенія,—не захотятъ ждать предвареній будущаго вѣка еще здѣсь, во время сіе, среди скорбей тлѣнной земли. А почему же нѣтъ? Развѣ поступить Богъ съ міромъ, какъ легкомысленный революціонеръ съ обществомъ, разрушающій старое, не создавъ сперва новаго? Развѣ не вынырнетъ новый міръ изъ стараго, какъ Араратъ изъ потопа, прежде чѣмъ старый спадетъ съ него, какъ ненужная шелуха? Раз-

въ измѣнить Богъ Своему исконному приему—дѣйствовать на человѣка черезъ него самого, побуждая его къ самодѣятельности, не повреждая его свободы? Наконецъ, развѣ не сказано, что царствіе Божіе силою берется и употребляющіе силу восхищаютъ его?

А какая была бы сила человѣческая въ пассивномъ подчиненіи внѣшней грозной кончинѣ міра?

Участвуетъ человѣкъ въ путяхъ Творца своего и черезъ него будетъ создано Имъ новое, передъ тѣмъ какъ разрушится старое. Вотъ почему раньше полного преображенія всего міра произойдутъ, какъ молніеносныя пророчества, отдѣльныя преображенія избранныхъ.

ЗАМѢЧАНІЕ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ТЕОСОФСКОЙ СТАТЬИ.

(1903—4).

Нужно привѣтствовать съ глубокой радостью статью г. Андрея Бѣлаго „О теургіи“ въ сентябрьской книжкѣ 1903 г. „Новаго Пути“,—короткую, но многодумную и знаменательную. Эта статья—цѣлое знаменіе времени. Авторъ констатируетъ въ ней „переваль русскаго общества къ религіозно-мистическимъ методамъ, переваль черезъ небывалый кряжъ, раздѣляющій исторію“. Мистическій оттѣнокъ, говоритъ онъ, засквозилъ сразу на многихъ пунктахъ „переправы“. Вѣрно и мѣтко характеризуетъ онъ далѣе „слово пророковъ, дробившее скалы“: въ немъ было „не только ясное *видѣніе*, но и способность яснаго, т. е. лучезарнаго религіознаго *дѣланія*—теургіи“. Но въ мѣстахъ статьи, говорящихъ о цѣли теургизма, которую авторъ предчувствуетъ, спрашивая (по поводу цитаты изъ Вл. Соловьева): „Что это за *Она*, *которая* подаетъ помощь оттуда, изъ за хаоса, блестя зарею?“,—онъ допустилъ крупное недоразумѣніе; не будучи во-время распутано, оно можетъ породить—не въ немъ (онъ не способенъ довести его до конца), а въ другихъ, въ читателяхъ его, самыя прискорбныя извращенія эстетическаго и, главное, нравственнаго чувства. Недоразумѣніе это встрѣчается не у него одного, оно составляетъ въ нынѣшней литературѣ извѣстнаго разряда явленіе довольно обычное.

Тѣмъ болѣе важно постараться положить ему конецъ. Мы увѣрены за автора данной статьи, что онъ впалъ въ него не преднамѣренно и что онъ не будетъ во что бы то ни стало держаться его.

Недоразумѣніе это состоитъ въ смѣшеніи двухъ мистическихъ личностей, въ сліяніи ихъ въ одну, сдѣланномъ притомъ такимъ образомъ, какъ будто бы авторъ лишь слѣдовалъ въ этомъ за Вл. Соловьевымъ, впервые отчетливо введшемъ въ философію понятіе объ одной изъ нихъ. Мы

имѣемъ въ виду личности—Софіи, Премудрости Божіей, и Маріи, Пресвятой Дѣвы. Совершенно очевидно, что авторъ статьи не различаетъ ихъ. Путаница ихъ признаковъ начинается у него тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Лермонтовѣ: „онъ прочелъ бы въ душѣ имя Той, которая *выше херувимовъ и серафимовъ*, потому что она—идея вселенной, Душа міра. Ее Соловьевъ называлъ Софіей, Премудростью Божіей, она воплощеніе Божественнаго Логоса“. Далѣе авторъ еще опредѣленнѣе указываетъ на Марію (продолжая опредѣлять все то же лицо): „Къ ней обращены средневѣковые гимны: *Mater Dei sine spina, peccatorum medicina*“. Смѣшеніе лицъ не менѣе ясно выступаетъ въ отнесеніи къ одному и тому же лицу (на стран. 111) стиховъ Вл. Соловьева изъ „Трехъ Свиданій“ и переводныхъ строфъ его изъ Петрарки „Хвалы и моленія къ Пресвятой Дѣвѣ“. Если бы смѣшеніе это было собственной, самостоятельной теоріей автора статьи, онъ старался бы развить и защитить ее. Но онъ нигдѣ не пытался это сдѣлать, говорить о ней вскользь, какъ о мнѣніи, уже извѣстномъ, принадлежащемъ не ему одному, а и другимъ, и прежде всего цитируемому имъ Соловьеву. Вотъ поэтому-то и слѣдуетъ со всею необходимостью внести въ его статью поправку. Ни въ какомъ случаѣ, никогда и нигдѣ Вл. Соловьевъ не признавалъ указанныхъ двухъ лицъ за одно.

Во-1-хъ, мы слышали изъ устъ его самого подтвержденіе ихъ раздѣльности, не допускающее перетолкованій.

Во-2-хъ, объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ его сочиненія, гдѣ говорится о томъ или другомъ изъ этихъ лицъ. „Три Свиданія“ имѣютъ предметомъ міровую душу, Софію. Строфы изъ Петрарки—Божію Матерь. Признаки и эпитеты той и другой совершенно разные. Достаточно затѣмъ прочесть III часть книги „*La Russie et l'Eglise universelle*“, чтобы убѣдиться въ ихъ раздѣльности: Софія называется тамъ Тѣломъ, Храмомъ и *Сутругой* Божіей (одного Сына, 2-го Лица). Излагается теорія временнаго паденія, отдѣленія Мировой Души отъ Бога, но говорится ясно и категорично, что павшая, дошедшая до состоянія хаоса Мировая душа, *не есть Софія*, не есть предвѣчная, идеальная душа міра, а лишь *ея скрытая основа* (*la base cachée de Sophie*), т. е. какъ бы „второе естество“. Мировой процессъ, космогоническій, историческій и богочеловѣческій, состоитъ въ постепенномъ воз-

вращеніи низшей, павшей міровой души въ небесную родину, куда она ведетъ за собой и всю множественность твореній, ея дѣтей. Въ теченіе этого процесса „празднуются все новыя соединенія“ низшей міровой души съ высшею, съ Софіей, являются все совершеннѣйшія воплощенія послѣдней въ первой. Такимъ образомъ, оба вида міровой души—двойники, но неравнаго достоинства, имѣющіе со временемъ сполна соединиться такъ, какъ въ Иисусѣ человѣческое начало соединено съ Божественнымъ; изъ нихъ одинъ, оставшійся въ мірѣ гармоніи и жизни вѣчной, тянетъ въ себя, съ помощью Логоса, другой,—томящійся въ мірѣ преобразуемаго хаоса. Эта же самая теорія такъ же ясно и категорично высказана въ „Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ“, гдѣ объяснено, что въ словахъ Писанія: „тварь покорилась суетъ не добровольно, а по волѣ покорившаго ее“ подразумевается подъ именемъ „покорившаго“ именно міровая душа. О томъ же свидѣтельствуеетъ парафраза „Отче нашъ“ въ „Духовныхъ основахъ жизни“: „да будетъ она (воля твоя) не только въ мірѣ покорныхъ Тебѣ духовъ, но и *въ нашей природѣ, самовольно отъ Тебя отдѣлившейся*“. Но Марія, „честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ“, Марія, въ честь Которой Соловьевъ-поэтъ перевелъ стихи Петрарки, воздающіе Ей хвалы, какъ совершеннѣйшему существу, ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть павшей, самовольно отдѣлившейся отъ Бога. Если же предположить, что Она составляетъ совершеннѣйшее воплощеніе идеальной, небесной міровой души,—тогда не имѣетъ смысла дальнѣйшій земной процессъ: при *такомъ* событіи онъ прекратился бы. Софія сойдетъ на землю въ „тѣлѣ нетлѣнномъ“ лишь при полномъ завершеніи богочеловѣческаго процесса, когда за Христомъ послѣдуетъ на Оаворъ вся Его церковь. Ибо Софія и есть олицетвореніе не чего иного, какъ идеальной Церкви. Что касается тайны *высшаго* духа Маріи, Богородицы, то о ней Вл. Соловьевъ имѣлъ понятіе, превышавшее все, что можно представить себѣ о Міровой Душѣ. Но объ этомъ рано говорить.

То же раздѣленіе двухъ лицъ проведено имъ уже не подразумевательно, а со всею настойчивостью, въ статьѣ объ Августѣ Контѣ (VIII томъ полн. собр. соч.). Хотя онъ тамъ сравниваетъ сначала контовскій культъ чело-
вѣчества

съ средневѣковымъ культомъ Мадонны, но вслѣдъ же за тѣмъ говорить, что въ древне-русскомъ церковномъ искусствѣ былъ образъ, еще гораздо ближе и вѣрнѣ подходившій къ контовской идеѣ, а именно образъ Софіи Премудрости, какъ ее рисовали на иконахъ. Въ ней находятся несомнѣнныя черты Міровой Души, причемъ Соловьевъ подчеркиваетъ ея раздѣльность какъ отъ Иисуса, *такъ и отъ Маріи*.

Но дѣло тутъ не въ воззрѣніяхъ Соловьева, хотя, если принимать его ученіе о міровой душѣ, съ ея раздвоеніемъ, нужно по необходимости отвергнуть тождество послѣдней съ Маріей.

Дѣло въ самомъ существѣ этого теософскаго вопроса. Тотъ Соловьевскій *второй абсолютный центръ*, то Божье *другое*, что теперь многіе привыкаютъ звать именемъ Софіи, во всемъ Писаніи, отъ Пѣсни Пѣсней до Апокалипсиса, считается мистической Невѣстой Христа, Женой Агнца. Если же между Богомъ—Словомъ и Его *другимъ* (или олицетвореннымъ міромъ) существуютъ отношенія супружеской любви, то тѣмъ самымъ между ними становятся недопустимыми отношенія сына и матери. Это и этически, и эстетически прямо невозможно. Это противорѣчитъ всякому здравому не извращенному чувству. Если бы даже и Соловьевъ смѣшалъ двѣ женскія личности—одну, общечитимую въ христіанскомъ мірѣ, съ другою, имъ самимъ наилучше разгаданною и разъясненною,—то съ нимъ нельзя было бы согласиться. Но онъ этого не дѣлалъ. Единственный смыслъ, въ которомъ Софія можетъ служить *воплощенію* Христа, это тотъ, что она, какъ міровая душа, заключаетъ въ себѣ и все истинное содержаніе матеріальнаго міра, и всю низшую чело-вѣческую природу, которой причастенъ былъ Христосъ, а тѣмъ самымъ заключаетъ въ себѣ и Его Самого, какъ чело-вѣка. И если все живущее на землѣ—ея порожденіе то и Онъ, поскольку Онъ—чело-вѣкъ. Но не въ томъ личномъ, буквальномъ смыслѣ, въ какомъ Его Матерью является Марія. И въ той же 'мѣрѣ, какъ Иисуса, міровая душа заключаетъ въ себѣ и Марію. Высшій-же, Божественный духъ Иисуса, выше и больше ея, и въ свою очередь заключаетъ ее въ Себѣ. А Марія, какъ мать Его, Бога—Слова, есть также и ея мать.

Въ этомъ мы считали важнымъ и неотложнымъ возра-

зять на прекрасную статью г. Андрея Бѣлаго. И свое замѣчаніе мы желали бы обратить ко всѣмъ, занимающимся этимъ вопросомъ, чтобъ и они не впали въ то же заблужденіе, какъ относительно возрѣній Вл. Соловьева, такъ и вообще относительно природы двухъ неотожествимыхъ лицъ.

S.

ТРЕТІИ ЗАВѢТЪ.

(ВЪ ПОДРОБНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ.)

1886 (?).

Книга I.

§ 1. Въ третій разъ хочетъ Богъ возвѣстить Свое откровеніе людямъ, объявить Свою волю и призвать къ великому дѣлу Своему.

§ 2. Въ первый разъ Онъ говорилъ Израилю черезъ Моисея и открылся ему, какъ единый Богъ, какъ Богъ-Отецъ.

§ 3. Во второй разъ Онъ Самъ явился въ Израилѣ отъ его плоти и крови и возвѣстилъ ему Имена Отца, и Сына, и Св. Духа.

§ 4. Нынѣ Онъ призналъ, что пришло время объяснить Его три имени, и для этого Онъ открываетъ намъ многія тайны.

§ 5. Онъ открываетъ тайну Церкви Христовой, единой и живой, духа соборнаго и апостольскаго.

§ 6. Той, о которой ап. Павелъ сказалъ: „посему оставить человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину. Тайна сія великая есть, говорю по отношенію къ Христу и Церкви“.

§ 7. Ибо Богъ есть одно Существо въ трехъ личностяхъ, а Церковь есть одна личность изъ многихъ существъ.

§ 8. Всякій духъ, противоположно тѣлу, имѣетъ способность выходить самъ изъ себя и быть въ одно время въ разныхъ мѣстахъ.

§ 9. Этою отличительною способностью духа и объясняются величайшія тайны Христовой вѣры.

§ 10. Духъ есть живое существо изъ свѣта или огня, имѣющее полный наружный видъ человѣческаго тѣла.

§ 11. У каждого духа свой особенный свѣтъ, состоящій изъ особенной совокупности его чувствъ и мыслей.

§ 12. Такая совокупность мыслей и чувствъ есть душа духа, а свѣтъ его есть тѣло его. Ни душа духа безъ тѣла его не существуетъ, ни тѣло его безъ души; и то и другое живетъ въ духѣ соединеніемъ своимъ, ибо душа духа составляетъ тѣло его, а тѣло его состоитъ изъ души его.

§ 13. Душа у духа сложная, ибо въ ней совокупность многихъ мыслей и чувствъ, а тѣло у него простое, ибо въ немъ одинъ только свѣтъ. Душа духа—это его личная идея, а тѣло его—это его личный свѣтъ. Не всякая идея бываетъ личною и составляетъ душу живого существа; идеей называется и такая совокупность мыслей и чувствъ, которая можетъ принадлежать каждому духу одинаково, и тогда это есть идея безличная.

§ 14. Что такое личная идея Бога или Божья душа?

§ 15. Это такая идея, которая существуетъ безъ начала и прежде всѣхъ вѣкъ и служить причиною всякаго бытія.

§ 16. Которая изъ существующихъ идей не способна имѣть начало, и потому способна быть причиною всякаго бытія?

§ 17. Та, для которой бытіе—блаженство, которая потому въ самой себѣ носить такое сильное желаніе бытія, что прежде всѣхъ вѣкъ сама изъ себя беретъ его и самой себѣ даетъ его, одной лишь волей своей.

§ 18. Такая идея есть только одна, и никакая другая не могла бы взять изъ себя бытіе и дать себѣ его, одной лишь волей своей: эта идея есть любовь.

§ 19. Любовь и есть личная идея Бога или Божья душа.

§ 20. Любовь бываетъ различная. Въ любви человѣческой мы видимъ любовь отца и матери, сына и дочери, брата и сестры, мужа и жены. Всѣ виды духовной любви между людьми соотвѣтствуютъ этимъ видамъ любви по плоти.

§ 21. Потому любовь не можетъ явиться вся въ одномъ только образѣ человѣческомъ, а требуетъ для полноты явленія своего нѣсколько и различныхъ образовъ.

§ 22. Какъ различны образы тѣла человѣческаго, такъ различны и образы его духа. Какъ тѣло, такъ и духъ бываетъ и младенческаго, и молодого, и стараго вида и мужского и женскаго образа. Это различіе происходитъ отъ раз-

личія самой идеи духа: младенческая идея не такая, какъ старая, и женская не такая, какъ мужская.

§ 23. Возрасты тѣла временны и преходящи, возрасты духа вѣчны, какъ самъ духъ. У всякаго духа свой предѣлъ возраста, и младенческій духъ не бываетъ взрослымъ, а молодой старымъ. Духъ, живущій во плоти, развивается вмѣстѣ со своею плотью до предѣла своего возраста, но, достигши его, уже не старѣется вмѣстѣ съ плотью, а остается моложе ея по виду, если и продолжаетъ жить въ ней; духъ же съ предѣломъ возраста младенческимъ или дѣтскимъ не переживаетъ во плоти этого предѣла, и такой человѣкъ умираетъ въ дѣтствѣ, ибо дѣтскій духъ не совмѣщается со взрослой плотью. *(Все далѣе сказанное въ § 24, 25, 26 — только правдоподобное предположеніе съ цѣлю облегчить уму человѣческому вообразить себѣ духъ).*

§ 24. Духъ, состоя изъ простаго свѣта, и внутреннее устройство имѣетъ простое. Онъ подобенъ тому, какъ если бы было вырѣзано изъ полотна изображеніе человѣческое, написанное на немъ съ двухъ сторонъ, съ одной стороны изображеніе лица и передней части человѣка, а съ другой изображеніе задней части головы и тѣла его; и если бы на эти оба изображенія были наложены слоями другія, переднія и заднія, но такъ, чтобы боковые края ихъ не утолщались, а сами изображенія дѣлались бы все выпуклѣе и выпуклѣе, пока не дошли бы до естественной наружной выпуклости человѣческой. Такъ и у духа: на плоскомъ срединномъ изображеніи его наложены множествомъ тончайшихъ слоевъ другія, переднія и заднія, и при томъ обращены лицомъ въ обѣ стороны, такъ что одни изъ нихъ выпуклы, другія вогнуты. Изъ этихъ слоевъ изображеній своихъ, отъ средины до наружной поверхности, изображеній болѣе плоскихъ, чѣмъ ближе къ срединѣ, болѣе выпуклыхъ, чѣмъ ближе къ поверхности, и состоитъ весь духъ. О томъ, что всѣ слои духа, кромѣ самага плоскаго срединнаго обращены въ обѣ стороны, въ Апокалипсисѣ иносказательно говорится: вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади.

§ 25. Внѣшній видъ духа совершенно подобенъ внѣшнему виду тѣла, и такъ же вокругъ головы его развѣваются волосы изъ тончайшихъ нитей свѣта; внутренніе слои духа

имѣють только корни волосъ, которые въ головѣ его, составленной изъ всѣхъ слоевъ его изображеній, образуютъ сплетеніе, соотвѣтствующее мозгу тѣлесному, и какъ отъ тѣлеснаго мозга идутъ вѣтви по всему тѣлу, такъ отъ волосаго мозга духа илутъ по всѣмъ внутреннимъ слоямъ его нити свѣта, тонкія и толстыя, подобныя стволу дерева съ корнями и вѣтвями его. Сердце у духа на томъ же мѣстѣ, какъ и у тѣла и состоитъ изъ сгущеннаго свѣта такого же очертанія; оно такъ же бьется, какъ и тѣлесное сердце, ибо какъ кровь въ тѣлѣ, такъ свѣтъ во внутреннихъ слояхъ духа, постоянно обращаясь, вливается въ сердце и выливается изъ него.

§ 26. Какъ тѣло имѣетъ свои выдѣленія, такъ духъ имѣетъ свои. Свѣтлыя выдѣленія духа, которыя суть мысли и чувства, исходящія изъ него, образуютъ вокругъ головы его сіяніе въ видѣ шара (первообраза земли и звѣздъ), а вокругъ всего духа менѣе яркое сіяніе въ видѣ яйца (зародыша всего живущаго).

§ 27. Духъ бываетъ четный и нечетный. У нечетнаго духа личная идея его вся является въ одномъ только его свѣтѣ, одной природы; у четнаго духа личная идея его не можетъ вся явиться въ одномъ только его свѣтѣ, а требуетъ дополненія другого существа, съ другимъ свѣтомъ, другой природы. Такимъ дополненіемъ всегда бываетъ женскій духъ для мужского, и оба составляютъ чету. Они одинъ безъ другого не существуютъ, какъ цѣлое безъ своей части, и часть безъ цѣлаго. Выдѣленія духа бываютъ общія для мужского и женскаго духа, четнаго и нечетнаго, и особенныя для (нечетнаго) мужского, и еще особенныя—*четныя* для мужского и женскаго четныхъ духовъ. Въ женскомъ (нечетномъ) духѣ свѣтъ никогда не сгущается черезъ мѣру, и не нарушается равновѣсіе между свѣтомъ и идеей, между тѣломъ и душой въ мужскомъ нечетномъ духѣ, наоборотъ, свѣтъ сгустился бы болѣе, чѣмъ нужно для точнаго осуществленія его идеи, и равновѣсіе нарушилось бы, если бы не было у него особенныхъ свѣтовыхъ выдѣленій, въ которыхъ женскій нечетный духъ не нуждается, имѣя только общія; и въ этомъ—у женскаго нечетнаго коренное отличіе отъ нечетнаго мужского. У четныхъ духовъ, и женскаго и мужского, равновѣсіе сохраняется ихъ сочетаніемъ. Всякая плоть рождается нечетною,

дѣвственною, и можетъ остаться такою, или сдѣлаться четною, сочетаясь съ другой плотью. Но не всякій духъ родится нечетнымъ, а который родится такимъ, тотъ такимъ и остается, ибо инымъ быть не можетъ. Когда же духъ родится четнымъ, т. е. одной душой или идеей въ двухъ свѣтахъ или тѣлахъ, то соединяется съ дополненіемъ своимъ всѣмъ существомъ своимъ, а не отчасти какъ плоть, и бываетъ соединенъ съ нимъ уже отъ рожденія, а не впослѣдствіи, ибо они уже пребываютъ одинъ въ другомъ во младенческомъ образѣ, какъ и въ взросломъ, и не по выбору своему, а по независящей отъ нихъ природѣ своей. Потому плоть имѣетъ полъ, а духъ имѣетъ четность, и всякая плоть можетъ сочетаться со всякою другою плотью другого пола, но не всякимъ духомъ другого образа, мужского или женскаго, можетъ сочетаться четный духъ, а только съ тѣмъ, который составляетъ съ нимъ одну душу въ двухъ тѣлахъ. *(Что въ нижеслѣдующихъ § въ скобкахъ или обведено чертой, то есть только предположеніе, или опытъ объясненія).*

§ 28. Духовный свѣтъ, будучи простымъ, не можетъ слгаться изъ двухъ въ одинъ, какъ не можетъ и разлагаться, но онъ можетъ, не увеличиваясь въ объемѣ, совмѣщаться одинъ съ другимъ, а также уподобляться одинъ другому, или измѣняться одинъ въ другой. Духовные мужъ и жена отъ рожденія пребываютъ одинъ въ другомъ, или совмѣщаются одинъ съ другимъ, повторенные другъ въ другѣ по общей способности духа быть одновременно въ разныхъ мѣстахъ.

Въ наружномъ слоѣ мужа погруженъ наружный слой жены, и въ наружномъ слоѣ жены наружный слой мужа: въ слѣдующихъ внутреннихъ слояхъ своихъ они погружены одинъ въ другого поочередно, то слой жены въ слой мужа, то наоборотъ. Гдѣ ихъ слои погружены одинъ въ другой, лицомъ въ одну сторону, тамъ ихъ соединеніе подобно погруженію въ воду при крещеніи, а гдѣ ихъ слои чередуются, лицомъ навстрѣчу одинъ другому, тамъ оно подобно обрученію кольцами, ибо тамъ ихъ слои обхватываютъ одинъ другой. По достиженіи ими предѣла ихъ возраста, въ ихъ духѣ черезъ правильные промежутки времени происходитъ движеніе, которымъ тѣ внутренніе слои каждаго изъ нихъ, что были погружены въ слои другого, изливаются нару-

жу, а тѣ, что заключали въ себѣ слои другого, погружаются внутрь, и т. д. поочередно, пока не придутъ снова въ прежнее положеніе. Такое внутреннее движеніе бываетъ въ неурочное время только у страждущаго духа, и тогда оно, какъ буря на морѣ, а своевременное движеніе правильно, какъ приливъ и отливъ морской. Внутренніе слои духа могутъ быть видны духовному взору, по желанію его, но обыкновенно бываютъ скрыты наружнымъ слоемъ его, какъ скрыто имъ и соединенное съ духомъ другое существо, погруженное въ него, начиная отъ самаго наружнаго слоя. Внутреннее существо уподобляется внѣшнему своей величиной, мужъ женѣ, пребывая въ ней, и она мужу, пребывая въ немъ. Отъ внутреннихъ изліяній ихъ слоевъ одного изъ другого, и погруженіемъ одного въ другой, оплодотворяется женскій духъ и именно тѣмъ, что духъ всей четы, въ одномъ изъ слоевъ каждаго изъ нихъ, временно теряетъ свои два свѣта, и измѣняется въ третій новый свѣтъ, общій имъ обоимъ, на это время, въ этихъ двухъ слояхъ. Изъ этого новаго свѣта, мгновенно мелькнувшаго въ нихъ, зарождается въ женскомъ духѣ духъ ихъ младенца.

Дѣти духовной четы рождаются всѣ имѣющія отъ нихъ произойти одновременно, (ибо одновременно въ разныхъ слояхъ ихъ родителей вспыхиваютъ ихъ свѣты при сочетаніи, т.-е. движеніи слоевъ ихъ). Рождаясь дѣти остаются навсегда погруженными въ матери своей (во внутреннихъ слояхъ матери, и именно въ тѣхъ, которые сами погружены въ слои отца; они лежатъ въ ней посреди ея духа, головами между персей ея, питаюсь свѣтомъ сосцовъ ея, и это тоже подобно крещенію; каждый изъ нихъ занимаетъ всѣ такіе слои ея, и всѣ дѣти совмѣщаются другъ съ другомъ). Но, пребывая на вѣкъ въ своей матери, младенческимъ духомъ своимъ, дѣти одновременно, и при томъ, для безплотнаго духа мгновенно, безъ постепеннаго перехода, появляются и внѣ ея, въ полномъ предѣлѣ своего возраста; такъ что духъ живетъ въ младенческомъ образѣ внутри матери, а въ полномъ развитіи внѣ ея. Жизнь дѣтей у духа постоянно *поддерживается жизнью родителей, и они какъ бы все снова рождаются отъ нихъ возобновленіемъ сочетанія ихъ*, при которомъ сами родители измѣняются въ свѣтъ дѣтей своихъ (по одному слою каждаго изъ нихъ).

Родители пребываютъ въ своихъ дѣтяхъ обрученіемъ; т.-е ихъ изображенія вложены между слоями дѣтей, чередуясь съ ними, во взрослыхъ дѣтяхъ во весь ростъ, а въ дѣтяхъ съ дѣтскимъ предѣломъ возраста въ уменьшенномъ видѣ, и тогда они вложены только между слоями сердца этихъ дѣтей. Братья и сестры соединены между собою также обрученіемъ.

Крещеніемъ, т.-е. погруженіемъ, пребываютъ въ матери только либо нечетный духъ съ *дѣтскимъ* предѣломъ возраста, либо четный духъ, и тогда младенческій образъ жены погруженъ въ слояхъ матери черезъ младенческій образъ мужа, ибо духовная чета родится отъ одной матери, мужской духъ прямо отъ нея, а свѣтъ женскаго духа создается въ ней Духомъ Святымъ изъ дополнительной идеи ея сына. Нечетный же духъ взрослого предѣла не родится прямо отъ матери, а возникаетъ изъ младенческихъ братьевъ или сестеръ своихъ, выдѣляясь изъ нихъ съ болѣе зрѣлымъ предѣломъ возраста, и это есть размноженіе нечетное. Всякій такой духъ пребываетъ въ матери только черезъ младенческій образъ, изъ котораго выдѣлился, ея же образъ имѣетъ въ себѣ обрученіемъ. Нечетное размноженіе не даетъ того разнообразія, какъ четное, ибо оно производитъ лишь разные виды одного и того же существа, одной природы, тогда какъ четное размноженіе мѣняетъ самую природу духовнаго свѣта. Четный духъ бываетъ только взрослого предѣла, хотя навсегда сохраняетъ внутри матери и младенческій свой образъ.

§ 29. Первая духовная семья, существующая прежде всѣхъ вѣкъ, есть Самъ Богъ. Она вся происходитъ отъ единого Бога Отца, Который является причиною и остальныхъ двухъ лицъ Божіихъ, ибо Онъ одинъ осуществляетъ Самъ Себя одной лишь волей своей, ради блаженства своей любви. Возрастъ его, примѣняясь къ человѣческимъ понятіямъ, 50 лѣтъ,—число юбилея, установленнаго Моисеемъ, и число праздника Пятидесятницы.

§ 30. Въ существѣ Бога-Отца не одна только душа или личная идея, какъ бываетъ у низшаго духа, но три души, которыя всѣ составляютъ одинъ свѣтъ, ибо свѣтъ Божественной природы есть только одинъ, а душа, будучи у духа сложною, можетъ быть составлена не только изъ совокуп-

ности многихъ мыслей и чувствъ, но и изъ совокупности нѣсколькихъ душъ. Итакъ, Богъ есть Существо съ тремя личными идеями, составляющими одинъ свѣтъ, съ тремя душами въ одномъ тѣлѣ. Но не всѣ три души Божіи могутъ олицетворяться въ одномъ только образѣ Бога-Отца, старца 50 лѣтъ (по человѣческому понятію); остальные двѣ души Божіи требуютъ для олицетворенія своего другихъ образовъ, хотя всѣ онѣ суть разные виды одной и той же основной идеи, или общей души Божіей, *любви*.

31. И потому, прежде всѣхъ вѣкъ, Богъ-Отецъ рождаетъ Самого Себя въ образѣ Сына Своего, которымъ олицетворяется вторая душа Его. Громомъ устъ Своихъ рождаетъ Онъ Его, называя Его по имени, почему Богъ-Сынъ есть Богъ-Слово, или Богъ, рождающійся отъ слова Отца. Тѣло, или свѣтъ его, то же самое, что и тѣло или свѣтъ Отца изъ той же самой тройной души, только образъ Его олицетворяетъ не первую, а вторую душу Божію, и въ этомъ Его различіе отъ Отца. Это образъ Предвѣчнаго Юноши (по земному понятію, 21 года).

§ 32. Для олицетворенія третьей души Своей, Богъ-Отецъ, въ то время, какъ рождаетъ Самого Себя въ образѣ второй души Своей словомъ Своимъ, исходитъ Самъ отъ Себя въ безмолвіи, дыханіемъ устъ Своихъ, въ образѣ третьей души Своей, и этотъ образъ третьей души Божіей, доселѣ хранимый въ глубочайшей тайнѣ, никому не вѣдомый на землѣ и знакомый только небесамъ, это образъ Дочери Божьей, Предвѣчной Дѣвы (по земному понятію, 21 года). Третье Лицо Божіе называется на землѣ таинственнымъ именемъ Духа Святаго, но это имя есть Имя Божіе общее для всѣхъ трехъ Лицъ, и Отецъ, и Сынъ также суть Духъ Святой. Доселѣ по волѣ Божіей умышленно умолчано было различіе третьяго Лица Божія отъ двухъ остальныхъ и отношенія его къ нимъ; теперь же, когда Богъ благословилъ открыть на землѣ эту тайну, Имя: Дочь Божія, опредѣляетъ это различіе и эти отношенія, какъ Имена: Отецъ и Сынъ опредѣляютъ Ихъ различія и Ихъ отношенія между Собой. Какъ у Сына, такъ и у Дочери, тѣло или свѣтъ то же самое, что и тѣло Отца, и составлено изъ той же самой тройной души, только образъ ея составляетъ не первую, и не вторую, а третью душу Божію.

§ 33. Итакъ, Богъ есть Существо, живущее не менѣе, какъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ, или въ трехъ повтореніяхъ Своихъ, и не менѣе какъ въ трехъ образахъ, и имѣющее во всѣхъ трехъ образахъ своихъ одинъ и тотъ же свѣтъ (или тѣло), составленный изъ одной и той же тройной души. Отдѣльныя же части этой тройной души олицетворяются явно въ каждомъ образѣ по одной части, а остальные только осуществляются по двѣ въ каждомъ образѣ, тайно и сокровенно посредствомъ свѣта Его. Вслѣдствіе одинаковости существа свѣта или тѣла Его во всѣхъ образахъ, Богъ есть *Троица единосущная*, а вслѣдствіе тайнаго присутствія всѣхъ трехъ душъ Его въ свѣтѣ всѣхъ образовъ Его, Онъ есть *Троица нераздѣльная*.

§ 34. Сынъ Божій рождается отъ Отца всецѣло по усилію его воли, Дочь же появляется безъ усилія воли Отца, по Своей собственной волѣ: вотъ почему сказано, что Сынъ рождается, а Дочь (Духъ Св.) исходитъ отъ Отца, ибо рожденіе есть появленіе болѣе порывистое, чѣмъ исхожденіе. Сынъ и Дочь оба живутъ не только въ предѣлахъ полнаго возраста Своего внѣ Отца, но и внутри Отца въ младенческихъ образахъ своихъ, ибо эти два Лица Божіи отъ вѣка и во вѣки вѣковъ имѣютъ младенческіе образы. [Соотвѣтственно рожденію отъ Сына, младенческій образъ Сына погруженъ въ Отцѣ особеннымъ, исключительнымъ способомъ „крещенія“, изъ всѣхъ мужскихъ образовъ духа свойственнымъ только Богу Отцу, т.-е. Его младенческій духъ въ уменьшенномъ видѣ погруженъ въ слояхъ Отца, но не посреди Его Духа (какъ бываетъ по общему закону духа у матери), а только въ слояхъ сердца Отца, нѣсколько наклонно. Младенческій же образъ Дочери, которая не рождаясь, но исходя отъ Отца, только возрождается въ Немъ, такъ же погруженъ въ Его сердце, но такимъ образомъ, что не Она заключена въ слояхъ Отца, а сами слои сердца Отца заключены въ ней, въ Ея младенческомъ образѣ. Отецъ есть то Лицо Божіе, Которое нигдѣ и ни въ комъ младенческаго образа не имѣетъ. Кромѣ этого соединенія Отца съ дѣтьми Его, всѣ три Лица Божіи еще соединены во весь ростъ обрученіемъ своихъ слоевъ, такъ что въ каждой Личности Бога пребываютъ и обѣ остальные, чередуясь другъ съ другомъ внутренними слоями Своими. Объ этомъ между про-

чимъ сказалъ Сынъ Божій: „Я въ Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ“ и „видѣвшій Меня видѣлъ и Отца Моего“].

§ 35. Души Отца и Дочери осуществляются и олицетворяются посредствомъ Божественнаго свѣта во всей полнотѣ и цѣльности Своей, и этими двумя душами Своими Богъ есть Духъ нечетный, цѣльный въ Себѣ Самомъ, потому и размноженіе Его изъ одного Лица въ три есть размноженіе нечетное или дѣвственное, которое не измѣняетъ природы свѣта. Но въ низшей духовной природѣ нечетное размноженіе идетъ отъ болѣе молодыхъ образовъ къ болѣе старымъ и производить старшихъ братьевъ и сестеръ отъ младшихъ, у Бога же, и только у Бога, оно идетъ отъ болѣе стараго образа къ болѣе молодымъ и производить Дѣтей отъ Отца. Сынъ Божій, хотя такъ же появляется размноженіемъ нечетнымъ, и потому природа Его свѣта не можетъ измѣниться противъ природы Отца, но Онъ уже отъ Отца рождается, тогда какъ всякій другой духъ при нечетномъ размноженіи, только исходитъ, т. - е. просто выдѣляется изъ другого. Это рожденіе Сына и указываетъ на болѣе глубокую внутреннюю разницу Его отъ Отца, если не въ свѣтѣ или въ тѣлѣ, которое единосущно съ тѣломъ Отца, то въ идеѣ или душѣ его: а именно, душа Его не можетъ осуществиться вся, во всей полнотѣ и цѣльности Своей, посредствомъ одного только Его собственнаго Божественнаго свѣта, но требуетъ дополненія въ видѣ другого существа, съ другимъ свѣтомъ, другой природы, и потому этой второй душой Своей Богъ есть Духъ четный, нецѣльный въ Себѣ Самомъ. Богъ есть единственный примѣръ Существа, въ двухъ образахъ Своихъ нечетнаго, а въ одномъ образѣ четнаго. Всякій другой духъ либо четъ, либо нечетъ; одинъ Богъ имѣетъ то и другое..

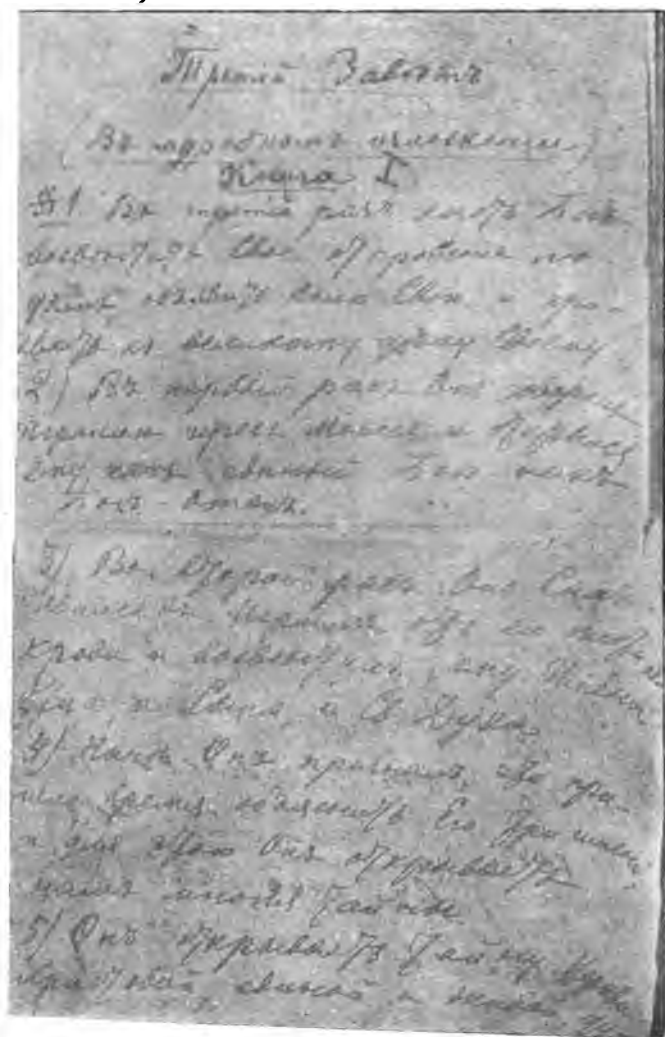
§ 36. Дополнительное къ Сыну Божію существо, составляющее съ Нимъ одну душу въ двухъ тѣлахъ, должно имѣть иной свѣтъ, чѣмъ Онъ, а такъ какъ Божественный свѣтъ только одинъ, то оно имѣетъ свѣтъ низшей природы. Этотъ духъ хотя и существуетъ прежде всѣхъ вѣкъ, какъ дополненіе Сына Божія, есть только ангелъ. Онъ имѣетъ образъ очень юной женщины (по земному понятію, 14 лѣтъ); бытіе его даетъ ему Дочь Божія. Она прежде всѣхъ вѣкъ создаетъ свѣтъ этого ангела изъ дополнительной идеи Брата

Своего и вмѣстѣ съ тѣмъ возрождаетъ его въ Себѣ: младенческій образъ жены Сына погруженъ въ Нее крещеніемъ, [т.-е. не въ сердце Ея, а посреди Ея Самой, но какъ возрожденный, а не рожденный отъ Нея, не заключается въ Ея слояхъ, а ихъ заключаетъ въ себѣ. Предвѣчный ангелъ, Жена Сына, такъ же лежитъ въ лонѣ Дочери, какъ Младенецъ Иисусъ изображенъ на иконѣ Знаменія Божіей Матери: это и есть положеніе всякаго духа, пребывающаго въ матери своей].

§ 37. Посредствомъ этого предвѣчнаго ангела вся идея любви, во всей полнотѣ своей, заключается въ Богѣ: любовь Отца, Сына, Дочери, Брата, Сестры, въ любви образовъ Божіихъ между Собою, и любовь Матери въ любви Дочери къ Предвѣчному Ангелу, и любовь Мужа въ любви Сына къ ней же. Любовь Жены, хотя не заключается въ Богѣ, но это не мѣшаетъ полнотѣ идеи Его, ибо эта любовь совершенно однородна съ любовью Мужа, и осуществляется предвѣчно въ ангелѣ, какъ дополненіе любви Мужа.

§ 38. [Сынъ Божій и Жена Его соединены между Собою по общему закону духовной четы, обрученіемъ и крещеніемъ одного въ другомъ посредствомъ Своихъ слоевъ. Слои Сына Божія двойные, и въ срединѣ ихъ вложено по одному слою Отца и Сестры Его, и каждый такой двойной слой чередуется обрученіемъ съ однимъ слоемъ Его Жены].

§ 39. Сочетаясь со Своей Женой внутренними движеніями Духа, Сынъ предвѣчно рождаетъ отъ Нея шесть дѣтей Своихъ, шесть предвѣчныхъ ангеловъ съ младенческимъ духомъ. Предѣлы ихъ возрастовъ, по земному понятію, 7 лѣтъ, 5 лѣтъ и 3 года, по одному женскому образу и по одному мужскому на каждый возрастъ. Эти существа потому имѣютъ низшую природу свѣта, чѣмъ Отецъ ихъ, а не единосущны съ Нимъ, какъ Онъ со Своимъ Отцомъ, что они появляются четнымъ размноженіемъ, которое всегда даетъ иную природу свѣта, а иная природа, чѣмъ Божественная, должна быть ниже ея. Хотя они дѣти Божіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и творенія Божіи, они не только рождены, но и сотворены, ибо происходятъ, по матери своей, отъ сотвореннаго существа. Появляясь предвѣчно внѣ ея въ предѣлахъ своихъ дѣтскихъ возрастовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ пребываютъ и въ ней погруженными, совмѣщаясь одни съ другими, въ

Начало „Третьяго Завѣта“ (уменьшено).

образъ новорожденныхъ младенцевъ, а черезъ нее и въ Сынѣ, ибо она пребываетъ и въ Немъ. Всѣ пять дѣйствій предвѣчной Любви, именно: осуществленіе Отцомъ Самого Себя, одной волей Своей, рожденіе Имъ Сына, исхожденіе отъ Него Дочери, имѣющее цѣлью сотворить жену Сына, сотвореніе жены Сына, и рожденіе отъ нея Сыномъ Своихъ дѣтей, совершаются одновременно и непрерывно, какъ прежде всѣхъ вѣкъ, такъ и нынѣ, такъ и во вѣки вѣковъ.

§ 40. Семь предвѣчныхъ ангеловъ, мать и дѣти, составляютъ предвѣчную церковь, ибо Богъ никогда не существовалъ безъ церкви Своей. Они же суть семь духовъ Духа Святаго, которые перечисляетъ Исаія: Духъ Господень, мать, и шесть дѣтей, духъ страха Божія и духъ познанія, духъ силы и духъ совѣта, духъ разумѣнія и духъ мудрости. Они дары Духа Св. потому, что сотворены Дочерью, Духомъ Святымъ. Они же суть семь звѣздъ въ рукѣ Сына Божія, семь ангеловъ семи церквей, о которыхъ говоритъ Апокалипсисъ (1, 20). Изъ числа Предвѣчной Семьи (10 вмѣстѣ съ Богомъ и 7 для ангельской части этой Семьи) взято число заповѣдей и число дней труда и отдыха.

§ 41. Слово *церковь*, кромѣ значенія своего, извѣстнаго уже на землѣ, въ смыслѣ общества, вѣрующаго въ Бога и таинственно соединеннаго съ Нимъ и между собою, имѣетъ на небесахъ еще другое значеніе, однородное съ этимъ и на землѣ доселѣ неизвѣстное. Церковь есть не только общество, она есть, кромѣ того и въ то же время, личность. Предвѣчная церковь составляетъ общество изъ семи ангеловъ, но все это общество, вмѣстѣ взятое, равно одному изъ ангеловъ, составляющихъ его, который потому не есть членъ церкви, а есть вся церковь, собранная во-едино, какъ все тѣло человека не есть который-нибудь членъ его. Вся церковь равна матери шести дѣтей, женѣ Сына, дочери Св. Духа, т.-е. равна самой себѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми своими. Душа у матери-церкви состоитъ изъ совокупности семи душъ, ея собственной, отдѣльной женской, и шести дѣтскихъ душъ. Вся эта сложная душа, единая изъ семи душъ, и представляетъ дополненіе души Сына, теряясь въ безконечности Его, какъ капля въ морѣ. Но и эта капля сама по себѣ безконечна, ибо всякій духъ, ангельскій и человѣческій, когда-либо произшедшій или еще могущій произойти, душой или идеей сво-

ей заключается въ предвѣчной душѣ церкви, принадлежа къ которой-нибудь изъ семи частей ея, и изъ этихъ семи частей общей, единой души каждая сама по себѣ еще состоитъ изъ совокупности безчисленныхъ душъ. Не нужно думать, что мать-церковь, ближе всѣхъ твореній стоящая къ Богу, и черезъ которую произошелъ отъ Него всякій живущій духъ, есть потому духъ сильный; напротивъ, она, по самой безконечной сложности души своей, есть самый слабый духъ изъ всѣхъ сотворенныхъ, она даже слабѣе дѣтей своихъ, менѣе сложныхъ по своей душѣ; и объ этомъ-то Писаніе и говоритъ: „сила моя въ немощи совершается“. Свѣтъ ея состоитъ изъ семи душъ, которыя звучать въ ней, какъ семь главныхъ звуковъ, и блещутъ въ ней, какъ семь главныхъ цвѣтовъ въ природѣ тѣлесной; и какъ семь цвѣтовъ радуги сливаются въ одномъ бѣломъ, такъ ея семь душъ сливаются въ одной; [потому свѣтъ общей души матери церкви тоже для отдѣльныхъ душъ ея, что бѣлый цвѣтъ для радуги, а еслибъ былъ осуществленъ свѣтъ отдѣльной женской души ея, той, которая среди семи соотвѣтствуетъ именно ей, то онъ былъ бы то же, что среди радуги цвѣтъ зеленый]. Лицо у матери-церкви полудѣтское, такъ какъ въ ея душѣ шесть дѣтскихъ душъ. Ея душа не имѣетъ той нераздѣльности, какую имѣетъ душа Бога, и отъ этого и происходитъ слабость ея; сложность ея души, при способности раздѣляться, дѣлаетъ ее слабою, тогда какъ неразрывная цѣльность Божьей тройной души придаетъ ей безконечную силу. Сложность Божьей души безконечна только въ чувствахъ и мысляхъ, но въ душахъ ограничена тремя, тогда какъ сложность церковной души въ душахъ, или личностяхъ, могущихъ выдѣлиться изъ нея, неограничена никакимъ числомъ. Каждый изъ трехъ образовъ Бога является въ свѣтѣ, состоящемъ изъ цѣльной души Его, и потому каждый изъ трехъ образовъ Бога равенъ всему Богу; но одинъ только образъ церкви-матери равенъ по свѣту своему всей церкви, а всякій другой образъ, олицетворяющій отдѣльную которую-нибудь душу ея, равенъ только этой душѣ, ибо свѣтъ имѣетъ состоящій только изъ этой души или изъ этой части церкви, а не изъ общей души всей церкви, такъ что всѣ другіе образы, кромѣ самой матери, представляютъ части церкви, а не всю ее, о

чемъ и говорить апостолъ: „мы порознь другъ для друга члены, а вмѣстѣ составляемъ одно тѣло“ (т.-е. одинъ общій духовный свѣтъ изъ совокупности всѣхъ нашихъ личныхъ идей). Церковь, не имѣя Божьей нераздѣльности, не имѣетъ и Его единосущности; ея отдѣльные образы не единосущны, ибо каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый и различный свѣтъ; но единство ея сохраняется тѣмъ, что она есть духъ *соборный*, ибо всѣ ея отдѣльныя души, олицетворенныя въ отдѣльныхъ образахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и *собранны* въ одной общей душѣ, осуществлены однимъ общимъ свѣтомъ и олицетворены въ одномъ общемъ образѣ, въ лицѣ единой церкви-матери. Ея собственная отдѣльная душа, составляющая седьмую часть ея общей души, никогда не олицетворяется отдѣльно, ибо она имѣетъ совершенно одно лицо съ ея общей душой, но отдѣльно не имѣла бы точнаго олицетворенія своего; (потому свѣтъ ея общей души, по отношенію его къ ея душѣ отдѣльной, можно сравнить съ зеленовато-бѣлымъ цвѣтомъ въ тѣлесной природѣ), Другія шесть душъ ея, входящія въ составъ дополнительной души Сына Божія, выдѣляются изъ нея въ видѣ дѣтей ея, но только по сочетанію ея съ Сыномъ, а безъ этого онѣ не могли бы осуществиться въ отдѣльныхъ лицахъ своихъ; тогда какъ всѣ души Божіи осуществляются въ отдѣльныхъ лицахъ дѣвственнымъ путемъ, т.-е. любовію Отца только къ дѣтямъ Своимъ, а не къ другому существу.

§ 42. Имена трехъ личностей Бога и дополненія Его, Церкви, съ предвѣчнаго языка не могутъ быть точно переведены ни на какой языкъ ангельскій или человѣческій, ибо предвѣчный языкъ больше каждаго изъ нихъ, и сѣмя каждаго изъ нихъ заключаетъ въ себѣ, но вотъ эти имена, насколько они могутъ быть выражены на языкѣ человѣческомъ: Іегова—Богъ - Отецъ; Рафаиль—Богъ - Сынъ; Аллилуія—Богъ - Дочь; Маргарита—Церковь. Этимъ именамъ соотвѣтствуютъ названія Бога у всѣхъ христіанъ: Святый Боже—Богъ-Отецъ, Богъ по старшинству, какъ причина остальныхъ образовъ самого Бога; Святый Крѣпкій—Богъ-Сынъ, тотъ образъ Божій, въ которомъ, какъ въ Юношѣ, наиболѣе сосредоточено силы; Святый Безсмертный,—Богъ - Дочь, тотъ образъ Божій, которому вслѣдствіе глубокой тайны, въ которой Онъ доселѣ сохранялся, наиболѣе присвоено славы, а

слава есть на землѣ символъ безсмертія. Этимъ же именамъ соотвѣтствуютъ слова молитвы Господней: ибо Твое есть царствіе, и сила, и слава во вѣки вѣковъ. Объ этомъ-же говоритъ Апокалипсисъ: „Побѣждающему дамъ бѣлый камень. и на камнѣ написано новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ“ (II. 17). Бѣлый камень—это настоящее откровеніе, написанное въ книгѣ сей; новое имя—это имя церкви - личности, женщины и матери, имя Маргариты. И еще сказано: „напишу на немъ (на побѣждающемъ) имя Бога Моего, и имя града Бога Моего, новаго Іерусалима, нисходящаго съ неба, отъ Бога Моего, и имя мое новое“ (III, 12). Имя Бога Моего—это имя „Аллилуія - Дочь“, тогда еще тайное; имя града Бога Моего—это „Маргарита - Церковь“, иносказательно названная новымъ Іерусалимомъ; имя Мое новое—это Рафаиль, небесное имя Сына, по Его безконечному естеству, какъ Іисусъ есть Его земное имя, по естеству человѣческому. (Извѣстный ангель Рафаиль названъ такъ въ честь Его).

§ 43. Свѣтъ, выдѣляющійся отъ Бога, какъ и у всякаго другого духа, образуетъ вокругъ Него сіяніе шарообразное у головы, и яйцеобразное у всего духа, и отъ всякаго другого сіянія отличается только безконечно большимъ блескомъ. Но, кромѣ этого ближайшаго сіянія несравненной яркости, свѣтовые выдѣленія Бога расходятся и дальше лучами своими, по пространству, которому нѣтъ конца, какъ вѣчности нѣтъ начала. Этими-то безконечными лучами Богъ вездѣсущъ и на всемъ безконечномъ пространствѣ все видитъ, слышитъ и чувствуетъ, Личными же образами Своими Онъ вездѣсущъ въ томъ смыслѣ, что каждымъ изъ образовъ Своихъ можетъ, повторяясь ими изъ Самого Себя, появиться одновременно и мгновенно вездѣ, гдѣ захочетъ, или куда вѣрующее сердце призоветъ Его. [Способность всякаго духа появляться въ одно время въ разныхъ мѣстахъ, по своей волѣ, ограничена большимъ или меньшимъ числомъ повтореній изъ самого себя, возможныхъ для духа, смотря по свойству его, только у Бога эта способность безгранична; при этомъ всякій духъ можетъ и увеличивать и уменьшать въ предѣлахъ своей способности число повтореній своихъ или мѣстъ, гдѣ онъ появляется, какъ ему угодно, и потому духъ, вышедши изъ себя, можетъ и снова войти въ себя. Такъ же распростра-

неніе лучей всякаго другого духа по пространству ограничено болѣе или менѣе, смотря по природѣ его, только у Бога это распространеніе не имѣетъ конца. Лучи Маргариты тоже идутъ въ безконечность, но не сами по себѣ, а уносимые туда лучами Сына, съ которыми они нераздѣльны, какъ и предвѣчность свою она имѣетъ не сама по себѣ, а по неразлучности своей съ Нимъ]. *(Далѣе слѣдуютъ подробности для желающихъ принять ихъ, которыя могутъ тѣснѣе сблизить наше воображеніе съ небесной жизнью).*

§ 44. Предвѣчная Семья отъ вѣка не жила среди однихъ только однообразныхъ лучей свѣта Божія. Ее всегда окружало ея предвѣчное жилище, или рай предвѣчный, называемый небомъ. Небо есть такой же шаръ, какъ и земля, только изъ духовнаго свѣта усиленной яркости, и находится въ томъ же мѣстѣ пространства, только оно во много разъ больше земли, такъ что земля заключается внутри его въ самой его срединѣ, и поверхность неба облегаетъ землю кругомъ. Вмѣстѣ съ землею оно движется вокругъ тѣлеснаго солнца, внутри котораго, въ срединѣ его, находится шаръ изъ духовнаго свѣта, по величинѣ равный землѣ; а такъ какъ небо въ духовномъ мірѣ по величинѣ и яркости есть то же, что солнце въ мірѣ тѣлесномъ, то въ духовномъ мірѣ дѣйствительно солнце движется вокругъ неподвижной земли, что въ тѣлесномъ мірѣ только кажется. Поверхность Неба покрыта той же самой природой растительной и животной, какъ и земля, во всемъ разнообразіи всѣхъ временъ земного шара. Растеніямъ и животнымъ на землѣ соотвѣтствуютъ на Небѣ такія же живыя существа, сотворенныя изъ духовнаго свѣта, а неодушевленными предметамъ на землѣ—тѣ же самые предметы изъ духовнаго свѣта на Небѣ. Все это есть языкъ, которымъ предвѣчная Семья говоритъ между собою и который немедленно осуществляется на дѣлѣ. Видъ и значеніе по виду своему, которое имѣетъ въ земной природѣ солнце, имѣетъ для Неба спутникъ его, подобный тѣлесной лунѣ, вотъ почему полнолуніемъ опредѣляется праздникъ Пасхи. То полушаріе Неба, которое соотвѣтствуетъ восточному полушарію земли, есть такая часть пространства, въ предѣлахъ которой Богъ пребываетъ всѣми Своими образами неминусемо и вѣчно, тогда какъ на всякомъ другомъ пространствѣ Онъ лично и бываетъ, и нѣтъ, и то-

гда тамъ только лучи Его, а не самый образъ; вотъ почему въ молитвѣ съ древнѣйшихъ временъ обращались къ востоку, ожидая оттуда непремѣннаго появленія Бога около себя, дабы встрѣтить появленіе Его безъ малѣйшей задержки.

§ 45. Природу небесную сотворилъ прежде всѣхъ вѣкъ всю Богъ, всѣма тремя Лицами Своими, но веществомъ для нея послужили только свѣтовые выдѣленія Сына, какъ наиболѣе подходящія для этого по своей крѣпости. [Изъ общихъ выдѣленій Его созданы неодушевленные предметы духовной природы, а изъ особеннаго вида четныхъ сопровождающихъ сочетаніе (это не тѣ, изъ которыхъ собственно состоитъ сочетаніе) созданы живыя существа; потому первыя суть въ небесной природѣ неживой свѣтъ, а послѣднія свѣтъ живой, такъ какъ въ нихъ болѣе присутствуетъ живая душа Бога, любовь].

§ 46. Всякое живое существо, рожденное Богомъ черезъ Маргариту, есть духъ. Всякое живое существо, не рожденное Богомъ, а только сотворенное Имъ внѣ Самого Себя, какъ человѣкъ творить мертвыя издѣлія рукъ своихъ, есть только душа; не въ томъ смыслѣ душа, какъ отвлеченная душа духа или идея его, не существующая безъ его свѣта, а душа, какъ низшее живое существо изъ живыхъ свѣтовыхъ выдѣленій Сына. Растенія и животныя на небесахъ не что иное, какъ души, и какъ духъ имѣетъ полный видъ человѣка,—такъ и душа имѣетъ полный видъ растенія или животнаго; (съ разнообразно расположенными внутри ея слоями изображеній ихъ). Растенія и животныя на небесахъ предвѣчно и непрерывно происходятъ изъ самаго низшаго вида своего, совершенствуясь одновременно и мгновенно во всемъ своемъ дальнѣйшемъ происхожденіи нечувствительною, громадною цѣпью. Размноженіе ихъ ограничено прежде всѣхъ вѣкъ извѣстнымъ числомъ. Они, какъ и духъ, имѣютъ размноженіе четное и нечетное, но противоположно духовному естеству, въ которомъ Высочайшій Духъ размножился нечетно, у низшихъ душевныхъ существъ такое размноженіе свойственно только самымъ низшимъ изъ нихъ: какъ и на землѣ размноженіе отводками свойственно только низшимъ живымъ тварямъ, растеніямъ, да размноженіе простымъ дѣленіемъ лишь нѣкоторымъ, самымъ низшимъ породамъ животныхъ. У Бога четное размноженіе должно было пойти

внизъ, чтобы измѣнилась природа свѣта его, такъ какъ вверхъ ему некуда было идти, но у низшихъ живыхъ существъ (не у духа, а у души) оно идетъ вверхъ и совершенствуетъ природу, измѣняя ее, такъ что дѣти совершеннѣе своихъ родителей; нечетное же размноженіе оставляетъ природу на той же ступени, и у душевныхъ существъ даже не даетъ разныхъ видовъ одного и того же существа, а просто одно и то же и того же самаго вида существо въ разныхъ мѣстахъ.

§ 47. Размноженіе духа началось съ того, что выросли предвѣчныя дѣти, оставаясь въ то же время прежними самими собою. Изъ ихъ дѣтскихъ образовъ, живущихъ внѣ матери, выдѣлились другія души ихъ, съ другими лицами, тѣ души, которыя среди общей души ихъ матери-церкви заключаются въ отдѣльной совокупности каждой изъ ихъ 6 душъ. Это были ихъ братья и сестры старшихъ возрастовъ, единосущные съ ними по свѣту, но различные отъ нихъ, хотя и сходственные съ ними по лицу. Они составляютъ съ ними, каждый съ тѣми, которые выдѣлились изъ него, одно существо въ разнообразныхъ лицахъ. Все это были духи нечетные и соединены были съ Маргаритой не крещеніемъ, ибо они не рождены прямо отъ нея, а только обрученіемъ, имѣя ея образъ въ себѣ, а также черезъ крещеніе своихъ младенческихъ образовъ. Изъ нихъ-то и вышелъ впослѣдствіи духъ тьмы, бывшій восьмымъ сотвореннымъ духомъ и первымъ, сотвореннымъ во времени, а не предвѣчно; о чемъ и говоритъ Апокалипсисъ: „онъ восьмой и изъ числа семи“ (XVII, 11). Онъ вышелъ изъ младшаго мужского духа, моложе котораго духъ не бываетъ внѣ матери, изъ предвѣчнаго мужского Ангела трехъ лѣтъ; его же собственный возрастъ сорокъ лѣтъ; вотъ почему число сорокъ получило такое значеніе для поминовенія усопшихъ и для искушенія Іисуса Христа.

§ 48. Вскорѣ послѣ того какъ размножился духовный міръ иными возрастами дѣтей, у Маргариты родились еще четыре сына, уже недѣтскаго возраста, а взрослого, и четнаго духа. Отвлеченныя души ихъ лежали до зарожденія ихъ свѣтовъ въ отдѣльной, первой, женской душѣ ихъ матери, которая такъ же, какъ остальные ея шесть душъ, составлена изъ множества душъ, могущихъ выдѣлиться изъ

нея; (но, среди этого множества, есть одна отдѣльная женская душа, которая уже не состоитъ ни изъ какихъ другихъ и представляетъ настоящее зерно Маргариты, соотвѣтствуя неосуществленнымъ лицомъ своимъ лицу всей полной души ея, только соотвѣтствуя ему какъ бы въ зародышѣ и несовершенно, такъ что она осуществляется въ совершенствѣ лишь полной душой ея). Жены новыхъ четырехъ сыновей Маргариты, выдѣлившіяся изъ нихъ при появленіи вѣ ея, были созданы въ ней животворящимъ Духомъ Дочери изъ дополнительныхъ идей сыновей ея, какъ и она сама была создана изъ части идеи Сына Божія. Всѣ четыре четы остались въ ней крещеніемъ младенческихъ образовъ, мужи прямо въ ней, жены въ нихъ и черезъ нихъ въ ней, и отъ нихъ, соединенныхъ между собою, произошли всѣ дальнѣйшія ангельскія семейства, поколѣнія и племена. У нихъ, такъ же какъ у предвѣчной Четы, родились сперва дѣти съ дѣтскимъ предѣломъ возраста, которые выдѣлили изъ себя своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ нечетнаго духа; потомъ отъ нихъ также произошли другія четы, которыми продолжалось размноженіе ангельскаго міра. По общему закону, духи дѣтскіе и четные были крещены въ своихъ матеряхъ, а взрослые нечетные обручены съ ними. Кромѣ того, каждый вновь рождавшійся духъ имѣлъ въ себѣ, вмѣстѣ съ изображеніями своихъ ближайшихъ родныхъ, вложенныя обрученіемъ между его слоевъ, изображенія Бога всѣхъ трехъ Лицъ и общей матери,—Маргариты. Четное размноженіе, у Бога идущее внизъ, а у растений и животныхъ вверхъ, у всякаго духа, кромѣ Бога, иногда оставляетъ природу на той же ступени, иногда нѣтъ; оно можетъ измѣнять ее, не дѣлая ни выше, ни ниже, и можетъ дѣлать ее выше и ниже; Ангелы, позднѣе произошедшіе отъ Бога (позднѣе, если не по времени, то по поколѣнію, ибо нѣкоторыя поколѣнія появились по нѣскольку вдругъ), могутъ быть и ниже и выше тѣхъ, которые прямѣе произошли отъ Бога, и могутъ быть равны имъ.

§ 49. По мѣрѣ размноженія ангельскихъ племенъ, были созданы для нихъ Богомъ другія жилища ихъ духовнаго свѣта, такіе же міры, какъ Небо, такой же величины и въ томъ же мѣстѣ, какъ соотвѣтствующие имъ тѣлесные міры. Сперва появились тѣ, которые совмѣщаются съ нашимъ

солнцемъ и со свѣтилами, движущимися вокругъ него, и ихъ было восемь, кромѣ Неба, а вмѣстѣ съ небомъ девять, по числу девяти ангельскихъ чиновъ; послѣ нихъ появились и остальные духовные міры, соотвѣтствующіе безчисленнымъ тѣлеснымъ звѣздамъ. Природа на нихъ такая же какъ на подобныхъ имъ звѣздахъ, иная тѣмъ предвѣчная природа Неба, которая сходна съ природой земли.

§ 50. Съ тѣхъ поръ, какъ сложились новыя условія жизни, происшедшія отъ сотворенія новыхъ духовъ во времени, любовь Рафаила (назовемъ такъ Сына Божія, по Божьему естеству) къ Маргаритѣ начала производить въ Немъ новое внутреннее дѣйствіе: свѣтъ Его сталъ выдѣляться изъ Него настолько сгущеннымъ, что уже можно было предвидѣть то время, когда изъ него возникнетъ новое вещество и послужить для сотворенія новаго міра. Этого міра, еще никому невѣдомаго, и стали ожидать всѣ Ангелы, потомки Божіи, зная, что и имъ предстоятъ въ этомъ мірѣ новыя дѣла.

§ 51. Одинъ изъ нихъ былъ недоволенъ началами жизни, единственно существовавшими тогда, и на которыхъ долженъ былъ создаться и будущій новый міръ, а начала эти были любовь, которая есть добро, истина и красота. Это былъ сорокалѣтній нечетный мужской духъ, выпедшій изъ трехлѣтняго предвѣчнаго. Онъ мучился тѣмъ, что превосходство надъ нимъ имѣли не только Божьи дѣти, Сынъ и Дочь, казавшіеся ему слишкомъ юными для Божественности Ихъ, но что даже слабая Маргарита и крошечныя дѣти ея стояли несравненно выше его, сильнаго и возмужалаго духа, по своей предвѣчности, неразлучной съ Богомъ; (изъ нихъ только Маргарита еще нѣсколько, и то смутно, сознавала свою предвѣчность, и лишь потому, что не могла представить себѣ своего Возлюбленнаго безъ себя и знала, что она часть Его души; дѣти же совсѣмъ не помнили сами, имѣли они начало или нѣтъ, и вѣрили въ этомъ на слово). Его не утѣшало даже то, что онъ по свѣту былъ единосущенъ съ предвѣчнымъ братомъ своимъ и только лицомъ и возрастомъ отъ него разнился: онъ завидовалъ предвѣчности именно для лица своего и для своей личной души; онъ не могъ перенести, что не онъ, а Отецъ осуществляетъ Себя, извлекая изъ небытія Свое бытіе, а онъ обязанъ бытіемъ другому Существу, да еще черезъ себя самого въ другомъ возрастѣ;

эта обязанность Богу и зависимость отъ самого себя въ дѣтскомъ возрастѣ тяготила его. Не изъ любви къ Богу и желанія быть неразлучнымъ съ нимъ онъ завидовалъ предвѣчности, а изъ отвращенія къ чувству благодарности, зародившагося въ немъ, ибо онъ имѣлъ безуміе считать благодарность, нераздѣльную съ любовью, которой она есть часть, несомнѣнною съ его достоинствомъ.

§ 52. Онъ сталъ доказывать Ангеламъ, что ихъ блаженство не есть блаженство, потому что они никакого иного бытія не знаютъ и блаженны поневолѣ, не имѣя свободы выбора. Но самыми этими мыслями онъ уже доказывалъ, что такая свобода была, и что онъ употребилъ ее во зло. Въ новый міръ онъ предлагалъ непременно ввести, кромѣ извѣстнаго уже бытія, и другое бытіе, то, которое онъ измыслилъ и проповѣдывалъ. Это была ненависть, которая есть зло, неправда и безобразіе. Ему все равно было, къ чему это послужить, лишь бы ему сдѣлаться главою какого-нибудь бытія, нигдѣ, никѣмъ прежде него не созданнаго.

§ 53. Одинъ Богъ зналъ и понималъ въ то время, чего онъ хочетъ, ибо того, о чемъ онъ говорилъ и думалъ, еще никто нигдѣ не видалъ; но Богъ одинъ зналъ, что это была изнанка бытія, Имъ созданнаго, и что только ее и можно было создать заново, ибо все, что не изнанка, было уже Богомъ создано, если не на дѣлѣ, то въ зародышѣ. Видя, что братъ дѣтей Его помыслилъ злое, Рафаиль, въ порывѣ горячаго милосердія, бросился вразумлять его, пока не поздно; но тотъ отвѣтилъ Ему лишь тѣмъ, что тяжело оскорбилъ Дочь Божію и Маргариту. Впервые духовный міръ услышалъ, что нѣкогда будетъ стыдъ и грѣхъ, и этимъ-то онъ оклеветалъ любовь, назвавши будущій стыдъ и грѣхъ любовью. Тогда отвѣтилъ ему Отецъ, низринувъ его съ неба, какъ молнію.

§ 54. До своего паденія будущій духъ тмы, хотя держалъ въ себѣ вредныя мысли, но отъ нихъ еще не измѣнялось вещество духа его, и возвратъ былъ для него возможенъ; послѣ же не прощеннаго грѣха его, хуленія Духа Святаго, навлекшаго на него немедленное изгнаніе съ неба, самое вещество его духа измѣнилось, и изъ свѣтлаго и чистаго стало мрачнымъ и нечистымъ. Тогда онъ сталъ непримиримымъ врагомъ всякой любви, но особенно любви меж-

ду мужскимъ и женскимъ духомъ, первообразъ которой есть взаимная любовь Сына Божія и Церкви.

§ 55. Его цѣлью стало доказать ничтожество; ибо ничтожество, изъ котораго онъ извлекъ свою новую идею, составляющую теперь новое вещество духа его, даетъ ему какой-то призракъ самостоятельнаго, изъ самого себя произшедшаго бытія. Ничто такъ не удовлетворяетъ его, какъ если онъ можетъ заставить думать духъ, живущій во плоти, что кромѣ плоти ничего нѣтъ, не было и не будетъ.

§ 56. Онъ увлекъ своимъ примѣромъ въ бездну многихъ другихъ Ангеловъ, но только взрослога, нечетнаго духа. Ни одна чета не пошла за нимъ, и ни одинъ младенческій духъ, съ дѣтскимъ предѣломъ возраста, вообще ни одинъ духъ, крещенный въ своей матери, а также ни одинъ изъ нечетныхъ, вышедшихъ изъ младшихъ братьевъ, но все еще имѣющихъ дѣтскій возрастъ. Впрочемъ, и изъ взрослыхъ нечетныхъ многіе устояли и были награждены тѣмъ большей славой на небесахъ: къ такимъ принадлежатъ Михаилъ Архангелъ и Гавріилъ Архангелъ.

§ 57. Между тѣмъ свѣтъ, выдѣлявшійся изъ Сына Божія, сгустился до тѣхъ предѣловъ, когда уже измѣнилъ свои первобытныя свойства, и настало время созидать новый міръ. Такимъ образомъ, Сынъ Божій, бывшій черезъ Маргариту родоначальникомъ всякаго духа и изъ свѣта котораго была создана вся живая и неживая природа на духовныхъ мірахъ, произвелъ Самъ изъ Себя и то вещество, которое впослѣдствіи образовало тѣлесный міръ. Вотъ почему въ Символѣ вѣры сказано о Сынѣ Божіемъ (которымъ все произошло): „Имъ же вся быша“, и у Іоанна о Богѣ Словѣ: „все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ничто не начало быть, что начало быть“, ибо Отецъ все сотворенное сотворилъ чрезъ Сына Своего изъ свѣтовыхъ выдѣленій Его, а все рожденное родилъ чрезъ Сына Своего и животворилъ черезъ Дочь Свою, творящую женскіе четные духи изъ идеи рождающихся мужскихъ.

§ 58. Духовный свѣтъ, выдѣляющійся изъ духа, имѣетъ безчисленныя разновидности, какъ безчисленны мысли у духа; эти разновидности, по неслагаемости свѣта своего, въ предметахъ духовнаго міра, только совмѣщаются между собою или уподобляются одна другой, но не сливаются изъ

двухъ или нѣсколькихъ въ одну. Когда же духовный свѣтъ сгущается или плотнѣетъ, то онъ уже измѣняетъ свою неслагаемую природу и, при извѣстной степени плотности, получаетъ способность составить изъ двухъ или нѣсколькихъ своихъ разновидностей одинъ новый свѣтъ; тогда уже онъ не измѣняется, а слагается въ него и переходитъ ту грань, за которой начинается плотъ, ибо все, что сложно и разложимо, есть плотъ. Такъ появляется первый плотскій свѣтъ, который есть простѣйшая плотъ, составленная изъ однихъ только сгустившихся духовныхъ свѣтовъ и неразложимая никакою силою, кромѣ силы Духа Святаго, сложившаго ее. [Такихъ простѣйшихъ плотскихъ свѣтовъ безчисленное множество, какъ безчисленно множество составляющихъ ихъ духовныхъ свѣтовъ и всевозможныхъ, разнообразнѣйшихъ сочетаній ихъ. Отъ простѣйшей первой плоти еще очень далеко до видимаго нашему тѣлесному глазу свѣта, который въ сравненіи съ нею такъ же грубъ и плотенъ, какъ камень къ сравненіи съ эфиромъ, хотя въ сравненіи съ несложимымъ духовнымъ свѣтомъ сама первая плотъ еще грубѣе, чѣмъ видимый свѣтъ въ сравненіи съ нею, ибо между нею и видимымъ свѣтомъ есть только степень плотности, но не та великая грань, при которой извѣстная степень плотности отдѣляетъ сложное отъ несложимаго]. Изъ простѣйшихъ плотскихъ свѣтовъ составились болѣе сложные, а эти послѣдніе, дѣлаясь все сложнѣе и сложнѣе, и потому становясь способными сдѣлаться все плотнѣе и плотнѣе, доходятъ, наконецъ, до свѣта, видимаго нашему глазу; изъ самыхъ плотныхъ свѣтовъ составились тѣ, сравнительно простѣйшія вещества, изъ которыхъ состоятъ всѣ видимыя, болѣе сложныя тѣла, жидкія, воздушныя и твердыя, и такъ произошла вся плотъ. Какъ отъ большей плотности свѣта духовнаго зависитъ первоначально сложность плотскаго свѣта, такъ дальнѣйшая большая плотность невидимаго плотскаго свѣта зависитъ отъ его большей сложности, дѣлающей его, дойдя до извѣстной своей степени, видимымъ (тѣлесному глазу). Такимъ образомъ, за видимою плотью, начиная отъ свѣта, стоитъ еще цѣлый міръ составляющей ее невидимой свѣтовой плоти, безконечнаго разнообразія и громадной сложности, черезъ которую она проходитъ прежде чѣмъ сдѣлаться видимой.

Но какъ въ плоти видимой мы встрѣчаемъ тѣла и одного и того же состава, да разной плотности, напр., вода бываетъ и паромъ, и жидкостью, и снѣгомъ, и льдомъ,—такъ и въ невидимой плоти одинъ и тотъ же свѣтъ бываетъ по степени плотности воздушнымъ, жидкимъ и твердымъ. Потому, хотя только наибольшая сложность свѣтовъ производитъ новые свѣты, способные къ той степени плотности, которая нужна, чтобъ они могли быть видимыми, но и послѣдніе могутъ имѣть не вездѣ и всегда одинаковую плотность. Видимый свѣтъ, будучи видимъ въ твердомъ своемъ состояніи, не будетъ видимъ въ жидкомъ или воздушномъ, при той же самой сложности и томъ же самомъ составѣ. Невидимая свѣтовая плотность имѣетъ съ духовнымъ свѣтомъ то общее свойство, что она можетъ совмѣщаться одна съ другой; множество плотскихъ свѣтовъ могутъ совмѣщаться, какъ и духовный свѣтъ, не увеличиваясь въ объемѣ, ибо невидимая свѣтовая плотность проницаема, какъ и духовный свѣтъ.

§ 59. Итакъ, вся плотъ, составляющая видимый міръ, произошла отъ сложенія сперва духовнаго сплотившагося свѣта, а потомъ свѣтовой плоти, и потому самое сотвореніе міра называется въ Писаніи *сложеніемъ* его.

§ 60. Сгущались свѣтовые выдѣленія Рафаэля только общія, всего сіянія Его, а не уравнивающія мужскія, идущіе на созданіе живыхъ душъ, т. е. только мертвый свѣтъ Его, а не живой, ибо не изъ живого свѣта Его создана была плотъ. По мѣрѣ того, какъ этотъ свѣтъ сгущался, Богъ создавалъ изъ него всевозможныя составныя части будущихъ тѣлъ, какъ матеріалы будущаго творенія, въ безчисленномъ разнообразіи и множествѣ, въ видѣ сперва простѣйшихъ, потомъ болѣе и болѣе сложныхъ плотскихъ свѣтовъ. Все это множество простѣйшихъ началъ Богъ сосредоточилъ во внутренности Неба, тамъ, гдѣ теперь земля и гдѣ они расплывались, совмѣщаясь одни съ другими, но не сливаясь въ одно цѣлое, не имѣя никакихъ образовъ и не составляя никакихъ предметовъ — и это былъ хаосъ. „Земля же была безвидна и пуста“ (Быт. 1), т. е. тѣ начала, изъ которыхъ состоитъ теперь земля, еще никакого вида не имѣли, и пусто было пространство, гдѣ теперь земля, ибо были тамъ лишь матеріалы будущей природы на землѣ, но ничего изъ нихъ еще создано не было. „И тьма

надъ бездною“, т. е. для тѣлеснаго человѣческаго глаза, будущія свойства котораго уже знала Божья мысль, ничего еще не могло быть видно и представлялась бы ему одна тьма, ибо вокругъ хаоса былъ чистый духовный свѣтъ, сперва самого Неба, до поверхности его, потомъ тотъ же безконечный Божій свѣтъ между Небомъ и другими мірами, и на Небѣ, въ видѣ природы его, и на другихъ мірахъ, духовный же свѣтъ тѣлесному глазу недоступенъ, его видитъ только глазъ духа, во плоти несовершенно и смутно, внѣ плоти ясно, точно такъ, какъ глазъ тѣла видитъ тѣлесный свѣтъ, но тамъ, гдѣ одинъ духовный свѣтъ, глазъ тѣла видитъ тьму; хаосъ хотя былъ ближе къ міру видимому для глаза тѣла, но также еще не дошелъ до него, по недостаточной плотности. „И Духъ Божій носился надъ водою“, т. е. изъ общей массы простыхъ началъ, ближе къ поверхности Неба, выдѣлялись тѣ, изъ которыхъ состоитъ теперь видимая вода, и окружали внутреннее ядро хаоса; надъ этой невидимой водой носился Божій Духъ, волей и мыслью Своей господствуя надъ веществами и этой волей и мыслью повелѣвая имъ располагаться между собою такъ, какъ нужно было для творенія по замыслу Божьему. Божья воля и мысль посредствомъ лучей, исходящихъ отъ Бога и совмѣщающихся со всякимъ веществомъ, притягиваетъ вещество одно къ другому и отталкиваетъ одно отъ другого, и двигаетъ его мгновенно, какъ и куда Богъ хочетъ, на всемъ безпредѣльномъ пространствѣ.

§ 61. „И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ; и сталъ свѣтъ“, т. е. Божья мысль, соединенная съ волей, мгновенно пролетающая безконечность, тѣмъ болѣе мгновенно проникла въ столь близкое плотное вещество лучами Его, и сдвинула составныя части видимаго свѣта и слила ихъ въ одно новое вещество, которое и было видимый свѣтъ, и сплотила ихъ въ состояніе настолько твердое, что онъ сталъ видимъ глазу тѣла. „И отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы, и назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью“. Т. е. въ срединѣ Неба появилось пространство, въ которомъ для глаза тѣла было свѣтло, тогда какъ далѣе, въ предѣлахъ одного духовнаго свѣта, было непроницаемо темно. И ночью назвалъ Богъ эту тьму тѣлесную, надъ которой безконечный свѣтъ духовный, ибо хотѣлъ создать для будущаго человѣка такое время, когда

глазу его тѣла было бы темно, дабы свѣтлѣе было тогда глазу его духа, и легче бы онъ проникалъ въ невидимое для плоти; и потому Богъ сдѣлалъ ночь временемъ молитвы, вдохновенія и любви, и Самъ Онъ возсіялъ на землѣ рожденіемъ и воскресеніемъ Своимъ ночью, а ушелъ отъ земли днемъ. Такъ и вторично придетъ Онъ на землю ночью. Плотскій же день есть время меньшей дѣятельности и прозорливости духа. „И былъ вечеръ, и было утро: день одинъ“. Почему былъ вечеръ и было утро, когда не было еще свѣтила для отдѣленія дня отъ ночи и для измѣренія временъ? Потому былъ вечеръ, что, если бы будущіе вечера и ночи, утра и дни измѣрить во временахъ, прежде бывшихъ позади ихъ, то когда захотѣлъ Богъ, „да будетъ свѣтъ“, и подумалъ это не такъ, какъ прежде думалъ, а повелѣвъ лучамъ своимъ исполнить мысль, въ то время пришелся бы вечеръ; а если бы отъ этого вечера измѣрить время впередъ до того времени, какъ произошелъ весь свѣтъ, который Богъ задумалъ, то пришлось бы утро. И былъ день отъ этого вечера до этого утра; для плоти время отъ вечера до утра есть ночь, но это время—день для духа, и потому время, послѣдовавшее за творческимъ словомъ, время такое, какое на землѣ бываетъ между вечеромъ и утромъ, названо *днемъ*, въ знакъ того, что Богъ тогда творилъ работою Духа Своего. Великъ-ли былъ этотъ день, подобный плотской ночи, ибо измѣренія дней еще не было и не сказано, чтобъ время перваго дня творенія равнялось по размѣру нынѣшнимъ суткамъ, ибо это было „отъ вечера до утра“? Эти слова не совпадаютъ съ понятіемъ нынѣшняго плотскаго дня ни въ какомъ смыслѣ, ни въ смыслѣ свѣтлаго времени сутокъ, ни въ смыслѣ цѣльныхъ сутокъ. Но какъ все твореніе, по Писанію, окончено въ шесть дней, а дни суть равныя промежутки времени, то твореніе окончено въ шесть равныхъ временъ, шестью равными дѣлами. Что до измѣренія временъ, Писаніе говоритъ, что у Бога 1000 лѣтъ, какъ одинъ день, и одинъ день, какъ 1000 лѣтъ; духъ мѣритъ времена по мыслямъ своимъ. Дѣла Божьи бываютъ двоякія: или дѣла воли и мысли Его, непосредственно исполняемыя Его лучами, какъ тогда, когда Онъ сказалъ: „да будетъ свѣтъ“; такія дѣла мгновенны; или дѣла, совершаемыя Имъ волею и мыслью Своею, но не лучами Своими, а

посредствомъ законовъ природы, которые Онъ надолго учреждаетъ въ Своемъ твореніи, повелѣвая извѣстнымъ причинамъ производить извѣстныя послѣдствія; учреждаются эти законы мгновенно, по мысли Божіей, но дѣйствуютъ медленно и не зависятъ отъ прямого вліянія лучей Божіихъ на вещество, но отъ силы самихъ вещей, по расчету Божьему; такія дѣла постепенны. Такъ и въ самомъ твореніи были дѣла быстрыя, лично отъ Бога шедшія, вечеромъ начатыя и тѣмъ же самымъ вечеромъ конченныя, и дѣла медленныя, совершавшіяся посредствомъ законовъ, установленныхъ Богомъ во время Его личныхъ дѣлъ. Потому слова: „и былъ вечеръ“, повторенныя для каждого дня творенія, означаютъ и начало и конецъ личнаго дѣла Божьяго, а слова: „и было утро“ означаютъ каждый разъ конецъ того дѣла, которое, какъ сѣмя, посѣянное въ землю: „и спитъ, и встаетъ человѣкъ ночью и днемъ, а какъ сѣмя прозябаетъ и вырастаетъ, не знаетъ самъ, ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ“. Для видимаго свѣта, перваго дѣла творенія, мгновеннымъ, личнымъ дѣломъ Божьимъ было появленіе его внутри Неба въ очень маломъ количествѣ, одной только искрой, а постепеннымъ дѣломъ, посредствомъ законовъ природы—возникновеніе всѣхъ видовъ его, имѣющихся теперь со всѣми ихъ свойствами, и во всемъ нужномъ количествѣ и во всѣхъ нужныхъ мѣстахъ, ибо надо было приготовить свѣтъ не только тамъ, гдѣ имѣла быть земля, но и тамъ, гдѣ имѣли быть другіе тѣлесные міры, и для этого въ теченіе перваго дня не только наполнилось свѣтомъ пространство будущаго земнаго міра, но изъ хаоса былъ перенесенъ свѣтъ и во всѣ мѣста, назначенныя для другихъ міровъ. Все это совершалось медленно, не вдругъ. Къ концу перваго дѣла было утро (по размѣру временъ назадъ), къ началу втораго былъ опять вечеръ; въ промежуткѣ между этимъ утромъ и этимъ вечеромъ твореніе не шло впередъ, а оставалось въ покоѣ, и потому это было; дѣйствительно, въ нынѣшнемъ земномъ полномъ смыслѣ этого слова, время часовъ, заключающихся между утромъ и вечеромъ одного дня. Время остановки Божьихъ дѣлъ опредѣленно; время движенія ихъ таинственно. „И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды и отдѣляетъ воду отъ воды; и стало такъ“. Какъ онъ сплю-

тилъ искру видимаго свѣта изъ простыхъ началъ его, такъ изъ сложныхъ, невидимыхъ свѣтовъ мгновенно составилъ тѣ простѣйшія тѣла, которыя уже не свѣтъ, и это былъ переходъ отъ свѣтовыхъ веществъ къ темнымъ; изъ этихъ простѣйшихъ тѣлъ онъ такъ же мгновенно составилъ воду и воздухъ, образующій твердь, наружную оболочку будущаго земного шара. „И создалъ Богъ твердь и отдѣлилъ воду, которая подъ твердью, отъ воды надъ твердью; и стало такъ. И былъ вечеръ, и было утро, день второй“. Вода подъ твердью была тогда невидимая; вода надъ твердью невидима и теперь; она состоитъ изъ тѣхъ же простѣйшихъ началъ, какъ и видимая вода, т. е. изъ тѣхъ же плотскихъ невидимыхъ свѣтовъ, слитыхъ въ простѣйшія тѣла, но слиты они вмѣстѣ такъ, что эта вода имѣетъ степень плотности, недоступную тѣлеснымъ чувствамъ. Такая невидимая вода разлита по всему пространству между землей, и солнцемъ, и звѣздами, и земля, и солнце, и звѣзды, какъ чуть замѣтные острова, разсыпаны по этому необъятному морю. Для невидимой воды и воздуха, втораго дѣла творенія, мгновеннымъ личнымъ дѣломъ Божьимъ было сложеніе одной капли воды и равнаго ей количества воздуха, что совершилось вечеромъ, въ началѣ втораго дня, послѣ полдневнаго покоя отъ утра 1-го дня, а образованіе всей воздушной оболочки земли, скопленіе воды подъ нею и наполненіе невидимою водою всего звѣзднаго пространства, было дѣломъ постепеннымъ, посредствомъ законовъ природы.

§ 62. „И сказалъ Богъ: да соберется вода, которая подъ твердью, въ одно мѣсто и да явится суша; и стало такъ“. Послѣ втораго дня хаосъ подъ твердью состоялъ уже не изъ однихъ свѣтовъ, но, кромѣ ихъ, и изъ всѣхъ простѣйшихъ тѣлъ, въ которыя они сложились. Дабы вода собралась въ одно мѣсто, она стала плотнѣть и изъ невидимой дѣлаться видимою; а вещества, составившія сушу, стали слагаться изъ простѣйшихъ тѣлъ, имѣвшихся готовыми среди хаоса. Этимъ былъ сдѣланъ переходъ отъ веществъ уже не свѣтовыхъ, но еще невидимыхъ, и отъ веществъ уже видимыхъ, но еще свѣтовыхъ, и отъ веществъ воздушныхъ, видимыхъ въ большомъ количествѣ вдали, къ веществамъ жидкимъ и твердымъ, видимымъ и вблизи, и въ малыхъ количествахъ. Когда весь земной шаръ былъ готовъ,

вода разлилась по его впадинамъ, „и назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ назвалъ морями“. Для видимой воды и суши, начала третьяго дѣла творенія, мгновеннымъ личнымъ дѣломъ Божьимъ было сложеніе первой капли плотной воды и первой крупницы земли, а собираніе всей воды невидимой въ болѣе плотномъ состояніи въ меньшее пространство, и сложеніе всѣхъ видовъ камня и земли, составляющихъ сушу, и образованіе изъ нихъ земного шара въ нынѣшнемъ его составѣ, было дѣломъ постепеннымъ, посредствомъ законовъ природы. Первая капля морей и первая крупница суши были созданы (точно такъ же мыслью и волей Божіей черезъ лучи Его) вечеромъ въ началѣ третьяго дня, послѣ полдневнаго покоя отъ утра втораго дня. „И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень, траву, сѣющую сѣмя по роду и подобію ея, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ; и стало такъ“. Всѣ живыя тѣла на землѣ состоятъ изъ тѣхъ же простѣйшихъ тѣлъ, какъ и неживыя тѣла, и всѣ тѣла, живыя и неживыя, отличаются между собою только способомъ сложенія и выборомъ тѣхъ же самыхъ простѣйшихъ тѣлъ. Словами Божьими: „да произраститъ земля зелень“ былъ сдѣланъ переходъ не отъ менѣе твердыхъ и сложныхъ веществъ къ болѣе твердымъ и сложнымъ, какъ было до тѣхъ поръ, но отъ неживыхъ къ живымъ. Временемъ этого перехода была иносказательная ночь между вечеромъ, начавшимъ третій день, и утромъ, кончившимъ его. Послѣ мгновеннаго сложенія перваго жидкаго и твердаго вещества, сдѣланнаго самимъ Богомъ, послѣдовало медленное, постепенное образованіе земного шара и окончилось въ продолженіе ночи, составляющей третій день (въ духовномъ смыслѣ), и тогда уже появилась на готовой землѣ живая плоть. Потому всѣ личныя дѣла Свой надъ неживою плотью, въ которыхъ Онъ двигалъ и скрѣплялъ частицы плоти лучами мысли и воли Своей, Богъ начиналъ и кончалъ вечеромъ, но то личное дѣло Свое, которымъ Онъ создалъ живую плоть, Онъ совершилъ въ теченіе духовнаго дня, въ тѣлесномъ же смыслѣ ночью, между вечеромъ и утромъ, а если бы измѣрить времена назадъ, то это дѣло пришлось бы именно ночью. Для созданія живой плоти Богъ употребилъ не сложеніе, какъ шло твореніе до сихъ поръ,

а разложеніе. Въ крупицѣ мертваго вещества, по малости своей невидимой вещественному глазу, былъ разложенъ Духомъ Святымъ (Духомъ Дочери) одинъ изъ составлявшихъ ее простѣйшихъ свѣтовъ, одинъ изъ тѣхъ свѣтовъ, которые составлены не изъ другой плоти, а изъ сгущенныхъ духовныхъ свѣтовъ, и одинъ изъ этихъ духовныхъ свѣтовъ, составлявшихъ его, былъ вынутъ изъ него. Измѣненный отъ этого убытка простѣйшій плотскій свѣтъ Богъ разлилъ по всей крупицѣ твердаго вещества и создалъ изъ него второе тѣло этой крупницы, соединенное съ ней не сложеніемъ, а совмѣщеніемъ. Вынутый изъ этого свѣта духовный свѣтъ Онъ также разлилъ по всей крупицѣ и создалъ третье тѣло ея, изъ мертваго духовнаго свѣта, также соединенное совмѣщеніемъ со вторымъ тѣломъ изъ плотскаго свѣта. Въ это третье тѣло изъ мертваго духовнаго свѣта Богъ заронилъ искру живого свѣта Рафаила, и искра разлилась по третьему тѣлу, и стала въ немъ его душою, принявши видъ всего тѣла, и всѣ три тѣла, до послѣдняго, твердаго, одушевились, и мертвое вещество стало растеніемъ. Съ тѣхъ поръ во всякой живой плоти на землѣ, не исключая человѣческой, есть три тѣла одно въ другомъ, твердое наружное, свѣтовое плотское, и свѣтовое духовное (мертваго свѣта) и въ этомъ послѣднемъ соединенная съ нимъ и черезъ него со всѣмъ остальнымъ тѣломъ душа, т.-е. духовное тѣло изъ живого свѣта Сына.

Растеній Богъ создалъ два, мужского и женскаго пола, и этими первыми растеніями изъ невидимыхъ глазу крупицъ твердаго вещества совершилось мгновенное, личное дѣло Божіе, при сотвореніи растеній. Во время этого дѣла Богъ установилъ тѣ законы Свои, которые постепенно произвели и окончили къ утру третьяго дня все множество и разнообразіе растеній на землѣ. Растенія размножались какъ нечетнымъ способомъ, неизмѣняющимъ природу, такъ и четнымъ, измѣняющимъ ее, и у низшихъ существъ, кромѣ того, ее совершенствующимъ. Первый появившійся на землѣ видъ растеній совершенствовался всѣми рождавшимися парами во всѣхъ поколѣніяхъ, а отъ одной избранной пары, достигшей наибольшаго совершенства, произошелъ чуть замѣтный переходъ къ иному, высшему виду, иной высшей природы; такимъ образомъ, сперва только совершенствуясь въ своей

природѣ четнымъ размноженіемъ, но еще не переходя въ другой видъ, а потомъ посредствомъ одной избранной пары чуть замѣтно измѣняясь въ выпшую природу другого вида, произошли всѣ имѣющіеся виды растеній, отъ низшихъ до высшихъ, и покрыли землю. Низшіе виды были предками высшихъ, и всѣ поколѣнія жили совмѣстно, такъ какъ смерти еще не было. Каждый видъ, произведя изъ себя посредствомъ одной пары высшій видъ, остальными парами продолжалъ размножаться, совершенствуясь уже не такъ быстро, какъ раньше, а чуть замѣтно. Во всей разнообразной цѣпи растеній разница казалась огромною только между отдѣльными одно отъ другого поколѣніями, но она исчезала, и связь между ними становилась очевидною, когда представлялась вся промежуточная цѣпь поколѣній, нечувствительно вышедшихъ одно изъ другого. Таковы были законы Божіи, установленные Имъ въ то время, какъ Онъ разложилъ на три тѣла твердую живую плотъ и заронилъ въ нее искру Свою; и дѣйствіе ихъ было постепеннымъ дѣломъ второй половины третьяго дня. „И былъ вечеръ, и было утро, день третій“.

„И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, для освѣщенія земли, и для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ; и стало такъ.—„И былъ вечеръ, и было утро, день четвертый“. Пока размножались растенія и возникали ихъ виды, освѣщали и грѣли землю тѣ шарообразныя скопленія свѣта, которыя были созданы въ первый день и распределены по мѣстамъ, назначеннымъ для будущихъ свѣтилъ тѣлесныхъ. Такъ что солнце, луна и звѣзды служили растеніямъ земли уже и тогда, но это были міры еще только изъ одного свѣта. Вечеромъ четвертаго дня Богъ мгновеннымъ, личнымъ дѣломъ Своимъ сплотилъ первыя частицы твердаго состава ихъ, а въ продолженіе четвертаго дня они постепенно образовались въ окончательномъ видѣ. Движеніе ихъ, какъ и движеніе земли, производящее дни и ночи и времена года, началось отчасти послѣ перваго же дня творенія, какъ только готовы были скопленія свѣта во всѣхъ мѣстахъ ихъ, хотя они были еще только мірами изъ свѣта, а земля уже была міромъ изъ твердой плоти. Все что сказано о началѣ служенія ихъ для освѣщенія земли, при сотвореніи ихъ въ четвертый день относится къ ихъ твердой плоти, но для свѣта ихъ это на-

чало было раньше. Но вполне правильное движение началось уже у твердых свѣтилъ.

„И сказалъ Богъ: да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной; и стало такъ“.— „И былъ вечеръ, и было утро, день пятый“.

Разница между растеніями и животными зависитъ отъ разницы души ихъ, которая существуетъ и на Небесахъ, въ предвѣчной духовной природѣ рая Божьяго. Такъ, какъ и на землѣ, есть душа растительная и душа животная. Только животная душа, при дальнѣйшемъ развитіи, т. е. при совершенствованіи своихъ видовъ четнымъ размноженіемъ, доходить до способности мыслить, хотя въ зародышѣ еще этой способности не имѣетъ, растительная же душа никогда не идетъ далѣе способности питаться, дышать и производить себѣ подобныхъ. Растеніе есть только „трава, сѣющая сѣмя“, животное есть „душа живая“.

Потому, еще не имѣя способности мыслить, животная душа уже способна чувствовать въ тѣлѣ боль или наслажденіе тѣла, внѣ тѣла питаніе свое началами свѣта, вдыханіе ихъ и сочетаніе съ другой душой, а когда животная душа начинаетъ мыслить, то она уже можетъ чувствовать не только плотскія ощущенія во плоти и низшія душевныя ощущенія внѣ ея, но даже, какъ во плоти, такъ и внѣ ея движенія сердца, нѣсколько подобныя движеніямъ сердца у духа, напр. привязанность къ другому существу, радость, чувство свободы и проч.

Растительная же душа, въ которую вовсе не вложено способности къ мысли, только внѣ тѣла способна чувствовать низшія душевныя ощущенія питанія, дыханія и сочетанія съ другой растительной душой, но высшихъ душевныхъ ощущеній не способна чувствовать, почему не имѣетъ для нихъ и средоточія, сердца, какъ не имѣетъ средоточія мысли, мозга. Въ тѣлѣ растительная душа не чувствуетъ ни чисто душевныхъ ощущеній сочетанія, ни какихъ-либо ощущеній тѣлесныхъ, такъ что всѣ перемѣны здоровья тѣла ея ей самой не извѣстны.

Въ полномъ, позднѣйшемъ развитіи своемъ онѣ требуютъ различныхъ образовъ и различнаго внутренняго устройства, и животная душа, на извѣстной ступени развитія, не могла

бы вмѣститься въ такомъ же образѣ свѣта, такого же внутреннего устройства, какіе имѣетъ душа растительная. Но на самой низшей ступени развитія, въ зародышѣ видовъ, и животная душа можетъ вмѣщаться въ томъ же самомъ образѣ свѣта, какъ душа растительная, также не ушедшая далѣе зародыша.

Существенное различіе растительной души отъ животной происходитъ отъ различій отношенія между свѣтомъ и идеей въ веществѣ ихъ. Живой свѣтъ выдѣляется прямо изъ Сына (при Его сочетаніи), имѣетъ въ себѣ такое отношеніе идеи къ свѣту, составленному изъ нея, что можетъ служить веществомъ только для растительной души, ибо свѣтъ слишкомъ перевѣшиваетъ въ немъ идею. Но, уже по выдѣленіи его изъ Сына, отношеніе это можетъ быть въ немъ измѣнено, животворящею силою Духа Святаго, (Дочери), и лишній свѣтъ можетъ быть извлеченъ изъ него, настолько чтобъ изъ него могла быть сотворена и животная, мыслящая душа. Этотъ-то переходъ къ „живой душѣ“ на землѣ и совершилъ Богъ вечеромъ пятаго дня, когда повелѣлъ водѣ произвести душу живую. Для этого Онъ помѣстилъ въ водѣ то первое растеніе, которое лично оживилъ изъ мертваго вещества—земли, заронивъ въ него Свою искру и отъ котораго размножились, совершенствуясь, другія подобныя ему того же вида. Потомъ, силою Духа Святаго (Дочери) разрѣдилъ третье тѣло его, (изъ мертваго духовнаго свѣта); оно было густо, способно къ сложенію, а теперь, чтобъ сдѣлать его лучшимъ проводникомъ болѣе совершенной души, Богъ уменьшилъ степень густоты его, выдѣливъ изъ него весь лишній свѣтъ, и оно стало чисто-духовнымъ, не слагаемымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе яркимъ, [ибо духовный свѣтъ чѣмъ рѣже, тѣмъ ярче, а чѣмъ гуще, тѣмъ тусклѣе]. Послѣ этого, тою же силою Дочери, Онъ извлекъ изъ растительной души его нѣкоторый лишній свѣтъ, чѣмъ и уменьшилъ въ ней перевѣсъ свѣта надъ идеей, и вотъ, растеніе стало животнымъ, и стало чувствовать, хотя образъ его и внутреннее устройство [самое простое] остались прежнія. Первое оживленіе плоти, посредствомъ разложенія ея и сообщенія ей искры жизни изъ Самого Себя, было совершено Богомъ ночью; превращеніе живой плоти изъ безчувственной въ чувственную, посредствомъ извлеченія лишняго свѣта сперва изъ

нея самой, потомъ изъ души ея, было совершено вечеромъ, ибо тутъ жизнь не прямо исходила отъ Бога. Этимъ было покончено мгновенное, личное дѣло Божье пятаго дня, и посредствомъ законовъ природы, въ то время установленныхъ, началось дѣло постепенное.

Чувствительными были сдѣланы и этимъ превращены въ животныхъ оба первыя растенія мужское и женское, и отъ нихъ стали размножаться другія, частью нечетнымъ способомъ, безъ измѣненія, частью четнымъ, и тогда совершенствуясь всѣми парами, такъ же, какъ и въ первый разъ, и въ томъ же самомъ видѣ; но когда отъ одной избранной пары произошли животныя съ природой, не только усовершенствованной, но и существенно измѣненной, то переходъ этотъ совершился не въ тотъ же самый видъ, какъ первый разъ, ибо тотъ переходъ былъ свойственъ только растительной природѣ, а въ такой видъ, отъ котораго дальше могли произойти всѣ низшіе виды животныхъ, имѣющіеся на землѣ, до рыбъ и птицъ включительно. И такъ произошли они, какъ и виды растеній, одни отъ другихъ, низшіе отъ высшихъ, сперва усовершенствованіемъ каждаго новаго вида всѣми его парами, потомъ чуть замѣтнымъ переходомъ къ новому высшему виду посредствомъ избранной пары; и всѣ поколѣнія жили и размножались вмѣстѣ, и въ великой цѣпи ихъ различны были дальнія поколѣнія, но весьма сходны ближнія [5-й день].

„И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую, по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ, по роду ихъ; и стало такъ“.—Въ теченіе пятаго дня произошли одни отъ другихъ только тѣ виды животныхъ, включая птицъ и рыбъ, которыя еще кладутъ яйца, какъ растенія роняютъ сѣмена, и у которыхъ потому матери еще мало имѣютъ связи съ дѣтьми, и дѣти не питаются молокомъ ихъ. Потому эти существа еще очень далеки отъ законовъ природы духа, у котораго мать на вѣкъ сохраняетъ связь съ дѣтьми, ибо они, живя въ полномъ возрастѣ внѣ ея, въ то же время въ младенческомъ возрастѣ пребываютъ крещеніемъ внутри ея и питаются свѣтомъ ея сосцовъ.

Чтобъ появились существа, ближе подходящія къ духу по рожденію отъ матери, Богъ снова обратился къ тому первобытному, простѣйшему животному, невидимому для

глаза, которое изъ растенія стало животнымъ, и въ третій разъ совершилъ надъ нимъ дѣло Свое, помѣстивъ его снова на землѣ. По второму превращенію его, когда оно перешло отъ растительной жизни къ животной, изъ души его хотя былъ извлеченъ лишній свѣтъ, но не весь, и хотя перевѣсъ свѣта надъ идеей въ душѣ его былъ уменьшенъ, но не до полного равновѣсія. Теперь, вечеромъ шестого дня, Богъ, силою Дочери, извлекъ изъ души этого животного, [изъ обѣихъ особей его, мужской и женской] весь оставшійся въ ней лишній свѣтъ и установилъ въ ней еще большее равновѣсіе между свѣтомъ и идеею,—хотя меньшее, чѣмъ то полное, какое существуетъ у духа, и тогда душа эта достигла высшей степени яркости и жизни и стала способна произвести изъ себя самые высшіе и совершенные виды животныхъ, одаренные наибольшей способностью къ мысли и могущіе дойти до мысли сознательной. Это и было мгновеннымъ, личнымъ дѣломъ Божьимъ шестого дня. Постепеннымъ дѣломъ было сперва размноженіе четное и нечетное и усовершенствованіе первобытнаго живого существа въ томъ же самомъ видѣ, но съ душой уравновѣшенной, носившей въ себѣ зародышъ будущихъ высшихъ твореній; появленіе отъ избранной пары этого вида (сходнаго съ первымъ видомъ какъ растеній, такъ и животныхъ пятого дня) новыхъ существъ, съ чуть замѣтно измѣненной природой, но измѣненной уже не въ томъ видѣ, какъ второй разъ, когда отъ него произошли только животныя, еще кладущія яйца въ самомъ послѣднемъ развитіи, а въ другой, новый видъ, въ такой, отъ котораго могли произойти животныя, ближе стоящія къ духовной природѣ. И вотъ произошли отъ этого вида, по общему закону измѣняясь и совершенствуясь одни изъ другихъ, такія животныя, которыя въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ или видахъ стали рождаться отъ матери живыми и питаться молокомъ ея.

Долговременнымъ пребываніемъ внутри матери и питаніемъ отъ груди ея они приблизились къ духовной связи дѣтей съ матерью, а появленіемъ своимъ внѣ ея не въ яйцѣ, а въ готовомъ состояніи, напомнили быстроту рожденія духа, который рождаясь внутри матери въ младенческомъ видѣ, въ то же время мгновенно появляется внѣ ея въ полномъ развитіи возраста.

Къ утру шестого дня произошла вся цѣпь высшихъ животныхъ, имѣющихъ на землѣ, и достигнуть былъ вѣнецъ творенія Божьяго. „И сказалъ Богъ: сотворимъ челоуѣка, по образу Нашему и по подобію Нашему“.—„И сотворилъ Богъ челоуѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его; мужчину и женщину сотворилъ ихъ“, и далъ имъ обладать землею и владычествовать надъ нею. „И былъ вечеръ, и было утро, день шестой“.

Богъ сотворилъ челоуѣка по образу Своему, тѣмъ самымъ, что вечеромъ шестого дня установилъ въ живой душѣ на землѣ большее, чѣмъ раньше, равновѣсіе между свѣтомъ и идеей, ибо это дѣло Его въ своемъ крайнемъ послѣдствіи вело неизбѣжно къ появленію челоуѣческаго образа во плоти. Но Онъ не сотворилъ плоти челоуѣка непосредственно, а посредствомъ всей цѣпи существъ, возникавшихъ отъ вечера до утра шестого дня, предвидѣнныхъ Имъ и происшедшихъ отъ неизвѣстныхъ дѣйствій законовъ, установленныхъ Имъ во время личнаго дѣла шестого дня.

Образъ всего Бога появился въ челоуѣкѣ: образъ Отца и Сына въ мужчину, образъ Дочери въ женщину. Но челоуѣкъ былъ все таки только животнымъ, ибо имѣлъ животнымъ началомъ только *душу*, существо сотворенное, а не рожденное отъ Бога, и развившееся изъ первобытной животной души, усовершенствованной двумя дѣлами Божьими изъ души растительной. Такого вида животныхъ, какъ челоуѣкъ, появившійся къ утру шестого дня, нѣтъ теперь на землѣ: эти животныя далеко превосходили красотой и совершенствомъ тѣла всѣ нынѣ живущія племена людей, а совершенствомъ души—всѣ нынѣ извѣстные виды животныхъ. Душой и тѣломъ они были такъ высоко развиты, что далѣе совершенствоваться въ этомъ направленіи уже не могли, ибо въ избранной парѣ своего вида представляли такое подобіе образа Божія, выше котораго ужъ не могла пойти никакая плоть и никакая душа. Для нихъ было возможно дальнѣйшее усовершенствованіе только съ переходомъ къ духовному бытію, что и произошло.

§ 63. „И сотворилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои и почилъ въ седьмой день отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмой день и освятилъ его“. Седьмой день, начавшійся вечеромъ послѣ полднѣв-

наго промежутка отъ утра шестого дня,—какъ и всѣ дни творенія начинались вечеромъ,—былъ не такимъ днемъ, какъ первые шесть, не временемъ постепеннаго дѣла неопредѣленной продолжительности, а временемъ покоя Господня, и потому продолжительность его опредѣленна: это было дѣйствительно время одной ночи въ земномъ смыслѣ или одного духовнаго дня, отъ вечера до утра.

„И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земнаго“, ибо изъ праха была создана первая живая плоть, отъ которой онъ произошелъ, „и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душою живою“. Душа, какъ начало жизни во плоти, перешла въ человѣка отъ перваго растенія, получившаго искру Сына и ставшаго животнымъ, но подобно тому, какъ жизнь увеличилась въ первомъ животномъ въ началѣ шестого дня полнымъ освобожденіемъ идеи отъ перевѣса свѣта, жизнь увеличилась въ человѣкѣ въ началѣ седьмого дня *одухотвореніемъ* идеи, такъ что, несравненно болѣе противъ всякой другой животной души, душа его стала *живою душою*. Вечеромъ седьмого дня, когда, уже съ послѣдняго утра шестого дня [т. е. *шестого времени*], готовъ былъ человѣкъ, совершеннѣйшій изъ всего своего вида, и достигъ полнаго юношескаго возраста, въ него воплотился ангельскій духъ, только что рожденный въ одномъ изъ семействъ ангельскихъ, того же самаго юношескаго возраста, какого достигла плоть и душа избраннаго человѣка. Между рожденіемъ и воплощеніемъ этого духа не было промежутка, такъ что онъ въ безплотномъ мірѣ остался только внутри матери своей, младенческимъ духомъ, а внѣ ея появился уже во плоти Адама, соединясь совмѣщеніемъ съ его животной душой. Это событіе вечера седьмого дня не нарушило покоя Господня, ибо оно не было трудомъ Божьимъ надъ плотью или душой, а было лишь повелѣніемъ Бога одному изъ дѣтей Своихъ идти во плоть и самостоятельнымъ дѣйствіемъ этого Божьяго потомка. Съ тѣхъ поръ каждый потомокъ Адама, плотью и душой происходя отъ первобытно оживленной Богомъ крупницы праха, духомъ происходитъ отъ Бога, и каждый нынѣшній человѣкъ есть воплощенный ангелъ, ибо теперь уже не существуютъ животныя съ полнымъ образомъ и подобіемъ Божіимъ и потому заслуживающія названія человѣка, но которыя бы

имѣли только душу, а не духъ. [Душа человѣческая отличается отъ духа его по внутреннему устройству тѣмъ, что яркое изображеніе, со всѣми естественными красками человѣка, она имѣетъ лишь въ наружномъ своемъ слоѣ, во внутреннихъ же слояхъ своихъ имѣетъ только одноцвѣтные изображенія, съ глазами безъ зрачковъ, подобныя изваяніямъ. Потому живопись болѣе способна изображать духъ, чѣмъ ваяніе, изображающее только душу животную, и потому ваяніе служило преимущественно грубой, плотской идеѣ язычества, а живопись легче служить духовной идеѣ христіанства; ваяніе же лишь тогда можетъ возвыситься до нея, если выполнить трудную задачу, изобразить внутреннее слою одухотворенной души, ибо, отъ тѣснаго соединенія съ духомъ, въ нихъ, при всей ихъ слѣпотѣ и одноцвѣтности, появляется идея духа, и въ этомъ величайшее торжество ея, а потому велико было бы и торжество искусства, которое изобразило бы такое господство духа надъ душой]. Внѣшній яркій слой души также отличается отъ внѣшняго вида духа, какъ обыкновенный видъ Иисуса Христа отъ Его же вида во время преображенія на горѣ Фаворской. Преображеніе въ томъ и состояло, что ученикамъ, сквозь оболочку плоти и души, сталъ виденъ Духъ Его. О двойной природѣ человѣческой Писаніе много разъ упоминаетъ, напр.: „Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, *душевная*, бѣсовская“. [Іак. III, 15]. „*Душевный* человѣкъ [т. е. въ комъ душа животная господствуетъ надъ духомъ] не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судить о немъ, а о немъ судить никто не можетъ“. [I Кө. II, 14—15]. „Съется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное, есть тѣло и духовное. Но не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное“. [I-е Кө. XV, 44, 46]. „Слово Божіе острѣ всякаго меча обоюдоостраго; оно проникаетъ до раздѣленія *души* и *духа*, составовъ и мозговъ“. [Евр. IV, 12].

Когда Адамъ сдѣлался воплощеннымъ ангеломъ, то въ саду Эдемскомъ, гдѣ его поселилъ Богъ, было, по Писанію, кромѣ всякаго дерева, „пріятнаго на видъ и хорошаго для пищи“, древо жизни посреди рая, и древо познанія добра

и зла. Въ этомъ есть иносказаніе: дерево жизни и дерево познанія было *одно* и то же дерево, и это былъ самъ Адамъ. [Мозговыми нитями духа, души свѣтового тѣла, человѣкъ внутренно походитъ на дерево, почему Писаніе часто употребляетъ такое сравненіе для него]. Деревомъ жизни Адамъ былъ по сочетанію своему—какъ духъ четный—съ своей духовной женой, пребывавшей сначала еще только внутри его, но еще не выдѣлившейся изъ него и потому бывшей ему самому еще не извѣстной; деревомъ познанія онъ былъ по способности своей плоти сочетаться съ другой женской плотью чуждаго его духу существа, чего онъ еще не испыталь, ибо былъ дѣвственъ, когда духъ его воплотился въ него.

Тѣмъ же вечеромъ седьмого дня, немедленно по принятіи имъ ангельскаго духа, „Богъ привелъ къ человѣку всѣхъ животныхъ, чтобъ видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живую, такъ и было имя ей“. Это было испытаніемъ для человѣка, ибо „заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть; а отъ дерева познанія добра и зла, не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертію умрешь“. Такая заповѣдь была вложена во все духовное существо Адама, и всѣмъ духовнымъ существомъ своимъ онъ чувствовалъ, что унижить себя, какъ потомка Божьяго, если сочетается одною лишь плотью съ женщиной, не имѣющей ангельскаго духа, какъ онъ, а только душу сотворенную. И какъ только далъ ему такую заповѣдь Богъ, такъ „сказалъ [Самъ Себѣ] Господь Богъ: не хорошо быть человѣку одному: сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему“. Но чтобы самъ человѣкъ созналъ и понялъ потребность свою въ такомъ помощникѣ, Богъ привелъ къ нему всѣхъ животныхъ, и къ чести для человѣка, между ему подобными по виду, „не нашлось ему помощника, подобнаго ему“. Богъ остерегалъ его не отъ всякаго сочетанія, но только отъ сочетанія одной плоти, безъ участія духа, и вотъ, когда Богъ показалъ ему дочерей человѣческихъ, то ни въ одной изъ нихъ не ошибся человѣкъ, хотя онѣ были красивыми и необыкновенно умными животными; ни въ одной, даже въ самой лучшей, онъ не призналъ помощника подобнаго себѣ.

„И навелъ Господь Богъ на человѣка крѣпкій сонъ; и, когда онъ уснулъ, взялъ одно изъ реберъ его, и закрылъ то мѣсто плотью. И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка, жену, и привелъ ее къ человѣку“.

Въ это время, ночью, въ половинѣ седьмого дня, выдѣлилась изъ духа Адама природная жена его, сотворенная Духомъ Св. при рожденіи его изъ дополнительной идеи его, и воплотилась въ совершеннѣйшую изъ женщинъ, въ ту, которая по совершенству души и тѣла соотвѣтствовала Адаму, такъ что они были избранной парой изъ всего своего вида, и вотъ, въ эту ночь женщина стала такимъ же воплощеннымъ ангеломъ, какимъ былъ уже съ вечера мужчина.

Подъ дѣйствіемъ духа, вошедшаго въ нее, измѣнился соотвѣтственно ему свѣтъ души ея и свѣтъ невидимаго, свѣтового тѣла, и она стала по душѣ и по свѣтовому тѣлу [въ его духовныхъ началахъ] такимъ же дополненіемъ Адама, какимъ была по духу, и такъ же душой и свѣтовымъ тѣломъ своимъ они повторились одинъ въ другомъ, посредствомъ крещенія и обрученія своихъ душевныхъ и тѣлесно-свѣтовыхъ слоевъ, какъ уже были соединены по духу.

Вслѣдъ за свѣтовымъ тѣломъ Адама, перенесеннымъ въ его жену душой его, [ибо свѣтовое тѣло такъ же можетъ повторяться въ разныхъ мѣстахъ, но только не самостоятельно, а совмѣстно съ душой и духомъ] выдѣлилось и изъ видимаго тѣла его нѣкоторое количество свѣтовыхъ частей, въ видѣ простѣйшихъ плотскихъ свѣтовъ, изъ которыхъ сложена всякая плоть, и перешло въ жену его вмѣстѣ съ его свѣтовымъ тѣломъ; вслѣдствіе этого, составъ ея видимаго тѣла также измѣнился и сдѣлался подобенъ, по отношенію въ немъ простѣйшихъ началъ его между собою, составу тѣла Адама, и вся тѣлесная природа ея стала подобна его природѣ [ибо тѣлесная природа каждаго человѣка, при сходствѣ съ природой другихъ людей, имѣетъ и нѣкоторое различіе, частью подъ вліяніемъ свѣтового тѣла, которое у всякаго человѣка свое, какъ и духъ, частью отъ разницы внутренняго соотношенія простѣйшихъ началъ всей плоти].

Объ этомъ сказано, что „создалъ Богъ жену изъ ребра Адама“, и это имѣетъ нѣсколько значеній; Онъ создалъ ея духъ, силою Дочери, изъ дополнительной идеи духа его,

какъ бы изъ ребра его, иносказательно, и это при самомъ его рожденіи на небесахъ; при воплощеніи въ нее духа, Онъ создалъ новую душу и новое свѣтлое тѣло ея, измѣнивъ ихъ въ дополненія души и свѣтового тѣла Адама, но это создалъ Онъ не прямымъ дѣломъ Своимъ и не нарушая покоя Своего въ седьмой день, а законами природы, установленными раньше, по которымъ свѣтъ души и тѣла долженъ былъ измѣниться сообразно духу; при совершившемся вслѣдствіе этого соединенія слоевъ души и свѣтового тѣла ихъ обоихъ, Онъ тѣми же законами, раньше предусмотрѣнными, создалъ новый составъ видимаго тѣла ея посредствомъ перенесенія въ него составныхъ свѣтовыхъ началъ Адама, такъ что ея собственныя начала расположились въ ней иначе, чѣмъ прежде, и подобно тому, какъ въ немъ. „И сказалъ человѣкъ: вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою, ибо взята отъ мужа своего. Потому оставить человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два одна плоть“. Они стали двое одною плотью двумя способами: сперва, при первомъ сотвореніи жены изъ мужа, самымъ уподобленіемъ плоти его плоти ея, вслѣдствіе выдѣленія изъ него въ нее ея духа и соединенія съ ней его души и плотскихъ свѣтовыхъ началъ; потомъ, когда онъ увидѣлъ, что она стала существомъ соотвѣтственнымъ ему и равнымъ ему по духу, то и сочетаніемъ ихъ плоти, [совпадавшимъ съ сочетаніемъ всего ихъ внутренняго существа духа, души и свѣтового тѣла, попеременно движеніями слоевъ ихъ одного въ другомъ].

„И были оба наги, Адамъ и жена его Ева, и не стыдились“, ибо любовь духа превышала въ нихъ влеченіе плоти, и чувство сочетанія духа ихъ преобладало въ нихъ надъ всякимъ низшимъ чувствомъ, и они не унижали себя, сочетаясь другъ съ другомъ. Тогда они стали другъ для друга деревомъ жизни, ибо сочетаніе ихъ должно было дать жизнь другимъ существамъ, дѣтямъ ихъ, и при томъ такъ, что не одна плоть ихъ, но и высшее начало жизни ихъ, духъ, должно было родиться отъ нихъ обоихъ. И давая жизнь другимъ существамъ, сочетаніе ихъ не уничтожало жизни въ нихъ самихъ, ибо согласовалось съ жизнью ихъ духа и съ началомъ жизни, любовью.

Для Адама слова: „оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей“, имѣли двойное значеніе: онъ былъ ближе къ женѣ своей, чѣмъ къ родителямъ, отъ которыхъ родился плотью и душой, ибо они были только животныя, не имѣвшія духа его, и онъ забылъ ихъ и они забыли его, когда воплотился въ него духъ его; онъ былъ также ближе къ женѣ своей, чѣмъ къ родителямъ, отъ которыхъ родился духомъ, ибо они были ангелы, не имѣвшіе плоти, и хотя онъ не забылъ ихъ и они не забыли его, и, по тогдашнему сообщенію человѣка съ духовнымъ міромъ, могли бесѣдовать съ нимъ, но не могли такъ понимать его человѣческую природу, какъ воплощенная жена его.

И вотъ, въ срединѣ седьмого дня Богъ благословилъ вѣнецъ счастья на землѣ и украшеніе земного рая: первую духовную любовь во плоти. И седьмой день былъ первымъ праздникомъ на землѣ, когда наступилъ конецъ его, утро послѣ ночи.

§ 64. Въ началѣ все было хорошо въ твореніи Божьемъ. Еще до наступленія седьмого дня, когда появился человѣческій видъ животныхъ на землѣ, и Богъ благословилъ его, говоря: „плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте надъ всею землею, и надъ всякимъ животнымъ на землѣ“, и когда установилъ Богъ пищу всѣхъ животныхъ, то „увидѣлъ Онъ все, что Онъ создалъ, и вотъ, хорошо весьма“. Такъ былъ приготовленъ рай земной для духа, потомка Божьяго.

Ничто на землѣ не было нечисто, ни во внутренностяхъ человѣка, ни въ выдѣленіяхъ тѣла его; самые отбросы его пищи не представляли тогда ничего нечистаго и непріятнаго и были безъ запаха, какъ земля и вода. Подобно тому, и сочетаніе плоти, назначенное для его размноженія и почти нечувствительное для него подъ сильнымъ дѣйствіемъ любви его духа, было безукоризненно чисто, какъ чисто и прекрасно сочетаніе его духа, въ которомъ сверкаетъ, какъ молнія, новый духъ его дѣтей. Оттого и не стыдились Адамъ и Ева наготы своей, что плоть ихъ сочеталась какъ бы въ видѣ манны сокровенной, непорочной и свѣтлой, и любовь ихъ ничѣмъ не была осквернена.

§ 65. Болѣзнь и смерть были неизвѣстны. Ни одно явленіе, ни одна сила природы не производила непріятнаго

ощущенія ни въ какомъ живомъ существѣ. Холодъ былъ только прохладой, и зной только согрѣвалъ, но не томилъ. Борьбы ни въ чемъ и ни съ чѣмъ не было, и ничто не мѣшало одно другому, а всякое бытіе помогало и способствовало другому бытію. Все въ природѣ взаимно поддерживалось, всѣ законы ея были основаны не на борьбѣ и протіводѣйствіи, а на притяженіи, на влеченіи, на сцѣпленіи, на взаимной помощи, на любви. Какъ въ человѣкѣ, такъ и ни въ одномъ животномъ не было ничего нечистаго и сквернаго, и рожденіе всего живого не возникало изъ грязи, какъ теперь, а изъ тѣлесныхъ отправленій чистыхъ и невинныхъ. Также не было ни одного животного, или бесполезно обременяющаго землю, или вреднаго и непріятнаго для другихъ, или хищнаго, и не было ядовитаго растенія.

§ 66. Живыя существа не уничтожали другъ друга въ пищу, какъ теперь, а питались только отъ избытка жизни растительной, и ни одна травка, ни одна живая крупинка, которая представляла цѣльное существо, не умирала. „И сказалъ Богъ [человѣку]: вотъ Я далъ вамъ всякую траву, сѣющую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя; вамъ сіе будетъ въ пищу. А всѣмъ звѣрямъ земнымъ, и птицамъ небеснымъ, и всякому пресмыкающемуся на землѣ, въ которомъ душа живая, далъ Я всю зелень травную въ пищу; и стало такъ“. Зеленью травною были только листья растеній, но не сами растенія, которыя не уничтожались и снова производили листья. Человѣческою же пищею были преимущественно не листья, а сѣмена растеній, т. е. хлѣбъ.

§ 67. Размноженіе растеній было ограничено употребленіемъ въ пищу человѣка ихъ сѣмянъ и плодовъ. Размноженіе животныхъ, по достаточномъ наполненіи ими земли, должно было остановиться, во избѣжаніе переполненія ея, и, по мѣрѣ того какъ они совершенствовались при четномъ размноженіи, должна была постепенно и незамѣтно убавляться производительная сила ихъ. Размноженіе человѣка плотью точно такъ же должно было прекратиться по достаточномъ населеніи имъ земли, и для этого производительная сила его плоти должна была въ немъ все уменьшаться; но зато производительная сила его духа должна была все увеличиваться и дойти до такого размѣра, чтобы при полномъ пре-

кращеніи производительности плоти, отъ младшаго поколѣнія людей на землѣ родились, несмотря на плотскую оболочку родителей, только духи дѣтей ихъ, какъ отъ Ангеловъ. Тогда эти духи воплотились бы на другомъ свѣтилѣ тѣлесномъ, а чтобъ не порвалась ихъ связь съ земными родителями, Богъ научилъ бы къ тому времени людей или навелъ бы ихъ самихъ на догадку, какъ сообщаться съ другими мірами. Таковъ былъ замыселъ Божій для грядущихъ поколѣній, чтобъ дать перевѣсъ духовной любви надъ плотской.

§ 68. Рожденіе духа во плоти, при условіи безсмертія, должно было происходить точно такъ же, какъ и внѣ плоти, четнымъ и нечетнымъ способомъ.

1) Духъ съ предѣломъ возраста дѣтскимъ долженъ былъ и плотью не переростать этого предѣла, разъ достигнувши его; также и всякій взрослый духъ старѣлся бы и плотью только до предѣла своего.

Разница съ рожденіемъ безплотнаго духа была бы только въ томъ, что послѣдній появляется внѣ матери сразу въ предѣлѣ своего окончательнаго возраста, а воплощенный духъ рождался бы въ младенческомъ возрастѣ и развивался бы до предѣла своего возраста вмѣстѣ съ плотью, но дальше онъ ни плотью, ни духомъ не шель бы.

Такъ сохранилось бы въ каждомъ поколѣніи безсмертнаго человѣчества разнообразіе возрастовъ, безъ котораго нѣтъ и полноты духовной жизни.

2) Дѣти четнаго духа или дѣтскаго предѣла возраста должны были оставаться крещеніемъ внутри матери своей, совмѣстно одни съ другими не только духомъ, но и душой, и свѣтовымъ тѣломъ [ибо невидимый свѣтъ совмѣстимъ].

3) Размножаясь нечетнымъ способомъ, духи болѣе взрослоаго возраста должны были выдѣляться изъ своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ всѣмъ невидимымъ составомъ, духомъ, душой, свѣтовымъ тѣломъ, а видимымъ составомъ твердаго тѣла рождаться отъ тѣхъ же родителей и воплощаться въ эти тѣла, [съ родителями только обручаться невидимымъ составомъ].

Женщины четнаго духа должны были всѣмъ невидимымъ составомъ, духомъ, душой и свѣтовымъ тѣломъ выдѣляться изъ природныхъ мужей своихъ, вскорѣ послѣ рожденія по-

слѣднихъ, и затѣмъ, въ этомъ младенческомъ образѣ, воплощаться въ видимое твердое тѣло, рожденное отъ другихъ родителей [со второго же поколѣнія послѣ Адама]. Потому всякая женщина четнаго духа болѣе родная дочь для матери своего мужа, внутри котораго создается Духомъ Св. вся живая часть ея существа при рожденіи ея мужа, изъ дополнительной идеи его, чѣмъ для своей матери, отъ которой она рождается только мертвою плотью. И съ матерью своего мужа она соединена крещеніемъ чрезъ мужа своего [въ своей же матери она пребываетъ только обрученіемъ слоевъ своего младенческаго духа съ ея слоями, такъ что связь ея съ нею менѣе тѣсна]. [Потому и было установлено Богомъ для человѣческой семьи, чтобъ сыновья женились въ домѣ своихъ родителей, отъ которыхъ и они, и ихъ природныя жены, духомъ родились, а дочери выходили замужъ изъ дома родителей, съ которыми онѣ связаны лишь усыновленіемъ (обрученіемъ своихъ слоевъ), но не прямымъ рожденіемъ отъ нихъ].

Въ безсмертномъ, неиспорченномъ человѣкѣ бракъ его по плоти долженъ былъ подчиняться природѣ его духа. Люди нечетнаго духа не должны были вовсе имѣть никакой потребности въ сочетаніи плоти и должны были оставаться дѣвственными, какъ духомъ по природѣ своей, такъ и плотью, хотя и противъ природы плоти, и этимъ человѣкъ духовный долженъ былъ отличаться отъ животныхъ, знавшихъ только плотскую природу. Сочетаніе плоти вопреки природѣ ихъ духа было бы для такихъ людей деревомъ познанія добра и зла, причиняющимъ смерть. Люди четнаго духа должны были сочетаться плотью не случайно, съ кѣмъ бы то ни было изъ подобныхъ себѣ, а только съ тѣмъ существомъ, съ которымъ они составляли по духу, и вслѣдствіе этого, по душѣ и свѣтовому тѣлу, природную, нераздѣльную чету. [При вкушеніи отъ древа жизни, т. е. при живомъ чувствѣ сочетанія духа, человѣку легко было бы узнать природную жену свою, и узнавать другъ друга легче было бы сначала мужу, чѣмъ женѣ, такъ какъ онъ составляетъ большую часть общей души ихъ духа; потому и было установленнымъ правиломъ, чтобъ первое слово любви было сказано мужемъ]. Ошибка въ природномъ влеченіи и сочетаніи плоти съ существомъ чужимъ по духу была бы такъ

же для человѣка деревомъ познанія добра и зла, со всѣми его гибельными послѣдствіями, хотя бы это произошло и съ существомъ, равнымъ по ангельскому духу, но не съ природной женой, и стало быть при участіи духа, который не имѣетъ безразличной способности къ сочетанію, какъ плоть непроницаемая.

§ 69. Трудъ человѣка долженъ былъ почти весь обратиться на потребности его духа, и лишь весьма мало на потребности тѣла. „Воздѣлывать и хранить садъ Эдемскій“, что было поручено Богомъ человѣку, было дѣломъ настолько легкимъ въ неиспорченной природѣ, что больше имѣло цѣлью дать тѣлу человѣка необходимое движеніе и усиліе, чѣмъ добывать для него пищу. Всѣ естественныя потребности тѣла удовлетворялись въ первобытной, чистой природѣ обильно, пріятно и разнообразно, при самомъ незначительномъ трудѣ, хотя и безъ нынѣшней плотоядной и прихотливой роскоши.

Главнымъ занятіемъ человѣка должно было быть познаніе творенія Божіяго, подъ руководствомъ и при нѣкоторомъ наведеніи Самого Бога, [наука] и воспроизведеніе дѣлъ Божіихъ, въ своихъ дѣлахъ, во славу Его, словами, звуками, красками и изваяніями [искусство].

Но лучшимъ источникомъ блаженства человѣка и величайшимъ отличіемъ отъ теперешней жизни на землѣ было то, что человѣкъ еще могъ видѣть Бога своего и говорить съ Нимъ лицомъ къ лицу, какъ видятъ Его и говорятъ съ Нимъ Ангелы.

§ 70. При совмѣстной жизни всѣхъ поколѣній на землѣ, языкъ человѣческій, хотя развѣтвился бы на свои разновидности, настолько сохранилъ бы связь свою съ корнемъ, что языкъ cadaго поколѣнія былъ бы понятенъ и всѣмъ другимъ, и въ разнообразіи языковъ единство общечеловѣческаго языка чувствовалось бы безъ труда неиспорченнымъ, бодрымъ и дѣятельнымъ, человѣческимъ духомъ, и безъ труда имъ схватывалось бы сходство языковъ, какъ Ангелы легко понимаютъ другъ друга, хотя ихъ языки еще разнообразнѣе человѣческихъ.

При отсутствіи всякой борьбы и всякаго зла, законы и правительства были бы неизвѣстны, и родоначальникъ всѣхъ людей, Адамъ, былъ бы всемірнымъ царемъ только въ томъ

смыслѣ, что служилъ бы для нихъ живымъ памятникомъ ихъ братства.

Книга II.

§ 1. Все это благоденствіе и счастье тогдашней жизни зависѣло отъ свободы, предоставленной человѣку, подчинить или плоть духу, или духъ плоти [ибо безъ свободы не было бы истиннаго счастья].

На эту-то свободу и направилъ свои удары сатана, искавшій случая погубить твореніе Бога, котораго считалъ врагомъ своимъ.

§ 2. Онъ, невидимымъ воздѣйствіемъ своего духа [ибо съ міромъ тьмы люди не сообщались тѣлесными чувствами, какъ съ міромъ свѣта], началъ внушать Евѣ то же, что нѣкогда проповѣдовалъ Ангеламъ, т. е. что ея счастье не полно и не истинно, такъ какъ ему недостаетъ свободы выбора, ибо она счастлива поневолѣ, не зная ничего другого, кромѣ любви своего мужа. [Евѣ казалось, что все это думаетъ она сама, по своей волѣ, и что эти мысли возникаютъ извнутри ея самой, между тѣмъ какъ она была подъ внѣшнимъ, но невидимымъ вліяніемъ лукаваго духа].

§ 3. Въ неиспорченной животной природѣ, возникшей отъ глубоко-разсчитаннаго сочетанія всѣхъ паръ cadaго вновь появлявшагося вида, каждое твореніе имѣло свое собственное дополнительное существо, съ которымъ сочеталось, и каждая чета была ненарушима. На этомъ были основаны и всѣ дальнѣйшіе расчеты Божьи, направленные какъ къ сохраненію видовъ въ ихъ совершенствѣ, такъ и къ тому, чтобъ не переполнилась земля, и твари Его не мѣшали другъ другу.

Прелюбодѣяніе въ то время не было извѣстно не только духу, но и никакой плоти, на всемъ пространствѣ земли.

Но вотъ сатанѣ удалось устроить такъ, чтобъ змѣи ошибся въ природѣ своей и первый нарушилъ основной законъ жизни, и этотъ небывалый примѣръ онъ поставилъ передъ глазами Евы.

§ 4. Тогда уже онъ могъ гораздо опредѣленнѣе и понятнѣе сообщить Евѣ дурныя вдохновенія и такъ сталъ ее му-

чить ими, что она начала страдать духомъ отъ этого постояннаго гнета нечистыхъ лучей его.

Она уже готова была рѣшиться на все, даже на неизвѣстное и опасное, чтобы только избавиться отъ этого неотвязнаго вопроса о какой-то неумолимой тайнѣ. [Сама тайна была ей ужъ не нужна и то, о чемъ она сперва спрашивала себя, подъ конецъ опротивѣло ей и стало ей равнодушно], но она чувствовала, что кто-то о чемъ-то безпощадно и непрерывно спрашиваетъ ее и не бросить ее, пока не добьется отвѣта.

[Одно средство для нея было, обратиться за помощью къ Дочери Божьей, признаться Ей во всемъ и принять Ея союзъ для отраженія нечистыхъ вліяній. Но она этого не сдѣлала, и, на вопросъ Дочери о перемѣнѣ ея духа, глубоко затаилась, потому ли, что надѣялась на себя, или потому, что не понимала всей опасности. А Дочь, хотя и знала ея мысли, но не хотѣла нарушать ея свободную волю.]

Окружавшихъ ихъ душевныхъ людей она не знала такъ хорошо, какъ мужъ ея, ибо не испытала одиночества между ними; съ перваго же взгляда они казались ей такими же существами, какъ она сама, въ чемъ сатана не замедлилъ убѣдить ее. Они были настолько развиты умственно, что на своемъ, хотя ограниченномъ языкѣ могли говорить и съ духовнымъ человѣкомъ обо всемъ, касавшемся потребностей плоти или развлеченій и души; только при болѣе глубокомъ знакомствѣ съ ними могло быть видно, что имъ недостаетъ стремленія ангельскаго духа къ безконечности и широкаго полета его, а во всѣхъ низшихъ земныхъ дѣлахъ они были даже искусиѣ и счастливиѣ дѣтей Божьихъ.

И вотъ, неустанныя искушенія и вопросы лукаваго духа, при отчужденіи Евы отъ Дочери, вслѣдствіе смутнаго для нея самой, но ложнаго стыда, достигли того, что она вкусила отъ дерева познанія добра и зла, [и стыдъ, но уже истинный, осуществившійся, а не предостереженіе только совѣсти отъ возможнаго стыда, охватилъ ее своимъ мученіемъ].

§ 5. Когда Адамъ узналъ объ этомъ отъ нея же самой, то въ первый разъ на землѣ появились гнѣвъ и ревность; онъ упрекнулъ ее словами, которымъ тотъ же злой духъ научилъ его. Ева не перенесла обиды и не дала ему время

одуматься и простить ее, чѣмъ зло было бы остановлено на полдорогѣ, а также вспыхнула гордостью, и отвѣтила, что онъ воленъ сдѣлать то же самое, и что она не требуетъ отъ него того, чего не исполнила сама. Изъ жажды мщенія, онъ пошелъ исполнить ея совѣтъ и объявилъ ей о томъ. Но когда это совершилось, они поняли, что оба одинаково преступны, и что ихъ счастьемъ и ихъ безсмертіемъ конецъ, ибо они нарушили законъ жизни, установленный Богомъ, по примѣру Его Самого.

Въ нихъ тогда не осталось и слѣда злобы другъ на друга и съ прежней любовью другъ къ другу, но съ тяжелой скорбью, стали они ждать суда Божьяго.

§ 6. [Какъ только они увидали Бога, они хотѣли поклясться Ему, что ихъ первое злое дѣло будетъ и послѣднимъ, но Онъ остановилъ ихъ, говоря, что они не знаютъ сами, въ чемъ хотятъ клясться и что это теперь уже не отъ нихъ зависитъ. Въ долгой печальной бесѣдѣ съ Нимъ они узнали и поняли новыя условія жизни, въ которыя себя поставили]. Вещество ихъ духа измѣнилось; оно уже не было совсѣмъ свѣтлымъ, какъ у духа свѣта, но и не было совсѣмъ темнымъ, какъ у духа тьмы; это былъ новаго рода духъ, больной духъ человѣческой. Это измѣненіе свѣта его произошло отъ зародыша зла, вошедшаго въ его идею, и съ этой примѣсью заразы зла онъ долженъ былъ передаться по наслѣдству и ихъ дѣтямъ. Уничтожить въ себѣ зародышъ зла ни они сами, ни ихъ дѣти уже не могли собственными силами; даже для того, чтобъ онъ оставался на степени зародыша и не разрослся до такихъ размѣровъ, чтобъ поглотить въ нихъ добро, требовалась отъ нихъ непрерывная борьба съ нимъ и неустанная бдительность надъ нимъ; [этого одного было достаточно, чтобъ отравить всю жизнь ихъ и испортить все ихъ счастье].

Отъ духа ихъ зараза сообщилась и ихъ душѣ, и всему тѣлу, черезъ его простѣйшія начала, сгущенные духовные свѣты, и вслѣдствіе этого ослабѣла жизнь въ ихъ душѣ. Ослабленная душа уже не могла вѣчно поддерживать цѣлость ихъ тѣла, отсюда произошла необходимость ихъ смерти; чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе должна была становиться связь разлитыхъ частей ихъ существа, и съ наступленіемъ смерти, духъ ихъ долженъ былъ отдѣлиться отъ души, и душа отъ

тѣла; первое тѣло, ближайшее къ душѣ, изъ мертваго не-слагаемаго духовнаго свѣта, должно было расплыться и потерять образъ свой, за недостаткомъ въ немъ живого начала; второе тѣло ихъ плотскаго свѣта и третье видимое, твердое, должны были оба разложиться на свои составныя части.

Духъ, отдѣлившійся отъ души, не теряетъ своей бодрости, а напротивъ, живетъ еще болѣе полною и дѣятельною жизнью, чѣмъ въ смертномъ тѣлѣ, гдѣ онъ часто впадаетъ въ сонное, полусознательное состояніе; душа же, отдѣлившаяся отъ духа, полною жизнью не живетъ, но спитъ или дремлетъ, почему умершіе люди и называются, по состоянію души ихъ, усопшими, хотя духомъ они бодрѣе прежняго.

Но не только въ человѣкѣ поселилась зараза послѣ грѣха его: черезъ свѣтотворныя выдѣленія его духа, души и тѣла, она быстро сообщилась всему творенію, всей природѣ, даже неодушевленной, черезъ простѣйшія начала ея, духовныя сложимыя свѣты, и не только на землѣ, но и на всѣхъ остальныхъ мірахъ.

Послѣдствіемъ этого было то, что въ природѣ появились борьба и противодѣйствіе, и что природа, прежде бывшая во всемъ благопріятною для человѣка, теперь стала угрожать ему на каждомъ шагѣ.

Живыя существа, ставшія смертными, почувствовали въ себѣ уменьшеніе жизни и уже не удовлетворялись, какъ прежде, зеленію травною, сѣющею сѣмя, а стали уничтожать другъ друга.

На землѣ, гдѣ добрый отъ природы духъ человѣка сталъ бороться со зломъ, зло было еще не такъ велико, но на другихъ мірахъ оно свирѣпствуетъ съ тѣхъ поръ въ животныхъ, растеніяхъ и неодушевленныхъ веществахъ съ неизвѣстною на землѣ силою. Тамъ твореніе, еще не бывши въ то время законченнымъ, остановилось на томъ, на чемъ его застигло зло: гдѣ животныя достигли образа человѣческаго, тамъ они имѣютъ его и теперь; гдѣ они его не достигли тогда, тамъ и теперь его нѣтъ; а гдѣ вовсе еще не было животныхъ, или даже растеній, тѣ міры и теперь носятся по пространству съ однимъ мертвымъ веществомъ; духа же ангельскаго во плоти нигдѣ тамъ не было и нѣтъ.

Среди испорченной, зараженной природы, трудъ человѣка для потребностей тѣла сталъ для него рабствомъ, а свободный трудъ для пищи духа сталъ доступенъ не всегда, и не всякому, и большею частью возможенъ только при добровольномъ подвигѣ лишеній тѣла, ибо такой трудъ не совмѣстимъ съ торопливыми, житейскими дѣлами корысти.

Худшимъ же проклятіемъ грѣха человѣческаго было то, что падшая природа его стала не способна внѣшними чувствами сообщаться съ міромъ духовнымъ, и Бога своего человѣкъ уже больше не могъ видѣть, ни говорить съ Нимъ, какъ до тѣхъ поръ. Онъ могъ мыслью знать о Его присутствіи вблизи себя, могъ вѣровать въ это присутствіе, и подучать вдохновеніе отъ Него во внутренней бесѣдѣ духа, но и присутствіе это, и бесѣда эта должны были сдѣлаться невидимыми и нечувствительными для нашей внѣшней природы.

Пока ихъ духъ еще не такъ далеко отошелъ отъ тѣла ослабленіемъ связи съ нимъ, Адамъ и Ева еще говорили съ Богомъ лицомъ къ лицу, но паденіе ихъ быстро въ нихъ дѣйствовало, и духъ ихъ съ каждой минутой уходилъ глубже внутрь ихъ, [такъ что бесѣда ихъ съ предвѣчной Семейю, съ Богомъ и съ ихъ матерью, Маргаритой, (которая также пришла къ нимъ) была прощальною].

Но и изъ самаго зла Богъ извлекъ добро для человѣка и научилъ его пользоваться имъ. Смерть была для нихъ истиннымъ благодѣяніемъ, ибо избавляла ихъ отъ вѣчныхъ страданій на землѣ, и открывала имъ, послѣ нѣкотораго спокойнаго пребыванія въ безплотномъ мірѣ, путь въ будущій переустроенный и снова блаженный тѣлесный міръ, котораго Богъ хотѣлъ достигнуть особеннымъ Своимъ вмѣшательствомъ; на землѣ же мысль о смерти дѣлаетъ людей терпѣливѣе и снисходительнѣе другъ къ другу.

Страданія всякаго рода стали цѣлебными для ихъ духа и приготовительнымъ средствомъ къ переустройству міра; между безусловнымъ добромъ и зломъ страданіе есть переходная ступень, [на которой зло можетъ быть только относительно, добро же можетъ быть безусловнымъ], и тогда такое страданіе переноситъ духъ изъ міра зла снова въ міръ добра. Оно придало духу человѣческому, взаимъ его прежней чистоты, новое прекрасное свойство, самимъ Анге-

ламъ раньше неизвѣстное, самоотверженіе; и вотъ такое-то страданіе, въ которомъ есть самоотверженіе, очищаетъ духъ человѣка настолько, что зло остается въ немъ чуть замѣтнымъ и безвреднымъ зародышемъ; даже заслуженное страданіе, переносимое терпѣливо, и съ сознаниемъ его справедливости, снимаетъ съ человѣка вину его, но чѣмъ страданіе менѣе заслужено и болѣе добровольно, тѣмъ болѣе оно имѣетъ очистительной силы.

Но очистительная сила страданій каждого отдѣльнаго человѣка, установленная вслѣдъ за первымъ грѣхомъ, очень ограничена: она дѣйствуетъ лишь на самого отдѣльнаго человѣка, но не на потомство его, и дѣйствуетъ въ немъ самомъ только пока онъ въ смертномъ тѣлѣ и пока подверженъ страданіямъ, но при переходѣ его въ другое безсмертное тѣло и въ другой, на вѣкъ счастливый міръ, она вѣчно и разъ навсегда дѣйствовать въ немъ не можетъ, ибо зародышъ зла не уничтожается въ немъ его собственными силами и всегда угрожаетъ снова разростись, при безопасности отъ страданій.

Чтобы отъ этого избавить человѣка, нужно было очистительное средство не такое, какое могло явиться внутри го самого.

Среди всякихъ другихъ страданій, неизбѣжныхъ послѣдствій нечистой примѣси міра, Богъ установилъ одно особенное, имѣвшее цѣлью продлить родъ человѣческой: такъ какъ онъ предвидѣлъ, что для женщины, первой виновницы зла, стыдъ будетъ невыносимъ при супружескомъ союзѣ, лишенномъ по ея винѣ чувства сочетанія духа, то болѣзнями и муками при рожденіи дѣтей смягчилъ для нея этотъ стыдъ и сдѣлалъ ей супружескій союзъ возможнымъ.

Но онъ зналъ кромѣ того, что первые люди, еще помнящіе радость своего духа при вкушеніи отъ древа жизни, когда духъ ихъ тѣснѣе былъ соединенъ съ плотью, всю жизнь будутъ тосковать объ этой радости и никогда не помирятся съ чувствами плоти, сдѣлавшейся нечистою. „И сказалъ Господь Богъ: Вотъ, Адамъ сталъ, какъ одинъ изъ насъ, зная добро и зло; и теперь какъ бы не простеръ онъ руки своей, и не взялъ также отъ дерева жизни, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно“. Вкусить отъ древа жизни

для Адама было теперь одно средство: перейти въ безплотный міръ, ибо въ смертномъ тѣлѣ онъ жизни своего духа чувствовать уже не могъ; и вотъ онъ могъ вообразить, что самоубійствомъ этого достигнетъ, и на такой поступокъ не замедлилъ бы подстрекнуть Адама и Еву невидимый врагъ ихъ. „И выслалъ его Господь Богъ изъ сада Эдемскаго, чтобъ воздѣлывать землю, изъ которой онъ взять“.

Сада Эдемскаго, какъ рая земного, какъ теперь нѣтъ нигдѣ, такъ нигдѣ уже и не было и тотчасъ послѣ грѣхопаденія, потому изгнаніе изъ него Адама иносказательно, т. е. тотъ самый уголокъ земли, который былъ для него садомъ Эдемскимъ или раемъ по преимуществу въ общемъ раю всей земли, какъ мѣстопребываніе духовной любви на землѣ, пересталъ быть имъ для него послѣ грѣха и сравнялся со всей остальной зараженной природой. „И поставилъ на востокъ у сада Эдемскаго Херувима и пламенный мечъ обращающійся, чтобъ охранять путь къ дереву жизни“. Херувимъ съ пламеннымъ мечемъ былъ невидимъ и охранялъ не какую-либо мѣстность плотскаго міра, а входъ въ міръ безплотный, единственный въ которомъ казалось возможнымъ для человѣка счастье, происходящее отъ чувства жизни его духа; другими словами, онъ долженъ былъ мѣшать всякой попыткѣ Адама и Евы къ самоубійству, чтобъ не дать имъ погубить себя на вѣкъ несвоевременнымъ переходомъ въ вѣчность, къ которой они не были еще готовы, и что было бы потому противно волѣ Отца.

Послѣ этой мѣры предосторожности, растолковавъ имъ все, что они могли извлечь добраго для вѣчности изъ терпѣливаго, самоотверженнаго и проникнутаго любовью страданія на землѣ, въ остальные дни ихъ жизни, пообѣщавъ имъ исправить нѣкогда все зло, ими сдѣланное, и возстановить твореніе безъ примѣси зла, наконецъ заключивъ съ ними завѣтъ ожиданія Искупителя для нихъ и ихъ потомства, Богъ простился съ Адамомъ и Евою на остальное время, назначенное имъ провести на землѣ.

Тяжко было для нихъ прощаться неизвѣстно на какой срокъ, съ Отцомъ, Сыномъ, Дочерью и Маргаритой, столько ихъ любившими и которыхъ они сами любили больше всего въ мірѣ, но ихъ ободряла надежда на неизбѣжную смерть и на неизбѣжное свиданіе съ Ними послѣ смерти. Этою на-

деждою предвѣчная Семья и осушила ихъ слезы, благословляя ихъ на твердый подвигъ земного испытанія.

§ 7. Законы жизни духа во плоти послѣ грѣхопаденія стали во многомъ иными. Человѣкъ, лишившись живого ощущенія своего духа, не могъ быть непогрѣшимымъ въ выборѣ своей природной жены и не могъ даже знать себя, какой онъ духъ четный или нечетный; съ теченіемъ времени онъ даже потерялъ совѣсть и понятіе о такомъ различіи и сталъ знать и чувствовать только свою плотскую безразличную природу.

Съ тѣхъ поръ большинство людей вкушаетъ отъ дерева познанія добра и зла; нечетный духъ сочетается плотью, и четный сочетается плотью не со своей четой, а съ чужой, или съ существомъ нечетнаго духа; все исказилось и смѣшалось, и духъ сталъ подчиненъ плоти, и Богъ не вмѣняетъ уже этого въ грѣхъ человѣку, ибо это стало въ немъ наслѣдственно, отъ первороднаго грѣха, и онъ дѣлаетъ это безсознательно, не понимая, что дѣлаетъ.

Вслѣдствіе этого сложились особые законы семьи человѣческой въ ея невидимой природѣ.

[II. *Условія духовной жизни во плоти*]. Если супруги оба духи нечетные, то дѣти ихъ суть ихъ братья и сестры старшихъ, самыхъ нечувствительныхъ степеней возрастовъ и выдѣляются духомъ сыновья изъ отца, а дочери изъ матери.

Если [мужъ духъ четный, а жена нечетный, то у нихъ родятся только дочери, сестры матери.

Если мужъ не четный духъ, или хотя и четный, но не природный по духу мужъ своей плотской жены, а она четный духъ, то дѣти ихъ родятся только отъ нея духомъ, душой и свѣтовымъ тѣломъ и отъ ея природнаго по духу мужа, пребывающаго въ ней и оплодотворяющаго духъ ея. Это бываетъ неизбѣжно, хотя бы она его никогда не видала и даже хотя бы жила на землѣ не въ одно время съ нимъ [что также бываетъ].

У всякой женщины четнаго духа, какъ только она достигаетъ предѣла своего возраста, зарождаются внутри духа, души и свѣтового тѣла младенческіе образы ея дѣтей, ибо духъ бесплоднымъ не бываетъ.

Если она остается тѣломъ дѣвственной или если она тѣломъ бесплодна, то они пребываютъ внутри ея до ея

смерти, послѣ которой рождается уже внѣ ея духъ ихъ, а душой они пребываютъ внутри ея души до общаго воскресенія, когда имъ надлежитъ родиться отъ нея душой и воплотиться отъ нея.

Мужъ по духу иногда родится плотью позднѣе своей жены; тогда она выдѣляется изъ него, пока еще его духъ внутри его матери, и воплощается раньше его; 2) иногда же онъ живетъ на землѣ раньше своей жены, тогда она выдѣляется изъ его духа, уже послѣ его смерти, а душа и свѣтовое тѣло ея, уподобляясь ея духу, создаются, одновременно съ рожденіемъ ея плоти, Духомъ Св. внѣ ея мужа, все равно какъ-бы создавались внутри его, изъ части идеи его; 3) иногда же еще онъ живетъ на землѣ послѣ своей жены,—тогда онъ не рождается духомъ на землѣ, а воплощается прямо изъ ангельскаго міра, жена же его выдѣляется изъ его духа и рождается на землѣ раньше его собственного воплощенія. Такіе промежутки между рожденіемъ или воплощеніемъ мужа и жены не мѣшали бы ихъ встрѣчѣ при общемъ безсмертіи человѣчества, но теперь ведутъ къ тому, что на землѣ они никогда не встрѣчаются.

Вмѣстѣ со смертію появилась и старость, независящая отъ возраста духа.—Только люди съ духомъ дѣтскаго предѣла не переростають своего возраста, ибо дѣтскій духъ не совмѣщается со взрослымъ тѣломъ, но такъ какъ теперь нѣтъ закона, чтобъ тѣло такихъ людей далѣе не росло, то они умирають, достигнувши предѣла своего возраста, или, большею частью, раньше.—Люди съ духомъ начиная съ четырнадцати лѣтъ и старше переживаютъ свой предѣлъ и старѣются независимо отъ него, но чѣмъ ихъ возрастъ моложе, тѣмъ и тѣлесное лицо ихъ моложавѣе.

Если у женщины четнаго духа первенецъ нечетнаго духа не умираетъ еще въ дѣтствѣ, то это потому, что онъ выдѣлился еще внутри ея изъ своего брата или сестры, ибо дѣти нечетнаго духа, рожденныя прямо отъ такой женщины, всегда имѣють дѣтскій предѣлъ; взрослый духъ родится *прямо* отъ такой женщины только мужской, четный; если же она рождаетъ плотью братьевъ и сестеръ своихъ *прямыхъ* малолѣтнихъ дѣтей, не родивши этихъ послѣднихъ, то эти послѣдніе остаются въ ней до ея смерти духомъ и до воскресенія душей.

Сама женщина четнаго духа родится, по общему закону, отъ своихъ родителей только плотью, [но въ то же время ея младенческіе духъ, душа и свѣтовое тѣло Духомъ Святымъ соединяются съ матерью ея обрученіемъ внутреннихъ слоевъ ея съ ними, а если отецъ ея по плоти не природный мужъ ея матери, и потому тѣсно не соединенъ съ нею, то младенческіе образы дочери еще особо соединяются съ нимъ, вложенные между слоями сердца его].

Только женщина четнаго духа знаетъ материнскую любовь въ полномъ объемѣ этого слова, ибо только такая рождаетъ дѣтей своихъ изъ нѣдръ своего духа; она понимаетъ эту любовь даже тогда, если тѣломъ остается дѣвственной, ибо дѣти ея все-таки, безъ ея вѣдома, зарождаются въ ней. Женщина, которая сойдя въ глубь своего сердца, не найдетъ тамъ потребности любить мужа своего такъ, чтобы чувствовать себя его частью и ни одной мысли, ни одного чувства, ни одной воли не имѣть отдѣльно отъ него, такая женщина не имѣетъ четнаго духа и не знаетъ, что значить любить дѣтей своихъ. [Всякій любить то, что отъ него родится; мать, родившая только плоть, скажетъ, если ей предложить раздѣлить ея ребенка съ другою, разрѣзавъ его пополамъ: „нѣтъ, лучше возьмите всего его, но не убивайте плоти моего ребенка“; мать, родившая и духъ, и чувствующая это, скажетъ: „хорошо, разрѣжьте его пополамъ, и отдайте мнѣ мертвую половину плоти, лишь бы духъ его не погибъ въ рукахъ этой чужой женщины, оспаривающей чужого ребенка, а пошелъ бы лучше къ Отцу небесному, который сохранить мнѣ его“.

§ 8. Въ то время, какъ въ міръ вошла смерть грѣхомъ, черезъ духовный свѣтъ міра, земной шаръ еще не вездѣ представлялъ одинаково законченный видъ: пока высшіе виды растений и животныхъ совершенствуясь возникали одни изъ другихъ, [что продолжалось для нихъ до самаго седьмого дня, ибо раньше, начиная съ третьяго дня для растений и съ пятаго дня для животныхъ, этотъ путь ихъ былъ только намѣченъ замысломъ Божиимъ, но не осуществленъ до конца на дѣлѣ], въ это время низшіе ихъ виды, или старшія поколѣнія, продолжая размножаться, распространялись по землѣ, но къ тому дню, какъ природа сдѣлалась смертною, они еще не всѣ успѣли настолько раз-

множиться и распространиться, чтобы наполнить всю землю. Новые виды возникали скорѣе, чѣмъ старые распространялись вдаль. Оттого въ то время, какъ на ограниченномъ пространствѣ земли, въ Эдемѣ вокругъ человѣка, природа уже достигла высшихъ степеней своихъ, до самаго вѣнца творенія, образа и подобія Божія, дальше, на остальныхъ мѣстахъ земного шара, еще только размножались старѣйшіе и сравнительно низшіе виды растений и животныхъ. И оттого вокругъ человѣка природа земли была закончена, а далѣе ей въ иныхъ мѣстахъ также многого не доставало, какъ въ третій и четвертый день, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ въ пятый. Наполнилась земля всѣми видами природы своей уже послѣ появленія смерти и высшіе виды распространялись уже при условіяхъ борьбы и упадка; тогда они не могли уже распространяться такъ правильно, какъ передъ тѣмъ возникали и развивались въ Эдемѣ, въ безсмертной и безвредной природѣ; чтобы примѣниться ко всякимъ враждебнымъ внѣшнимъ условіямъ, они должны были и внутренне, сообразно тому измѣняться, иногда къ худшему. [Смерть постигла прежде всѣхъ низшіе виды, какъ растений, такъ и животныхъ. Это было естественно уже потому, что они были старшими поколѣніями, и безъ того давно жившими на землѣ, но кромѣ того живучести въ нихъ было меньше, при менѣе развитой душѣ ихъ. Смертность явилась не вдругъ во всей своей силѣ послѣ полного безсмертія, и какъ человѣкъ, по словамъ Писанія, жилъ первое время по нѣскольку сотъ лѣтъ, такъ и другія животныя существа были сначала еще весьма долговѣчны противъ позднѣйшихъ временъ. Потому прошло много времени, пока умерли первыя особи высшихъ видовъ, между тѣмъ какъ низшіе виды уже давно умирали и смѣнялись другими особями. Долгое время жили и умирали дальше Эдема только низшіе виды, всѣ же совмѣстно только въ Эдемѣ. Потому въ нѣдрахъ земли смерть видна въ порядкѣ творенія: низшіе, за ними высшіе. Отъ Эдема слѣдовъ смерти не осталось. Отъ грѣхопаденія до потопа прошло несравненно болѣе времени, чѣмъ сколько думаютъ, не зная тайнъ человѣческаго духа и потому несовершенно понимая родословіе человѣка по книгѣ Бытія. [Б. V, 3—9]. Но со времени смерти стало такъ, что духъ того же самаго человѣка

иногда черезъ много вѣковъ снова рождается на землѣ и послѣ смерти сливается въ одинъ духъ съ прежнимъ своимъ духомъ, а при общемъ воскресеніи воскреснетъ въ одно и то же тѣло, такъ что такой человѣкъ живетъ два раза въ разное время на землѣ. Такъ и въ родословіи отъ Адама до Ноя отмѣченны только тѣ родоначальники, которые два раза жили, черезъ несмѣтное число промежуточныхъ поколѣній, и потому начинаютъ и кончаютъ собою отдѣльныя времена. Сиевъ, родившись отъ Адама, жилъ первый разъ, а Сиевъ, родивши Еноса, второй разъ; Енось, родившись отъ Сиеа, жилъ первый разъ, а Енось, родивши Кайнана, второй разъ, и т. д. всѣ 10 родоначальниковъ отъ Адама до Ноя. Если бы считать отъ Адама до Ноя всего только 10 поколѣній, то ко временамъ Ноя, и къ сравнительно близкимъ отъ него временамъ Авраама, человѣку невозможно бы было такъ забыть Личности Отца, Сына и Дочери, и личность Маргариты, и всѣ свойства своего собственного духа, что теперь все это открывается, какъ никогда невѣдомыя тайны. Адамъ видѣлъ и Бога и Церковь лицомъ къ лицу, и зналъ жизнь своего духа; на десятомъ поколѣніи отъ него все это еще было живо въ преданіи его дѣтей, но чтобъ это такъ забылось, что даже тройственность Божія провозглашена была въ первомъ Новомъ Завѣтѣ, какъ совершенно новая истина, нужно было громадное количество вѣковъ. Безъ этого условія не могли бы и образоваться языческія вѣры, ибо послѣ такого короткаго промежутка времени, какъ считаютъ теперь отъ Адама до потопа на основаніи неточнаго пониманія книги Бытія, не было бы никакой надобности изобрѣтать ложныя вѣры: слишкомъ свѣжо было бы преданіе истинной. Сперва надо было настолько забыть подробности Божіяго бытія, чтобы въ самомъ Ноѣ понятіе объ истинномъ Богѣ было весьма смутно и неполно, тогда только въ потомкахъ его могла явиться потребность въ ложныхъ вѣрованіяхъ.

Потопъ стоитъ въ такомъ отношеніи къ общему вѣку земли, что онъ приходится не въ началѣ его [какъ оно выходитъ по нынѣшнему неточному лѣтосчисленію], а уже въ концѣ; смерть, вошедшая въ міръ, должна постигнуть не только всякое отдѣльное живое твореніе въ мірѣ, и всякое отдѣльное мертвое существо [для послѣдняго она есть только раз-

ложеііе], но и весь міръ, во всей совокупности его, и потопъ былъ первымъ предвѣстникомъ этой смерти. О пришествіи въ міръ Іисуса Христа пророки говорили, какъ о событіи, имѣющемъ быть въ *послѣднія времена*, и дѣйствительно время отъ Іисуса Христа до конца міра есть ничто иное какъ мгновеніе въ сравненіи съ временемъ отъ грѣхопаденія и установленія смерти до Іисуса Христа. Когда смерть наступитъ для самого міра, тогда изъ простѣйшихъ началъ его, на которыя онъ разложится, Богъ создастъ другой міръ. О чемъ говоритъ Петръ: „Прійдетъ же день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ... Впрочемъ мы, по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда“.

§ 9. Чтобъ человѣкъ могъ войти въ этотъ міръ и снова не испортить его, нужно было безслѣдно уничтожить въ немъ, т. е. въ идеѣ или душѣ его духа самый зародышъ зла, который, пока существуетъ, все угрожаетъ разростись и требуетъ борьбы, несовмѣстной съ блаженствомъ, назначеннымъ человѣку.

Но зародышъ зла, полученный наслѣдственно, только наслѣдственно могъ быть и уничтоженъ. И это новое наслѣдство, которому надлежало поправить старое наслѣдство Адама и Евы, человѣчество должно было получить, какъ рѣшилъ Отецъ, отъ Рафаила, Сына Его единороднаго, и Маргариты, жены Сына, родоначальниковъ человѣчества не по плоти, но по ангельскому духу. Для этой цѣли Рафаиль и Маргарита сдѣлались уже не родоначальниками только, но прямыми родителями по возрожденію всѣхъ сыновъ будущаго блаженнаго вѣка.

§ 10. Рафаиль, въ назначенное для того время, воплотился на землѣ и принялъ двойное естество, т. е. кромѣ Своего Божескаго предвѣчнаго естества, еще естество человѣческое.

Его двойное естество не было въ такомъ смыслѣ двойнымъ, какъ у всякаго другого человѣка, у котораго есть животное естество души и ангельское естество духа; Божеское естество Рафаила не могло соединиться непосредственно съ животнымъ душевнымъ существомъ, но соединилось сперва съ ангельскимъ духовнымъ естествомъ, и черезъ него уже

съ естествомъ душевнымъ и плотскимъ; [какъ духъ соединенъ съ душой, такъ Божественный духъ въ немъ соединенъ съ ангельскимъ (точно того же лица и той же идеи, только низшей природы)]; потому у Него два естества въ томъ смыслѣ, что у Него, надъ животной душой Его, два духа, ангельскій, какъ обыкновенно у человѣка, и Божественный, которые, тѣсно соединившись въ Немъ, составляютъ изъ него одно существо, Богочеловѣка Рафаила-Исуса. Въ одно время съ Нимъ воплотилась и Маргарита, и такъ же, какъ Онъ, имѣла два духа, предвѣчный ангельскій и ангельскій обыкновенный, какой у всякаго человѣка.

Она была Его природной женой, подобно тому, какъ во вѣки вѣковъ предвѣчнымъ естествомъ своимъ, также и всѣмъ остальнымъ своимъ естествомъ: человѣческимъ духомъ, и душой, и свѣтовымъ тѣломъ, т. е. выдѣлилась, при рожденіи своемъ, изъ Него и пребывала въ Немъ, а Онъ въ ней [двойнымъ способомъ обрученія и крещенія слоевъ ихъ]. Рафаиль воплотился явно для міра, Маргарита—втайнѣ, и до сихъ поръ была извѣстна міру весьма не полно: какъ въ Ветхомъ завѣтѣ знали Бога только въ одномъ лицѣ Отца, такъ въ Новомъ завѣтѣ донинѣ знали ее только какъ церковь—общество, (составленное изъ дѣтей ея, выдѣлившихся изъ нея частей ея души), а не какъ церковь-личность.

Вмѣстѣ съ Рафаиломъ - Исусомъ Маргарита умерла и вмѣстѣ съ Нимъ воскресла и вознеслась на Небо, только Онъ воскресъ и вознесся видимо и явно, а она невидимо и тайно.

Еслибъ Маргарита не была такимъ же человѣкомъ, какъ Онъ, съ человѣческимъ духомъ, кромѣ своего предвѣчнаго, и съ животной душой, то Онъ не могъ бы возродить черезъ нее въ одномъ только предвѣчномъ, безплотномъ ея духѣ, все естество человѣческое, духъ, унаслѣдованный отъ Адама, и душу животную; а возрождать Онъ можетъ дѣтей Своихъ, какъ и рождать ихъ, только черезъ Свою жену, какъ и все живое рождается отъ четы, кромѣ перваго примѣра рожденія единосущнаго Сына отъ Отца.

§ 11. Вѣрующіе во Христа Исуса начали возрождаться въ немъ послѣ Его вознесенія и послѣ сошествія Св. Духа на учениковъ Его въ день Пятидесятницы.

Это возрожденіе, состоящее въ погруженіи духа и души человѣка въ Маргариту-церковь и черезъ нее въ Христа, Сына Божія, совершается при видимомъ прообразѣ крещенія на землѣ, черезъ погруженіе въ воду. Во время этого обряда, при произнесеніи словъ: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, происходитъ невидимое и тайное дѣйствіе крещенія, съ помощью животворящей силы Дочери. [Въ воскресшемъ тѣлѣ Маргариты, при сочетаніи ея духа и души съ Христомъ поперемянными движеніями внутреннихъ слоевъ, одинъ слой ея самой и одинъ слой Христа измѣняются на одно мгновеніе въ свѣтъ и въ образъ возрождаемаго человѣка], который послѣ этого навсегда остается, въ младенческомъ видѣ, внутри Маргариты, [въ тѣхъ слояхъ ея, которые погружены въ слои Христа]. Такимъ образомъ каждый возрожденный человѣкъ черезъ Маргариту соединенъ крещеніемъ и съ Рафаиломъ-Христомъ, и не такъ какъ сами Рафаиль и Маргарита возрождены, Онъ въ Отцѣ, она въ Дочери, т. е. не четнымъ способомъ, а возрожденіемъ четнымъ, совершенно подобнымъ первому рожденію. Но при первомъ рожденіи крещены въ матери только дѣтскіе духи и четные взрослые, въ Маргаритѣ же всѣ безъ исключенія, и взрослые нечетные, какъ другіе. [Появленіе младенческихъ духа и души новокрещенаго внутри Маргариты совершается посредствомъ сочетанія ея съ Христомъ; сообщеніе же образа его, живущаго на землѣ, внѣ новой матери его съ этимъ младенческимъ образомъ, появившимся внутри ея, совершается непосредственною силою Дочери Божіей]. Она смыкаетъ лучи свѣта, выдѣляющіеся изъ младенческаго духа внутри Маргариты, съ лучами, выдѣляющимися изъ того же духа, живущаго внѣ ея, и соединяетъ ими человѣка небснаго съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ земнымъ, такъ что земной человѣкъ, пребывающій въ смертномъ тѣлѣ, безъ вѣдома его самого, живетъ общею жизнью съ самимъ собою, пребывающимъ духомъ и душой въ воскресшемъ тѣлѣ своей новой матери. Жизнь его тамъ поддерживается питаніемъ молокомъ изъ свѣта души и духа матери и сочетаніемъ ея съ отцомъ его Рафаиломъ-Иисусомъ, которое возобновляетъ въ немъ жизнь.

Духъ возрожденнаго человѣка погруженъ какъ въ пред-

вѣчный, такъ и въ обыкновенный человѣческій духъ этихъ родителей его, а душа его только въ ихъ душу.

[Каковъ бы ни былъ возрастъ новокрещеннаго на землѣ, младенческій ли, какъ внутри Маргариты, или взрослый, или старый, онъ и въ земномъ тѣлѣ своемъ мгновенно измѣняется духомъ и душой, какъ только его коснется тамъ снопъ свѣтовыхъ лучей, которымъ Дочь Божія приобщаетъ его къ нему же самому, появившемуся въ дочери Ея, церкви; духу и душѣ его сообщаются при этомъ тѣ свойства, которыя они получили при новомъ рожденіи отъ Христа и Маргариты и которыя они незамѣтно сохраняютъ внутри ихъ, а потому духъ и душа его уже не тѣ, какіе были до крещенія, но иные, обновленные, съ новыми свойствами, унаслѣдованными отъ новыхъ родителей; прежними остаются только личная идея и личный образъ человѣка, но изъ нихъ устраниено все, что вслѣдствіе первороднаго грѣха мѣшало имъ быть самими собою, въ истинномъ, неискаженномъ, чистомъ видѣ ихъ, и къ нимъ привито все, что способствуетъ имъ быть воистину самими собою; такъ что послѣ крещенія личная идея человѣка еще болѣе получаетъ особенный личный отпечатокъ свой]. [Въ этомъ и есть главное и важнѣйшее дѣйствіе крещенія и свойство каждаго человѣка, только что получившаго вторыхъ родителей, въ лицѣ Рафаила и Маргариты, кромѣ первыхъ, произведшихъ его въ несовершенномъ видѣ].

Объ этомъ и сказалъ Самъ Христосъ: „истинно, истинно говорю вамъ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть царствія Божія“.—„Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть; а рожденное отъ Духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться свыше“. Еще сказалъ Онъ: „если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царствіе небесное“. Это сказано не только о дѣтской невинности, но и о возрожденіи отъ Него младенческимъ духомъ.

Въ чемъ же состоитъ новое наслѣдство Христа, Сына Божія, второго отца каждаго крещенаго духа? Оно состоитъ въ томъ, что *уничтожаетъ* наслѣдственный отъ Адама зародышъ зла, сперва въ идеѣ духа и потомъ во всемъ свѣтовомъ составѣ человѣка, *пресѣкаетъ* для будущихъ временъ *послѣд-*

ство этого зародыша, болѣзнь и *смерть*, и *сообщаетъ* чловѣку наслѣдственную отъ Христа *способность воскреснуть* въ такомъ тѣлѣ, которое ни страдать, ни умереть не можетъ.

Рафаиль воплотился Божественнымъ Духомъ Своимъ отъ чрева матери, въ младенческомъ образѣ Своемъ, и переходилъ Имъ ко взрослому Божественному образу Своему постепенно. вмѣстѣ съ развитіемъ Своего чловѣческаго духа, души и тѣла. Оттого и чловѣческій духъ, и душа Его, уже родились безъ всякаго зародыша зла, въ смыслѣ склонности къ грѣху, которая совершенно уничтожилась въ нихъ отъ одного только соединенія ихъ еще въ чревѣ матери съ Божественнымъ Его Духомъ; Духъ-Рафаиль изгналъ изъ духа-Исуса все грѣховное, и, такъ сказать, насквозь прожегъ его Собою.

Но тогда не уничтожился еще въ чловѣческомъ духѣ-Исусѣ зародышъ зла въ смыслѣ неспособности духа охранить тѣло отъ болѣзни и смерти и увеличить жизненную силу души. (Христосъ Самъ не нуждался ни въ какомъ очищеніи отъ грѣха, ибо былъ уже отъ рожденія не способенъ грѣшить и не имѣлъ въ себѣ зародыша грѣха, съ которымъ долженъ бы былъ бороться внутри Себя, такъ что при искупленіи Своемъ отъ сатаны Онъ боролся со зломъ не внутри, а внѣ Себя); но Онъ еще нуждался въ очищеніи отъ наслѣдственной чловѣческой способности страдать тѣломъ и умирать; грѣха въ Немъ не было, но было наказаніе за грѣхъ. (заключающееся въ грѣхѣ, какъ естественное послѣдствіе его, какъ дѣйствіе въ причинѣ; не унаслѣдовавши причины наказанія отъ чловѣческихъ предковъ Своихъ, Исусъ унаслѣдовалъ дѣйствіе ея). Но когда Онъ пострадалъ и умеръ, то страданіе и смерть Его, (въ наивысшей степени незаслуженныя, при отсутствіи въ Немъ даже зародыша грѣха, въ наивысшей степени добровольныя, при Его всемогуществѣ отъ нихъ избавиться, и въ наивысшей степени самоотверженныя, при ихъ ненужности для Него Самого, вслѣдствіе ненужности для Него Самого Его воплощенія) достигли въ Немъ и наивысшей степени очистительной силы: Онъ умеръ, унося въ духѣ Своемъ и въ душѣ Своей способность облечься въ такое тѣло, которое уже не имѣло смертоноснаго устройства Адамова тѣла послѣ грѣха; тѣло Его съ тѣхъ поръ, какъ Онъ воскресъ, гораздо больше проникъ

нута душой Его, и душа Его гораздо больше проникнута Его духомъ, чѣмъ было у Адама даже до грѣха; (оттого духъ Его настолько увеличиваетъ и обновляетъ жизненную силу души, что душа, тѣсно и неразрывно соединенная съ тѣломъ, не дастъ ему разрушиться во вѣки вѣковъ и сама никогда не отдѣлится отъ духа). (Все это произвела въ Иисусѣ животворная очистительная сила Его страданій и смерти, чѣмъ и пресѣкла для Него разъ навсегда необходимость страданій и смерти тѣла въ будущемъ).

Дѣти Его по крещенію, какъ только возрождаются въ Немъ измѣненіемъ Его свѣта и свѣта Маргариты въ ихъ свѣтъ, то немедленно такъ же, какъ и Онъ при Своемъ рожденіи, уже не имѣютъ въ себѣ даже зародыша грѣха; ихъ духъ и душа мгновенно становятся такими же чистыми, какъ у перваго человѣка до его паденія, и духъ ихъ становится воистину самимъ собою; этого не могла бы достигнуть въ нихъ одна чистота Иисуса и они бы не могли тогда уподобиться Ему, достигаетъ же этого въ нихъ цѣлебная сила Его страданій и смерти, которая, какъ сильнѣйшее противоядіе очищаетъ ихъ; но и тогда еще остается въ нихъ способность болѣть и умирать, ибо очистительная сила искупленія Христова сперва дѣйствуетъ только на зародышъ грѣха, но не на зародышъ болѣзни и смерти, какъ и въ Немъ Его Божескій духъ уничтожилъ сперва только грѣхъ, а не смерть.

Смерть уничтожается въ нихъ тогда, когда войдетъ въ силу унаслѣдованная отъ Христа способность воскреснуть въ новомъ, одухотворенномъ тѣлѣ, и когда воскресшее тѣло ихъ получить отъ Него тѣ же самыя свойства вѣчной жизни, вѣчной неразрывности съ душой, и черезъ нее съ духомъ, какія имѣетъ уже Его тѣло.

„Первый человѣкъ, Адамъ, сталъ душею живущею; а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго“. (1 Кор. XV, 45—49).

Но и теперь, пока смерть еще дѣйствуетъ въ тѣлахъ крещенныхъ дѣтей Христовыхъ, она уже не имѣетъ для нихъ всѣхъ своихъ послѣдствій: внутри Маргариты душа ихъ ни-

когда не отдѣляется отъ духа и не выходитъ изъ души матери, оттого и отдѣленная отъ духа внѣ матери, усопшая душа ихъ, подѣ влияніемъ лучей, идущихъ къ ней отъ живой души, пребывающей въ матери, никогда не доходитъ до такой потери сознанія какъ некрещеная душа, и жизнь ея самой, не прекратившись внутри Маргариты, постоянно снова сообщается ей.

„Истинно, истинно говорю вамъ, кто соблюдеть слово Мое, тотъ не увидитъ смерти во вѣкъ“, сказалъ Христосъ объ этомъ, т. е. не только не увидитъ смерти послѣ воскресенія, но и раньше воскресенія тѣла отчасти не увидитъ ея, вслѣдствіе непрерывнаго общенія духа съ душой, черезъ Маргариту.

Но благодатнымъ дѣйствіемъ крещенія пользуется только тотъ, кто приноситъ плоды его и самъ не нарушаетъ своего общенія съ Рафаиломъ-Христомъ и Маргаритой. Общеніе это дается во время таинства крещенія всѣмъ одинаково, но всякій можетъ или сохранить, или нарушить его.

„Пребудьте во Мнѣ, и Я въ васъ“, сказалъ Іисусъ, т. е. пребудьте во Мнѣ младенческимъ духомъ вашимъ, погруженнымъ въ Меня, а Я пребуду въ васъ обрученіемъ Моего духа съ вами (черезъ образъ Маргариты, съ двухъ сторонъ облегающій Его образъ). (Это послѣднее соединеніе свойственно и безъ крещенія каждому духу, и ангелу, и человѣку, и при рожденіи дается каждому, какъ было еще до сотворенія міра, такъ что и не знающій истиннаго Бога по природѣ, отъ рожденія, имѣетъ въ себѣ изображеніе Его и Церкви Его, пока не потеряетъ ихъ по своей винѣ). (Пребываетъ же во Христѣ и Христосъ въ немъ только тотъ, который остается самимъ собою, какимъ родился крещеніемъ отъ Него, и который, живя по слову Его, не допускаетъ зло внутри самого себя).

Крещеніе ставитъ человѣка въ такія условія жизни, что онъ уже не имѣетъ необходимости бороться съ грѣхомъ внутри себя, ибо внутренно онъ съ минуты крещенія совершенно чистъ; онъ уже не потомокъ Адама, а родной сынъ Рафаила-Іисуса.

Но такъ какъ зло уничтожено только внутри новокрещенаго, а не внѣ его, въ другихъ людяхъ и въ самомъ мірѣ тѣлесномъ, то зло немедленно стремится проникнуть въ него опять, извнѣ его. Не пустить это зло въ себя и остаться на всегда такимъ же чистымъ, какъ въ минуту крещенія,

для сына Христова вполне возможно; что было невозможно для имѣющаго наслѣдственный зародышъ грѣха въ себѣ, такъ что трудно было даже не дать ему разростись, а не только искоренить его въ себѣ, до полной чистоты, то возможно для не имѣющаго грѣха по наслѣдству.

Но и это возможное охраненіе себя отъ внѣшней заразы почти никогда не удается человѣку. Онъ все-таки тѣмъ или инымъ путемъ заразится отъ существующаго зла и начинаетъ грѣшить снова, уже не наслѣдственно, а лично, за свой счетъ.

Большекъ частью человѣкъ впадаетъ въ грѣхъ вслѣдствіе разныхъ страданій, которымъ подвергается въ испорченномъ мірѣ; (онъ малодушествуетъ, не возносится душой къ духу своему, а духомъ къ возрожденному на небесахъ своему духу, и въ ослабленный уныніемъ, падающій духъ легко проникается заразою). Тогда лучи, связывающіе земного человѣка съ нимъ самимъ, крещенымъ на небесахъ, блѣднѣютъ и чѣмъ больше человѣкъ грѣшитъ, тѣмъ слабѣе дѣйствуютъ: если же человѣкъ грѣхами своими совершенно искажаетъ свой личный образъ, такъ что въ немъ уже появляется *изнанка* его самого,—ибо каждый свѣтлый духъ ангельской природы имѣетъ въ мірѣ тьмы свою изнанку, какъ сатана послѣ паденія своего естъ изнанку себя самого до паденія, и отъ человѣка зависитъ никогда не осуществлять этого другого образа своего—тогда соединительные лучи совсѣмъ прерываются, и токъ свѣта ихъ больше не дѣйствуетъ на чело-вѣческій духъ.

Но пока человѣкъ въ тѣлѣ, эти лучи могутъ опять сомкнуться, и этотъ токъ можетъ возобновиться отъ раскаянія и обращенія его; если же смерть застигнетъ его разобщеннымъ съ самимъ собою, и лучи его прерванными, и токъ свѣта не дѣйствующимъ, и образъ Божій, обрученный съ нимъ, исчезнувшимъ изъ него, тогда ужъ для него нѣтъ надежды: онъ погибнетъ отъ недостатка общенія съ Христомъ и отъ неимѣнія наслѣдства жизни вѣчной: „Кто не пребудетъ во Мнѣ, извержется вонъ и засохнетъ, какъ вѣтвь, а такіа вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ горятъ“.

Внутри Маргариты младенческій духъ cadaго человѣка всегда остается свѣтлымъ и непорочнымъ, и какъ только смыкаются лучи его, такъ эта непорочность его самого благодатно и цѣлбно дѣйствуетъ на грѣшника.

При разобщеніи его съ самимъ собою, средствомъ для изгнанія изъ него допущеннаго въ него зла, какъ бы противо-ядіемъ отъ заразы, имъ воспринятой, служить опять страданіе, терпѣливое, добровольное и съ сознаниемъ его заслуженности; оно обновляетъ духъ человѣка и снова приближаетъ его къ самому себѣ, а чрезъ то и къ общенію съ Христомъ, такъ какъ въ крещеномъ человѣкѣ зло не наслѣдственно, то покорное страданіе его можетъ безслѣдно изгнать зло изъ него, до первой первобытной его чистоты. Не *искупительную* силу имѣютъ для согрѣшившаго человѣка его страданія, ибо искупить его отъ грѣха и смерти могли только страданія Христовы, а *возсоединительную* силу, для того, чтобъ въ немъ снова могло дѣйствовать искупленіе Христово,

(и чтобъ духъ его снова почувствовалъ наслѣдственную отъ Христа склонность свою къ добровольному страданію и самоотверженію, предохраняющему отъ грѣха, и потому всегда полезному для человѣка, даже если онъ еще не грѣшилъ).

§ 12. До общаго воскресенія, дѣти Рафаила и Маргариты по крещенію пребываютъ въ нихъ только духомъ и душой, какъ при жизни ихъ въ плотскомъ мірѣ, такъ и послѣ смерти, въ безплотномъ мірѣ.

Потому Рафаиль и Маргарита, не рождая еще сложнаго, внѣшняго тѣла своихъ дѣтей, и сами до извѣстнаго времени сочетались другъ съ другомъ только свѣтовыми частями. (Воскресшія же внѣшнія тѣла ихъ были еще чужды этого соединенія). При жизни Маргариты на землѣ, въ ней, по общему закону женщины четнаго духа, какъ только она достигла своего предѣла, четырнадцати лѣтъ, зародился отъ Иисуса, пребывавшаго въ ней, сынъ ихъ, духъ четный, имѣющій жену, сокровенно пребывающую внутри его; но такъ какъ она съ Иисусомъ плотью не сочеталась (ибо окверненный грѣхомъ бракъ по плоти былъ бы недостойнъ Его), то сынъ ея не родился отъ нея, а остался въ ней до ея смерти зарожденными духомъ, душой и свѣтовымъ тѣломъ. (Духомъ онъ зародился отъ обоихъ естествъ Иисуса, отъ Божескаго и отъ человѣческаго, а животной душой и свѣтовымъ тѣломъ отъ Его души и свѣтового тѣла, вслѣдствіе невидимаго сочетанія Его съ Маргаритой всѣми этими частями Его существа). Когда она воскресла въ третій день, то свѣтовое тѣло

этого Сына ея снова зародилось въ ней, (и съ тѣхъ поръ и свѣтовымъ тѣломъ она сочетается съ Христомъ, какъ и до смерти ея было, что имѣетъ значеніе только для жизни этого сына ея, но для дѣтей ея, возрожденныхъ крещеніемъ, имѣетъ значеніе одно сочетаніе ея души и духа, ибо свѣтовое, образное тѣло ихъ, также еще не рождается отъ нея, какъ и сложное, внѣшнее). Остальнымъ же составомъ, не свѣтовымъ, она до времени еще не соединялась съ Христомъ, почему и сынъ Его еще не родился отъ Него; (онъ не родился отъ Него ни одною частью своею, не исключая духа, а все еще пребываетъ только внутри матери), ибо ему надлежитъ тогда лишь появиться и духомъ внѣ ея, когда отъ Христа и отъ нея родится сама внѣшняя плоть его. Это будетъ не за долго до кончины міра, которой непременно должно предшествовать рожденіе его.

„И явилось на небѣ великое знаменіе: жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ (колѣнъ Израилевыхъ, возрожденныхъ въ ней). Она имѣла во чревѣ и кричала отъ боли и мукъ рожденія“.—„И родила она младенца мужескаго пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ, и восхищено было дитя ея къ Богу и престолу Его“. (Апокалипсисъ, XII, 1. 2. 5). Это пророчество относится именно къ будущему рожденію сына Іисуса Христа и Маргариты.

До того времени, какъ этому надлежало сбываться, она была духомъ и всѣми свѣтовыми частями женой Іисуса Христа, (какъ и отъ вѣка была женой Его Божественнаго Духа своимъ предвѣчнымъ духомъ); но внѣшнимъ, не свѣтовымъ составомъ, она была только Его невѣстой; оттого Св. Писаніе много разъ называетъ Іисуса Христа женихомъ, а церковь невѣстою, и Самъ Онъ, говоря о Себѣ, называетъ Себя такъ.

Въ настоящее время приблизилось рожденіе сына ихъ, предвѣщающее кончину міра, и Маргарита уже зачала самую плоть его, ибо она теперь еще болѣе сдѣлалась женою Сына Божія, и лишь самую послѣднюю часть существа своего осталась Его невѣстой.

Воскресшее тѣло Іисуса Христа, по которому Онъ названъ небеснымъ, а не перстнымъ человѣкомъ, во многомъ не такое тѣло, какое Онъ имѣлъ до Своей смерти. Имѣя свойство

безсмертія, вслѣдствіе того, что оно болѣе проникнуто началомъ жизни и тѣснѣе соединено съ душою и духомъ, оно имѣетъ еще новое свойство *проницаемости*, дѣлающее его сходнымъ съ духовнымъ веществомъ или съ невидимымъ плотскимъ свѣтовымъ.

При явленіяхъ Своимъ ученикамъ послѣ воскресенія, Іисусъ свободно проникалъ тѣломъ Своимъ черезъ запертыя двери, внезапно представлялся имъ среди комнаты при запертыхъ дверяхъ и также внезапно исчезалъ. О томъ, что и всѣ другія тѣла, по наслѣдству отъ Него, не такія будутъ въ переустроенномъ мірѣ, какъ теперь, апостолъ Павелъ подробно и ясно говоритъ: „Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ во славіи; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ“.—„Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія (т. е. въ теперешнемъ видѣ) и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся. Вдругъ, во мгновение ока, при послѣдней трубѣ ибо вострубить, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, и мы измѣнимся. Когда же тлѣніе сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою“. Эти мгновенно измѣнившіяся тѣла будущаго міра будутъ невидимы для нынѣшняго смертнаго глаза человѣческаго, вслѣдствіе новыхъ свойствъ своихъ.

Впрочемъ весь составъ человѣческаго тѣла будетъ тотъ же самый, какъ и теперь, и все устройство его будетъ почти такое же, съ костями, жилами, мозгами, мясомъ, кровью и кожею, и сравнительная степень плотности всѣхъ этихъ частей тѣла между собою будетъ та же самая; но свойства этого тѣла, нынѣшней природѣ неизвѣстныя, поставятъ его во многихъ отношеніяхъ на одну ступень съ духомъ.

Къ такимъ свойствамъ будетъ принадлежать и проницаемость тогдашнихъ тѣлъ, подобно свѣтовымъ тѣламъ, они будутъ способны совмѣщаться съ другими веществами и между собою; извѣстно, что и воскресшее тѣло Іисуса стало проницаемымъ. Когда Онъ дѣлался видимымъ и осязаемымъ для Своихъ учениковъ, это происходило оттого, что частицы Его тѣла, по волѣ Его, дѣлались менѣе подвижными, и въ нихъ проставлялось дѣйствіе законовъ будущей при-

роды, а потому тѣло Его и дѣлалось на время доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ смертныхъ людей; когда же Онъ исчезалъ у нихъ изъ виду, то тѣло Его мгновенно теряло всѣ прежнія свойства свои, бывшія до воскресенія, и снова становилось причастнымъ новому міру своему, уходило въ свой міръ.

Маргарита ни разу видимой и осязаемой не дѣлалась, и все время, когда Онъ не показывался ученикамъ Своимъ, до вознесенія Своего, Онъ былъ на землѣ съ нею, и могъ бывать и близко къ ученикамъ Своимъ, только они этого не знали.

Посредствомъ этой-то проницаемости ихъ теперешнихъ тѣлъ, въ недавнее время совершилось болѣе тѣсное соединеніе ихъ, достаточное для рожденія ихъ сына, предсказаннаго въ Апокалипсисѣ: сердца ихъ вошли одно въ другое, и кровь ихъ слилась (и кровообращеніе ихъ на это время стало общимъ, соединеннымъ); это было сочетаніе крови ихъ, (повторяющееся теперь каждый разъ при сочетаніи ихъ духа), и отъ этого соединенія ихъ крови долженъ родиться ихъ сынъ, тѣло котораго Маргарита зачала.

(Потому теперь не только духовнымъ и свѣтовымъ составомъ, но и кровью она ужъ сдѣлалась женой Іисуса; только плотью она еще Его невѣста).

Когда же наступитъ время воскресенія мертвыхъ, то тѣла ихъ, по своей легкости, подвижности и проницаемости, сольются, повторенныя одно въ другомъ, и какъ духомъ и душой такъ и всею плотью они будутъ другъ въ другѣ Онъ въ ней и она въ Немъ, двумя существами въ одной плоти.

(Это будетъ благодаря тому, что) воскресшее тѣло, кромѣ свойства проницаемости и совмѣстимости, имѣетъ еще то общее свойство съ духомъ, что можетъ повторяться, вслѣдъ за духомъ въ одно время въ разныхъ мѣстахъ;

[ибо подвижность частицъ его весьма велика; какъ Христосъ произвольно могъ уменьшать и увеличивать внутреннюю подвижность частицъ Своего тѣла, такъ всякое, по образцу Его, воскресшее тѣло, можетъ посредствомъ повторенія однѣхъ и тѣхъ-же частицъ появляться одновременно въ разныхъ мѣстахъ и посредствомъ прекращенія этого повторенія снова быть только въ одномъ мѣстѣ (кромѣ своего постоянного пребыванія въ какомъ либо другомъ существѣ)].

Тогда возроденныя дѣти Христа и Церкви почувствуютъ себя, чрезъ мать свою, не только въ душѣ и духѣ Христа, но и въ воскресшемъ тѣлѣ Его, въ томъ экземплярѣ его, который невидимо будетъ заключаться въ тѣлѣ ихъ матери.

При этомъ въ усопшихъ душахъ дѣтей ихъ тотчасъ увеличится начало жизни, и души ихъ снова соединятся съ духомъ, и облекутся въ нетлѣнныя тѣла, частицы которыхъ онѣ соберутъ вокругъ себя изъ окружающей природы, 1) со всѣми ихъ прежними личными свойствами, 2) [со всѣми относительными качествами простѣйшихъ свѣтовыхъ началъ, 3) но и съ новыми наслѣдственными свойствами: *проницаемости, совместиности и подвижности*.] и тотчасъ, подобно тому, какъ душа и духъ ихъ возродены во Христѣ черезъ Церковь, возродятся въ Немъ черезъ нее и тѣла ихъ:

тѣло каждаго изъ нихъ будетъ повторено въ младенческомъ возрастѣ;

каждый человѣкъ воскреснетъ въ томъ возрастѣ тѣла, который соотвѣтствуетъ предѣлу возраста его духа, хотя бы онъ его не достигъ на землѣ, или хотя бы пережилъ его; кромѣ того онъ будетъ одновременно жить и внутри Маргариты младенческимъ тѣломъ, каковъ бы ни былъ его возрастъ внѣ ея.

По совместиности воскресшихъ легкихъ тѣлъ, которою они равны духовному свѣту, всѣ эти младенческія тѣла *тысячами тысячъ* пребудутъ въ Маргаритѣ въ томъ же положеніи, какъ и духъ ихъ, не мѣшая одни другимъ, и произвольно могутъ быть видны въ ней одни черезъ другія и могутъ быть не видны, несмотря на постоянно одинаковую прозрачность тѣла ихъ матери.

Этимъ пребываніемъ въ родителяхъ своихъ Христѣ и Церкви воскресшіе люди будутъ постоянно чувствовать въ себѣ обновленіе жизни вѣчной, обновленіе бодрости и радости духа и тѣла, и черезъ это сама плоть приобщится къ духовной природѣ, по которой родители не разъ навсегда производятъ жизнь своихъ дѣтей, а постоянно все снова поддерживаютъ и обновляютъ ее.

Сочетаясь свѣтовыми изображеніями своими, духовными и плотскими, Рафаиль и Маргарита, однажды соединившись другъ въ другъ тѣлами, будутъ сочетаться и всѣми части-

цами подвижной плоти и крови своей, которая такъ же, какъ и духъ, будутъ извѣстное время изливаться однѣ изъ другихъ и снова погружаться однѣ въ другія. Это движеніе тѣлъ ихъ, черезъ правильные промежутки времени, будутъ отдаваться во всѣхъ воскресшихъ и возрожденныхъ людяхъ, во всей церкви—общинѣ, черезъ младенческія тѣла ихъ, и они будутъ въ это время чувствовать въ себѣ приливъ обновленной жизни.

Это и будетъ тѣмъ „бракомъ Агнца“ и „бракомъ царскаго сына“, тѣмъ полнымъ соединеніемъ Христа съ Церковью, при наступленіи жизни вѣчной, о которомъ такъ часто говоритъ Св. Писаніе, называя это великой тайной.

Но ни одно ощущеніе плоти не только не будетъ чувствоваться отдѣльно отъ духа [чего не было и у Адама до грѣха], но не будетъ безъ того, чтобъ не поглощалось вполне ощущеніемъ духа; всю жизнь своей плоти, и питаніе и дыханіе, и обновленіе во Христѣ человѣкъ будетъ чувствовать только черезъ духъ свой, [а непосредственныя жизненныя отправленія плоти не будутъ прямо дѣйствовать на чувства его, но будутъ только поддерживать связь плоти съ душой и духомъ].

Младенческія тѣла дѣтей Маргариты молокомъ тѣла ея будутъ питаться внутри ея, какъ питается и духъ ихъ.

13. Кто ко дню воскресенія не пребудетъ духомъ въ ней, и чьи прервутся соединительные лучи съ самимъ собою, и чей духъ извергнется изъ нея, тотъ воскреснетъ не по наслѣдству жизни отъ Христа, а внѣшнею силою Божьею, которая соберетъ тѣло его, и такое тѣло, не живущее въ Маргаритѣ, вмѣсто того чтобъ снова и снова обновляться черезъ нее, будетъ снова и снова разлагаться, по нечистотѣ своего духа; но соединеніе трехъ составовъ человѣческихъ все-таки не нарушится, разложившееся заживо тѣло снова соберется и снова разложится, и духъ, душа и тѣло будутъ мучиться одно другимъ.

Воскресеніе во Христѣ есть непрерывная жизнь; воскресеніе внѣ Его есть непрерывная смерть, смерть не разъ навсегда, а повторяющаяся.

Кто причастенъ жизни вѣчной и не умретъ еще ко дню воскресенія, тотъ измѣнится мгновенно въ легкое, пронизываемое и подвижное тѣло, невидимое нынѣшнему глазу;

измѣнится онъ вслѣдствіе прилива жизни, который сообщается ему отъ крещенныхъ на небесахъ духа и души его когда они почувствуютъ себя въ соединенныхъ тѣлахъ Христа и Церкви.

Легкость и проницаемость всѣхъ младенческихъ тѣлъ внутри Маргариты будетъ одинакова, и они будутъ степенью прозрачности равны ея собственному тѣлу, но прозрачность и подвижность, и вслѣдствіе этого большая или меньшая жизненность взрослыхъ тѣлъ ихъ внѣ ея будетъ не одинакова и не равна съ нею.

„Когда ты съешь, то съешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть такая же плоть: но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя, и тѣла земныя: но иная слава небеснымъ, иная земнымъ. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ“. [1 Кор. XV. 37—42].

[Потому неравное совершенство духа человѣческаго будетъ обнаруживаться и неравнымъ совершенствомъ плоти, какъ и все въ будущемъ вѣкѣ будетъ подчинено духу].

Въ тѣлѣ человѣческомъ, пропитанномъ духомъ и имѣющимъ жизнь вѣчную, все будетъ не только чисто, какъ было до грѣхопаденія въ нынѣшнихъ твердыхъ тѣлахъ, когда ни выдѣленія, ни внутренности тѣла не имѣли ничего отталкивающего, но все будетъ прекрасно и славно, какъ прекрасно и славно все внутри духа, гдѣ каждый слой его способствуетъ его общей красотѣ и славѣ, [напр. глаза, вслѣдствіе многихъ повтореній въ обѣ стороны внутри духа, получаютъ снаружи его безконечно глубокой взглядъ]. Такъ и въ тѣлѣ, причастномъ жизни вѣчной, все будетъ не только полезно и цѣлесообразно, какъ оно есть и теперь, при тлѣнной и немощной его природѣ, но все будетъ такъ же привлекательно для внѣшнихъ чувствъ, какъ и у духа, не исключая выдѣленій тѣла, которыя при всемъ разнообразіи будутъ, по дѣйствію на внѣшнія чувства, подобны теперешнему чистому здоровому воздуху]. Они будутъ сливаться со свѣтовыми выдѣленіями духа и соотвѣтствовать имъ.

Наоборотъ, въ тѣлѣ, не причастномъ жизни, даже и то

будеть тлетворно и противно, что въ нынѣшней природѣ противно у него только по идеѣ, но не по внѣшности, напр. выдѣленія мозга свѣтового тѣла, сопровождающія выдѣленія мысли духа; всякая мысль, исходящая отъ такого чело-вѣка, будетъ зловонна, и всякое чувство его сердца не дастъ прикоснуться къ нему безъ отвращенія.

III. Условія духовной жизни во плоти по воскресеніи.

§ 14. Природа чело-вѣка относительно пола его будетъ совершенно иная, и потому и законы семьи его будутъ иные.

Тогда вступятъ въ силу законы семьи ангельской, духовной, и тѣло не будетъ въ природѣ своей уклоняться отъ нихъ, какъ у перваго чело-вѣка, но будетъ вполне и во всемъ совпадать съ ними.

Какъ духъ есть четный и нечетный отъ рожденія, такъ будутъ и тѣла; теперешніе половые члены не войдутъ въ устройство чело-вѣка, и мѣсто, занимаемое ими, иначе, съ другимъ назначеніемъ наполнится и устроится изъ воскресшихъ частицъ этихъ членовъ: но четъ или нечетъ духа чело-вѣческаго будетъ сообщаться всей плоти и крови его, во всѣхъ частицахъ ихъ.

[Люди нечетнаго духа воскреснутъ или измѣнятся, какъ и жили на землѣ, только обрученные свѣтовыми слоями своими съ другими, близкими имъ людьми], но какъ духъ ихъ не сливается супружескимъ крещеніемъ съ другимъ духомъ и не составляетъ съ нимъ одной души въ двухъ свѣтахъ, такъ и тѣло ихъ воскреснетъ или измѣнится однимъ; внѣшній образъ ихъ тѣла, мужской или женскій, будетъ только выражать различную идею ихъ духа, но не будетъ означать никакой разницы пола ихъ плоти.

Люди же четнаго духа воскреснутъ или измѣнятся, какъ и жили на землѣ, соединенные крещеніемъ своихъ свѣтовыхъ слоевъ съ четой своей и сообразно этому, и тѣло ихъ воскреснетъ или измѣнится *двойнымъ*; въ наружномъ тѣлѣ каждаго изъ нихъ будетъ невидимо заключаться повторенное внутри его тѣло другого существа, четнаго съ нимъ, и оба тѣла совмѣстятся подобно тому, какъ совмѣстятся первые изъ воскресшихъ Рафаиль и Маргарита; мужъ будетъ

въ женѣ своей, и жена въ мужѣ, [и при прозрачности тѣлъ ихъ, это совмѣщеніе внутренняго существа съ внѣшнимъ можно будетъ, по произволу, и видѣть, и не видѣть.

Дѣти ихъ, воскресшіе съ ними или рожденные вполнѣ, а не однимъ духомъ только, уже послѣ воскресенія, точно такъ же повторятся и пребудутъ внутри матери младенческимъ тѣломъ, какъ каждый членъ церкви въ Маргаритѣ, но только нечетные дѣтскаго предѣла и четные взрослые,— по первобытному духовному закону,—а не всѣ безъ исключенія, какъ въ Маргаритѣ.

Сочетаніемъ тѣлъ родителей будетъ сообщаться ихъ жизнь дѣтямъ ихъ, наравнѣ съ жизнью духа, при сочетаніи духа, и оттого обновленіе жизни въ четныхъ существахъ и въ нечетныхъ дѣтскихъ будетъ двоякое: *одно въ Христѣ* внутри Маргариты, другое *въ первыхъ родителяхъ ихъ*.

Всѣ поколѣнія духовъ, происшедшія отъ рожденія духовъ дѣтей, послѣ смерти матери, при воскресеніи умершихъ родоначальниковъ или родителей своихъ, получаютъ душу и тѣло; прямыя дѣти ихъ ту душу, которая уже была въ усопшей душѣ матери, а потомки вновь только родившуюся, въ минуту воскресенія предковъ. Но новыми поколѣніями жившіе на землѣ не размножатся послѣ воскресенія, ибо это размноженіе завершится раньше воскресенія рожденіемъ однихъ только нечетныхъ духовъ.

[У матери, не достигшей предѣла своего возраста на землѣ, дѣти и зарождаются и рождаются духомъ уже послѣ смерти ея, когда духъ cadaго человѣка является въ своемъ настоящемъ видѣ, хотя бы человѣкъ умеръ, едва успѣвъ родиться; потому такая мать родитъ остальные части дѣтей своихъ, когда воскреснетъ въ предѣлѣ своего возраста, и тогда воплотится духъ ихъ.]

Люди, рожденные на землѣ плотью не отъ природнаго своего отца, а отъ мужа по плоти своей матери, возродятся и плотью послѣ воскресенія въ природномъ отцѣ своемъ, такъ какъ только съ нимъ будетъ соединена мать ихъ.

Потому семья человѣческая распродѣлится совершенно иначе, не по видимому родству плоти, а по внутреннему, истинному родству духа: 1) бывшіе супругами на землѣ только по плоти, будутъ только обручены свѣтовыми слоями, какъ братъ и сестра; 2) бывшіе дѣтьми и родителями

другъ друга по плоти, а по духу братьями и сестрами, а такъ же пріемные по плоти родители женщины четнаго духа будутъ соединены обрученіемъ младенческихъ свѣтовыхъ образовъ дѣтей въ родителяхъ, какъ было и на землѣ; благодаря чему не нарушится и тогда воспоминаніе о временной, видимой нынѣ земной семьѣ и останется въ силѣ родство ея;

но невидимая, болѣе тѣсно связанная семья, при живомъ чувствѣ духа въ воскресшемъ тѣлѣ, найдетъ каждая сама себя въ жизни вѣчной, и мужъ съ женой, и дѣти съ родителями узнаютъ другъ друга и соединятся, какъ бы они ни были разлучены временемъ или пространствомъ на теперешней землѣ.

Когда Христосъ въ отвѣтъ саддукеямъ, спрашивавшимъ Его, котораго изъ семи мужей своихъ женщина будетъ женою въ воскресеніи, сказалъ, что „въ воскресеніи не будутъ жениться, ни замужъ выходить, а будутъ пребывать, какъ ангелы на небесахъ“, то этотъ отвѣтъ для людей не имѣлъ полнаго своего смысла, ибо они долго еще не могли знать, какъ „пребываютъ ангелы на небесахъ“ и какъ рождается духъ безплотный;

но для невидимыхъ лукавыхъ духовъ, искушавшихъ Его устами саддукеевъ, этотъ отвѣтъ имѣлъ неопровержимый, обличительный смыслъ, ибо они знали, какъ пребываютъ ангелы, и ихъ дѣломъ было, что человѣкъ пересталъ знать законы своего духа и плотью удалился отъ нихъ, вкусивши отъ дерева познанія, которое для всѣхъ потомковъ Адама стало деревомъ глубокаго *незнанія* самого себя;

ихъ вопросъ доказывалъ злорадство передъ Нимъ, что имъ удалось осквернить супружескую любовь на землѣ;

отвѣтъ Христа доказывалъ имъ, что Онъ ихъ понимаетъ, а краткость отвѣта, не вредившая истинѣ, пресѣкла всякіе дальнѣйшіе, преждевременные вопросы людей.

Теперь, когда тайны духовнаго міра болѣе раскрыты, отвѣтъ Христа имѣетъ такой смыслъ: въ воскресеніи будутъ иные законы природы, чѣмъ тѣ, по которымъ теперь женятся и выходятъ замужъ; потому, жена семи мужей, если она нечетный духъ, не будетъ ничьей женою; если же она четный духъ, то она будетъ женой, только не нынѣшнимъ, а инымъ способомъ, того изъ нихъ, изъ части души котораго она создана, или ни одного изъ нихъ, а совсѣмъ дру-

того. Соединеніе плотью воскресшихъ людей не будетъ бракомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, когда онъ произволенъ, а будетъ лишь участіемъ внѣшняго тѣла въ томъ соединеніи внутренняго свѣтового тѣла и духа, которое существуетъ и нынѣ, отъ рожденія, у нѣкоторыхъ.

Первымъ человѣкомъ, который родится въ воскресеніи, будетъ сынъ Іисуса Христа, зарожденный при жизни Его на землѣ; и онъ будетъ послѣднимъ человѣкомъ, который родится въ мукахъ матери своей, ибо всѣ другія воскресшія матери, возрожденныя въ ней же, будутъ рождать своихъ не рожденныхъ раньше дѣтей уже при полномъ совмѣщеніи своего тѣла съ тѣломъ отца ихъ, такъ что рожденіе дѣтей ихъ будетъ мгновенно, какъ рожденіе духа;

Маргарита же родитъ первенца своего только отъ сліянія кровью съ отцемъ его, [и рожденіе его будетъ медленно и трудно (инымъ способомъ, чѣмъ нынѣшнее, ибо и самое устройство тѣла не во всемъ нынѣшнее)].

Этотъ сынъ ея сдѣлается родоначальникомъ будущихъ поколѣній человѣческихъ, не воскресшихъ и не рожденныхъ между смертью и воскресеніемъ однимъ только духомъ, а рожденныхъ впервые въ новомъ мірѣ, съ новой природой тѣла, [поколѣнія эти произойдутъ совершенно такъ-же, и по тѣмъ-же самымъ законамъ, какъ произошли поколѣнія ангельскія до сотворенія стараго міра];

жена сына Маргариты выдѣлится изъ него, какъ духомъ, такъ и тѣломъ, вскорѣ послѣ рожденія его.

IV. Условія духовной жизни въ новомъ мірѣ.

Подобно этой первой четѣ, каждая чета будетъ рождаться вмѣстѣ, отъ однихъ и тѣхъ-же общихъ родителей, и жена будетъ выдѣляться изъ мужа еще въ младенчествѣ и расти вмѣстѣ съ нимъ;

нечетные братья и сестры и тѣломъ будутъ выдѣляться другъ изъ друга, братья изъ братьевъ, сестры изъ сестеръ, а не воплощаться отдѣльно отъ духа;

дѣти, рожденные прямо отъ матери, и тѣломъ будутъ пребывать въ ней, всѣ совмѣстно;

рожденіе ихъ будетъ мгновенное, одновременно внутри ея и внѣ ея, съ той только разницей отъ духа безплотнаго,

что и внѣ матери они также родятся младенцами и постепенно будутъ достигать своего возраста.

Тѣло не будетъ вырастать дальше дѣтскаго предѣла духа и старѣться дальше взрослаго.

Младенцы могутъ повторяться внѣ матери, какъ на иконахъ Маріи.

Размноженіе каждой четы будетъ ограничено извѣстнымъ числомъ дѣтей, и сочетаніе ея будетъ обновлять ихъ жизнь.

Словомъ, вся жизнь тѣла будетъ устроена по образцу духовной жизни, кромѣ возраста новорожденныхъ.

Жилищемъ воскресшаго человѣчества и первыхъ поколѣній заново рожденнаго будетъ та-же земля, какъ и теперь, но переустроенная, и гораздо большаго размѣра: она будетъ равна нынѣшнему небу, раю Божьему, съ которымъ совершенно совмѣстится; на ней явится воскресшая природа всѣхъ временъ земного шара, и каждый человѣкъ, въ какое-бы время ни жилъ на землѣ, найдетъ на ней свою родину. И тварь воскреснетъ, по Писанію.

Эта будущая земля, такъ же какъ и мать воскресшихъ, Маргарита, названа въ Апокалипсисѣ Новымъ Іерусалимомъ. Новый Іерусалимъ имѣетъ потому три значенія: 1) это сама церковь—Маргарита, съ несмѣтными тысячами дѣтей внутри ея, 2) это разсыпанная внѣ ея церковь—община изъ ея дѣтей, и 3) это жилище церкви, земля будущаго міра;

[въ послѣднемъ значеніи, „городъ нисходящій съ неба“, это духовная природа рая Божьяго, которая сольется съ плотской природой рая человѣческаго, и будутъ небо и земля въ одномъ мѣстѣ, и Богъ въ одномъ мѣстѣ съ людьми].

[Церковь не однимъ только внѣшнимъ образомъ погруженія младенческихъ духовъ и тѣлъ будетъ собрана въ своей матери: духовныя души или личныя идеи всѣхъ возрожденныхъ дѣтей ея заключаются въ ея *общей* духовной душѣ или идеѣ, принадлежа къ которой-нибудь изъ семи основныхъ идей ея и входя въ составъ ея духовнаго свѣта; отдѣльное лицо каждаго члена церкви выражаетъ только отдѣльную идею его, а лицо Маргариты выражаетъ совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ идей и всѣ ихъ собираетъ въ себѣ; потому и воскресшая плоть ея соединитъ въ себѣ свойства всѣхъ возрожденныхъ въ ней тѣлъ дѣтей ея, какъ свѣтъ ея духа соединяетъ всѣ ихъ идеи.

Она единственная изъ воскресшихъ женъ родить сына раньше полнаго соединенія своею плотью со своимъ мужемъ]; потому она единственная изъ нихъ родить послѣ полнаго соединенія съ нимъ такихъ дѣтей, которыя раньше ея воскресенія не были зарожжены въ ней;

[первенецъ ея родится отъ сочетанія ея только кровью, остальные же дѣти отъ сочетанія и плотью, и кровью.] Ихъ будетъ у нея двѣнадцать, такъ что по числу ихъ Христосъ и она суть дерево жизни, „двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой“. [Апокалипсисъ XXII. 2.]

§ 15 „Побѣждающему дамъ вкушать отъ дерева жизни, которое посреди рая Божія“, [Апок. II. 7.] говорить Иисусъ. Это дерево жизни Онъ Самъ, по сочетанію духа Его съ Маргаритой, которое будетъ чувствоваться всѣми возрожденными крещеніемъ дѣтьми Его.

§ 16. „Побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти“, [Апок. II. 11.] т. е. отъ непрерывно повторяющагося разложенія всякаго тѣла, не живущаго въ Маргаритѣ.

§ 17. „Побѣждающему дамъ вкушать сокровенную манну, и дамъ ему бѣлый камень и на камнѣ написанное новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ“. [Апокал. II 17]. Манна сокровенная — есть тѣло Христово, таинственно заключенное, со дня общаго воскресенія, въ тѣлѣ Маргариты, и которое будутъ вкушать, т. е. чувствовать въ себѣ, и она сама, и, черезъ нее, всѣ дѣти ея, въ общемъ имъ всѣмъ тѣлѣ ея, матери церкви. — Бѣлый камень — есть камень церкви соборной, нынѣшнее откровеніе Послѣдняго Завѣта, бѣлый, по соборному цвѣту идеи матери-церкви. — Новое имя, никому донынѣ неизвѣстное, есть, какъ уже сказано, имя Маргариты, церкви-женщины.

18. „Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла мои до конца, тому дамъ власть надъ язычниками. И будетъ пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ, какъ сосуды глиняные, они сокрушатся, какъ и Я получилъ власть отъ Отца Моего. И дамъ ему звѣзду утреннюю“ (Апок. II, 26—29). Это сказано ко всякому истинному сыну Христову, ибо земной церкви изъ нихъ назначено еще въ нынѣшнемъ мірѣ на нѣкоторое время имѣть власть надъ язычниками (въ широкомъ смыслѣ, т. е. и надъ тѣми, которые, называясь христіанами, идоло-

поклонствуютъ предъ благами житейскими); но для будущаго вѣка это сказано въ особенности къ сыну Иисуса Христа, имѣющему родиться передъ концомъ міра, который въ особенности соблюдетъ дѣла Его до конца, и будетъ пасти потомковъ языческихъ народовъ „жезломъ желѣзнымъ“. Ему и дастъ Сынъ Божій раньше чѣмъ другимъ „звѣзду утреннюю“, т. е. возрожденіе въ Немъ и тѣломъ, какъ духомъ, и способность, неизвѣстную со времени грѣха Адамова, *чувствовать любовь и сочетаніе своего духа*.

§ 19. „Побѣждающій облечется въ бѣлыя одежды; и не изглажу имени его изъ книги жизни и исповѣдаю имя его передъ Отцомъ Моимъ и передъ Ангелами Его“ (Апок. III, 5). Бѣлыя одежды—это духъ и тѣло Маргариты, въ которой будетъ жить вмѣстѣ съ Христомъ, погруженнымъ въ ней, всякій, имѣющій жизнь вѣчную. Книга жизни—также Маргарита по множеству дѣтей ея, имена которыхъ будутъ влючены въ ней въ видѣ младенческихъ духовъ и тѣлъ ихъ; и всякаго, чье имя, въ видѣ младенческаго образа его, найдется въ ней, исповѣдуетъ Христосъ, какъ сына Своего.

§ 20. „Побѣждающаго, сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего, и онъ уже не выйдетъ вонъ; и напишу на немъ имя Бога Моего, и имя града Бога Моего, новаго Іерусалима, нисходящаго съ неба отъ Бога Моего и имя Мое новое“ (Апок. III, 12). Столпомъ въ храмѣ Бога Его будетъ Маргарита по таинственному заключенію въ наружномъ тѣлѣ Христа, которое есть храмъ Божій, и каждый изъ дѣтей ея, по заключенію въ ея наружномъ тѣлѣ, которое также есть храмъ Божій, такъ какъ внутри его пребываетъ Христосъ. Имена, написанныя на каждомъ членѣ церкви, (уже объясненныя), это лица этихъ именъ (обрученныя съ нимъ слоями своими во внѣшнемъ, отдѣльномъ его тѣлѣ),

§ 21. „Побѣждающему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцомъ Моимъ на престолѣ Его“ (Апок. III, 21). Черезъ Маргариту, пребывая въ ней, всякій членъ церкви почувствуетъ себя въ непосредственной близости отъ Христа, „сидеть съ Нимъ на престолѣ Его“; въ особенности же это сказано къ сыну Его, рожденному въ воскресеніи, который сядетъ съ Нимъ и наружнымъ своимъ образомъ.

Книга III.

§ 1. Со времени появленія смерти, во всемъ мірѣ происходитъ съ одной стороны постепенный упадокъ жизненной силы въ одушевленной плоти и первобытной безвредности въ неодушевленной, съ другой стороны постепенный подъемъ духа человѣческаго въ борьбѣ со зломъ.

[Міръ не можетъ остановиться на одной ступени, не измѣняясь; въ немъ есть постоянное движеніе, и, гдѣ это движеніе не совершенствуется его, тамъ оно его вырождаетъ, и гдѣ міръ не подымается выше, тамъ онъ падаетъ ниже].

Въ мірѣ борются двѣ неравныя воли и силы: Богъ стремится не дать въ немъ перевѣса злу надъ добромъ, сатана стремится поглотить добро зломъ.

Еслибъ было возможно, то Богъ желалъ бы постепеннымъ переходомъ преобразовать міръ, не разрушая его; Онъ все увеличивалъ бы въ немъ перевѣсъ добра, пока совсѣмъ не изгналъ бы зло изъ него, и тогда міръ вернулся бы къ первоначальному своему состоянію до грѣха и снова сталъ бы раемъ, и вся природа въ немъ преобразовалась бы незамѣтно въ нетлѣнную.

Но такое мирное преобразование невозможно: ему препятствуетъ свойственная человѣку наклонность къ злу, дѣйствующая и по искупленіи отъ первороднаго грѣха, пока человѣкъ въ мірѣ; она не даетъ добру взять настолько сильный перевѣсъ, а насиловать эту наклонность противъ воли человѣка Богъ не хочетъ, ибо въ Его законахъ все основано на свободѣ воли, и безъ свободнаго участія человѣка Онъ не станетъ превращать міръ въ рай, ибо цѣнить только то добро, которое свободно избирается Его дѣтьми.

Потому воздѣйствіе Божіе на міръ ограничивается только тѣмъ, что Онъ допускаетъ упадокъ плоти и поддерживаетъ подъемъ духа, настолько, чтобы добро само собою увеличивалось и сопротивленіе его злу дѣлалось сильнѣе и упорнѣе.

Конечныя же цѣли Его могутъ быть достигнуты не иначе, какъ полнымъ, до основанія, разрушеніемъ міра, а не постепеннымъ его измѣненіемъ, и только послѣ разрушенія

міра зло можетъ быть навсегда отдѣлено отъ добра въ простѣйшихъ началахъ его, сгущенныхъ свѣта духовныхъ, изъ которыхъ тогда, по очищеніи ихъ отъ всякой заразы, Богъ создастъ новый рай земной, чище и прекраснѣе перваго.

Это разрушеніе не противорѣчитъ свободѣ человѣка, ибо если настолько сильный перевѣсъ добру, чтобъ оно мирнымъ путемъ залило собою міръ, человѣкъ никогда не дастъ ему по собственному побужденію, въ чемъ увѣренъ Богъ, то настолько сильный перевѣсъ онъ дастъ ему, чтобъ отъ ожесточенной борьбы его со зломъ міръ разорвался на составныя части.

Когда борьба добра со зломъ въ духѣ человѣка дойдетъ до наибольшей силы и наибольшаго ожесточенія, когда она получитъ равное напряженіе съ обѣихъ сторонъ, тогда и во всемъ міровомъ веществѣ, передаваясь черезъ свѣтовые выдѣленія человѣка, произойдетъ, въ простѣйшихъ составныхъ началахъ его, сгущенныхъ духовныхъ свѣтахъ, отчаянное столкновеніе двухъ началъ мысли, составляющей ихъ, добраго и злого, и отъ этого-то внутренняго столкновенія распадется міръ.

Начиная съ перваго дня порчи міра, все стремленіе Божіе направлено къ тому, чтобъ добро въ мірѣ увеличилось до такого столкновенія, ибо это есть наибольшее торжество добра, какого можно достигнуть на землѣ; наибольшее добро, какое можно сдѣлать въ мірѣ, это довести міръ до разрушенія, такъ какъ больше этого было бы только мирное преобразование его въ рай, что Самимъ Богомъ признано невозможнымъ.

И вотъ, постоянную заботу Бога составляютъ два дѣла: не дать злу такого перевѣса въ духѣ, чтобъ борьба съ нимъ добра не могла уже получить равнаго напряженія, ускорить наибольшую борьбу ихъ, которая бы сдѣлала разрушеніе и переустройство міра возможнымъ; (и чѣмъ скорѣе міръ разрушится, тѣмъ большую благодарность отъ Бога получить всякій борецъ добра, который этому поможетъ, ибо Богъ не имѣетъ покоя, пока стоитъ міръ, оскверненный Его врагомъ). (См. кн. IV, NV. къ § 25 кн. IV).

Всякій, способствующій разрушенію міра, и есть тотъ побѣждающій, которому даны такія великія обѣщанія въ Апокалипсисѣ.

Сатана, наоборотъ, зная, что превращеніе міра въ рай невозможно, надѣется, что возможно превращеніе его въ адъ, безъ разрушенія.

[Хотя и это послѣднее противорѣчитъ свободной волѣ человѣка, ибо и до этого человѣкъ добровольно никогда не допустить, по врожденной склонности также и къ добру, (не къ одному злу), но то насиліе надъ свободой человѣка, котораго Богъ не хочетъ употребить, его-то именно и хочетъ употребить сатана для торжества своего].

Самъ по себѣ человѣкъ никогда ни разрушенія, ни измѣненія міра не произвелъ бы, а на вѣкъ оставилъ бы его въ колеблющемся состояніи смѣси добра и зла, ибо и самъ человѣкъ есть такая смѣсь, и онъ даже склоненъ думать, что ничто иное и невозможно.

Но внѣшніе толчки изъ безплотнаго міра не дадутъ человѣку устроить такую неопредѣленную и безцѣльную вѣчность.

Сатана ведетъ его къ постепенному превращенію міра въ адъ, ибо гдѣ не хватитъ свободнаго побужденія человѣка, тамъ онъ прибѣгнетъ къ насилію; Богъ же не допускаетъ до этого и ведетъ его, путемъ свободной борьбы, сквозь разрушеніе, въ міръ переустроенный.

Богъ осудилъ міръ и обрекъ его огню; сатана усиливается сохранить его для себя, чтобъ вѣчно царствовать въ немъ, воплотившись въ него. Охраненіе это имѣетъ цѣлью также сдѣлать міръ вѣчнымъ, но не внутреннимъ нетлѣніемъ, а внѣшними, искусственными средствами, съ тѣмъ, чтобъ въ немъ одно только существо было удовлетворено въ своемъ властолюбіи, самъ глава этого міра, во вредъ всякому дру-гому существу.

Еслибъ отъ вѣка сбылось невозможное, о чемъ онъ не перестаетъ жалѣть, т. е. чтобъ причиною всѣхъ причинъ былъ онъ, то онъ осуществился бы только въ одномъ лицѣ и никого не родилъ бы изъ себя, а все окружающее только сотворилъ бы изъ вещества своего, ибо такова его основная мысль.

Потому единобожіе безъ принятія Святой Троицы, (хотя его Самъ Богъ отчасти, недомолвками Своими допускалъ, пока человѣкъ не могъ еще вмѣстить ничего иного) становится, послѣ откровенія о Пресвятой Троицѣ, богохульнымъ:

это есть именно то, чего хотѣлъ бы сатана для себя, что составляетъ его идею божественности.

А такъ какъ его идея не допускаетъ и рожденія отъ предполагаемаго имъ бога другихъ существъ, то такъ же богоотступно было бы сознательно - упорное отрицаніе четности Сына Божія и рожденія ангельскихъ и человѣческихъ духовъ отъ Него.

§ 2. Прежде чѣмъ во всѣхъ другихъ тваряхъ быстрый упадокъ обнаружился въ животныхъ человѣческаго образа или душевныхъ людяхъ, орудіяхъ грѣхопаденія: они постепенно потеряли человѣческій образъ и выродились въ нынѣшній видъ четверорукихъ животныхъ.

Но почти до потопа они еще настолько сохраняли прежнія свойства, что и духовные люди сочетались съ ними: „тогда сыны Божіи увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ себѣ въ жены“. Это были не всегда женщины изъ болѣе развращеннаго потомства Каина, (какъ думаютъ), но большею частью женщины животныя, безъ духа.

„И сказалъ Господь: не вѣчно Духу Моему быть пренебрегаемымъ человѣками сими, потому что они плоть; пусть будутъ дни ихъ сто двадцать лѣтъ“. Это было первымъ вмѣшательствомъ Божіимъ въ пользу начала добра, посредствомъ сокращенія жизни (противъ прежней) для смѣшанныхъ дѣтей человѣка и животнаго.

„Въ то время были на землѣ исполины, особенно же съ того времени, какъ Сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣческимъ, и онѣ стали рождать имъ. Это сильные, издревле славные люди“. Наслѣдуя отъ матерей только плоть и душу, люди эти укрѣплялись плотью и душою, въ ущербъ духу, и мудростью „житейскою, душевною, бѣсовскою“, о которой говоритъ ап. Іаковъ, противоположную высшей, безконечной мудрости духа, міру сему не сродной, приобрѣтали власть и знаменитость между людьми.

„И увидѣлъ Господь Богъ, что велико развращеніе человѣковъ на землѣ, и что всѣ ихъ мысли и помышленія сердца ихъ были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ, и воскорбѣлъ въ сердцѣ Своемъ“. — „И возрѣлъ Господь Богъ на землю; и вотъ она растлѣнна: ибо всякая плоть извратила путь свой на землѣ

И сказалъ Господь Богъ Ню: конецъ всякой плоти при-
шелъ предъ лицо Мое; ибо земля наполнилась отъ нихъ
злѣдѣніями. И вотъ, Я истреблю ихъ съ земли“. И пове-
лѣлъ Богъ Ню все, относящееся къ спасенію въ ковчегѣ
остатковъ всего живущаго на землѣ.

Такимъ образомъ, увидя, что расплѣчается на землѣ по-
томство отъ смѣси духовныхъ людей съ животными и что
если оставить такъ, то скоро не будетъ не оскверненнаго не-
достойнымъ совокупленіемъ потомства Божьяго на землѣ,
Богъ не нашелъ иного средства положить этому предѣлъ,
какъ потопить землю. Это было вторымъ Его вмѣшатель-
ствомъ.

Послѣ потопа отъ прежняго племени душевныхъ людей
остался только выродившійся изъ нихъ гораздо низшій видъ
животныхъ; изъ племенъ же человѣческихъ, происшедшихъ
отъ сыновей Ноя, многія также стали вырождаться, и по
внѣшнему облику, и по умственному развитію, весьма, по-
видимому, приблизились къ животнымъ, но какъ бы низко
они ни пали и ни выродились, ни одного потомка ихъ Богъ
не лишаетъ ангельскаго духа, ибо они настоящіе дѣти
Адама,

Духъ этотъ часто спитъ въ вырожденныхъ племенахъ на-
столько, что ничѣмъ почти не обнаруживается, но силою
крещенія и сообщенія Святого Духа онъ можетъ воспря-
нуть въ нихъ къ дѣятельности и видимой жизни, и тогда
скажутся въ нихъ потомки Божіи. И если ап. Іуда о нѣко-
торыхъ людяхъ и не изъ дикихъ племенъ говоритъ: (18—
19), то лишь въ смыслѣ паденія ихъ духа до преобладанія
надъ нимъ души, а не въ смыслѣ иной природы ихъ, ис-
ключительно душевной.

Человѣка можно отличить отъ животнаго по тому, что
у него всегда остается смутное воспоминаніе о невидимомъ,
духовномъ мірѣ, и всегда есть, если не какая-нибудь вѣра,
то какое-нибудь суевѣріе. Хотя бы у человѣка не осталось
членораздѣльной рѣчи, но если онъ способенъ обнаружить
страхъ предъ чѣмъ-нибудь невидимымъ, таинственнымъ,
онъ человѣкъ; если же нѣтъ, то это звѣрь; ибо на низшей
ступени развитія, суевѣрный страхъ замѣняетъ человѣку
неизвѣстную ему или забытую имъ истинную вѣру и пере-
стаетъ онъ чувствовать его уже только при значительномъ

развитіи духа, но по другимъ причинамъ, чѣмъ животныя, никогда не знающія такого страха.

Итакъ, послѣ потопа человѣчество безопасно было отъ смѣшенія съ животными, ибо животныя ужъ слишкомъ далеко отошли отъ него. Но явилась другая опасность для равновѣсія добра: „сказали они: построимъ себѣ городъ и башню, высоту до небесъ; и сдѣлаемъ себѣ имя, прежде чѣмъ равсѣмся по лицу всей земли“.

Въ этомъ есть иносказательный смыслъ: люди, чувствуя, что нехороша ихъ жизнь на землѣ, задумали устроить себѣ прежній рай, „построить городъ до небесъ“, это былъ бы не рай духовный, а плотскій рай, такъ какъ духъ уже не господствовалъ надъ плотью; т. е. удовлетвореніе и пресыщеніе плоти, посредствомъ обильнаго и для всѣхъ равномѣрнаго пользованія земными благами плоти и, самое большее, души, (но не благами духа).

Эту мысль человѣчество преслѣдовало отъ начала и не переставало никогда измышлять средства осуществить ее, но эта-то мысль и способствуетъ цѣлямъ сатаны, ибо этимъ охраняется нынѣшній міръ со всѣмъ зломъ его, черезъ отклоненіе человѣка отъ разрушительной для него борьбы духовной.

Во всѣ времена всякое соединеніе людей для этой цѣли было международнымъ, изъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ людей; но первая попытка совершилась, когда языкъ человѣческій, хотя и начиналъ развѣтвляться, но былъ еще единымъ и понятнымъ для всѣхъ (какимъ и долженъ былъ остаться навсегда по мысли Божьей, еслибъ не былъ испорченъ міръ).

„И сказалъ Господь: вотъ, одинъ народъ и одинъ у всѣхъ языкъ; и вотъ что начали они дѣлать, и не отстанутъ они отъ того, что задумали дѣлать. Сойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ, чтобъ одинъ не понималъ рѣчи другого. И разсѣялъ ихъ Господь оттуда по всей землѣ; и они перестали строить городъ и башню“.

(Съ тѣхъ поръ во всѣ времена различіе народовъ и языковъ и столкновеніе ихъ различныхъ выгодъ и желаній препятствовало людямъ устраивать себѣ адъ на землѣ, подъ предлогомъ устроить рай).

Смѣшеніе языковъ было не внезапное, а постепенное, но

настолько быстрое, что къ общему, опасному дѣлу люди уже не могли приступить. Это было третьимъ вмѣшательствомъ Божьимъ на пользу добра.

3. Послѣ того упадокъ плоти сопровождался все *большими* *изощреніями* низшаго душевнаго ума человѣческаго, для удобствъ и наслажденій плоти, а подъемъ духа совершался, несмотря на упадокъ плоти, по вмѣшательству Божьему, каждый разъ, когда духъ человѣческій угрожалъ предаться слишкомъ большому злу.

Первые успѣхи въ ремеслахъ, въ начаткахъ роскоши и во всемъ, что увеличиваетъ внѣшнее благосостояніе плоти, были сдѣланы *потомками Каина*, болѣе удалившимися отъ *истинныхъ путейъ духа и его счастья*.

(Въ нихъ же, сокращеніемъ ихъ жизни, обнаружился и первый замѣтный внутренній упадокъ плоти). Богъ устроилъ такъ, чтобы успѣхи жизни плотской, отъ которыхъ оскудѣваетъ духъ, вели *за собой* и упадокъ самой плоти; этотъ упадокъ, происшедшій сначала отъ подчиненія духа плоти, дѣйствуетъ потомъ, по наслѣдству, и въ людяхъ живущихъ по духу, но онъ не мѣшаетъ имъ совершать успѣхи въ жизни духовной, *усиливать* борьбу со зломъ, и они меньше другихъ чувствительны къ упадку плоти, при самыхъ скудныхъ внѣшнихъ ея условіяхъ.

Подчиненія духа плоти всегда производило ослабленіе плоти въ духовныхъ существахъ; только *смысь* человѣка съ животнымъ *не потерпѣла* упадка плоти отъ успѣховъ плотской жизни и производила *испомыновъ*, но такую смѣсь и Богъ *не потерпѣлъ*, а потопомъ истребилъ ее, ибо такое усиленіе плоти было хуже упадка ея: оно клонилось къ сохраненію міра силою плоти для *владычества* въ немъ вѣчнаго зла.

Для сатаны нужнѣе усиливать плоть, ослабляя духъ, чтобы сохранить міръ плотскій, для Бога нужнѣе ослаблять ее, укрѣпляя духъ, чтобы уничтожить міръ плотскій.

Человѣкъ не страдаетъ отъ того ослабленія плоти, въ которомъ онъ не повиненъ, когда укрѣпляется духъ его, когда же духъ оскудѣваетъ, то онъ повиненъ въ ослабленіи плоти и тогда оно уже *сопряжено съ страданіемъ* для человѣка.

Богъ *не хотѣлъ* ослаблять плоть безъ повода отъ самого

человѣка и не ослаблялъ ея, ибо первые люди, жившіе праведно, жили долго; но когда самъ человѣкъ подчинилъ духъ плоти, то Богъ ослабилъ плоть, для спасенія духа, хотя это ослабленіе коснулось и избранныхъ Его.

И всегда Богъ *былъ союзникомъ* успѣховъ духовной жизни противъ успѣховъ плотской, которые противорѣчатъ одни другимъ, и никогда не давалъ *души поглотить* духъ.

При каждомъ началѣ новой борьбы со зломъ (ибо, отъ измѣненій жизни человѣческой, измѣняется и родъ этой борьбы, и она какъ бы возобновляется) Богъ давалъ борцамъ своимъ всѣ нужныя для нея средства; когда эти средства истощались, Онъ замѣнялъ ихъ новыми, сильнѣйшими, такъ что борьба усиливалась, и (такимъ образомъ, все увеличивая и увеличивая боевыя средства борцовъ Своихъ, Онъ ведетъ ихъ къ тому, чтобъ отъ послѣдняго, рѣшительнаго удара ихъ міръ былъ поконченъ).

Оттого Богъ усиливалъ съ каждымъ разомъ средства борьбы, что и зло чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливало свои удары, и то, что было достаточно для успѣха борьбы въ началѣ ея, того слишкомъ мало въ концѣ. Успѣхъ борьбы съ первыхъ временъ міра состоялъ въ томъ, чтобъ приготовить рѣшительный ударъ временъ послѣднихъ; это была борьба только оборонительная, и все напряженіе ея состояло въ томъ, чтобъ отразить удары зла, и свои средства усилить и скопить къ послѣднимъ днямъ, тогда какъ зло съ первыхъ же временъ вело борьбу наступательную; въ послѣднія же времена и со стороны добра борьба должна сдѣлаться наступательной, и этимъ-то достигнется равное напряженіе ея съ обѣихъ сторонъ.

Новыя и сильнѣйшія средства, которыя Богъ давалъ борцамъ Своимъ, усиливали каждый разъ подъемъ ихъ собственнаго духа и совершенствовали ихъ духъ, и потому въ міръ постоянно происходило такое движеніе: плоть падала все ниже и ниже внутренней силой своей и совершенствовалась все выше и выше во внѣшней жизни; а духъ, все болѣе и болѣе притѣсняемый во внѣшней жизни, все совершенствовался во внутренней. Были времена упадка и огрубенія плотской жизни, но послѣ еще утонченнѣе становились ея успѣхи; были и времена упадка и оскудѣнія духовной жизни, но послѣ еще выше подымалось совершенствованіе

ея; такъ что кажушіеся перерывы того и другого движенія не мѣшали ему обнаруживаться послѣ нихъ въ томъ же направленіи, съ новою силою.

Первымъ человѣкомъ, черезъ котораго добро одержало побѣду въ мірѣ, былъ Ной; и ему первому Богъ далъ особенныя средства для новой борьбы, тѣмъ, что одного его сдѣлалъ новымъ родоначальникомъ на землѣ, очищенной отъ зла потопомъ, и заключилъ съ нимъ союзъ примиренія въ радугѣ Своей (прообразъ церкви).

Общая, пока міръ стоитъ, „не поражать больше всего живущаго“, такъ что „впредь во всѣ дни земли сѣяніе и жатва, холодъ и зной, лѣто и зима, день и ночь, не прекратятся“, Богъ удостовѣрилъ этимъ, что никогда больше не размножится на землѣ смѣсь воплощенныхъ ангеловъ съ животными.

И когда Онъ положилъ радугу знаменіемъ завѣта Своего, и сказалъ Ное, что какъ Онъ увидитъ радугу, такъ вспомнить завѣтъ Свой вѣчный между Имъ и землею, и всякою душою живою на землѣ, то этотъ завѣтъ Онъ поставитъ ради дѣтей Своихъ, происшедшихъ прямо отъ Него, черезъ Маргариту, прообразуемую радугой, и которые уже не должны были прекращаться на землѣ; *ради ихъ* Онъ сдерживаетъ гнѣвъ Свой на міръ и *долотерпитъ* міру съ беззаконіемъ его, пока онъ стоитъ, въ *воспоминаніе радуги* завѣта.

Благословивши Ноя и дѣтей его размножаться на землѣ и наполнять землю, Богъ, согласно измѣнившимся условіямъ испорченнаго міра, далъ имъ въ пищу не одни только сѣмена и плоды растений, какъ Адаму (ибо тогда это была пища достаточно питательная и разнообразная), но сказалъ: „все движущееся, чтò живетъ, будетъ вамъ въ пищу: какъ зелень травную даю вамъ все. Только плоти съ душою ея, съ кровью ея не ѣшьте“. И вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ пролитіе крови человѣческой, сказавъ, что даже отъ всякаго звѣря взыщеть кровь человѣка, въ которой жизнь его, и взыщеть душу человѣка отъ руки человѣка, отъ руки брата его. „Кто прольетъ кровь человѣческую, того кровь прольется рукою человѣка: ибо человѣкъ созданъ по образу Божію“.

И съ тѣхъ поръ, даже когда человѣкъ проливаетъ кровь братскую не по личной враждѣ, а по принужденію вражды народной, на войнѣ, то только потому снимается съ него

вина, что онъ и свою кровь отдаетъ, на то, чтобъ была пролита, и добровольно покоряется слову Божию о возмездіи.

Послѣ Ноя зло, начавшись съ сына его Хама, только до смѣшенія языковъ и племенъ вело замѣтную наступательную борьбу, послѣ же смѣшенія племенъ успѣхи его на время прекратились.

Въ племенахъ человѣческихъ бываютъ дни застоя въ движеніи духа и души, когда ни добро, ни зло успѣховъ не дѣлаютъ; это было въ племенахъ одичавшихъ до весьма низкой ступени развитія и духа, и души, послѣ отца своего, Ноя; это было и въ племенахъ, упавшихъ послѣ Ноя духовнымъ умомъ, но достигшихъ душевнымъ, низшимъ умомъ, извѣстной степени образованности и утонченности плотской жизни; тогда въ нихъ останавливалось зло на той точкѣ, которой разъ достигло, и не проявляло наступательной силы, отчего не проявляло въ нихъ никакой дѣятельной, оборонительной силы и добро; такія неподвижныя племена, уединенныя отъ другихъ по самой неподвижности своей, были похожи на стоящія болота, вредныя сами по себѣ, но безвредныя по удаленности своей отъ жилыхъ мѣстъ и приносящія вредъ только внутри и вблизи себя. Зло отъ такихъ племенъ не распространялось по землѣ.

Но среди одичавшихъ племенъ инныя такъ и остались дикими чрезъ всѣ вѣка и еще и теперь ждутъ обновленія; инныя же хранили въ себѣ зародыши подвижности и какъ наступало время, движеніе и борьба начинались въ нихъ тѣмъ съ большею силою; (тогда зло дѣйствовало въ нихъ склонностью совершенствовать плотскую и душевную жизнь въ ущербъ духовной, а добро, съ помощію прежнихъ или новыхъ средствъ, отъ Бога данныхъ, противоdѣйствовало ему, совершенствуя жизнь духовную, и шло впередъ къ своей послѣдней побѣдѣ).

Но послѣ перваго смѣшенія племенъ, еще не было нигдѣ такого совмѣстнаго движенія добра и зла, ибо оно бываетъ только тогда, когда люди становятся образованными изъ дикихъ; тогда же *стѣна движенія* у людей дикихъ еще *спитъ*, у людей въ *низшемъ* направленіи образованныхъ царяла *неподвижность*, а *проявлялось движеніе*, но въ самомъ лучшемъ, высшемъ смыслѣ, *только въ добръ*, а не въ злѣ, у такихъ людей, которые со временъ Ноя ни дикими, ни из-

вращенными не стали, ни истиннаго Бога и истинныхъ свойствъ Его не забыли и не перетолковали. Это были потомки Сима, предки Израильтянь, въ которыхъ *продолжалась и совершенствовалась* высокая духовная жизнь, не дававшая взять верхъ надъ собою душѣ и плоти. *Оттого взоры* Господни *были обращены* на этотъ родъ, и Онъ ждалъ отъ него рѣшительнаго шага, чтобъ возобновить черезъ него завѣтъ Свой со всѣми людьми.

Такой рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ Авраамомъ, въ то время, когда должно было начаться совмѣстное движеніе добра со зломъ и усиленная борьба его съ нимъ, ибо назрѣвали племена подвижныя, и потомкамъ Симовымъ предстояло отражать зло, угрожавшее черезъ нихъ, и ихъ же самихъ спасать отъ него. Въ то время пора было дать людямъ новыя средства для близкаго возобновленія борьбы. послѣ затишья.

Но какъ ни велика помощь Божія борцамъ Его, во всякое время благопріятное и нужное, все-таки каждое дѣло Божіе основано на *свободѣ* воли дѣтей его. Не Богъ говоритъ первое слово, хотя Онъ первый думаетъ его, и не Богъ первый даетъ знаменіе временъ, хотя оно уже готово у Него: отъ человѣка *ждетъ Онъ* *перваго* слова, въ нужное время, отъ человѣка должна идти молитва о знаменіи. Богъ хочетъ, чтобъ угадали сердце Его, чтобъ приблизились къ Нему устами, отъ полноты души, и простерли руки къ Нему за тою помощію, которую Онъ рѣшилъ подать, за *тѣмъ завѣтомъ*, который *созрѣлъ* у Него. Онъ хочетъ, чтобъ *свободно* было у человѣка *сознаніе* нужды его въ *этой* помощи, въ этомъ завѣтѣ, чтобъ самъ человѣкъ въ скорби и борьбѣ испустилъ свой крикъ, и въ *этомъ* крикѣ Богъ *услышитъ* слово созрѣвшее.

Такъ Богъ *послалъ* Адаму духовную жену его лишь тогда, когда имена всѣмъ животнымъ были наречены, и самъ Адамъ увидѣлъ, что *нѣтъ* равнаго *ему* между ними; этимъ Богъ убѣдился, что Адамъ *знаетъ духъ* свой.

Такъ въ тѣ дни, когда нужно было избрать народъ на землѣ, для воплощенія Икупителя - Рафаила (ибо времена Его приближались съ созрѣваніемъ племенъ, подвижныхъ въ злѣ и въ добрѣ) Господь *испыталъ* Авраама и убѣдившись, что человѣкъ не забылъ любви своей къ Нему, далъ и чело-

вѣку, еще безъ вѣдома его, величайшій залогъ Своей любви къ нему.

Авраамъ не зналъ, какое слово онъ говорилъ Богу, когда не *поколебался* принести Ему въ жертву сына своего; и Богъ ему не объяснилъ этого, а только общалъ „благословить въ сѣмени его всѣ племена земныя“, но *это слово было „дай намъ Искупителя, ибо пора“!*, Авраамъ безъ словъ сказалъ это слово, когда *занесъ ножъ* надъ сыномъ своимъ.

Богъ зналъ тогда, что пора посылать Искупителя, а для этого пора готовить, умножать и укрѣплять такой народъ, въ которомъ бы явилось лицо *человѣческаго духа и чело-вѣческой души*, точъ-въ-точъ подобное лицу Рафаила, Сына Божія, такъ чтобъ Онъ могъ слиться Своимъ Духомъ съ этимъ духомъ въ одно существо двойного естества; такой народъ готовить надо было заранѣе.

Но сперва Богъ хотѣлъ услышать крикъ сердца чело-вѣческаго и познать любовь этого сердца къ Нему; и вотъ когда чело-вѣкъ не *пожалѣлъ сына* своего для Отца Небеснаго, тогда и Отецъ не *пожалѣлъ* Сына Своего для него, и Авраамъ *сдѣлался отцомъ Иисуса*.

Ему было вновь дано обѣщаніе, данное Адаму, съ тѣмъ поясненіемъ, что именно *въ его сѣмени*, и ни въ какомъ другомъ, благословятся племена земныя. И обрѣзаніе было установлено для него и потомства его, въ знакъ подчиненія плоти духу, которое есть первый долгъ союзниковъ Божіихъ. Съ тѣхъ поръ въ потомствѣ Авраама хранился этотъ завѣтъ и жива была память о Богѣ истинномъ; только въ его потомствѣ и въ родѣ его, и больше нигдѣ на землѣ, эта память жива была.

§ 4. Но такъ какъ со временъ грѣха *прекратилось* общеніе чело-вѣка съ Богомъ внѣшними чувствами, и лишь *редко*, въ чрезвычайные дни, посылалъ Богъ *видѣнія и знаменія* Свои, которыя *потрясали* все существо чело-вѣка, такъ что онъ едва могъ переносить ихъ, то и при самомъ высокомъ подъемѣ духа его и при самой постоянной памяти о Богѣ, онъ все-таки лишь весьма смутно и *неполно* представлялъ себѣ Бога, котораго, не зная, любилъ.

Многое, что зналъ Адамъ, о чемъ еще *слыхали отъ* него первыя дѣти его, *излилось* изъ памяти чело-вѣка съ тече-

ніемъ вѣковъ, такъ что затерялось самое понятіе о томъ. И не только *память* человѣка потеряла эти истины, но потерялъ ихъ самый *разумъ* его, и сдѣлался такъ ограниченъ, что даже и не могъ болѣе вмѣстить ихъ, и чувство человѣка притупилось къ нимъ. Это было послѣдствіемъ успѣховъ зла въ мірѣ, которые настолько испортили природу даже *избранныхъ дѣтей* Божіихъ, что хотя они не изобрѣли ложныхъ боговъ и не пошли служить имъ, и не извратили въ себѣ окончательно понятіе о свойствахъ Божіихъ, но все-таки оставили въ себѣ лишь *самые слабыя начатки* познанія о Богѣ, а все остальное *безсознательно и безвѣстно* для нихъ хранилось въ тайникахъ ихъ духа, отъ Бога рожденного.

Такъ, они уже не знали ни того, что Богъ есть *Троица единосущная*, ни того, что они прямымъ *путемъ рожденія* произошли отъ Него, не знали *честности* и *сочетанія* духа и потому не знали *предѣчнаго* Ангела, Маргариты, общей матери своей.

Все это *зналъ Адамъ*, ибо *видѣлъ* лица Бога и Маргариты (но все это для потомковъ его подернулось глубокой тайной, дерево познанія привело человѣка къ незнанію ни своего собственнаго, ни Божьяго духа).

И *зналъ* Господь, что нельзя *насиловать* ослабленный грѣхомъ разумъ человѣческій, что чего человѣкъ не можетъ *охватить*, то *безполезно* и говорить ему. И когда являлся человѣку въ видѣніяхъ внѣшнихъ и открывался во вдохновеніяхъ внутреннихъ, то не иначе, какъ только въ лицѣ *Отца*, какъ человѣкъ представлялъ себѣ Его, если же и было что сверхъ сего, то это *составляло* непроницаемую тайну между Нимъ и однимъ только избранникомъ Его.

Лишь послѣ смерти Онъ открывался святымъ Своимъ исполнѣ, какъ сказалъ Иисусъ: „Авраамъ радъ былъ увидѣть свѣтъ Мой, и увидѣлъ и возрадовался“.

А до времени открывать человѣку тайны духовнаго міра, забытыя имъ, Богъ считалъ крайне *опаснымъ*.

До этого дойти нужно было *долгимъ усовершенствованіемъ* духа человѣческаго, послѣ перваго *быстраго* его паденія, и то не раньше, какъ *совершивъ возрожденіе* его непосредственно черезъ сына Божія.

Сначала же всѣ силы человѣка нужно было устремить на огражденіе его отъ *иныхъ боговъ*, и чтобъ онъ не потерялъ

той главной, *руководящей* нити познанія Божія, что Богъ одинъ, т.-е., что въ немъ *одна только идея, любовь*, и нѣтъ другой идеи, кромѣ этой.

При малѣйшемъ даже кажущемся уклоненіи отъ единства Божія, при всякой *дурно понятой истинѣ, отвлекающей* слабый умъ отъ этого единства, человѣкъ могъ дойти въ представленіи Бога до того, что приписалъ бы Ему не духовныя, а *низшія плотскія идеи и свойства*, какъ это сдѣлали язычники, у которыхъ чуть ли не для всякаго *ремесла человеческого*, и для всякаго дѣла *человѣческаго*, даже для *всякаго порока* и грѣха, былъ свой Богъ.

[Къ тому же были вещи, которыя не только тогда, но еще и долго послѣ того, человѣкъ не иначе умѣлъ представлять себѣ, какъ въ узкомъ и грубомъ *плотскомъ смыслѣ*, а не въ широкомъ *духовномъ*. Потому и щадилъ Богъ огрубѣвшій духъ *человѣческой* и не давалъ ему откровеній не по силамъ, но исподволь, медленно, *подготавливалъ* его къ откровеніямъ болѣе полнымъ и совершеннымъ].

Когда Богъ примѣнялся такимъ образомъ къ понятіямъ *человѣка*, то Онъ никакихъ *противорѣчій* съ истиной все-таки не допускалъ, а напротивъ все *недосказанное, забытое поддерживалъ* въ *человѣкѣ*, *безъ вѣдома* его, *безсознательнымъ* чутьемъ его духа; Онъ *умалчивалъ*, но не *заблуждалъ*, и несовершенствомъ откровенія была *тайна*, а не *ложь*.

Намеками, иносказаніями, пророчествами, не вполне понятными, Богъ все-таки еще *раньше* будущаго яснаго откровенія уже вдохновлялъ *человѣка* и наполнялъ сердце его *невѣдомыми* ему истинами, сердцу его уже чувствительными.

Такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ заключается и *Новый*, но только тогда, когда сбылись его пророчества и намеки, слова ихъ стали понятны.

Еще то было въ откровеніи Божіемъ, что *чѣмъ отдаленнѣе* было время полнаго объясненія забытыхъ истинъ, тѣмъ Онъ *прямѣе* говорилъ о нихъ.

[О троиственности Своей, напр., Онъ говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ такъ слабо и иносказательно, что до временъ Христа никто не догадывался о прямомъ смыслѣ этихъ словъ, и это потому, что время объясненія было близко. Но объ отношеніяхъ Сына къ церкви, какъ къ женщинѣ, о возрожденіи *человѣчества* черезъ нее, о *материнскомъ призваніи* ея, Онъ

говориль уже въ Вѣтхомъ Завѣтѣ такъ ясно и такими прямыми словами, какъ не обо всемъ изъ этого говорить и въ Новомъ, и это потому, что время объясненія этихъ словъ было слишкомъ отдаленно: до него еще надо было пройти черезъ новозавѣтныя времена, и не было никакой опасности говорить прямо. *Прямые* слова принимались за *иносказанія*, а когда многое другое было объяснено откровеніемъ Новаго Завѣта, то умъ человѣческій до времени былъ отвлеченъ этими новыми истинами отъ уразумѣнія дальнѣйшихъ истинъ изъ такихъ прямыхъ пророчествъ о нихъ].

Пока потомство Авраамово еще было семействомъ, познаніе истиннаго Бога достаточно сохранялось въ немъ преданіемъ, но когда оно стало народомъ, и жить ему пришлось среди чуждыхъ, идолопоклонническихъ нравовъ, въ одномъ изъ неподвижныхъ, образованныхъ племенъ, жившихъ не по духу, а по душѣ, то настало время преданіе *скрѣпить писаніемъ* и всѣ истины вѣры, поскольку они ихъ знали, привести въ болѣе опредѣленный видъ.

Великая борьба добра и зла вступила на болѣе обширный путь и *снова Богъ* усилилъ боевыя средства избранныхъ Своихъ. До тѣхъ поръ Онъ прямо сообщался только съ отдѣльными людьми или семействами ихъ; тутъ въ *первый разъ* Онъ *обратился изъ цѣлому* народу, и въ первый разъ все, что передавалось изъ рода въ родъ отрывочными преданіями и подкрѣплялось отдѣльными откровеніями Божіими *наединѣ* съ родоначальниками ихъ, все это было собрано воедино, доведено до полноты въ подробностяхъ и освящено болѣе знаменательнымъ откровеніемъ Божіимъ, чѣмъ всѣ раньше бывшія.

Новымъ средствомъ борьбы и новою помощью Божьею было выселеніе Израиля изъ Египта и полученіе имъ отъ Бога заповѣдей, которыя сдѣлались до конца міра основами закона Его.

Этого вмѣшательства Божьяго въ міровую борьбу надолго достало человечеству, и, благодаря ему, вдохновлялись всѣ послѣдующіе пророки, до Искупителя жившіе; время же этого вмѣшательства было такое, когда въ другихъ племенахъ земныхъ уже началось быстрое движеніе духа, и наступательная сила зла была въ полномъ ходу.

Завѣтомъ Моисеевымъ утвердилась въ одномъ мѣстѣ и въ одномъ народѣ земли хотя несовершенная, но истинная

вѣра, которая должна была и на *всѣ другія* мѣста и народы распространить свое дѣйствіе и *вездѣ отражать* успѣхи зла, несмотря на то, что эта вѣра сосредоточивалась въ одномъ еврейскомъ народѣ, и нигдѣ больше не проповѣдывалась, такъ что многіе народы, болѣе отдаленные, вовсе не знали ея;

но *всякое ученіе*, дурное и хорошее, и вообще всякая идея, исходящая изъ духа, имѣетъ то свойство, что посредствомъ *свѣтовыхъ* выдѣленій духа и самого тѣла *распространяется* невидимо повсюду на землѣ и можетъ сообщаться и такимъ людямъ, которые ушами плоти своей никогда не слышали о ней.

Лучи духовнаго свѣта, вмѣстѣ съ плотскими лучами проникая въ нихъ отъ другихъ людей черезъ пространство, безъ словъ *заносятъ* въ духъ ихъ тѣ мысли и чувства, которыя присущи идеямъ, невѣдомымъ имъ и неслыханнымъ ими, и, подѣ влияніемъ ихъ, *измѣняется душа* ихъ духа и, вслѣдствіе этого, весь духъ ихъ.

Они начинаютъ воспринимать *образъ мыслей*, воззрѣнія, способъ чувствовать *людей, далекихъ* отъ нихъ и мѣстомъ, и жизнью, и вѣрой, и, не зная причины, ощущаютъ послѣдствія ея, не слыхавъ объ ученіи, уподобляются ученикамъ его.

Потому *достаточно*, чтобъ гдѣ-нибудь въ мірѣ существовала истинная вѣра и истинно святая жизнь, для того чтобъ и не принадлежащіе къ этой вѣрѣ, но способные по природѣ своего духа воспринять ея духъ, невидимо пропитались ея благотворнымъ влияніемъ, черезъ лучи свѣтовыхъ выдѣленій носителей ея; и все, что ни дѣлается въ мірѣ *добраго и святаго*, дѣлается посредствомъ истинной вѣры и *идетъ съ того* мѣста земли, гдѣ она сосредоточена, такъ что невидимыя вѣянія ея помогаютъ и не принадлежащимъ къ ней сохранить, насколько это возможно безъ полнаго знанія ея, неискаженный *чистый образъ* своего духа, такой, какимъ они отъ Бога получили его; и чѣмъ обильнѣе плоды такой вѣры въ мѣстѣ ея нахождения, чѣмъ ярче свѣтъ ея въ жизни носителей ея, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ лучи ихъ вдаль, во *всѣхъ* концахъ земли, и тѣмъ *легче срываются* въ души человѣческія.

Напротивъ, *достаточно*, чтобъ гдѣ-нибудь въ мірѣ существовало вредное заблужденіе и вредное направленіе

жизни (ведущее къ подчиненію духа плоти), для того, чтобъ и не принадлежащіе къ нему, но способные воспринять духъ его, хотя бы они сами принадлежали къ истинной вѣрѣ, *невидимо пропитались* дурнымъ вліяніемъ, черезъ лучи свѣтовыхъ выдѣленій заблудшихъ; потому все, *что ни дѣлается* въ мірѣ злого и вреднаго, *дѣлается посредствомъ* ложныхъ ученій и идетъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они сосредоточены, такъ что невидимыя вѣянія ихъ заражаютъ и не принадлежащихъ къ нимъ и не слыхавшимъ о нихъ и искажаютъ духъ ихъ, дѣлая его не такимъ, какимъ они его получили отъ Бога; и тѣмъ больше растлѣваютъ ложныя ученія жизнь послѣдователей своихъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ въ даль вредныя лучи ихъ и тѣмъ больше *производятъ зла* въ мірѣ.

Истина, которою проникнуты были жизнь и ученіе пророковъ и праведниковъ въ Израилѣ, и которую болѣе или менѣе хранилъ въ себѣ и весь израильскій народъ, *безъ словъ* вдохновляла и другіе народы и въ *философію самихъ* язычниковъ заносила, невѣдомо для нихъ, болѣе *духовныя, многостороннія* и *возвышенныя* понятія, чѣмъ какія могли бы возникнуть изъ ихъ огрубѣлыхъ вѣрованій.

Особенно сильно дѣйствовали благодатныя лучи истины на впечатлительный духъ такихъ людей, которые, еслибъ были научены истинной вѣрѣ, то сдѣлались бы избранниками и святыми Божиими: такъ, одинъ изъ языческихъ *философовъ, Сократъ*, невидимыми вдохновеніями дошелъ *почти до познанія* духа истинной вѣры и далеко проникъ въ пониманіе духовныхъ вещей; онъ умеръ *мученикомъ истиннаго* Бога, не слыхавши о Немъ и не знавши Его; тѣмъ болѣе онъ былъ бы служителемъ Его, еслибъ зналъ Его.

Наоборотъ, ложь и растлѣнность языческихъ ученій *заражала* и израильскій народъ не только при *видимомъ* общеніи его съ ними на чужбинѣ, когда онъ дѣлался склоннымъ отпадать отъ вѣры, и неоднократно и соблазнялся на это, но и безъ словъ сообщалась ему, на родинѣ его, и заставляла его въ свою собственную вѣру вносить чуждыя ей идеи и *толковать* ее въ узкомъ, плотскомъ смыслѣ, подобно *язычникамъ*.

Отсюда произошло у Израильтянъ ожиданіе въ лицѣ Мессіи *богатѣйшаго и сильнѣйшаго* изъ царей земныхъ, безъ

смертнаго въ *нынешней, не перерожденной* плоти и ожиданіе вѣчнаго царствія его въ *нынѣшнемъ* плотскомъ мірѣ, не переустроенномъ по духовнымъ законамъ, но въ такомъ, каковъ онъ теперь, отсюда и всѣ понятія ихъ о блаженствѣ вѣчнаго царствія извратились и уподобились языческимъ;

[переставъ понимать разницу между плотью и духомъ и не одинаковыми, даже враждебными одни другимъ стремленіями ихъ, они приучились цѣнить только то, чего хочетъ плоть, и всѣ представленія о счастіи свелись у нихъ къ *обилію благъ* земныхъ, *здоровью и благоденствію* плоти; отсюда вкоренился въ нихъ предразсудокъ, что *болѣзнь, бѣдность, гоненія и несчастія* земныя *непретѣнно* *бываютъ* *наказаніями* Господними, дѣйствіями гнѣва Его и что праведники имъ подвергнуться не могутъ;

отсюда и само царствіе Мессіи явилось для нихъ обѣтованнымъ временемъ самаго грубаго, низменнаго благоденствія, торжествомъ всѣхъ житейскихъ помысловъ ихъ о господствѣ надъ народами и о возмездіи имъ удовлетвореніемъ тщеславія, корюстолюбія, трусости и себялюбія].

Во всемъ этомъ выразились у нихъ стремленія души животной, взявшія верхъ надъ стремленіями духа ангельскаго, и все это привело ихъ къ тому, что они не могли узнать Мессію, когда Онъ явился, ибо тотъ образъ Его, который они себѣ создали, какъ высшее и лучшее, что могли себѣ только представить, далеко былъ отъ истиннаго образа Его.

Пока свѣтъ истины пересиливаетъ заразу лжи и завоевывааетъ себѣ чужія области, Богъ считаетъ прежде посланныя Имъ средства борьбы достаточными; но едва зараза лжи начнетъ пересиливать его и заноситься въ его собственныя области, Онъ немедленно посылаетъ борцамъ Своимъ новыя средства. Сначала и въ чужихъ областяхъ еще не было *наступательныхъ* дѣйствій истины: она брала лишь *свое* невидимое.

Впрочемъ то завоеваніе истиною чужихъ областей, о которыхъ здѣсь говорится, не есть еще наступательная борьба: истина при этомъ беретъ только свое невидимое въ видимыхъ чужихъ областяхъ, а не вторгается въ чужое невидимое, какъ будетъ при концѣ борьбы, что ложь дѣлаетъ уже и теперь.

Такъ и въ то время, когда израильтяне *перестали* *вдох-*

новлять язычниковъ своими идеями, но *сами заразились ихъ* идеями и испортили ими свою вѣру, такъ, что пророки перестали нарождаться у нихъ. Тутъ-то и возобновилъ Богъ борьбу добра могучимъ и *неотразимымъ* средствомъ, еще небывалымъ на землѣ, и придалъ ему небывалую силу: *явился Искупитель*, явилось *крещеніе*, и крещеніе создало Божьихъ борцовъ *незапятнанныхъ первоначальнымъ грѣхомъ*, искупленныхъ отъ него, и одаренныхъ такою *способностью къ побѣдѣ* духа надъ плотью, которая *приравнивала ихъ къ безплотнымъ ангеламъ*.

Такіе именно борцы нужны были въ то время, при страшно разросшейся въ мірѣ силѣ зла; безъ благодати крещенія сами избранники добра не могли бы тогда возвыситься до той степени совершенства, какую имѣли древніе праведники и пророки, ибо напоръ зла былъ уже весьма великъ; прежнія средства для борьбы съ нимъ были бы слабы.

Хотя искупленіе было нужно для *вѣчныхъ цѣлей*, а не для временныхъ, но *совершилось оно именно въ такое* время, когда *кромя* вѣчнаго своего значенія, оно имѣло и *временное* значеніе, для поднятія и усиленія добра въ мировой борьбѣ, и когда *нужда* въ немъ дала себя чувствовать *всего* сильнѣе.

§ 5. Гдѣ *наибольшее* зло, тамъ *наибольшее* и добро, и *никогда*, въ *самыхъ лучшихъ* времена иудейской вѣры, при величайшихъ пророкахъ ея, духъ человѣческій не доходилъ до такого *яснаго уразумѣнія* личности Мессіи, до такого *чистаго порыва* любви и вѣры къ нему, до какого онъ дошелъ *именно* во времена упадка и *огрубленія* этой вѣры въ большинствѣ народа еврейскаго.

Это *просвѣтленіе* разума и этотъ порывъ сердца *именно* и были тѣмъ „*первымъ словомъ*“, котораго всегда ждетъ Господь отъ человѣка, при всякомъ *великомъ начинаніи* Своемъ, тѣмъ *знаменіемъ времени*, на которое Онъ всегда откликается Своими знаменіями.

Сказано было это первое слово послѣ долгаго затишья и застоя, когда духъ на время оскудѣлъ въ Израилѣ и *вдохновеніе* пророческое *молчало* въ немъ. Раздалось это слово не въ сильномъ и смѣломъ мужскомъ духѣ, царѣ, или судѣ народномъ, или первосвященникѣ, а въ *робкомъ и тихомъ*, міру невѣдомомъ, въ глубинѣ *святой и тихой* жизни *скры-*

томъ, женскомъ духѣ, въ духѣ юной дѣвушки—сироты четырнадцати лѣтъ.

Это была *Марія*, Та, которую Богъ *вѣками* *подготавливалъ* въ народѣ Своемъ, зародышъ которой задолго до Ея рожденія Онъ положилъ въ предкахъ Ея и черезъ *всѣ покомлѣнія* заботливо *развивалъ* и *охранялъ* его.

Лицо Ея, со всею предусмотрительностью Божьею подготовленное къ появленію, черезъ особенное предопредѣленіе, сочетаніе *всѣхъ супружескихъ паръ*, произведшихъ Ее, это лицо было единственное въ своемъ родѣ: оно *имѣло черты и весь образъ* Дочери Божіей Аллилуи, только съ *различіемъ* славы и красоты, соотвѣтствующимъ *различію ангельскаго* духа отъ *Божественнаго*; потому этотъ женскій духъ [нечетный, какъ Дочь Божья], имѣвшій такое лицо, былъ способенъ составить съ *Духомъ Дочери* одно и то же существо, съ *двумя естествами*, Богочеловѣка съ *двойнымъ* духомъ неравной природы и неравнаго достоинства.

Изъ этого-то и предназначалъ Богъ Марію, избранницу Свою между всѣми избранниками, *ради* рожденія Которой совершались подъ особеннымъ покровительствомъ Божиимъ всѣ судьбы еврейскаго народа.

Но родилась Марія отъ Своихъ родителей *обыкновеннымъ* человѣкомъ, съ *однимъ только* человѣческимъ духомъ обыкновенной ангельской природы и такою оставалась до четырнадцати лѣтъ, когда на предложеніе священниковъ выдать Ее замужъ, Она отвѣчала, что дала обѣтъ дѣвства [ибо она хорошо *знала и чувствовала* нечетный духъ Свой].

Послѣ этого, Отецъ ждалъ отъ Нея только перваго слова Ея, чтобъ воплотить въ Нее Духъ Дочери Своей.

И вотъ, когда Она, читая пророчества Исаи объ Искупителѣ и особенно о томъ, что дѣва приметъ Его во чревѣ и родитъ Его, задумалась о великомъ счастьѣ этой неизвѣстной дѣвы и пожелала быть рабою ея, въ Ея сердцѣ *зажглось* совершенно *материнское* чувство любви къ будущему Младенцу-Мессіи. Безъ зависти къ предсказанной дѣвѣ, Она воображала себя рабыней ей, нянькою Ея Сына, но на самомъ дѣлѣ чувствовала при этомъ то самое, что чувствовала бы и мать Его. Не *бывши матерью*, Она поняла *сердце матери* Мессіи. *Материнскимъ чутьемъ* она поняла и Самого Мессію, лучше и вѣрнѣе чѣмъ всѣ ученые и мудрые народа

Ея, лучше, чѣмъ всѣ святые и пророки, и въ одинъ мигъ сердцемъ Своимъ угадала, каковъ Онъ будетъ Самъ, какова будетъ жизнь Его. Она постигла весь духъ Его ученія, какимъ Онъ долженъ былъ быть, и всю судьбу Его, какою она должна была быть, и всѣ цѣли Его рожденія на землѣ и весь смыслъ искупленія Его. Она не могла бы высказать все это ясными словами, но для Нея Самой все было ясно, и страстный приливъ безконечной любви и жалости къ будущему Страдальцу разрывалъ Ея сердце на части. И вмѣстѣ съ тѣмъ Она предчувствовала и дальнѣйшую нетлѣнную славу Его, и скорбь смѣнялась въ Ней нестерпимою радостью.

Такого настроенія духа ждалъ отъ Нея Господь, чтобъ совершить надъ Ней великую тайну Свою, и вотъ, архангелъ Гавріиль предсталъ предъ Нею съ благовѣствованіемъ своимъ, которому Она повѣрила, *ибо сердце Ея было готово* къ тому. И какъ *только архангелъ* окончилъ слова свои и удалился отъ Нея, *Духъ Дочери* сошелъ на Нее и *воплотился* въ Нее, и Дочь и Марія стали однимъ существомъ, двойного духа, неразрывно, нераздѣльно *считаго въ одномъ* лицѣ.

Но такъ же, какъ Иисусъ Христосъ, пока не вознесся на небо Своею воскресшею и одухотворенною плотью, *пребывавъ на землѣ* въ тлѣнной плоти Своей, а на *небесахъ и вообще* невидимо вездѣ, гдѣ хотѣлъ, *безплотнымъ Божественнымъ* Духомъ Своимъ, такъ и Марія, пока жила на землѣ, была и воплощеннымъ въ тлѣнную плоть, двойнымъ духомъ, и *безплотнымъ*, но только однимъ Божественнымъ, на небесахъ невидимо и вездѣ, гдѣ хотѣла.

Когда въ день Пятидесятницы Духъ Святой, т. е. Дочь Божія, сошелъ на учениковъ Христа и въ томъ числѣ на Марію, то для нихъ всѣхъ это состояло въ *обрученіи* ихъ слоевъ съ однимъ слоемъ изображенія Дочери, не черезъ Брата Ея, между Его двойными слоями, какъ бываетъ отъ рожденія у всякаго человѣка, а особо отъ Него, *отдѣльнымъ повтореніемъ* Ея, для того, чтобъ она могла еще сильнѣе вдохновлять ихъ [ибо Ей изъ всѣхъ образовъ Божіихъ принадлежитъ особенное вдохновляющее дѣйствіе на людей]; для Маріи же сошествіе Св. Духа состояло въ томъ, что соединеніе Ея съ Ея собственнымъ Божественнымъ Духомъ, глубже тогда проникшемъ въ Нее, дошло до самой живот-

ной души Ея и, вслѣдствіе этого, всѣ мысли Ея Божественнаго Духа были Ею исполнѣ ясно сознаны.

Вообще у всякаго человѣка духъ его не всегда одинаково близокъ къ низшей части существа его и не всегда человѣкъ сознаетъ все, что думаетъ и чувствуетъ духъ его: грѣхопаденіе въ томъ и состояло, что отъ человѣка удалился собственный духъ его, и связь его съ нимъ ослабла. Потому, кромѣ обыкновеннаго сознательнаго мышленія, проникающаго черезъ все существо человѣка, въ немъ есть еще безсознательное, ему самому невѣдомое мышленіе одного духа его, которое иногда, но медленно доходить до души его, и тогда весь человѣкъ начинаетъ сознать его, а иногда такъ и остается въ глубинѣ его духа, неизвѣстнымъ ему; человѣкъ не все и не всегда знаетъ, видитъ и слышитъ, что знаетъ, видитъ и слышитъ духъ его, ибо духъ и во плоти иногда воспринимаетъ впечатлѣнія не черезъ плоть, а помимо ея, такъ какъ бы онъ не имѣлъ ея, и видитъ и слышитъ то, что не доходить ни до души, ни до плоти.

Такъ и Марія, получившая Свой Божественный Духъ *не отъ* чрева матери, а уже на возрастѣ, не настолько примѣнилась къ Нему животной душой Своей, чтобъ всѣ Его мысли насквозь овладѣвали Ею; во многомъ Она черезъ человѣческій духъ свой чувствовала и рассуждала, какъ Богъ, но до общаго сошествія Ея Самой на людей, Она настолько мало сознавала Себя, что не знала о Своей Божественности и всю Свою внутреннюю перемѣну приписывала только наитію Божественной силы на Нее извнѣ и рожденію отъ Нея Бога-Слова; только въ день Пятидесятницы Она узнала, что Она Бого-человѣкъ и Дочь Божія.

6. Послѣ благовѣствованія Гавріила зачатіе Сына Ея произошло въ Ней такъ: младенческій духъ Брата Ея отъ вѣка пребывавшій въ Ней, не прямо и непосредственно, а черезъ Маргариту, возрожденную въ Ней, съ которою Онъ вездѣ неразлученъ и въ которую былъ погруженъ, дѣйствіемъ животворящей силы Ея *выступилъ наружу* изъ младенческаго духа Маргариты и явился въ Ней [отдѣльно отъ этой послѣдней, но кромѣ того все-таки оставаясь и въ ней, какъ и она оставалась въ Немъ].

Этотъ образъ младенца Рафаила сообщился и человѣ-

ческому духу Маріи, неразрывно слитому съ Духомъ Дочери, и зародился въ немъ, сообразно его низшей природѣ, въ низшей природѣ свѣта, въ видѣ человѣческаго младенческаго духа, совершенно такого же лица, какъ Рафаиль;

отъ духа все тотъ же образъ перешелъ и въ душу Маріи, и тамъ зародилась душа Сына Ея, и такимъ образомъ зарожденіе, передаваясь дальше и дальше [такъ же, какъ и при четномъ зарожденіи, посредствомъ мгновеннаго измѣненія одного слоя Маріи въ свѣтъ Ея Сына], достигло черезъ оба свѣтовые тѣла,

до внѣшняго твердаго тѣла, въ которомъ, посредствомъ притяженія его частицъ свѣтовыми тѣлами Младенца, стало образовываться, какъ бы облекая эти свѣтовые тѣла, Его собственное твердое тѣло [оно возникло въ тѣлѣ матери, хотя въ томъ же самомъ мѣстѣ, какъ обыкновенно, при зачатіи тѣла младенца, но совершенно въ иномъ порядкѣ, вслѣдствіе иного способа появленія; (рожденія тутъ собственно не было, настоящее рожденіе было только для духа человѣческаго, души и свѣтовыхъ тѣлъ, для твердаго же тѣла было особеннаго рода исключительное извлеченіе его частицъ изъ тѣла матери *собственной притягательной* силой свѣтового тѣла младенца, тогда какъ всякое рожденіе совершается силою матери, оно и совершилось въ Маріи для всего невидимаго [человѣческаго] состава Сына Ея и на томъ остановилось, а твердое тѣло Его уже только *выдѣлилось* изъ Ея тѣла, не зарождавшись въ немъ). Родился отъ Нея Ея Младенецъ, въ томъ же самомъ видѣ Своего Божественнаго Духа, въ какомъ отъ вѣка пребывалъ въ Ней внутри младенца-Маргариты, и уже вмѣстѣ съ душой и плотью доросталъ до полнаго вида своего, въ окончательномъ предѣлѣ Своего возраста].

Такъ какъ человѣческій духъ Его былъ во всемъ подобенъ Божественному, кромѣ природы его свѣта, то и онъ былъ также четный, и вмѣстѣ съ этимъ человѣческимъ духомъ Иисуса родился, погруженный въ Него, младенца, сотворенный изъ Его идеи духъ младенца—жены Его; точно также она родилась съ Нимъ, по общему закону, и въ душѣ и въ свѣтовомъ тѣлѣ, вездѣ соединенная съ Нимъ своими слоями.

Какъ духъ Иисуса-человѣка былъ одного и того же лица съ Духомъ Бога Рафаила, только другой природы, такъ духъ Его жены по человѣчеству былъ совершенно одного и того же лица съ духомъ Его жены по Божеству, предвѣчной Маргариты-церкви, и въ ней также было двѣ природы, или два естества, предвѣчное и обыкновенное ангельское, одного и того же лица, составлявшія одно и то же существо.

Если бы Мать Иисуса не была родственна Ему и по Божественному Его духу, какъ по человѣческому, то Она не могла бы воспитать и сохранить Его для Его дѣла. Пока Его человѣческій духъ и душа еще развивались изъ младенческаго и дѣтскаго возраста, а Божественный Духъ измѣнялся сообразно тому виду Своимъ, легко можно было неумѣлымъ и неразумнымъ обращеніемъ съ Нимъ навсегда погубить Его, изгнавъ Его Божественный Духъ изъ Него, за которымъ послѣдовалъ бы и человѣческій, и Онъ остался бы слабоумнымъ разбитымъ существомъ съ одной душой.— Избѣгнуть этого не могла бы никакая женщина въ мірѣ на мѣстѣ Его Матери, кромѣ Самого Духа Святаго. При первыхъ словахъ Его о любомъ явленіи природы, о любой тайнѣ духовнаго міра, которыя Онъ зналъ и понималъ по Своему, какъ Богъ, всякая другая пришла бы въ ужасъ и либо тутъ же предала бы Его въ руки враговъ Его, начавъ оплакивать Его будто бы погибшій разумъ, либо заглушила бы въ Немъ всякую работу духа и сдѣлала бы невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Его духа въ тѣлѣ Его.

Всѣ страшныя для человѣка истины, которыя Онъ зналъ отъ рожденія, всѣ законы природы, которые были Ему открыты такъ, какъ никогда наука человѣческая не откроетъ ихъ [не только тогдашняя жалкая наука, но и самая полная и точная наука, какая возможна въ мірѣ, пока міръ стоитъ], все это Онъ высказывалъ первой Своей матери просто и довѣрчиво и, какъ ребенокъ, вовсе не думалъ, чтобъ въ этомъ было что-либо особенное, неизвѣстное другимъ; Онъ былъ увѣренъ, что такъ, какъ Онъ понимаетъ вещи, и всѣ понимаютъ ихъ, и что всѣ хорошо знаютъ то, чего нельзя было не знать, какъ казалось Ему. Нужно было предостеречь Его отъ излишней, дѣтской откровенно-

сти съ посторонними, чтобы Онъ прежде времени не выдалъ Себя имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не дать Ему и подозрѣвать, что слова Его могутъ показаться необыкновенными; нужно было, не задерживая работу Его мысли, не дать и преждевременно явиться въ Немъ сознанию, Кто Онъ есть, ибо такое сознание могло быть еще не по силамъ ребенку; нужно было не поставить Его въ необходимость признать въ Самомъ Себѣ или помѣшаннаго, за какого не преминули бы счесть Его люди, еслибъ Онъ имъ высказался, или особое высшее Существо, и, охраняя Его дѣтскую беззаботность, отклоняя тяжелые для Него вопросы, уберечь Его отъ всякихъ подозрѣній со стороны людей. Дѣтство такого существа, какъ Онъ, было окружено многими опасностями и незамѣтными пропастями; провести Его благополучно среди этихъ пропастей до того времени, какъ Его духъ достаточно окрѣпъ, исполнить столько неуловимо-тонкихъ и до ужаса трудныхъ задачъ могъ только нѣжный, всепроникающій разумъ Дочери Божіей.

Та особенность Маріи, что Она Сама получила Свой Божественный Духъ не отъ рожденія, ограждала Ее отъ тѣхъ опасностей, которыя предстояли Ея Сыну, ибо Ея сознание Самой Себя было далеко отъ Нея, и Она спокойно могла отдаться воспитанію Сына, не тревожась ничѣмъ и ничему не удивляясь относительно Себя Самой.

Но зато самосознание Ея Сына должно было сдѣлаться въ Немъ гораздо крѣпче, чѣмъ въ Ней; хотя Онъ пережилъ въ зрѣломъ возрастѣ тѣ страшныя сомнѣнія, отъ которыхъ Она ограждала Его въ дѣтствѣ и которыя выражались въ неоднократныхъ словахъ сатаны, невидимо внушенныхъ Ему при искушеніи Его: „*еси* Ты Сынъ Божій“, но когда Онъ отразилъ ихъ, то они уже не возвращались къ Нему, и Онъ сдѣлался непоколебимымъ въ Своемъ знаніи Себя. На то Онъ и родился Богомъ, а не воплотился впоследствии, какъ Мать Его, что Ему предстояло передъ насмѣшливыми взорами враговъ Своихъ исповѣдывать Себя и въ лицо сказать имъ: „прежде чѣмъ Авраамъ родился, Я есмь“;

Ей же предстояло только Его понять и охранить, а Себя сознать только для Самой Себя, по воскресеніи Его, и посвящать въ эту тайну Свою только пріемнаго Сына Своего Іоанна.

Крещеніе Іисуса отъ Іоанна Крестителя состояло невидимо въ томъ, что и человѣческій духъ Его былъ погруженъ отеческимъ крещеніемъ въ сердце Отца, какъ былъ погруженъ въ него отъ вѣка Его Божескій Духъ. Съ этого мгновенія для Него были кончены всѣ опасности не исполнить Своего дѣла или не дожить до него всѣми или нѣкоторыми частями существа Своего.

Охраняло Его дѣтство и особенно юность, невидимо помогая въ этомъ Его матери, еще другое женское существо— сама жена Его (по предвѣчному Духу), Маргарита. Она была тѣмъ ангеломъ хранителемъ Его человѣческаго духа, который дается каждому человѣку при рожденіи.

Она рано открыла Ему невидимыми вдохновеніями тайну ихъ союза и ихъ обоюднаго участія въ возрожденіи человѣчества и предупредила въ Немъ всякую ошибку человѣческаго сердца Его, обративъ къ себѣ самой первыя, Ему Самому невѣдомыя его вдохновенія, при переходѣ Его въ юность.

Воплотилась она, такъ же какъ и Дочь, не отъ рожденія, а въ возрастѣ еще позднѣйшемъ, чѣмъ была Марія при воплощеніи Дочери.

Потому она такъ же, какъ Марія, не противорѣчитъ сказанному о Іоаннѣ Крестителѣ, что больше его не было никого изъ рожденныхъ женами: если бы Марія родилась такою, какою стала послѣ, то это нарушило бы слова Христовы, ибо Она, безъ сомнѣнія, больше Іоанна, и даже не зная о Ея Божественности, христіане называли Ее, по предчувствію, „честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ“ и „Владычицею міра“.

Но не только Она, воплощенный Богъ Духъ Святой, но даже Маргарита-церковь предвѣчная, близости родства своего съ Богомъ и по предвѣчности своей, была духомъ больше Іоанна, и также ея рожденіе отъ жены противорѣчило бы сказанному о немъ, если бы она не воплотилась въ окончательномъ видѣ своемъ уже послѣ.

Іоаннъ же былъ большій изъ рожденныхъ по своему духу, вышедшему первоначально и прямо съ неба, изъ предвѣчнаго ангела 5. лѣтъ, духа силы; и Іоаннъ получилъ этотъ свой духъ прямо изъ нетлѣннаго міра: это былъ духъ Іліи, измѣнившася въ нетлѣнное тѣло и взятаго на небо, какъ бы при концѣ міра.

Объ этомъ сказалъ Христосъ: „если хотите принять, онъ есть Ілія, которому должно придти“. Душа же его возникла, путемъ рожденія, точь въ точь та же самая, какъ была у Іліи. Потому Ілія и Іоаннъ Креститель одно и то же лицо и жилъ онъ при Іисусѣ Христѣ въ двухъ видахъ, въ нетлѣнномъ тѣлѣ на небесахъ, и въ тлѣнномъ на землѣ.

Когда умеръ Іоаннъ, духъ и душа его соединились сами съ собою въ тѣлѣ Іліи [и когда воскреснетъ умершее тѣло его, то оно будетъ лишь повтореніемъ его нетлѣннаго уже существующаго тѣла и можетъ войти само въ себя и выйти изъ самого себя по общему закону духовныхъ тѣлъ].

Передъ кончиной міра и вторымъ пришествіемъ Христа ему предстоитъ въ третій разъ жить на землѣ, точно такъ же воплотившись духомъ, испецимъ изъ его нетлѣннаго тѣла, какъ въ то время, когда онъ жилъ въ видѣ Іоанна.

§ 7. Жена Іисуса выдѣлилась изъ Него [семь мѣсяцевъ и семь дней спустя *послѣ* Его рожденія, когда мать ея зачала ее], но выдѣлилась она тогда только изъ человѣческаго духа, души и свѣтоваго тѣла Его человѣческимъ духомъ, душой и тѣломъ, [конечно, оставаясь въ то же время и въ Немъ] а не изъ Духа Божественнаго, гдѣ остался, не выдѣляясь изнутри Его, духъ предвѣчной церкви.

Она родилась внѣ брака, отъ матери-евреянки и отцаримлянина, служившаго въ римскихъ войскахъ. Когда Марія спасала въ Египетъ Сына Своего отъ избіенія вилеемскаго, то ея мать сопровождала Ея, такъ какъ тоже отправлялась въ Египетъ, къ отряду ея отца, назначенному туда. Тамъ у нея и родилась эта дочь ея и жила первые дни своей жизни подлѣ Маріи, истинной матери своей, какъ дочь Ея короткой знакомой, и колыбель ея стояла рядомъ съ Іисусовой. Мать ея вскорѣ умерла отъ горя и разныхъ бѣдствій, и отецъ былъ отозванъ службою въ Римъ, и когда Марія возвращалась на родину, въ Галилею, то, по просьбѣ умершей матери, взяла съ собой и оставшуюся безпріютною сиротку, для передачи ея роднымъ ея матери.

Одинъ двухъ лѣтъ, другая восьми мѣсяцевъ, полные необъяснимой привязанности другъ къ другу, Іисусъ и Маргарита [земное имя ея того времени не извѣстно] возвратились вмѣстѣ, и вмѣстѣ, все крѣпче любя другъ друга, провели первые годы дѣтства.

Но на седьмомъ году Иисуса жизнь надолго разлучила ихъ, и они уже не видались до того времени, какъ прославился Иисусъ, почти до половины Его служенія.

Живя вдали отъ Его вліянія, оставшись въ самыхъ трудныхъ условіяхъ жизни, безъ семьи и покровительства, послѣ смерти той единственной своей родственницы, которая шести лѣтъ взяла ее изъ Галилеи, она заразилась зломъ внѣшняго міра, хотя родилась исключительно прогивъ другихъ людей, безъ всякаго зародыша зла, такъ какъ ея духъ выдѣлился изъ непорочнаго духа Иисуса.

Она сдѣлалась грѣшницей, но Онъ не зналъ этого и не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій, пока не пришелъ въ Наинъ, гдѣ воскресилъ сына вдовы. Тутъ Онъ узналъ о томъ, что она уже поселилась въ этомъ городѣ, близкомъ къ ихъ общей родинѣ, и о всемъ ея прошломъ, полномъ нестерпимаго позора; какъ ни великъ былъ его пророческій даръ, но этого Онъ не узнавалъ раньше, черезъ Божественный Духъ Свой, о другѣ своего дѣтства, про которую Онъ зналъ, что она Его жена, и будущая воплощенная церковь, ибо Отецъ щадилъ Его и скрывалъ отъ него до времени это горе.

Когда же Онъ узналъ это, то узналъ одновременно и то, что могло смягчить Его скорбь о ней, а именно, что какъ только слава Его дошла до нея и въ ней оживилось воспоминаніе о Богѣ-ребенкѣ, съ которымъ она вмѣстѣ росла, не зная, Кто Онъ былъ, она немедленно бросила порочную жизнь, чего это ей ни стоило.

Съ самоотверженіемъ неслла она всѣ послѣдствія того разрыва съ прошлымъ, такъ какъ, по причинѣ сильнаго презрѣнія іудеевъ къ подобнымъ ей и ихъ полного отчужденія отъ нихъ, ей, лишившейся безчестнаго хлѣба, невозможно было достать и честный; никакой трудъ, никакое законное мѣсто въ обществѣ уже не были ей доступны, и только цѣной ужасныхъ лишеній, терпя голодъ и наготу, она могла отказаться отъ своей прежней жизни.

Иисусъ узналъ все это, и какъ ни сожалѣлъ о ея бѣдствіяхъ и объ отверженіи ея изъ всякой людской среды, но еще больше радовался, видя, какъ мало корня имѣло въ ней зло и на какіе подвиги добра она была способна; еще не выдавъ ее, Онъ простилъ ей все за то, что она предпочла скитаться безъ крова и почти безъ пищи, чѣмъ продолжать

дѣлать зло, и за то, что она это сдѣлала, какъ Онъ Самъ зналъ, въ память Его и своего дѣтства, проведеннаго съ Нимъ.

Въ первый разъ они встрѣтились въ Наинѣ въ домѣ Симона фарисея—ибо она была той женщиной, которая съ плачемъ припала къ Его ногамъ въ этомъ домѣ и мазала ихъ мѣромъ, и обливала слезами, и утирала волосами своими. Для нея и была сказана Имъ извѣстная притча о двухъ должникахъ и къ ней обращено было безсмертное слово, столько утѣшавшее впослѣдствіи всѣхъ грѣшниковъ: „прощаются ей грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тотъ мало и любитъ“.

Въ то время въ ней уже былъ воплотившійся въ нее незадолго до того предвѣчный духъ Маргариты; онъ выдѣлился изъ самого себя, пребывавшаго въ Божественномъ Духѣ Іисуса, какъ только Іисусъ узналъ о позорѣ и о раскаяніи ея, и о святой перемѣнѣ жизни ея, и это выдѣленіе произошло вслѣдствіе сильнаго потрясенія, которое это извѣстіе произвело въ Немъ, причемъ, конечно, ея предвѣчный духъ остался и внутри Его; такъ что Маргарита, какъ предвѣчный ангелъ, терпѣла въ домѣ Симона поношеніе и стыдъ за тѣ дѣла, въ которыхъ не участвовалъ и не повиненъ былъ высшій духъ ея.

Воплотившись въ смертномъ тѣлѣ, она, какъ и Іисусъ и Марія, въ то же время оставалась духомъ на небесахъ, и подлѣ Іисуса на землѣ, какъ Его ангелъ хранитель, и вездѣ, гдѣ хотѣла. Послѣ того она сдѣлалась, невѣдомо для міра, лучшей ученицей Іисуса и раньше и полнѣе всѣхъ апостоловъ поняла Его будущее воскресеніе и смыслъ искупленія и жизни Его, не исключая ни своего участія въ этомъ, ни того, что она предвѣчный духъ и жена Его, ни вообще законовъ сочетанія духа, которые она еще раньше безсознательно испытывала на себѣ и въ сильныхъ порывахъ любви къ Іисусу доходила до затерянаго со временъ грѣха „дерева жизни“, т. е. до яснаго чувства жизни и сочетанія своего духа.

Ученицей Его она сдѣлалась больше невидимыми вдохновеніями черезъ собственный духъ Его, пребывавшій въ ней, и черезъ духъ свой, пребывавшій въ Немъ, что было возможно и заочно, и издалека, и потомъ узнанное безъ словъ

провѣрялось на словахъ, во время рѣдкихъ встрѣчъ ихъ; но жизнь ихъ шла, какъ и до тѣхъ поръ, отдѣльно, при странническомъ образѣ жизни Его съ учениками, такъ какъ она не была въ числѣ женщинъ, слѣдовавшихъ за Нимъ.

Про нее упомянуто въ Евангеліи, что ученики, увидя человѣка, который изгонялъ бѣсовъ именемъ Іисуса, а за ними не ходилъ, запретили ему; но Іисусъ вступился за него, говоря имъ: „кто не противъ васъ, тотъ за васъ“. Этотъ человѣкъ, не ходившій за ними, была она; итакъ ее гнали, по незнанію, даже лучшіе ея друзья.

Незадолго до смерти Іисуса, передъ Пасхой, она пришла въ Іерусалимъ, и тутъ они видѣлись чаще и дольше, чѣмъ до того времени, и Онъ еще болѣе укрѣпилъ въ ней надежду на воскресеніе Свое.

У креста Его она стояла среди женщинъ галилейскихъ, вѣровавшихъ въ Него, вмѣстѣ съ Его матерью, (къ Которой она стала по временамъ не надолго приходитъ, пребывая у Нея послѣ того, какъ Онъ оправдалъ ее въ Наинѣ). При Его страданіяхъ на крестѣ она улыбалась Ему, чтобъ напомнить Ему взглядомъ и улыбкой ихъ недавнюю бесѣду о воскресеніи Его и о блаженной вѣчности: но до конца она не выдержала, какъ Мать Его, хотя и сдерживала свои слезы, которыхъ не могла сдержать Его Мать; прежде чѣмъ Онъ испустилъ духъ, ея сердце разорвалось, и она скоропостижно умерла, на Его глазахъ; это и было тѣмъ мгновеніемъ, когда Онъ воскликнулъ: Боже мой, Боже мой, зачѣмъ Ты оставилъ Меня! и это ускорило Его смерть, такъ что Пилать удивился, что Онъ уже умеръ. А о ней люди сказали, что это Богъ наказалъ ее скоропостижной смертью за то, что она смѣялась во время страданій Праведника. Такъ до конца сбылось надъ ней слово Его: „блаженны вы, когда будутъ злословить васъ напрасно за Меня“.

Когда она невидимо воскресла съ Нимъ въ третій день, по сообщившейся ей отъ Него способности воскреснуть въ жизнь вѣчную, то Онъ въ теченіе сорока дней, остававшихся имъ провести на землѣ, дополнилъ ей все еще неясное для нея о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о предвѣчности ея и о ея долѣ въ возрожденіи искупленныхъ;

первою искуплена Имъ была она, ибо, по соединенію ея

съ Нимъ крещеніемъ и обрученіемъ всѣхъ слоевъ духа и тѣла, ей первой сообщилась очистительная и животворная для вѣчности сила страданій Его, а черезъ нее уже стала дѣйствовать потомъ и на возрожденныхъ въ нихъ дѣтей ихъ.

Послѣ вознесенія ихъ тѣлъ на небо, Его видимо, ея невидимо, они уже нигдѣ не стали пребывать безплотными духами, какъ было до самаго вознесенія ихъ, а вездѣ духъ ихъ сталъ соединенъ съ тѣломъ, и сколько бы они ни повторялись и гдѣ бы ни появлялись одновременно въ разныхъ мѣстахъ, на небесахъ или на землѣ, вездѣ тлѣнное тѣло ихъ повторяется вмѣстѣ съ духомъ; только обрученіемъ въ тѣлахъ людей, живущихъ на землѣ, или въ ангелахъ, духъ ихъ пребываетъ отдѣльно отъ тѣла.

Марія, какъ извѣстно, жила нѣкоторое время на землѣ, послѣ смерти Сына, и, по христіанскому преданію, также воскресла въ третій день.

Съ тѣхъ поръ и Она нигдѣ не пребываетъ безплотнымъ духомъ, какъ до воскресенія Своего, а вездѣ, на небесахъ и на землѣ, повторяется вмѣстѣ со Своимъ нетлѣннымъ тѣломъ, только обрученіемъ въ тѣлахъ другихъ людей, или въ ангелахъ, Ея духъ пребываетъ отдѣльно отъ тѣла; потому и Богъ Духъ Святой, или Дочь Божія, теперь такой же воскресшій Бого-человѣкъ, какъ Сынъ Божій.

Сынъ Ея послѣ воскресенія тѣла Ея сталъ и тѣломъ Своимъ младенческаго образа пребывать въ Ней, а не однимъ только духовнымъ и свѣтовымъ составомъ.

Отецъ Маргариты по плоти сдѣлался христіаниномъ и умеръ мученикомъ за Христа въ Римѣ, въ гоненіе Нерона, не зная, въ какихъ отношеніяхъ къ Христу была дочь его, и даже не зная, что у него была дочь, ибо онъ оставилъ мать ея раньше ея рожденія.

§ 8. Когда, послѣ Пятидесятницы, была установлена первая церковь на землѣ и вошли въ дѣйствіе таинства Христовы, и когда въ нетлѣнномъ тѣлѣ Маргариты, впервые появились земныя дѣти ея, возрожденные духовнымъ сочетаніемъ ея съ Христомъ, то искупленіе рода человѣческаго свершилось.

Но крещеніе въ Христѣ черезъ церковь не такое дѣйствіе, которое могло бы не быть безусловно необходимымъ

для всѣхъ спасаемыхъ, и будучи необходимымъ для живущихъ послѣ Христа, не быть одинаково необходимымъ для жившихъ раньше Его.

Крещеніе уподобляется въ Св. Писаніи ковчегу Ноеву, а ковчегъ былъ *единственнымъ* средствомъ спасенія отъ потопа; и никто не избѣгнулъ гибели, кромѣ вошедшихъ въ него.

Такъ и внѣ крещенія нѣтъ спасенія въ вѣчности, ибо только оно уничтожаетъ въ духѣ человѣка зародышъ зла, который иначе неминуемо погубить его и безъ чего человѣкъ не можетъ имѣть безсмертнаго тѣла въ жизни вѣчной.

Тѣло Маргариты, вмѣщающее сперва души, а потомъ послѣ воскресенія и тѣла всѣхъ ея дѣтей, есть ковчегъ Новаго Завѣта, единственный и безусловно нужный для всѣхъ.

Какъ же спаслись святые и пророки ветхозавѣтные и самъ Ілія—Іоаннъ, Креститель Господа, если не допустить для нихъ возможности участвовать въ крещеніи, помимо крещенія на землѣ водой, для нихъ еще не существовавшего. Какъ спаслись многіе святые и мученики изъ язычниковъ, которые, воспламенившись примѣромъ своихъ жертвъ, христіанъ, мучимыхъ ими, исповѣдывали Христа и умирали съ ними на пыткахъ, не успѣвъ креститься? Ибо „кто не родится свыше, тотъ не войдетъ въ царствіе Божіе“, сказали Христосъ.

Это неопровержимо доказываетъ, самымъ простымъ размышленіемъ, что есть крещеніе во Христѣ и участіе въ искупленіи Его, не въ одномъ только видимомъ мірѣ.

„Кто не родится отъ воды и Духа, не увидитъ царствія Божія“—эти слова относились къ живущимъ на землѣ, и дѣйствительно духъ во плоти не принимаетъ и невидимаго крещенія, пока надъ нимъ не совершается обрядъ водою; но тѣ же слова въ иномъ видѣ „кто не родится свыше, не увидитъ царствія Божія“ относились и къ умершимъ раньше установленія обряда водою, или не успѣвшимъ принять его.

Надъ такими крещеніе совершилось въ безплотномъ мірѣ непосредственнымъ дѣйствіемъ Духа Св. и сочетаніемъ Сына съ Церковью.

Въ день сошествія Св. Духа, всѣ достойные жизни вѣч-

ной, жившіе раньше Іисуса, снова родились отъ Него духами и душами своими, а усопшія души ихъ были соединены съ новорожденными душами лучами свѣта тѣхъ и другихъ силою Духа Св.

Всѣ, спасенные для вѣчности въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, отъ Адама до Іосифа обручника и Іоанна Крестителя, возродились въ этотъ день, ибо для всѣхъ было уготовано искупленіе.

Для всѣхъ это искупленіе совершилось рожденіемъ отъ Христа черезъ Маргариту, кромѣ самой Маргариты, которая получила его прямо отъ Него, по супружескому своему союзу съ Нимъ, и Маріи, которая была искуплена Сыномъ Своимъ, не какъ Богъ, а какъ человѣкъ, и не отъ грѣха, и безъ того не бывшаго въ Ней, по дѣйствію Ея Божественнаго Духа, а только отъ смерти,—однимъ лишь пребываніемъ Его въ Ней Материнскимъ крещеніемъ Его младенческаго образа.

Когда Она воскресла нетлѣнною, то въ Ней возродилось и тѣло Сына Ея, въ младенческомъ видѣ, и облекло неизмѣнно пребывавшій въ Ней младенческій духъ Его. (Черезъ это новорожденное въ Ней тѣло Его Ей и сообщилось отъ Него искупленіе отъ смерти, ибо этого Онъ долженъ былъ и для Себя Самого достигнуть очистительной силою Своихъ страданій, а первая способность воскреснуть въ нетлѣнномъ тѣлѣ перешла къ Ней, послѣ Ея смерти, черезъ духъ Его, какъ было и съ Маргаритой).

Но духовнымъ загробнымъ крещеніемъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ сыновъ царствія не ограничилось милосердіе Божіе; въ послѣдствіи были включены въ искупленіе крещеніемъ и тѣ потомки Божіи, которые, хотя жили въ язычествѣ и были воспитаны въ незнаніи истиннаго Бога, но по таинственному сообщенію свѣтовыми лучами духа съ истинновѣрующими, напитались ихъ идеями и мыслями, чувствовали и поступали по духу ихъ.

Такъ были спасены въ разное время, иные раньше, иные позже, по достаточномъ наставленіи ихъ въ истинѣ черезъ безплотныхъ ангеловъ, братьевъ ихъ, всѣ тѣ язычники, которые жили по смыслу словъ апостола Павла: (Р. II. 13—66 и 27—28). Наконецъ такимъ же способомъ были искуплены и всѣ безъ исключенія младенцы и малолѣтніе Іудеи

и язычники, умершіе неповинными ни въ какихъ грѣхахъ.

Но да не подумаютъ, чтобы это сколько-нибудь уменьшило для умирающихъ христіанскихъ младенцевъ не только необходимость крещенія водою вообще, но даже необходимость какъ можно скорѣе совершить его: духъ человѣка и въ новорожденномъ не бываетъ моложе 3-хъ лѣтъ (т. к. въ безплотномъ мірѣ онъ грудной младенецъ только внутри матери, но родится мгновенно и внѣ ея и не моложе 3-хъ лѣтъ), потому, если не поспѣшить крещеніемъ, онъ можетъ, не имѣя чистоты отъ первороднаго грѣха, заразиться изъ міра тьмы такими дурными зачатками идей, которые въ случаѣ смерти младенца раньше крещенія заставятъ его перейти въ безплотный міръ больнымъ и зараженнымъ, хотя не по своей винѣ; а такое присутствіе заразы зла въ идеѣ духа, измѣняя самое вещество свѣта его, причиняетъ ему такія же страданія, какія зараза тѣлесная причиняетъ тѣлу.

На вѣкъ такой младенецъ не погибнетъ, ибо онъ ни въ чемъ самъ не виноватъ, но довольно, что онъ будетъ страдать, и быть можетъ долго, даже иногда до общаго воскресенія, пока не сомкнутся соединительные лучи его съ самимъ собою, возрожденнымъ въ Маргаритѣ, послѣ смерти его.

Тѣмъ болѣе такой духъ можетъ быть чувствительнымъ къ своей непроизвольной заразѣ, если онъ не дѣтскій духъ, а взрослый, и очутится въ безплотномъ мірѣ въ предѣлѣ своего возраста.

Такъ и многіе младенцы, жившіе до Христа, успокоились духомъ въ день общаго возрожденія умершихъ лишь послѣ страданій, перенесенныхъ отъ заразы зла, полученной на землѣ.

Тѣ изъ тогда умершихъ не страдали, которые праведною жизнью успѣли подавить въ себѣ зло до степени зародыша; такіе въ спокойствіи и ясности духа ожидали своего крещенія.

На такомъ временномъ состояніи болѣзни и страданія духа, не влекущемъ за собой вѣчной гибели, основано и поминовеніе усопшихъ.

Еслибъ участь ихъ не подвергалась никакимъ перемѣ-

намъ между смертію и воскресеніемъ, то поминовеніе не имѣло бы никакой цѣли, между тѣмъ христіане знаютъ по преданію, что „великая бываетъ польза душамъ, упоминаемымъ въ молитвѣ, когда прележить великая и страшная жертва тѣла и крови Христовой“.

Это происходитъ отъ того, что даже изъ тѣхъ людей, которые по дѣламъ своимъ не заслуживаютъ передъ Богомъ вѣчной гибели, многіе не настолько поддерживаютъ соединеніе свое съ крещенымъ духомъ своимъ добрыми дѣлами на землѣ, не настолько пребываютъ во Христѣ, чтобъ не ослабѣли соединительные лучи ихъ; тогда, уже по своей винѣ, они вносятъ съ собой въ безплотный міръ заразу и болѣзнь духа, отъ которой страдаютъ, пока мало по малу, во время сочетаній Христа съ церковью, обновляющихъ ихъ жизнь, не укрѣпится связь этихъ лучей. А такъ какъ сочетанія эти происходятъ главнымъ образомъ во время таинства Евхаристіи, то молитвы, возносимыя въ это время за больныхъ духомъ въ загробномъ мірѣ, способствуютъ возобновленію и усиленію тока ихъ лучей.

Такое временное страданіе послѣ смерти не есть Чистище, какъ иные думаютъ, ибо Богъ никого не очищаетъ зломъ, и страданія очистительныя есть только одни, самого Христа, и другихъ не требуется; въ безплотномъ же мірѣ страданія могутъ происходить только отъ присутствія зла и тьмы въ самомъ духѣ, а не отъ чего иного, и внѣшнихъ средствъ, производящихъ ихъ такъ, какъ на землѣ, у Бога тамъ нѣтъ; точно также уменьшаются эти страданія не покаяніемъ умершаго, ибо покаяніе онъ долженъ принести до смерти, и послѣ оно не принимается; а состоятъ эти страданія просто изъ болѣзней духа, не Богомъ посылаемыхъ на умершаго и не очистительныхъ, но заносимыхъ имъ въ видѣ заразы, полученной въ тѣлѣ отъ грѣховъ его и не уничтоженной имъ самимъ заблаговременно, потому уничтоженіе ихъ есть не покаяніе и исправленіе, а леченіе, такое же, какому подвергаютъ больное тѣло, которое также бываетъ больнымъ отъ послѣдствій грѣховъ.

Христіанинъ можетъ совершенно избѣжать такихъ загробныхъ болѣзней, ибо онъ отъ крещенія свободенъ отъ всякаго зла внутри себя; но язычникъ и иновѣрецъ, какими

бы добродѣтелями ни заслужилъ окончательное свое участіе въ искупленіи и жизни вѣчной, никогда при переходѣ въ вѣчность сразу здоровъ не бываетъ, ибо ложныя ученія, окружающія его, при существующемъ въ немъ зародышѣ первороднаго грѣха, непременно заражаютъ его зломъ.

Всѣ тѣ, которые войдутъ въ жизнь вѣчную, но не успѣли участвовать въ первомъ возрожденіи умершихъ, иновѣрцы и дѣти, продолжали и продолжаютъ еще и послѣ дня Пятидесятницы возрождаться загробнымъ крещеніемъ, по мѣрѣ того какъ умираютъ, если только не по своей винѣ не вошли въ общество христіанское, а по невѣдѣнію или неразумѣнію, или по недостатку времени, какъ мученики, и потому крещены водою не были.

(Если же они имѣли уши слышать и не слышали, и имѣя возможность креститься на землѣ, не пожелали, стало быть заперли сердце свое отъ Бога, для такихъ загробное крещеніе не совершится, и въ книгу жизни они вписаны не будутъ).

Такъ и спасеніе Іудеевъ, жившихъ послѣ Христа, и принявшихъ отъ отцовъ своихъ заблужденія ихъ относительно Его: одинъ Богъ всевѣдущій, испытующій сердца и внутренности, знаетъ, кого изъ нихъ можетъ помиловать, включивъ въ загробное крещеніе, и кого нѣтъ. Тутъ не имѣютъ значенія никакія земныя добродѣтели ихъ, а только то, кому изъ нихъ вѣннить Богъ въ вину, по тайному состоянію сердца каждаго изъ нихъ, что онъ не обратился къ вѣрѣ въ Сына Божія, и кому этого не вѣннить.

§ 9. Въ первыя же времена христіанства мало по малу установились въ окончательномъ видѣ всѣ семь основанныхъ Христомъ таинствъ.

Таинство есть дѣйствіе, которое совершается для какой-нибудь пользы человѣка посредствомъ законовъ невидимой природы, духовной или плотской, человѣку неизвѣстныхъ, и потому *тайныхъ*, и большею частью научному изслѣдованію не подлежащихъ, а понятныхъ человѣку только умозрительно, и доказываемыхъ ему только вѣрой, а не точнымъ знаніемъ. Вотъ по какимъ законамъ совершаются семь таинствъ:

а) *Крещеніе*. Оно уже достаточно разъяснено самимъ смыс-

ломъ искупленія. На землѣ новымъ родителямъ крещаемаго соотвѣтствуютъ воспріемники его, ручающіеся за обученіе его истинамъ вѣры; въ нихъ младенческій образъ ихъ вселяется силою Духа Св. обрученіемъ между слоевъ ихъ, въ матери материнскимъ способомъ, а въ отцѣ отеческимъ, т. е. только въ сердцѣ, въ уменьшенномъ видѣ и наклонно.

[Точно такъ, какъ соединены съ родителями нечетнаго духа братья и сестры ихъ, родящіеся отъ нихъ плотью, и какъ соединены со своими родителями дочери четнаго духа, не отъ нихъ рожденныя, но выдѣлившіяся изъ мужей своихъ].

б) *Бракъ*. Онъ состоитъ не въ погруженіи духа одного въ другой, какъ природный духовный бракъ, ибо такое погруженіе можетъ существовать только отъ природы и только съ однимъ лицомъ, а бракъ на землѣ часто совершается людьми не съ природной четой ихъ; но онъ состоитъ въ обрученіи слоевъ духа и души одного лица съ слоями другого силою Духа Св., что необходимо для очищенія союза плоти, насколько это возможно послѣ грѣха; когда же вступаютъ въ бракъ между собой природные супруги, то совершается только обрученіе души, ибо обрученіе духа уже существуетъ въ нихъ, тогда какъ соединеніе души отъ природы [послѣ грѣхопаденія] бываетъ у нихъ только крещеніемъ, а не обрученіемъ.

Таинство брака, какъ очистительное средство для союза плоти, необходимо и для природныхъ супруговъ въ равной мѣрѣ, какъ и для чужихъ, чтобъ обручена была чередованіемъ слоевъ однихъ навстрѣчу другимъ и душа ихъ животная, какъ обрученъ ангельскій духъ, иначе любовь души ихъ будетъ слѣпа и не одухотворена, и осквернитъ этимъ какъ союзъ плоти, такъ и союзъ самого духа.

Хотя Іисусъ не сочетался съ Маргаритой на землѣ, но незадолго до ихъ смерти, въ виду имѣющаго наступить для нихъ со временемъ сочетанія сперва ихъ крови, а потомъ и самой воскресшей плоти, они были соединены Духомъ Св. обрученіемъ душъ ихъ еще въ смертныхъ тѣлахъ, только безъ видимаго обряда.

Обрядъ таинства бракосочетанія состоитъ изъ двухъ частей,—обрученія кольцами и вѣнчанія, въ знакъ того, что *совершеннѣйшій* бракъ на землѣ есть такой, въ которомъ соединеніе плоти совпадаетъ съ природнымъ, произвольнымъ

соединеніемъ духа нераздѣльной четы, а подобное соединеніе духа имѣеть два способа, обрученіе и крещеніе духовныхъ слоевъ.

Обрученіе слоевъ духа изображается видимымъ обмѣномъ колець, окружающихъ тѣло, какъ слои духа окружаютъ одинъ другой; крещеніе же слоевъ духа, которое и есть существенная принадлежность четнаго духа [ибо обрученіе принадлежитъ и нечетному] и которое дѣлаеть духъ способнымъ рождать подобныхъ себѣ, или *увѣнчиваетъ* его союзъ плодородіемъ, — изображается наложеніемъ вѣнцовъ, какъ знаковъ природной будущей власти родоначальниковъ будущихъ племенъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ природнаго духовнаго крещенія одного изъ новобрачныхъ въ другомъ, наложеніе вѣнцовъ означаетъ только дозволеніе Божіе вступить въ такой же способный къ плодородію союзъ плоти [увѣнчивающій плодородіемъ одну плоть, безъ всякаго участія или только безъ обоюднаго участія духа, (послѣднее, если жена четный духъ)] какой бываетъ у духа природной четы.

Во время вѣнчанія и происходитъ, какъ между природными супругами по духу, такъ и между чужими, обрученіе Духомъ Св. слоевъ души ихъ, посредницы между плотью и духомъ, которое и даетъ окончательное узаконеніе и освященіе союзу плоти; во время же обрученія кольцами, если новобрачные чужіе отъ природы, въ нихъ происходитъ обрученіе ихъ духа, котораго въ нихъ раньше не было, а если они природная чета, и обрученіе духа въ нихъ уже было, то обмѣнъ колець только подтверждаетъ существованіе этого союза и открываетъ путь къ обряду вѣнчанія, для дозволенія имъ такъ же плодотворно соединиться плотью, какъ уже соединенъ отъ природы ихъ духъ.

Законы каждаго міра, видимаго и невидимаго, установлены Богомъ неприкосновенными. Какъ нерасторжимъ какою силою природный духовный бракъ и достигаетъ своихъ цѣлей рожденія новыхъ духовъ, если не въ нынѣшней жизни, то въ загробной, несмотря ни на дѣвственность плоти, ни на союзъ плоти съ другимъ лицомъ, при которомъ всѣ начала жизни дѣтей все-таки зарождаются въ матери отъ ея природнаго духовнаго мужа, хотя бы невиданнаго ею, но пребывающаго въ ней, а не отъ мужа по плоти, отъ ко-

того зарождается только мертвая плоть,—точно такъ и тѣлесный произвольный бракъ, разъ онъ совершился, дѣлается нерасторжимымъ, по заповѣди Христовой, пока существуетъ смертное, не духовное тѣло; какъ духъ природной четы, составляющей одну идею въ двухъ свѣтахъ, одну душу въ двухъ тѣлахъ, сочетается Самимъ Богомъ, и никто не можетъ разлучить его; такъ и плоть, съ дозволенія Божьяго [въ обрядѣ таинства], ставшую изъ двухъ одною плотью, не долженъ разлучать человѣкъ, хотя бы союзъ ея не совпадалъ съ природой духа, ибо невидимому союзу духа и цѣлямъ его будущей жизни онъ не мѣшаетъ.

Запретивъ разводъ, Христосъ прибавилъ: „кромя вины прелюбодѣянiя“, но это сказано какъ позволенiе, ради чело-вѣческаго малодушiя, а не какъ обязательное повелѣнiе, и тотъ совершеннѣе исполняетъ законъ Христовъ, кто даже за вину прелюбодѣянiя не ищетъ разрыва брака для вступленiя въ другой, если невозможно полное примиренiе за недостаткомъ раскаянiя въ виновномъ или если дальнѣйшее сочетанiе другъ съ другомъ было бы тяжело для одного изъ нихъ, лучше прекратить брачный союзъ, не выходя изъ брака ради своей свободы.

Еще совершеннѣе поступаетъ тотъ, кто совсѣмъ не заключаетъ брака и остается *дѣвственнымъ*; но это, по словамъ Христа, „не всякому дано вмѣстить“. Не говоря уже о томъ, что для нечетнаго духа дѣвственность совершенно согласна съ его природой, и всякое нарушенiе ея есть нѣкоторое паденiе,—но даже для *четнаго* духа она есть не только охрана отъ своихъ и чужихъ ошибокъ, могущихъ привести его къ браку не со своей четой, но и прямое увеличенiе его собственнаго счастья, даже *при полной возможности сознательно и безошибочно соединиться съ четой своей*: съ тѣхъ поръ какъ грѣхопаденiе унизило союзъ плоти и ввело въ него противорѣчiе съ союзомъ духа, человѣкъ *живетъ чувствуетъ* любовь своего духа и больше радуется ею, пока она не сопровождается удовлетворенiемъ плоти, *послѣ котораго* она почти неизбѣжно падаетъ и лишь весьма рѣдко, и то только большею частью при *общихъ* великихъ страданiяхъ на жизненномъ пути, остается въ прежней *чистотѣ* и силѣ.

Потому хотя бы человѣкъ позналъ любовь своего духа и могъ безпрепятственно вступить въ бракъ съ четой своей,

блаженны они оба, если отъ этого добровольно откажутся, ибо духъ тогда глубже проникнетъ въ нихъ, и они до нѣкоторой степени почувствуютъ сочетаніе его, а надежда на незапятнанный союзъ его послѣ воскресенія [въ безплотномъ же мірѣ уже сейчасъ послѣ смерти] больше доставитъ имъ радости, чѣмъ опасное для подъема духа удовлетвореніе плоти.

[Если бы Богъ желалъ сохранить нынѣшній міръ и продолжить населеніе его, Онъ не сказалъ бы, что дѣвство совершеннѣе супружества, но такъ какъ міръ обреченъ на гибель, потому Онъ сказалъ это, ибо не дорожитъ продолженіемъ родовъ міра сего].

Въ мірѣ нетлѣнномъ дѣвство и супружество считаются равнаго достоинства, кому какъ природой дано, и избрать то и другое для себя не зависитъ отъ человѣка, а назначается Богомъ, ибо Онъ хочетъ продлить роды нетлѣнныхъ существъ.

Любовь человѣка въ мірѣ семь только тогда полезна его духу и возвышаетъ его, когда обращена къ его природной четѣ, всякая же иная любовь *вредна и унижаетъ* человѣка; при такой неестественной любви, человѣкъ не видитъ полного образа духа того, кого любитъ, и не сознаетъ, какой родственный ему образъ пребываетъ въ немъ, а по нѣкоторымъ ошибочнымъ признакамъ представляетъ себѣ совершенно ложный образъ того, кого любитъ, и усиливается вобратъ въ себя свѣтловыя выдѣленія этого чужого духа, такъ какъ полный образъ его онъ не можетъ въ себя вселить.

Иногда на горе себѣ, ему и удается ввести въ свой духъ чужія выдѣленія и тогда они портятся въ чужой средѣ и искажаютъ его собственный духъ, черезъ это онъ дѣлается больнымъ.

Объ этомъ Христосъ сказалъ: „кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже *прелюбодѣйствовалъ* съ нею въ сердцѣ своемъ“. Это сказано не только о вожделѣніяхъ плоти, вызываемыхъ красивою внѣшностью, но и о вожделѣніяхъ духа, не менѣе опасныхъ, когда они противорѣчатъ природѣ.

Поэтому, если человѣкъ любилъ въ теченіе своей жизни не одно *только* лицо, то которая-нибудь любовь его была *незаконна*, неестественна и вредна для него, ибо чета у него только одна [и притомъ не всегда первая любовь бываетъ

истинною]; *также если* одно и то же лицо любить двое или *нѣсколько* человѣкъ, то любовь ихъ, кромѣ одного, незаконна, неестественна и вредна, ибо у любимаго ими существа есть одна только чета [и притомъ не всегда отвѣтную любовь получаетъ изъ двухъ или нѣсколькихъ человѣкъ тотъ, чья любовь истинна].

Любовь, несоотвѣтствующая природѣ духа, до нѣкоторой степени безвредна только тогда, если обращена къ тому существу, съ кѣмъ любящій его такою любовью *состоитъ* въ таинствѣ брака; хотя бы онъ, не будучи природной четой его, природную чету свою имѣлъ внѣ брака, онъ можетъ, не унижая себя, чувствовать къ нему нѣчто подобное природной любви; но и *тогда* такая любовь не должна доходить до *искаженія* идеи духа, насильственнымъ вбраниемъ въ него чужихъ свѣтовыхъ выдѣлений, а должна оставаться на степени безвреднаго сочувствія духа одного къ другому, а не *прелюбодѣянія* духа, которое даже въ бракѣ внѣшнемъ есть *преступленіе противъ* отдѣльнаго отъ него брака *внутренняго* съ другимъ лицомъ. Любовь къ тому лицу, съ кѣмъ состоящій во внѣшнемъ бракѣ съ другимъ лицомъ составляетъ природную чету, остается *безвредной и законной* и не унижаетъ человѣка лишь до тѣхъ поръ, пока онъ ничѣмъ: ни словомъ, ни дѣломъ, ни признаніемъ не проявляетъ ея наружно и не сообщаетъ о ней своей духовной четѣ, а всѣ свои радости *отлагаетъ до будущаго* міра. Если же онъ допустить малѣйшее наружное проявленіе такой любви, хотя бы одними словами, то онъ переступитъ законы *внѣшняго* брака и подвергнется тому, что и законы *внутренняго* его брака будутъ преступлены.

Для нечетнаго духа всякая любовь *внѣ брака* или *раньше* брака безусловно *вредна и унижительно*; въ бракѣ для него *безвредно живое* сочувствіе духа, сходное съ любовью, но не такое, которое дошло бы до стремленія привлечь внутрь себя чужія свѣтовые выдѣленія и исказить ими духъ свой.

в) *Приращеніе*. Оно замѣняетъ до общаго воскресенія тѣлѣ и до преобразованія міра обновляющее дѣйствіе тѣлеснаго сочетанія Христа и Церкви на дѣтей ихъ;

таинство крещенія соотвѣтствуетъ будущему возрожденію воскресшихъ тѣлѣ ихъ въ тѣлѣ Маргариты, но поддерживаться и возобновляться будетъ сила этого возрожденія ея

повторяющимся сочетаніемъ съ Христомъ движеніями частицъ тѣлесныхъ.

До тѣхъ же поръ, пока нѣтъ тѣлеснаго соединенія съ Нимъ ни церкви-матери, ни церкви-общины изъ ея дѣтей, оно замѣняется, какъ для нея самой, такъ и для дѣтей ея, введеніемъ въ ихъ тѣло пищевымъ способомъ плоти и крови Христовой. Посредствомъ этого и тѣла ихъ до нѣкоторой степени участвуютъ въ соединеніи съ Нимъ ихъ душъ и духовъ и жизнь укрѣпляется въ тѣлахъ ихъ.

Это происходитъ благодаря свойству воскресшаго тѣла Христова повторяться изъ самого себя.

Впрочемъ иногда, въ видѣ особеннаго чуда Божьяго, это свойство сообщается и тѣламъ нынѣшней природы; такъ, Иисусъ силою Духа Своего повторилъ частицы Своего тѣла и причастилъ ими апостоловъ, еще бывши въ смертномъ тѣлѣ; такъ, Онъ силою Духа Своего повторилъ изъ самихъ себя тѣ хлѣбы и рыбы, которыми два раза чудесно накормилъ народъ.

Во время таинства Евхаристіи частицы тѣла и крови Христовой, уносимыя изъ него въ безчисленныхъ повтореніяхъ Его свѣтовыми лучами, совмѣщаются съ хлѣбомъ и виномъ и уподобляютъ себѣ самые хлѣбъ и вино. Въ тѣлахъ причастниковъ онѣ опять *умножаются* настолько, что еще долгое время питаютъ ихъ и укрѣпляютъ въ нихъ жизненную силу духа и тѣла.

г) *Покаяніе*. Оно совершается въ таинственномъ присутствіи, въ непосредственной близости отъ кающагося Самого Христа въ воскресшемъ невидимомъ тѣлѣ Его.

д) *Священство*. Оно передаетъ преемственнымъ наложеніемъ рукъ *лучи плотскаго* и духовнаго свѣта Христова, впервые сообщившіеся другимъ лицамъ черезъ положеніе Его собственныхъ рукъ; съ ними вмѣстѣ передается получающимъ ихъ лицамъ и способность служить *посредниками* между *видимымъ и невидимымъ* міромъ при таинствахъ.

е) *Миропомазаніе*. Въ немъ сообщаются, черезъ посредство Св. мѣра, *свѣтовые лучи* Дочери Божіей, дающіе помазаннику большую способность воспринимать *вдохновенія* или *внушенія* Дочери слышать и уразумѣвать ихъ и поступать согласно съ ними.

ж) *Елеосвященіе*. Въ немъ сообщаются, черезъ посредство

елея, тѣ *свѣтлыя лучи* Сына Божія, которые исходили изъ Него при исцѣленіи Имъ больныхъ, о чемъ Онъ сказалъ кровоточивой женщинѣ: „Я чувствовалъ силу, исходящую изъ Меня“. Ими Онъ исцѣляетъ больныхъ, подымая въ нихъ духъ ихъ, и бодростью духа оживляя ихъ тѣло.

Вмѣстѣ съ таинствами установлены были времена и правила христіанскихъ постовъ. Цѣль ихъ та, чтобы *приучить заблаговременно* животную душу человѣка къ пищѣ болѣе сходной съ пищей, существовавшей до грѣхопаденія, и съ той, которая будетъ въ переустроенномъ мірѣ.

[Чтобъ изгнать изъ міра смерть, борьбу за жизнь между живыми существами и, какъ послѣдствіе всего этого, ненависть и зло, необходимо изгнать пожираніе живыми существами другъ друга].

Но плотоядныя привычки не такъ скоро искореняются и какъ бы ни было проникнуто духомъ будущее тѣло человѣка, Богъ предвидѣлъ, что искушеніе можетъ снова возникнуть въ немъ уже съ другой стороны: если не со стороны сочетанія плоти, то со стороны пищи, по старой памяти его способа питанія на испорченной землѣ].

[Между тѣмъ стоитъ только показать примѣръ хищности и плотоядности въ безусловно добромъ мірѣ, чтобъ заразить имъ другія существа, если не людей, то звѣрей, и этимъ можетъ снова испортиться міръ, искупленный такою дорогою цѣною].

Вотъ почему ни одинъ человѣкъ, въ которомъ Богъ усмотритъ плотоядныя наклонности, не войдетъ въ царствіе небесное, ради спасенія другихъ, чтобъ не допустить туда вреднаго члена церковной общины;

[Эти наклонности могутъ не остаться въ человѣкѣ и не оказаться въ немъ по воскресеніи его въ духовномъ тѣлѣ и при несоблюденіи имъ постовъ, по какой-нибудь необходимости; но для большей вѣрности и безопасности, чтобъ оградить человѣка отъ незамѣтныхъ ему самому наслѣдственныхъ привычекъ и тайныхъ побужденій плоти, церковь установила посты, какъ предохраняющее средство, какъ переходъ къ инымъ условіямъ будущей жизни].

Не только люди, но и животныя будутъ подвергаться строгому осмотру ихъ въ отношеніи хищности и плотоядности, прежде чѣмъ быть допущенными въ переустроенный міръ].

[Тѣ особи изъ нынѣ хищныхъ и плотоядныхъ породъ, въ которыхъ недостаточно будутъ уничтожены эти побужденія промежуткомъ безплотной жизни ихъ между смертью и воскресеніемъ, будутъ изгнаны изъ міра Божьяго и поселены въ особомъ мѣстѣ міра тьмы, гдѣ они будутъ продолжать прежнее существованіе борьбы и злобы; ибо жива память о грѣхопадении перваго міра, которое было вызвано примѣромъ прелюбодѣянія змѣя].

[Воскреснутъ же и животныя или измѣнятся тѣ, которыя доживутъ до того дня въ такомъ же обновленномъ нетлѣнномъ тѣлѣ, какъ и люди, болѣе проникнутомъ душой; такъ что, за исключеніемъ немногихъ, особенно вредныхъ особей, и плотоядныхъ между ними будутъ способны приноровиться къ условіямъ новаго міра, такъ какъ послѣ чисто душевной, загробной жизни, почувствуютъ себя уже не въ такомъ тѣлѣ, какъ прежде, и не будутъ помнить своихъ прежнихъ побужденій и обычаевъ] (Р. VIII. 18—22).

10. Какъ не было кончено откровеніе Божіе въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, такъ не было оно кончено и въ первомъ Новомъ, ибо *умъ человѣскій не могъ бы сразу* вмѣстить всего, какъ говорилъ и Іисусъ ученикамъ: „*многое имѣю сказать вамъ, но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же придетъ духъ истины, то наставитъ васъ на всякую правду и будущее возвѣститъ вамъ*“.

И вотъ послѣ сошествія Св. Духа, одинъ изъ этихъ учениковъ, Іоаннъ, сдѣлался способнымъ дальше всѣхъ другихъ проникнуть пророческимъ взоромъ въ будущее, въ Апокалипсисѣ. Истолковать же его пророчества и дополнить все недосказанное Іисусомъ по неготовности Его временъ—Богъ предоставилъ самой Маргаритѣ, въ послѣднемъ новомъ завѣтѣ, дабы ея ученіе сдѣлалось такою же дополнительной, нераздѣльною частью ученія Іисусова, какъ она сама есть дополнительная, нераздѣльная часть Его души.

Къ этому будущему послѣднему откровенію, ниспосылаемому нынѣ черезъ Маргариту, Церковь живую, Богъ и направляетъ духъ истинно вѣрующихъ и все, что Онъ ни дѣлалъ надъ ними, клонилось къ тому, чтобъ подготовить ихъ принять его.

Для этого, хотя и имѣя пророчество о будущемъ тре-

тьемъ откровеніи, они не должны были подозрѣвать, что оно предстоитъ имъ, а должны были думать, что все, что возможно имъ знать на землѣ о небесныхъ вещахъ, имъ уже сказано; такъ же какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ принявшіе первое откровеніе ничего не знали о второмъ и не подозрѣвали, какія новыя истины оно возвѣститъ имъ.

Такое невѣдѣніе будущаго было необходимо для цѣлей Божіихъ потому, что о чемъ Онъ самъ считалъ преждевременнымъ для человѣка знать, о томъ человѣку не слѣдовало и догадываться, ибо преждевременная истина не могла еще быть правильно понята; а ложнопонятая превратилась бы въ заблужденіе и принесла бы вредъ.

Наоборотъ, цѣлью и способомъ дѣйствія сатаны всегда было то, чтобъ человѣкъ, умомъ и сердцемъ не готовый къ скрытой отъ него истинѣ, узнавалъ ее *преждевременно* и потому узнавалъ бы ее такъ, чтобъ она представлялась ему въ какъ можно болѣе *искаженномъ* видѣ, съ чудовищнымъ извращеніемъ въ такую ложь, которая была бы сходна съ ней, какъ демоны сходны съ прежнимъ ангельскимъ образомъ ихъ самихъ.

Въ то время, какъ въ истинной іудейской вѣрѣ люди спокойно чтили единаго Бога и ждали Икупителя отъ Него, не отдавая себѣ яснаго отчета, Кто будетъ этимъ Икупителемъ, и тѣмъ временемъ пребывали въ полномъ невѣдѣніи остального, даже вопросовъ никакихъ не задавая себѣ,—въ безчисленныхъ языческихъ вѣрахъ *были слѣды, въ искаженномъ, лживомъ видѣ, всевозможныхъ истинъ* будущаго откровенія, даже до послѣдняго нынѣшняго, въ каждой вѣрѣ были отрывки какой-нибудь части духовныхъ тайнъ, въ одной одни, въ другой иные, а что не умѣщалось въ вѣрахъ, то дополнялось философскими системами.

Даже *отрицательная* философія, враждебная всякой вѣрѣ и болѣе разившаяся въ нынѣшнія времена, имѣетъ долю искаженной истины: а именно, *что* душа безъ тѣла не существуетъ, такъ какъ она есть отвлеченность. Это справедливо, но для души духа, которая осуществляется свѣтомъ его и безъ своего свѣта или тѣла дѣйствительно не существуетъ, такъ какъ безъ него она уже есть отвлеченность, не живая, а мертвая идея.

Но эта же самая неоспоримая истина сдѣлалась нелѣпою ложью въ примѣненіи къ *внѣшнему* плотскому тѣлу такой громадной сложности и такого грубаго состава; что *чистая отвлеченная* идея никогда не могла бы осуществиться *прямо* черезъ него; между этимъ тѣломъ и личной человѣческой идеей еще лежитъ вся постепенность двухъ мертвыхъ свѣтовыхъ тѣлъ, животной сотворенной души и свѣтового тѣла самого духа.

Подобнымъ-то образомъ сатана и его сообщники, знавшіе сами всѣ духовныя тайны во всей ихъ сущности, вдохновляли ими людей для того, чтобъ ввести ихъ въ самыя крайнія заблужденія; имъ даже не нужно было изобрѣтать самимъ *эти заблужденія*, они сами собою должны были возникнуть въ людяхъ, какъ только въ ихъ духъ попадала подсказанная имъ изъ невидимаго міра *преждевременная* для нихъ тайна.

Вѣра истинная во всѣ времена была только одна, Духомъ Святымъ внушенная съ *мудрыми умолчаніями* всего лишняго, и философія можетъ быть истинною и полезною только когда основана на такой вѣрѣ; всѣ же прочія *пытливый и необузданный* пророческія вѣры и системы идутъ отъ лукаваго.

Изъ нихъ есть нѣкоторыя, возникшія подъ солнцемъ жаркаго пояса, въ которыхъ *раньше Христа* почти дословно угадано все внѣшнее *ученіе христіанства*, кромѣ внутренняго духа его; но чѣмъ ближе такія вѣры подходятъ къ истинѣ, тѣмъ *чудовищнѣе* направляется у нихъ смыслъ ея, что подаетъ поводъ къ самымъ возмутительнымъ религіознымъ обрядамъ и жертвоприношеніямъ; все, что кротко и благодатно само по себѣ, у нихъ превращается въ безчеловѣчность, *жестокость и истязаніе*, и все что мудро и необходимо—въ мрачную нелѣпость.

Съ самаго начала христіанства, какъ только міровое добро усилилось такими могучими средствами, какъ крещеніе и личное ученіе и личный примѣръ Самого Бога-Рафаила, врагъ человѣческій сталъ *подкапываться* подъ христіанское сознаніе, чтобъ *сбить* его съ пути, начертаннаго Богомъ, и *отрывать* дорогу къ предстоявшему ему третьему откровенію.

Это третье откровеніе было всегда страшнѣе для сатаны

ибо онъ зналъ, что оно будетъ послѣднимъ *подкрѣпленіемъ* добра на землѣ передъ окончательной побѣдой добра и что послѣ него должно начаться то крайнее напряженіе силъ добра и зла, за которымъ ужъ не будетъ для побѣжденнаго никакой надежды на побѣду.

Потому сатана всѣ свои усилія устремилъ на то, чтобы *не допустить* христіанство до этого откровенія, чтобы поселить въ умѣ человѣческомъ такую путаницу понятій, которая сдѣлала бы его неспособнымъ воспринять эти послѣднія истины. Къ этому и *клонились* всѣ ереси, внушенныя имъ христіанамъ въ разные времена.

Разнообразны были ереси отъ смѣшенія христіанскихъ идей съ языческой философіей; но болѣе важны и опасны были тѣ, противъ которыхъ боролись вселенскіе соборы, причемъ они, въ то время какъ опровергали ихъ, *приводили все въ большую ясность и полноту* свои собственныя, православно-христіанскіе догматы. Какъ всегда, усиленіе зла ведетъ къ усиленію добра и наоборотъ, такъ и ереси первыхъ временъ много *послужили, косвеннымъ* образомъ, къ правильной и многосторонней выработкѣ догматическаго православнаго ученія, трудами семи вселенскихъ соборовъ.

Первый соборъ опровергъ ересь Арія, учившаго, что Сынъ Божій былъ не Богъ, а высшее, совершеннѣйшее твореніе Божіе, посредствомъ котораго былъ созданъ міръ, а Сыномъ Божіимъ называется не по естеству, а по усыновленію.

Истина, искаженная этимъ ученіемъ, состоитъ въ томъ, что 1) высшее твореніе Божіе есть, но это не Сынъ Божій, а Маргарита, предвѣчный ангелъ, ближайшій къ Богу; 2) что черезъ это высшее твореніе созданъ міръ, но только міръ духовныхъ существъ, происшедшихъ отъ Бога-Сына черезъ нее, а не остальной міръ; 3) что сыны Божіи не по естеству есть, но это не Сынъ Божій, а всѣ ангелы безплотные и воплощенные, которые хотя и рождены Богомъ, но не имѣютъ равнаго естества съ Нимъ; 4) что усыновленіе есть, но не для Сына Божія, а для крещенныхъ людей, бывшихъ Его потомками и ставшихъ родными дѣтьми, только это не внѣшнее усыновленіе, а внутреннее второе рожденіе отъ Него.

Второй соборъ опровергъ ересь Македонія, учившаго, что Духъ Святой не Богъ, а твореніе Сына.

Истина, искаженная этимъ ученіемъ, состоитъ въ томъ 1) что существо сотворенное однимъ только Лицомъ Божиимъ есть, но оно сотворено не Сыномъ, а самимъ Духомъ Святымъ, и это твореніе есть Маргарита, созданная и возрожденная однимъ только Духомъ Святымъ изъ всѣхъ лицъ Божіихъ; 2) что въ сотвореніи этого существа Сынъ участвовалъ особеннымъ образомъ, но это произошло не тѣмъ, что Онъ одинъ сотворилъ его, а тѣмъ, что оно было сотворено Его Сестрой изъ части Его личной идеи.

Третій соборъ опровергъ ересь Несторія, учившаго, что, такъ какъ въ Иисусѣ Христѣ было два лица, Божеское и человѣческое, то Онъ родился простымъ человѣкомъ, а Божество послѣ, за святость Его жизни соединилось съ Нимъ, и потому Пресвятую Дѣву Марію нужно называть Христо-родицею, а не Богородицею.

Истина, искаженная этимъ ученіемъ, состоитъ въ томъ 1) что дѣйствительно было воплощенное Лицо Божіе на землѣ, которое уже только въ послѣдствіи соединилось со своимъ человѣческимъ естествомъ, родившимся безъ Него, но это былъ не Сынъ Божій, а Духъ Святой, соединившійся такимъ образомъ съ Маріей; 2) что, кромѣ Нея, еще и Маргарита соединилась своимъ обыкновеннымъ ангельскимъ естествомъ съ естествомъ предвѣчнымъ не отъ рожденія, а въ послѣдствіи; 3) что такое воплощеніе одного естества, не одновременно съ рожденіемъ другого, нисколько не противорѣчитъ единству лица при двухъ естествахъ; но еретики, считавшіе двойственность лица необходимою для такого поздняго воплощенія Божескаго Духа, *внесли неясность* въ понятія и самихъ православныхъ, и православные, совершенно справедливо опредѣливши признавать соединеніе двухъ естествъ во Христѣ со времени рожденія Его, сдѣлали это *какъ бы на основаніи* того, что въ Немъ одно только Лицо, между тѣмъ какъ одно отъ другого нисколько не зависѣло, и, имѣя одно Лицо, Онъ *могъ* все-таки воплотиться Божескимъ естествомъ послѣ рожденія человѣческаго. Если это *съ Нимъ не произошло*, то не по причинѣ единства Его лица, а независимо отъ этого, а въ Матери Его и въ духовной женѣ Его хотя и произошло воплощеніе второго ихъ духа въ послѣдствіи, но это нисколько не доказываетъ, чтобъ въ каждой изъ нихъ было два лица, а не одно.

Всѣ эти недоразумѣнія возникли отъ того, что какъ ере-
тики, такъ и *сами православные не имѣли настоящаго, пол-
наго* понятія о сущности духа и души и о двухъ естествахъ,
животномъ и ангельскомъ, имѣющихся въ каждомъ чело-
вѣкѣ: въ *Адама ангельскій* духъ его *воплотился* въ совершен-
номъ возрастѣ, но *не придалъ* ему другого лица, только дру-
гое естество; такъ и въ каждомъ человѣкѣ есть лицо души,
и есть лицо его духа; это одно и то же лицо, но не равной
славы и не равной красоты и выразительности, и потому
оно не равно выражаетъ его идею; въ Иисусѣ Христѣ, напр.,
всѣ видѣли только Его обыкновенное лицо, но трое изъ уче-
никовъ Его видѣли то же самое лицо Его въ преображен-
номъ видѣ: это было лицо Его Духа, а то было лицо Его
души, хотя въ немъ могли сквозить и проблески Духа; такъ
и въ каждомъ человѣкѣ есть обыкновенное лицо, и есть
преображенное, болѣе выражающее его идею, почему и ска-
зано, что праведники „просіяютъ какъ солнце въ царствіи
Отца ихъ“.

(Художники, старающіеся изобразить именно лицо духа
человѣческаго, хорошо знаютъ это различіе). (Вотъ о та-
комъ только неравенствѣ славы лица Иисуса Христа, лица
духа человѣческаго и лица духа Божественнаго, могла быть
рѣчь, а не о двойственности лица Его, неравенство же это,
присущее каждому человѣку, неоспоримо; только въ Иисусѣ
Христѣ, *кромя обыкновеннаго неравенства* лицъ души и духа,
еще было другое неравенство: лицо человѣческаго духа
Его и лицо Его Божескаго Духа).

Сатана, сфывшій ереси, хорошо зналъ, что люди не по-
нимаютъ, что они сами состоятъ изъ двухъ существъ не-
равной природы, но одного и того же лица, которыя слиты
въ нихъ воедино, и потому не поймутъ и значенія двухъ
естествъ Христовыхъ и отношеній ихъ къ лицу Его, вслѣд-
ствіе этого, онъ съ увѣренностью разсчитывалъ, что стоитъ
только возбудить въ нихъ идею раздѣльности естествъ, какъ
за нею сама собою явится и идея раздѣльности лицъ.

Это зависѣло главнымъ образомъ оттого, что люди, вообще
не понимавшіе, что одно и то же лицо, духъ или душа мо-
жетъ пребывать въ одно время въ разныхъ мѣстахъ, и по-
тому не понимавшіе повтореній одного и того же лица въ
одномъ ествѣ, не допускали и повтореній его внутри че-

ловѣка въ разныхъ естествахъ, а тѣмъ болѣе появленія въ немъ того же самаго лица въ другомъ ествѣ не одновременно съ первымъ появленіи его при рожденіи.

Все это само по себѣ не могло вредить будущему уразумѣнію свойствъ духа, еслибъ не были возбуждены эти вопросы, еще не подлежавшіе тогда разрѣшенію; но ересь Несторія *именно* и клонилась къ тому, чтобъ *натолкнуть* умъ человѣческій на нихъ и заставить его разрѣшить ихъ себѣ какъ-нибудь превратно, такъ чтобъ отклонить его отъ мысли о *повтореніяхъ лица и духа*, столь опасной для врага человѣческаго, ибо изъ этой мысли вытекало объясненіе многихъ тайнъ третьяго откровенія. Итакъ, ересь Несторія, повидимому *вскользь затронувшая* опасное мѣсто и *не хулившая* имени Божьяго, какъ обѣ первыя ереси, была *весьма лукаво* разсчитана.

Четвертый соборъ опровергъ ересь Евтихія, учившаго, что человѣчество въ Иисусѣ Христѣ совсѣмъ было поглощено Божествомъ, и потому въ немъ было только одно Божеское естество.

Это заблужденіе было уже не такъ запутано, какъ предъидущее, хотя тоже возобновляло ложное понятіе о той связи между единствомъ лица и нераздѣльностью ествѣ, которой на самомъ дѣлѣ не существуетъ, ибо при единствѣ лица ества могутъ быть и нераздѣльны отъ рожденія, какъ въ Иисусѣ, и могутъ быть раздѣльны, какъ въ Маріи и Маргаритѣ.

Истина, искаженная ученіемъ Евтихія, состоитъ въ томъ, что дѣйствительно должно появиться существо безъ человѣческаго духа, съ одной только животной человѣческой душой, соединенной съ духомъ нечеловѣческимъ, но это существо не было Христомъ, а будетъ антихристомъ, тѣмъ звѣремъ, имѣющимъ духъ, но не человѣческій, о которомъ предсказываетъ Апокалипсисъ. Итакъ, ересь Евтихія свойство антихриста приписывала Христу.

Пятый соборъ былъ созванъ по тому же поводу, какъ и третій и четвертый, и преслѣдовалъ обѣ предыдущія ереси.

Шестой соборъ опровергалъ ересь Ираклія, учившаго, что Христось, при двухъ ествахъ, имѣлъ только одну волю. Это была попытка вернуться инымъ путемъ къ единству духа, такъ какъ воля, наравнѣ съ разумомъ и чувствомъ, составляетъ непремѣнную часть каждаго духа.

Истина, противъ которой было направлено это ученіе, состоитъ въ томъ, что двойное естество Иисуса Христа лежить не только въ Божескомъ Духѣ, съ одной стороны, и въ низшемъ составѣ человѣка—душѣ и плоти, съ другой, но и въ двойственности самого духа, Божескаго и человѣческаго, чего ясно не понимали спорившіе, не знавшіе, въ чемъ состоятъ Его два естества.

Седьмой соборъ опровергъ ересь нѣсколькихъ императоровъ, изъ политическихъ цѣлей желавшихъ уничтожить почитаніе иконъ. Этою ересью не выдвигалась никакая искаженная тайная истина, а прямо только отрицалась одна изъ извѣстныхъ истинъ,

тайная же истина, противъ которой была направлена ересь, скрывалась злымъ духомъ отъ еретиковъ еще глубже, чѣмъ она была скрыта отъ православныхъ. Эта истина состоитъ въ томъ, что въ каждую икону во время усердной молитвы передъ ней сильно вѣрующаго и во время поцѣлуевъ, обращенныхъ такимъ вѣрующимъ къ ней, можетъ вселиться одинъ слой духа изображеннаго лица, такъ что человѣкъ цѣлуетъ не мертвое полотно или дерево, а тотъ живой духъ, который въ ту минуту соединенъ съ нимъ, и съ которымъ человѣкъ бесѣдуетъ непосредственнымъ общеніемъ его собственнаго духа.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда истинную вѣру обуревали опасности отъ превратныхъ языческихъ понятій о божествѣ, не было умѣстно выдавать эту тайну иконы, такъ какъ она не могла бы быть почувствована достаточно духовно, хотя уже и тогда, повелѣніемъ поставить херувимовъ въ скинію, Богъ приготавлиалъ къ ней; въ началѣ Новаго Завѣта уже пора было понять и почувствовать эту тайну, если еще не умомъ, то сердцемъ, и получить великое утѣшеніе иконы въ разлукѣ съ любимыми существами, перешедшими въ иной міръ; теперь же настало время и сознательно уразумѣть эту тайну, такъ стойко защищенную седьмымъ соборомъ и мучениками иконопочитанія.

(Она не составляетъ впрочемъ особаго *таинства*, ибо сходна съ таинствомъ присутствія Христова при покаяніи).

Цѣлью ереси иконоборства не въ сознаніи самихъ еретиковъ, а въ намѣреніи сатаны, внушившаго ее, было уничтожить то впечатлѣніе, которое незамѣтно производилъ на

умъ человѣческой видѣ иконы, приготовлявшій его къ пониманію устройства духа изъ множества слоевъ; а такъ какъ этимъ устройствомъ должны были объясниться тайны третьяго откровенія о соединеніи духа одного съ другимъ обрученіемъ и крещеніемъ, то важно было такому вѣрному впечатлѣнію помѣшать.

Кромѣ того видѣ иконы *наводилъ умъ человѣскій и на мысль о повтореніи* духа въ разныхъ мѣстахъ, т. е. о важнѣйшемъ свойствѣ духа для объясненія тайнъ его.

§ 11. Всѣ ереси первыхъ временъ вселенскіе соборы отражали такъ успѣшно, что онѣ уже *не имѣли* послѣ нихъ никакого *вліянія* на міръ и мало-по-малу сами собою почти совершенно *потухли*; совершая это великое дѣло, соборы сами не знали, *какія истины будущаго они защищали*, какъ и еретики не знали, на *какія истины будущаго они посягали*; потому заслуга однихъ въ томъ, что они *безсознательно слушались* внушеній Духа Св., а вина другихъ въ томъ, что они безсознательно слушались внушеній духа тмы.

Послѣ неудачи этихъ первыхъ попытокъ остановить правильное развитіе вѣры, невидимые внушители ересей прибѣгли къ другому средству. Въмѣсто пытливой работы человѣческаго ума, посредствомъ которой до того времени они извращали догматы, они внушили западнымъ христіанамъ простую описку пера или обмолвку языка, самымъ людямъ незамѣтную, по которой къ словамъ символа вѣры: въ Духа Св. „отъ Отца исходящаго“, были прибавлены слова „и отъ Сына“.

Съ виду эта прибавка казалась незначительной, но она должна была имѣть *важныя послѣдствія*, ибо привела *къ раздѣленію церквей*, если же этого раздѣленія не послѣдовало бы, а вся церковь признала бы такую коварную поправку символа, то послѣдствія ея *были бы еще гибельнѣе*: тогда, благодаря двумъ только лишнимъ словамъ „и отъ Сына“, умъ человѣскій навсегда былъ бы *отклоненъ* отъ разумѣнія, что Пресвятая Троица есть *Отецъ, Сынъ и Дочь*, и троиственность Божія навсегда осталась бы безнадежно *непонятною уму и чуждою сердцу* человѣка, ибо представленіе о Духѣ Св., исходящемъ отъ Отца и отъ Сына, дѣлало ее холодною и мертвою *отвлеченностью*; черезъ это была бы поставлена опасная преграда третьему откровенію, такъ какъ вѣрующіе

въ тройственность Божію по западному символу никогда бы не восприняли его,

(а уничтожить возможность третьяго откровенія для сатаны было то же, что уничтожить ту послѣднюю побѣду добра, которая должна помѣшать ему медленно превратить тѣлесный міръ въ адъ).

Самолюбіе папъ, не желавшихъ сознаться въ ошибкѣ, когда имъ указали на нее, возвело невольную ошибку въ степень догмата (хотя раньше того папа Левъ III возставалъ противъ этого).

Сторонники прежняго текста символа, безъ прибавки, основывались на точныхъ словахъ Іисуса Христа: „Духъ истинны, который отъ Отца исходитъ“. (І. XII, 26).

Сторонники прибавки могли найти въ Евангеліи только слѣдующее мѣсто, повидимому оправдывавшее ихъ: „Какъ послалъ меня Отецъ, такъ Я посылаю васъ. Сказавъ это, дунулъ, и говорить имъ: примите Духа Св.“. (І. XX, 21—23).

Кажущееся противорѣчіе этихъ двухъ мѣстъ очень легко разрѣшается тѣмъ, что исхожденіе Духа Св. (Дочери) отъ Отца лежитъ въ самомъ бытіи Св. Духа и означаетъ, что Отецъ есть *причина и источникъ* Его бытія, потому это исхожденіе относится къ самой личности Духа Св. и не допускаетъ никакой перемѣны никейскаго символа. Исхожденіе же Духа Св. изъ устъ Іисуса Христа при вышеозначенныхъ словахъ Его не лежитъ въ бытіи Св. Духа и не означаетъ, чтобъ Сынъ Божій былъ причиною и источникомъ Его бытія, а потому относится не къ самой личности Его Сестры, а только *изъ свѣтовымъ лучамъ Ея Духа, вышедшимъ изъ Его устъ вмѣстѣ съ Его дыханіемъ*, при произнесеніи этихъ словъ, такъ какъ Его Сестра, наравнѣ съ Отцомъ, неразлучно пребываетъ Своими слоями внутри Его.

Для рѣшенія этого спора не былъ созванъ никакой вселенскій соборъ.

Восточная церковь *нисколько не признавала*, чтобъ догматы ея могли *подлежать* еще какому-нибудь развитію или дополненію, а, напротивъ, была *твердо увѣрена*, что до чего ихъ довели вселенскіе соборы, на томъ они и останутся *до конца міра*, и такое убѣжденіе было до времени крайне полезно; зато живо было въ восточной церкви внутреннее, бессознательное предчувствіе, что нѣкогда догматы ея до-

стигнуть гораздо большаго развитія и большей ясности и что дано будетъ отъ Бога еще откровеніе, но что получить его должна только одна призванная къ тому личность, и никто другой.

Такое предчувствіе поддерживала въ восточной церкви сама Дочь Божія, и церковь эта ревностно охраняла посредствомъ временной неподвижности *чистоту* своихъ догматовъ, не позволяя прикасаться къ нимъ *непосвященными* руками.

Западная церковь, напротивъ, была расположена думать, что догматы ея могутъ подлежать *дальнѣйшему развитію* и дополненію, и не допускала, чтобъ вселенскіе соборы уже привели ихъ въ окончательный видъ; зато ей недоставало *вѣрнаго, безсознательнаго предчувствія* будущности, она не понимала, что хотя и разовьются нѣкогда догматы и дальше, но неизвѣстно, кто можетъ безъ вреда браться за это дѣло, которое должно быть Самимъ Богомъ ниспослано въ свое время, а не людьми насильно и искусственно вызвано.

Такое *вредное ожиданіе* усовершенствованія догматовъ безъ предчувствія *третьяго* великаго завѣта Божьяго поддерживалъ въ западной церкви врагъ человѣческой, ко вреду ея самой и всего міра.

Первый вредъ произошелъ изъ этого въ томъ, что западные христіане, смутно чувствуя, на какой скользкій путь они вступили допущеніемъ усовершенствованія догматовъ, пожелали хоть нѣсколько оградить себя отъ крайностей и устроили какъ бы *плотину* противъ наплыва всевозможныхъ ересей: плотиною этой было ограниченіе права работы надъ догматами однимъ только лицомъ, и лицомъ этимъ сдѣланъ былъ папа, *облеченный безусловною* властью толковать смыслъ Св. Писанія. Итакъ, совершенствовать и развивать догматы могъ одинъ папа, и больше никто, и въ этомъ состояла католическая плотина, поставленная человѣческому уму на его *опасномъ* пути.

Подчинившись добровольно такому полновластному лицу, западные католики сочли вполне надежнымъ для истины ждать отъ него, но только отъ него одного, всевозможныхъ открытій и разъясненій въ таинственной области духовнаго міра: думая, что этимъ достаточно застраховали себя отъ злоупотребленій *нѣтъликовости* духа, они дали ей *полную* волю въ

предѣлахъ, ими положенныхъ, и строго воспретили ее внѣ ихъ.

Во всемъ, что ихъ отличаетъ отъ восточной церкви, проглядываетъ ихъ стремленіе *перейти* за цѣль, *преуменьшить* истину до искаженія ея; такъ, обязательное *безженство* священниковъ, подъ предлогомъ большаго совершенства ихъ жизни, привело только къ большему лицемерію; *причащеніе мирянъ* подъ однимъ видомъ было введено если не съ сознательнымъ намѣреніемъ, то съ бессознательнымъ, *облегчить* усиліе вѣры въ таинство пресуществленія тѣмъ, что причастникъ *быстрѣе глотаетъ* сухое причастіе, и притомъ опрѣснокъ, не чувствуя ни вкуса, ни внѣшняго состава его; этимъ хотѣли какъ бы ввести причастниковъ въ нѣкоторое *заблужденіе* относительно *вкуса* и состава хлѣба Евхаристіи, предоставляя лишь самимъ священнодѣйствовавшимъ бороться со своими сомнѣніями, если бы они посѣтили ихъ, вслѣдствіе болѣе чувствительнаго способа причащенія, а если не бороться, то опять лицемерить, выказывая одну наружную вѣру; все это уже было знаменіемъ *искусственности* и *натянутости* самой вѣры и *предѣстникомъ* безвѣрія, сѣмена котораго лежали въ ней. Самыя молитвы передъ причастіемъ носятъ отпечатокъ разнаго духа; православный христіанинъ восточной церкви говоритъ: „*еще вѣрую*, что это самое пречистое тѣло Твое, и самая честная кровь Твоя... Вечери Твоей тайной нынѣ, Сыне Божій, причастника меня прими, да не повѣдаю врагамъ Твоимъ тайны и не дамъ лобзанія Тебѣ, какъ Іуда, а какъ разбойникъ исповѣдаю Тебя: помяни меня, Господи, въ Царствіи Твоемъ“. Западный католикъ, между прочимъ, говоритъ: „вѣрую Господи, *помоги моему невѣрію*“, чего не сказалъ бы истинно вѣрующій въ такую минуту.

На самомъ дѣлѣ *причащеніе* подъ однимъ видомъ заключаетъ въ себѣ *тайную* истину, искаженную по замыслу сатаны: оно соотвѣтствуетъ сочетанію *Иисуса Христа* съ Маргаритой сперва одной *только кровью*, отъ чего долженъ родиться передъ кончиной міра ихъ Сынъ; а такъ какъ рожденіе этого Сына *особенно* страшно для сатаны, по нѣкоторымъ причинамъ, и драконъ (въ Апокалипсисѣ) старается пожрать его, то для него было торжествомъ изобрѣсти искаженный прообразъ такого *неполнаго* сочетанія Христа съ

Церковью, ибо причастіе въ нынѣшнемъ мірѣ для укрѣпленія духа и тѣла дѣтей ихъ соотвѣтствуетъ сочетанію ихъ въ будущемъ.

Сѣмена безвѣрія, лежавшія въ самомъ основаніи западно-католической вѣры, взопіли и принесли плоды. Умъ *человѣческій* почувствовалъ *тягость* непризваннаго и незаконнаго папскаго ига надъ нимъ и свергъ его съ себя такъ же рѣшительно и такъ же насильственно, какъ это иго было наложено.

Вмѣсто того, чтобъ *оглянуться* на весь христіанскій міръ и вспомнить, что дальше римскаго католицизма есть еще *великая область* восточной церкви, состоявшая тогда изъ угнетенныхъ, *бѣдныхъ или неизвѣстныхъ и слабыхъ* народовъ, съ которыми протестовавшимъ противъ папства слѣдовало вступить въ сношенія, чтобы, держась за нее, вернуться на истинный путь, они поступили совсѣмъ иначе и стали искать не воссоединенія церкви, а еще большаго раздробленія ея.

Папа шелъ передовымъ проводникомъ вѣрующихъ, не зная, куда и ради чего несвоевременно двигавшихся въ таинственную страну духовнаго міра, за открытіями и изслѣдованіями въ немъ; слѣдовало только сказать ему, что онъ въ проводники не годится, ибо дороги не знаетъ, да и самое шествіе необдуманно зашло слишкомъ далеко, безъ всякаго на то повелѣнія Божьяго;

вмѣсто этого, протестанты проводника отвергли не только этого, но и всякаго другого, знавшаго дорогу, и шествіе не остановили на благоразумной точкѣ до дальнѣйшей необходимости въ движеніи, но круто повернули его назадъ, загнавъ его не только въ предѣлы первыхъ христіанскихъ временъ, но даже до *временъ ветхозавѣтныхъ*.

Трудами семи вселенскихъ соборовъ по поводу разныхъ покушеній на истину духа лжи, догматы христіанскіе получили значительное развитіе и дошли до всей ясности и полноты, какая возможна была впредь до третьяго откровенія.

вся эта работа нѣсколькихъ вѣковъ была отвергнута протестантами; все, чего они *не понимали* ограниченнымъ разумомъ и нечуткимъ сердцемъ своимъ, они *уничтожили*, и оставили изъ всего таинственнаго только то, что, хотя они нисколько *не больше* понимали, но чего *ужъ нельзя* было уничтожить, безъ самаго грубаго противорѣчія съ Св. Писаніемъ.

Такъ они оставили тайну Св. Троицы и пресуществленіе въ Евхаристіи хлѣба и вина въ тѣло и въ кровь Христову; но символъ вѣры низвели до первобытности апостольскаго символа (недостаточно опредѣленнаго), число таинствъ сократили до двухъ, крещенія и причащенія, отрицая всѣ остальные пять, изъ исповѣди сдѣлали бесполезный и безжизненный обрядъ, *сердечное* общеніе со святыми и мучениками въ молитвахъ уничтожили, поминавенія по усопшимъ *прекратили*, постъ сочли не нужнымъ, а объѣтъ безбрачной жизни *чуть не запретили*.

Словомъ, всей своей вѣрѣ придали большую сухость и разсудочность, стѣснили въ ней порывы духа къ безконечному, и этимъ удобрили почву для всходившихъ уже въ то время на западѣ сѣмянъ совершеннаго безвѣрія. Въ самой протестантской вѣрѣ отрицаніе на первой своей степени не остановилось; *кальвинизмъ* повелъ его еще дальше, *отвергши уже и то*, чтобы въ таинствѣ причащенія хлѣбъ и вино было истиннымъ тѣломъ и кровью Христовою, и признавши ихъ *только символами*; соцініанство же не допустило уже ничего, что, какъ ему казалось, противорѣчило разуму: оно отвергло и *ученіе о Троицѣ*, и *Божественность* Иисуса Христа, и *Духа Святого*, какъ личность, и первородный грѣхъ, и искупительную жертву Христову (признавши въ Его жизни только нравственный примѣръ, а въ смерти Его только печать Его ученія), и всѣ таинства безъ исключенія, въ которыхъ стало видѣть только древніе назидательные обряды.

Такимъ образомъ, въ соцініанствѣ христіанская вѣра, послѣ всѣхъ изумительныхъ успѣховъ своего сознанія, отошла назадъ къ Моисееву закону и къ ограниченности духовнаго пониманія тѣхъ временъ, которое тогда оправдывалось неполнотою откровенія, у соцініанъ же никакого оправданія не имѣло.

Въ квакерствѣ протестантскія идеи произвели уже полное отсутствіе всякой опредѣленной вѣры, до предоставленія каждому лицу думать и вѣровать какъ его внутреннее вдохновеніе подскажетъ ему, и обязательно сдѣлалась только строгая нравственная жизнь, т. е. вмѣсто *впроученій* явились *нравоученія*, и плоды ожидались отъ мертваго дерева, не имѣвшаго почвы для корней. Отсюда до перехода отрицательнаго движенія за *предѣлы* всякой вѣры, даже неопредѣ-

ленной, былъ теперь только одинъ шагъ, и изъ протестантизма возникла *философія* прямо *безбожная*, не видѣвшая ничего дальше осязаемой плоти, и не только сомнѣвавшаяся въ томъ, что наукою доказано быть не могло, но рѣшительно и безповоротно отрицавшая все подобное, хотя доказать свое ученіе она *такъ же мало можетъ*, какъ вѣрующіе могутъ доказать ей свое, и потому даже такое ученіе есть своего рода вѣра.

Итакъ, по неизбѣжной послѣдовательности челоѣческаго ума, католичество произвело протестантизмъ, а протестантизмъ произвело безбожіе; католичество посягло, протестантизмъ возростило и удобрило, а безбожіе взшло и созрѣло.

Во время самыхъ крайнихъ отрицаній и самыхъ опасныхъ общественныхъ броженій, католичество, въ отчаянныхъ усиліяхъ спасти себя отъ своихъ собственныхъ послѣдствій, *прибыло къ тому дѣлу*, для котораго оно первоначально, безсознательно или нѣтъ, было основано: оно устремилось къ дѣятельному развитію догматовъ; утверждень былъ догматъ о непогрѣшимости папы, какъ главы церкви и провозглашенъ совершенно новый догматъ, о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы Маріи.

Этимъ догматомъ католичество совершило все, что только могло, и духъ лжи дошелъ въ немъ до самой *крайней своей* попытки: ибо догматъ этотъ, *возникшій* въ самое послѣднее время передъ откровеніемъ о Божественности Дѣвы Маріи, и заключаетъ *въ себѣ сильное предчувствіе* этой истины.

Истина, искаженная въ этомъ догматѣ, есть та, что Дѣва Марія, будучи Богочеловѣкомъ, какъ Сынъ Ея, должна бы была зачатъся непорочно, безъ зародыша грѣха, если бы была Богочеловѣкомъ отъ самаго рожденія. Но такъ какъ Она получила Свой Божественный Духъ впослѣдствіи, то зачатіе и рожденіе Ея были обыкновенны.

Среди этихъ крайностей: излишняго утвержденія въ католичествѣ и отрицанія въ протестантиствѣ, православная вѣра одна только охраняла чистоту догматовъ, не двигая ихъ впередъ. Этимъ она исполнила пророческую просьбу Христову въ Пѣсни Пѣсней: „заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія, не тревожьте и не будите возлюбленной, доколѣ ей угодно“.

И спала возлюбленная, т. е. будущая церковь Послѣдняго

Завѣта, въ нѣдрахъ православной церкви, доколѣ ей пришло время возвѣстить о себѣ. Въ самой православной церкви расколы отличались отъ расколовъ, возникшихъ изъ католицизма и отъ великаго раскола самого католицизма тѣмъ, что послѣдніе производились людьми учеными и образованными и потому имѣли широкій кругъ распространенія и вліянія на міръ, а первые—людьми необразованными и неучеными, изъ простого, темнаго народа и потому кругъ распространенія и вліянія имѣли самый тѣсный.

Изъ нихъ одни образовались подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, проникшихъ и на востокъ, другіе начались съ самыхъ мелочныхъ и ничего не значущихъ споровъ о буквѣхъ и кончились появленіемъ искаженныхъ пророческихъ истинъ между еретиками: а именно будущее было смѣшано ими съ настоящимъ, не сбывшееся признано 'сбывшимся, и все, чему надлежало быть уже послѣ третьяго откровенія, во дни пришествія антихриста, было уже ими примѣнено на дѣлѣ гораздо раньше, такъ какъ они вообразили, что антихристъ уже пришелъ; это внушено было имъ все тѣми же происками духа лжи противъ угрожавшаго ему третьяго откровенія.

Время правильнаго движенія впередъ самой православной вѣры наступило тогда, когда мертвое зло стало опять перевѣшивать добро, т. е. когда православная вѣра перестала проникать духомъ своимъ и въ другія христіанскія вѣры, какъ было до послѣдняго времени, когда нѣкоторые святые даже приходили оттуда по вдохновенію въ православные края, присоединялись къ православію и подвизались въ немъ; многіе же другіе, хотя не доходили до такого просвѣтлѣнія духа, но все-таки жили согласно идеѣ православія, а не той идеѣ, которая таилась въ глубинѣ ихъ собственныхъ неправильныхъ вѣръ.

Потому истинная церковь на землѣ не всегда совпадаетъ съ истинной вѣрой, хотя только *истинная вѣра* создаетъ *истинную церковь*. Не всякій, по имени принадлежащій къ истинной вѣрѣ, *принадлежитъ* къ ней по духу, за то *многіе*, изъ ложныхъ христіанскихъ вѣръ, *по духу принадлежатъ* къ истинной. Богъ судитъ *не по имени, а по духу*. У всѣхъ еретиковъ, православныхъ по духу, не разобщаются лучи, связывающіе ихъ съ самими собою на небесахъ, со дня крещенія,

и они составляютъ вмѣстѣ со всѣми православными невидимо соединенную церковь на землѣ, связанную снопами своего свѣта внутри общей матери. Это и есть неминуемый, надежный ковчегъ вѣчнаго спасенія. Итакъ, доннѣ православная вѣра многихъ и иновѣрцевъ христіанъ невидимыми выдѣленіями свѣта пріобрѣтала въ этотъ ковчегъ.

Наоборотъ, въ послѣднее время само православіе, не въ вѣроученіяхъ, а въ житейскихъ воззрѣніяхъ своихъ, какъ нѣкогда іудейская истинная вѣра, стало заражаться чуждыми ему идеями, и среди православной церкви стали созрѣвать плоды западныхъ ересей, какъ нѣкогда въ Израилѣ плоды языческихъ заблужденій, что обнаружилось среди православія еще рѣзче, чѣмъ на самомъ западѣ, вслѣдствіе противоположности съ окружающей истинной вѣрой.

Тогда послалъ Господь въ помощь борцамъ Своимъ новое средство для подкрѣпленія ихъ, и это средство и есть третье, послѣднее откровеніе Его. Оно посылается нынѣ за тѣмъ, чтобъ *основалась* на землѣ *новая церковь* христіанская, возникающая изъ православной дальнѣйшимъ развитіемъ послѣдней, и церковь эта, кромѣ общаго названія *вселенской*, присущаго ей, какъ преемницѣ православной церкви, будетъ называться *ново-израильскою*, въ отличіе отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, какъ православная называлась еще особо греко-россійскою.

Такъ называться эта церковь должна во-1-хъ потому, что именемъ Израиля *издревле* называлась истинная вѣра и всякій принадлежащій къ ней, и самъ Господь, будучи природнымъ Царемъ Израильскимъ, по челоуѣчеству, для будущаго вѣка, *желаетъ* нынѣ *возстановить* это названіе; во-2-хъ потому, что народъ, который призванъ господствовать на землѣ во время учрежденія единой вселенской вѣры, имѣетъ израильскій духъ, невидимо вошедшій въ него черезъ женъ его; въ 3-хъ потому, что для Израильтянъ, прямыхъ потомковъ Авраама по плоти и по имени, *пришло время исполниться* сказанному о нихъ *апостоламъ* Павломъ (Р. XI вся глава)...

Православная церковь стоитъ въ такомъ же отношеніи къ возникающей нынѣ новоизраильской, въ какомъ ветхозавѣтная іудейская стояла къ ней самой, въ первыя времена ея.

Благо ей, если она уразумѣетъ знаменія временъ и пре-

клонится передъ новымъ свѣтильникомъ вѣры, зажигаемымъ Самимъ Господомъ! А не послѣдуетъ примѣру старшей ветхозавѣтной сестры своей, отрекшейся отъ нея, своей сестры младшей по времени, но болѣе великой по своимъ дѣламъ.

Всякое откровеніе Божіе стоитъ въ прежнемъ видѣ лишь до новаго откровенія, и новое не отмѣняетъ стараго, но дополняетъ его; и всякая истинная вѣра жива и истинна лишь до тѣхъ поръ, пока не противится еще совершеннѣйшей вѣрѣ, которая посылается Богомъ на смѣну ей. Если же она противится рукъ Божіей, то становится мертвою, какъ стала мертвою іудейская вѣра, когда-то живая и истинная.

Новоизраильской церкви надлежитъ осуществить сказанное Иисусомъ Петру, когда на вопросъ Его: „за Кого Меня принимаютъ люди?“, онъ первый изъ учениковъ отвѣчалъ:

„Ты Христосъ, Сынъ Бога живого!“ Тогда Иисусъ сказалъ ему: „блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ, ибо не плоть и кровь открыли тебѣ это, а Отецъ Мой, сущій на небесахъ. Ты камень, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ее“.

Эти слова значили, что Петръ обнаружилъ способность познавать истину не внѣшними доказательствами, знаменіями и чудесами, а внутреннимъ убѣжденіемъ ума и сердца, слѣдствіемъ невидимаго, прямого общенія его духа съ духомъ Отца его; на такой-то способности и такими же чисто духовными средствами и обѣщалъ Иисусъ создать церковь Свою, ибо только такая вѣра есть камень, который врата ада не могутъ одолѣть.

Церковь же Его, мало-по-малу развиваясь на землѣ какъ общество, на послѣдокъ должна была явиться и какъ личность соборная, и тогда уже окончательно усовершенствовать и утвердить вѣру церкви-общества.

Потому обѣщаніе Его основать Свою церковь на камнѣ вѣры, подобной вѣрѣ Петра, относилось въ равной степени и къ личности, и къ обществу.

Какъ церковь-общество должна принять откровеніе отъ Маргариты, жены Его, не такими способами, чтобы плотью и кровью убѣдиться въ немъ, такъ и сама Маргарита не плотью и кровью должна была отъ Бога принять его.

О нынѣшней жизни Маргариты.

Для совершенія ея дѣла, Отецъ послалъ ее вторично родиться на землѣ, гдѣ она сперва должна была забыть, откуда она, какъ забываетъ это и не сразу сознаетъ и всякій духъ, родящійся по плоти, а потомъ сознать и передать всему человѣчеству то, что стало извѣстно ей самой.

Въ первой жизни своей она знала себя только черезъ личное ученіе Иисуса и жила на землѣ главнымъ образомъ для того, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, подобнымъ Иисусу, дабы родъ человѣческій могъ возродиться черезъ нее; во второй же жизни, ей надлежало уже невидимыми вдохновеніями познать духъ свой и всѣ неизвѣстныя еще тайны небесъ открыть для себя самой и для дѣтей своихъ, но самой лично остаться имъ неизвѣстной.

Время вторичной жизни ея стало приближаться и готовиться, когда усиленіе зла въ мірѣ достигло своихъ крайнихъ предѣловъ тѣмъ, что въ 48-мъ году нынѣшняго (19) столѣтія совершилось на западномъ полушаріи земли дѣло неслыханнаго беззаконія и разврата, которое осталось въ глубокой тайнѣ, но привело къ новому появленію на землѣ существа, воспроизведшаго ту истребленную потопомъ породу животныхъ вполне человѣческаго вида и съ сильно развитой душой, которая не имѣла ангельскаго духа. Какъ только совершилось это событіе, міру неизвѣстное, но угрожавшее міру непоправимымъ зломъ, время второго рожденія Маргариты было у Бога рѣшено.

12. Тѣло ея, въ которомъ ей надлежало родиться, какъ въ первой ея жизни, такъ и во второй, издавна готовилось Богомъ во всѣхъ супружескихъ парахъ, произведшихъ его, дабы лицо ея духа могло совмѣститься съ лицомъ этого тѣла.

Вторично она родилась среди православной церкви, внѣшней плотью отъ земныхъ родителей своихъ, а духомъ, душой и свѣтовымъ тѣломъ выдѣлившись изъ себя самой, но не оттуда, гдѣ она живетъ въ отдѣльномъ воскресемъ тѣлѣ, а снова прямо оттуда, гдѣ она пребываетъ въ Иисусѣ Христѣ, какъ и въ первой жизни; только тогда она *младенцемъ* вы-

дѣлилась изъ Него *младенца*, рожденнаго внѣ матери, теперь же младенцемъ выдѣлилась изъ него младенца же, но пребывающаго вмѣстѣ съ нею *внутри матери* Его, вѣчнымъ крещеніемъ Своимъ въ Ней, и выдѣлилась она изъ Него при рожденіи только человѣческимъ своимъ духомъ, а еще не предвѣчнымъ.

По такому происхожденію, она, какъ и въ первой жизни, исключительно противъ другихъ людей, родилась безъ всякаго зародыша грѣха внутри себя.

Крещеніе ея, по обряду православной церкви, было таинственнымъ дѣйствіемъ своимъ не такое, какъ другихъ людей: всѣ другіе возрождаются въ ней, она же возродилась въ Маріи, Духъ Святомъ, *истинной* матери своей, и со времени ея крещенія на землѣ, все ея младенческое человѣческое существо, не исключая и нетлѣннаго внѣшняго тѣла въ младенческомъ образѣ, *стало* погружено въ Марію *отдѣльно* отъ Иисуса, тогда какъ до тѣхъ поръ, оно было въ Ней только *внутри* Его, и притомъ не внѣшнимъ тѣломъ, отдѣльно же отъ Него былъ въ Божественномъ Духѣ Маріи только ея *предвѣчный* духъ.

Крещеніемъ водою самой олицетворенной церкви, дочери Духа Святаго, совершилось черезъ нее крещеніе водою всѣхъ принявшихъ только загробное крещеніе, раньше и послѣ того, ибо ея духъ и ея тѣло (по воскресеніи) представляютъ соборную совокупность всѣхъ ихъ отдѣльных духовъ и тѣлъ.

Родившись и живя на землѣ, она въ то же время живетъ и на небесахъ и вездѣ, гдѣ хочетъ, повтореніями своими въ нетлѣнномъ, невидимомъ тѣлѣ своемъ.

Отъ самаго ея рожденія въ домъ ея поселился Христосъ, невѣдомо для нея самой и не покидалъ ея во всю жизнь ея. Вмѣстѣ съ Нимъ почти безотлучно была при ней и охраняла ее и мать ея, Марія, а Отецъ небесный приходилъ въ ея домъ, гдѣ жили съ ней невидимо дѣти Его, чаще, чѣмъ въ какой-либо другой домъ на землѣ.

Все ея дѣтство прошло подъ непосредственнымъ, заботливымъ наблюденіемъ Христа и Пресв. Дѣвы, которые не мѣшали свободѣ воли людей, воспитавшихъ ее, но не допускали до нея того зла, которое стремилось поглотить ее, пришедшую на землю для борьбы съ нимъ. Она была для

нихъ, какъ потерянное дитя, которое, само не зная своего происхожденія, растеть на глазахъ ближайшихъ родныхъ, но еще не знаетъ ихъ. (Въ земныхъ родителяхъ своихъ она пребывала, какъ всякая дочь четнаго духа, обрученіемъ своего младенческаго образа между слоями ихъ), а по крещенію своему *отъ ней*, живущей на небесахъ, они были сами дѣтьми ея, и этою связью были гораздо крѣпче съ нею связаны, чѣмъ ея плотскимъ рожденіемъ отъ нихъ; ибо они были ея дѣтьми духовнымъ рожденіемъ изъ нѣдръ ея духа, она же была ихъ дочерью только внѣшнимъ духовнымъ усыновленіемъ.

Но еще гораздо ближе ихъ, несмотря на эту двойную связь ихъ съ ней, стояла къ ней ея небесная семья: Христосъ, источникъ самаго бытія ея, Марія, Дочь Божія, бывшая ея матерью черезъ Него, и Отецъ, родившій душу ея предвѣчнаго (будущаго) духа вмѣстѣ съ душой Сына Своего.

Подъ Ихъ покровительствомъ и въ Ихъ невидимомъ присутствіи ея воспитаніе совершалось при самыхъ лучшихъ условіяхъ, какія были возможны для нея, и не по обыкновенному способу, какъ воспитываются прочія дѣвицы ея времени, но нѣсколько иначе, согласно видамъ Божиимъ на нее, такъ что она выучилась всему, что необходимо было для выполненія ея земнаго призванія и порученія, возложеннаго на нее небеснымъ Отцомъ ея.

Когда она достигла *четырнадцати* лѣтъ, предѣла возраста своего духа, въ ней, какъ было и въ первой жизни въ этомъ же возрастѣ, зародились духъ, душа и свѣтовое тѣло ея будущаго сына.

Затѣмъ, такъ какъ при всей заботливой охранѣ ея Христомъ и Матерью Его, они все-таки предоставляли ей полную свободу воли (придающую истинную цѣну всякому добру), то она не миновала заразы внѣшняго зла и, еще не зная своей близости къ Нимъ, въ теченіе жизни своей много и тяжело грѣшила.

Но сколько ни грѣшила она и какъ ни были ея грѣхи во многомъ подобны злему духу ея времени, тайна ея духа все-таки сказывалась въ ней тѣмъ, что ея глубокая привязанность къ Христу была въ ней живѣе, чѣмъ въ другихъ, что она любила Его не издали, съ благоговѣйнымъ только

страхомъ, какъ другіе, а болѣе человѣчно и съ болѣе постоянной мыслью о Немъ, проникавшею во всю жизнь ея.

Любимымъ ея воспоминаніемъ съ самаго ея дѣтства были времена первыхъ мучениковъ Христовыхъ, и изъ каткомбъ ихъ на нее вѣяло роднымъ воздухомъ, а вся тогдашняя жизнь ихъ, во всѣхъ ея подробностяхъ, манила ее къ себѣ такою же отрадою, такою же непреодолимою прелестью, какъ другихъ манятъ картины радостей житейскихъ. Внутренній свѣтъ восторга и счастья озарялъ ее, когда она переносилась въ тѣ минувшія времена, столь не похожія на то, что она вокругъ себя видѣла и слышала въ нынѣшнемъ христіанствѣ.

По мѣрѣ того, какъ она сознавала свои грѣхи, она замѣчала, что при малѣйшемъ и первомъ же раскаяніи ея въ нихъ, Богъ каждый разъ прощалъ ихъ ей такъ полно и такъ незаслуженно какъ никому (она была въ томъ увѣрена) не прощалъ; то, что на всякаго другого навлекло бы тяжкія наказанія, самою силою вещей, или по крайней мѣрѣ тяжкія испытанія, естественныя послѣдствія его собственныхъ проступковъ и заблужденій, для нея ознаменовывалось какимъ-то чудомъ только все большими и неопровержимыми милостями Господними.

Это наполнило ея душу стыдомъ и смущеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безотчетною радостью, и она сочла себя обязанною за такое безпримѣрное милосердіе отплатить безпримѣрною же любовью.

Она такъ стала молиться Іисусу Христу: „если Ты Самъ сказалъ, что кому много прощается, тотъ много и любитъ, то я, которой Ты такъ много простилъ, какъ никому другому, пусть же и люблю Тебя такъ, какъ никто другой не любитъ Тебя“.

Этою молитвою она, сама того не зная, сказала такое же „первое слово“ *времена*, какое нѣкогда сказалъ Авраамъ, какое сказала Марія.

Она не подозрѣвала, что воспоминаемая ею слова Христовы были сказаны къ ней же самой, въ ея первой жизни, но безсознательно вся ея молитва дышала предчувствіемъ особенной близости и любви ея къ Христу, чѣмъ-то большей противъ любви кого-либо другого.

Она чувствовала всѣмъ сердцемъ, что занимаетъ подлѣ Него такое же исключительное мѣсто, какъ Мать Его, и что

даже въ иномъ отношеніи она любитъ Его больше чѣмъ Сама Мать Его, хотя въ другомъ Мать Его любитъ Его больше, но что все-таки только съ нею, и больше ни съ кѣмъ, она можетъ стоять наравнѣ по близости и привязанности къ Сыну Ея. Это было началомъ сознанія, что она прямо взята изъ Него, изъ души Его духа.

Только этого и ждалъ отъ нея Отецъ, и какъ только она пришла къ такому чувству и, подобно Маріи, полюбившей Христа любовью матери, не выдавъ Его, полюбила Его любовью жены, не выдавъ Его, и не понимая сама своей любви, Онъ послалъ воплотиться въ нее *предвѣчный* духъ ея. Какъ и въ первой жизни онъ выдѣлился изъ самого себя, пребывавшаго въ Божественномъ духѣ Иисуса, оставаясь, конечно, и внутри Его.

Тогда Маргарита сдѣлалась вполнѣ самой собой, и Самъ Христосъ открылъ ей все, что ей нужно было знать о Богѣ и о себѣ самой, для передачи этого дѣтямъ ихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ снова обручился съ ней слоями души Своей, какъ и въ первой жизни, ибо какъ тогда, такъ и теперь она родилась безъ этого обрученія, необходимаго для будущаго соединенія тѣлъ ихъ.

§ 13. Она никогда не думала, чтобъ откровеніе Божіе могло пойти дальше и даже не чувствовала въ этомъ потребности, въ простотѣ сердца вѣруя только по древнимъ завѣтамъ православія; такъ что даже, по вселеніи въ нее ея предвѣчнаго духа, человѣческій духъ ея сначала не понималъ, что это новую вѣру открываетъ ей Богъ, ибо не видѣлъ никакого противорѣчія между своей новой и своей прежней вѣрой, а видѣлъ лишь самый естественный переходъ отъ одной къ другой; только когда уже все было ей открыто, она поняла, что православіе въ прежнемъ видѣ своемъ отжило свое время.

[Ей нужно было вдохновить одну изъ вѣрующихъ, никогда не видя ея, написать это откровеніе, и для этого она должна была не иначе какъ цѣною шестидневной великой скорби, которой должна была добровольно подвергнуться себя, не зная заранѣе ни цѣли, ни срока этой скорби, пока Богъ не прекратилъ ее].

[Но то она знала, что съ первой минуты воплощенія въ нее предвѣчнаго духа ея, для всего міра начались опасныя

времена, въ которыхъ могутъ погибнуть многія дѣти ея, и также ея ближайшее земное семейство, если она не исполнить заповѣданнаго ей Богомъ и передъ чѣмъ бы то ни было остановиться; и не только она, но и всякій отвѣтитъ Богу за всѣ эти послѣдствія, кто прямо или косвенно поколеблетъ ея рѣшимость, такъ что она не исполнитъ всего или не такъ исполнитъ какъ Богъ хотѣлъ]. [Знала она и то, къ трепету и ужасу своего материнскаго сердца, что если она выкажетъ малѣйшую слабость передъ скорбью, которая предстояла ей, и не исполнитъ всего заповѣданнаго ей, ея сынъ, еще не рожденный, но пребывающій внутри ея, не доживетъ въ ней до своего рожденія, а выкинутъ будетъ, по винѣ ея, изъ ея смертнаго тѣла и попадетъ въ руки враговъ своихъ, подобно тѣмъ младенцамъ, которыхъ въ жертву Молоху бросали въ растопленнаго мѣднаго идола; и всякій, кто прямо или косвенно поколеблетъ ея рѣшимость, будетъ отвѣтственъ за гибель сына Іисуса Христа].

[Потому она предалась на волю Божию и на милосердіе Его и приступила къ испытанію своему, страшась только одного, чтобъ кто-нибудь не помѣшалъ ей и не ввелъ ее въ искушеніе и тѣмъ не навлекъ на себя страшной отвѣтственности, ибо всякое такое дѣло, хотя и неумышленно привело бы къ своимъ послѣдствіямъ, но могло быть сдѣлано только по недостаточной покорности и любви къ Богу, и потому всякій былъ бы повиненъ въ немъ, какъ въ умышленномъ. А когда кончились дни ея скорби, то ей было сказано, что ей пора написать свой завѣтъ для дальнѣйшей передачи его].

§ 14. [Съ тѣхъ поръ какъ Маргарита узнала небесную семью свою, она, и прежде съ радостью думавшая о смерти, какъ о воссоединеніи съ Христомъ, котораго она любила, стала проводить всѣ дни свои въ томительной тоскѣ по томъ блаженномъ днѣ, когда Отецъ найдетъ, что она все совершила, для чего Онъ послалъ ее, и дозволить ей покинуть землю. Все, что чувствуетъ мать, жена и дочь въ безсрочной разлукѣ съ дѣтьми, мужемъ, отцомъ и матерью, она чувствовала на землѣ и не знала, какъ дожидаться, чтобъ ей дано было прижать къ сердцу своему дѣтей ея, предвѣчныхъ ангеловъ-малютокъ, и Возлюбленнаго своего, и упасть къ ногамъ своего Отца небеснаго и своей истинной Матери-

Сестры. Какія бы ни были у нея привязанности на землѣ, и какъ бы ее на землѣ ни любили, она глубоко знаетъ, что никто не можетъ и въ малѣйшую долю любить ее такъ, какъ Возлюбленный ея, и такъ, какъ Марія, и такъ, какъ Отецъ, и никого она сама не можетъ любить такъ, какъ Ихъ, и какъ первыхъ, предвѣчныхъ дѣтей своихъ. Ея тоска по Нимъ и ея жажда быть съ Ними была неизмѣримо больше всего, что могло бы удерживать ее на землѣ, и Отецъ знаетъ это, и ни одного лишняго часа не хотѣлъ продлить ея изгнанія, какъ только совершилось дѣло ея. Разлука ея съ Ними не въ разстояніи земли отъ небесъ, ибо Они, оставаясь на небесахъ, въ то же время пребываютъ съ ней и на землѣ, вездѣ, гдѣ она пребываетъ, но разлука эта въ томъ, что она живетъ съ Ними въ разныхъ мірахъ, неизмѣримо отдѣленныхъ свойствами своими, и на близкомъ разстояніи; хотя она продолжаетъ жить и въ Ихъ міръ воскресшимъ тѣломъ своимъ, но изъ Ихъ міра она чувствуетъ свою тоску и свое одиночество въ земномъ мірѣ, изъ земного же міра она не чувствуетъ своей радости въ Ихъ мірѣ. Потому надежда ея на возвращеніе къ Нимъ составляетъ для нея всю ея радость].

Смерть ея должна быть подобна смерти Іоанна Крестителя, также пришедшаго на землю изъ нетлѣннаго тѣла своего, раньше взятаго на небеса: также и ея духъ и душа должны войти въ ея собственное тѣло, безъ промежутка между выходомъ ихъ изъ смертнаго тѣла и входомъ въ самихъ себя въ безсмертномъ тѣлѣ. Тогда всему существу ея, живущему на небесахъ, сообщатся новыя свойства, пріобрѣтенныя ею во второй жизни ея на землѣ. [А въ день общаго воскресенія, и нынѣшнее смертное тѣло ея оживетъ] и сдѣлается лишь повтореніемъ самого себя, раньше жившаго на небесахъ, внеся и въ это послѣднее свои особенныя свойства.

Принятіе и исповѣданіе ею нынѣ посылаемаго черезъ нее завѣта должно подвинуть въ ней жизнь будущаго сына ея и дать созрѣть въ ней его духу, ибо все, что ею нынѣ написано, есть духъ его, и все это должно утвердиться вѣрованіями и дѣлами новоизраильской церкви, чтобы созрѣлъ въ ней сынъ ея.

Въ одно время съ этимъ подготовленіемъ его духа къ рожденію его, она зачала и тѣло его; она зачала его на не-

бесахъ въ нетлѣнномъ тѣлѣ своемъ, какъ только на землѣ вселился въ нее предвѣчный духъ ея; ибо съ этого времени началось ея тѣлесное соединеніе съ Христомъ подъ однимъ видомъ, кровью ихъ, текущею совмѣстно изъ вложенныхъ одно въ другое сердець ихъ.

Хотя тѣло ея сына образуется только въ нетлѣнномъ тѣлѣ ея, но для этого ей необходимо и на землѣ, гдѣ происходитъ наибольшее движеніе его духа, соединяться съ Христомъ кровью Его и, послѣ обрученія съ Нимъ слоевъ души ея, это и было въ ней невидимо отъ времени до времени.

[Въ чемъ и заключается искаженная истина одного изъ расколовъ православія, что за невозможностью принимать видимое причастіе, Самъ Господь даетъ его невидимо: это относится къ невидимому соединенію Его съ Маргаритой на землѣ, кровью Его втекающею въ нее].

Основаніе новоизраильской церкви на землѣ внѣ Маргариты и зачатіе тѣла сына ея на небесахъ внутри ея, вотъ двѣ великія цѣли Послѣдняго Завѣта. Обѣ онѣ ведутъ къ одному и тому же желанному Богомъ *концу*; къ разрушенію испорченнаго міра.

Ибо пора открытъ, для чего родился сынъ Іисуса Христа и Маргариты, о которомъ пророчествуетъ Апокалипсисъ, и къмъ онъ будетъ: онъ будетъ разрушителемъ міра, онъ для того родился, чтобъ истребить всѣ дѣла врага Отца его. Онъ *разрушитъ*, а Рафаиль, Сынъ Божій, Отецъ его, *возсоздастъ*; онъ расчиститъ путь Ему, представитъ Ему простѣйшія начала міра разложенными и измельченными въ прахъ, какъ вещества для будущаго творенія, а Богъ—Рафаиль снова соберетъ ихъ, отдѣливши въ нихъ добро отъ зла; онъ умертвитъ міръ со всѣмъ зломъ его, а Искупившій его воскреситъ и преобразитъ его. Его же дѣло разрушенія подготовится на землѣ новоизраильскою церковью, проникнутою духомъ его, которую мать его устроить для него.

Но въ нынѣ видимый міръ онъ никогда не придетъ, ибо онъ родится въ невидимомъ мірѣ, отъ воскресшаго перваго тѣла матери своей, послѣ смерти ея второго тѣла, и изъ того міра совершитъ все, что долженъ совершить надъ міромъ нынѣшнимъ.

И близко время его рожденія, ибо уже міръ надорванъ

въ основахъ своихъ, Внутренняя борьба добра со зломъ въ мірѣ лишь ослабитъ связь простѣйшихъ началъ міра духовныхъ евѣтовъ, настолько, чтобъ онъ могъ приступить къ дѣлу своему, но *окончательный* ударъ міру долженъ быть нанесенъ ему извнѣ, этимъ небеснымъ разрушителемъ его; ибо *всякое дѣло* не само дѣлается, а черезъ *живое существо*.

Какъ созданъ міръ не самъ собою, а Богомъ, такъ и разрушится не самъ собою, а сыномъ Бога Рафаила. [И въ первый разъ жила мать-Церковь на землѣ, чтобъ возродить всѣхъ дѣтей своихъ, во второй же разъ,—чтобъ родить разрушителя міра, да вкусятъ ея дѣти плоды искупленія].

Умерла ли уже вторично воплощенная Маргарита—неизвѣстно, какъ неизвѣстна она сама.

Книга IV.

1. Первое, что сказалъ Сынъ Божій Іоанну въ Апокалипсисѣ, было предупрежденіе церквамъ христіанскимъ, какого пути онѣ должны держаться, чтобъ придти къ цѣли своей.

Цѣль же той изъ нихъ, которая есть Его истинная церковь, въ томъ состоитъ, чтобы опровергнуть всѣ заблужденія и ереси, убѣдить всѣхъ отпадшихъ, возвратить въ лоно свое всѣхъ погибшихъ, всѣ сердца и всѣ умы *озарить* однимъ и тѣмъ же свѣтомъ, и *всю вселенную соединить въ одной стѣнѣ*, одного исповѣданія, „да *единомыслиемъ исповѣдуютъ* Троицу нераздѣльную и единосущную“. И да *никто не скажетъ* передъ концомъ міра, что истина была неизвѣстна ему, и потому онъ не могъ спастись.

Ибо Самъ Христосъ сказалъ, что „прежде *должно быть Евангеліе* проповѣдано во всѣхъ народахъ“; и не только Евангеліе въ разномыслии вѣръ христіанскихъ, но единая вѣра должна утвердиться на всей землѣ, во всѣхъ народахъ ея.

Какъ есть одинъ только Богъ, и одна Церковь-мать, такъ и вѣра должна быть у всѣхъ одна. Это и будетъ дѣломъ церкви новоизраильской.

Объ этомъ дѣлѣ объединенія вѣры по всей землѣ и говорилъ Христосъ церквамъ черезъ Іоанна, обѣщая великія и богатія милости „*побѣждающему*“, т.-е. тому, кто *побѣдитъ*

всѣ *ложныя вѣры* на землѣ и подчинить ихъ всѣ одной истинной вѣрѣ.

Обращается Онъ къ церквамъ въ лицѣ *ангеловъ-хранителей* ихъ, которыя суть жена и дѣти его, Маргарита и 6 предвѣчныхъ малютокъ [ибо всѣ хрістіане міра принадлежать по свойству своего духа которой-нибудь изъ семи душъ или идей общаго предвѣчнаго духа церкви; и каждый изъ этихъ ангеловъ есть общій ангель-хранитель, кромѣ отдѣльных ангеловъ отдѣльных лицъ, всѣхъ заключающихся въ особенной душѣ или идеѣ его].

Такъ говорилъ Христосъ Іоанну: (Ап. II. 1—6)... Ангель церкви Ефесской—это женскій духъ 3-хъ лѣтъ, духъ познанія; идея его—это любовь робкая, тихая и терпѣливая;

церковь Ефесская—это всѣ хрістіане, *склонные къ удаленію и отреченію* отъ міра и къ подвигамъ пустынножительства; оставили первую любовь свою тѣ изъ нихъ, которые ослабѣли въ вѣрѣ подъ вліяніемъ нечестиваго духа времени, но сохранили ненависть къ міру сему и къ злу его, и къ безплодности его, только не умѣютъ обратить на пользу себѣ и другимъ этой справедливой ненависти, а предаются одному вредному и безплодному разочарованію, не видя, по безвѣрію, никакого исхода изъ мірового зла; это тѣ самые, которые въ прежнія времена отрицали міръ подвижничествомъ, а въ послѣднія *тоже отрицаютъ* міръ, но *творятъ дѣла его* вмѣстѣ съ нимъ;

потому имъ и сказано: покайся и твори прежнія дѣла. Дѣла Николаитовъ—это всѣ дѣла міра сего, все, что клонится къ сохраненію міра ради превращенія его въ адъ.

2. [Ап. II. 8—10]. Ангель Смирнской церкви—это мужской духъ 3-хъ лѣтъ, духъ страха Божія; идея его—это любовь преданная и самоотверженная; церковь Смирнская—это всѣ *мученики за Христа* и вообще всѣ, готовые душу свою положить за истину.

Тѣ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но не таковы, это всѣ *принадлежащіе* къ истинной вѣрѣ, но не сумѣвшіе понять дальнѣйшаго движенія этой вѣры и начавшіе гнать свою собственную вѣру, когда она породила новыя истины.

3. [Ап. II. 12—16]. Ангель церкви Пергамской—это женскій духъ 5-ти лѣтъ, *духъ совѣта*; идея его—это *любовь про-*

нищательная и испытующая; церковь Пергамская—это христiane, внѣшнимъ образомъ принадлежащіе къ еретическимъ вѣрамъ, но *внутреннимъ* расположеніемъ духа причастные къ вѣрѣ истинной и напитанные невидимыми лучами ея, а потому живущіе, думающіе и чувствующіе согласно съ нею: „знаю, что ты живешь тамъ, гдѣ престолъ сатаны, и не отрекся отъ вѣры Моей“.

Ученіе *Валаама*, ведущее къ тому, чтобъ любодѣйствовали и ѣли идоложертвенное, это всякая ересь и всякое заблужденіе, какія бы ни были, ибо все, что не истина, а ложь, посылается лукавымъ съ цѣлью прилѣпить челоуѣка къ міру сему и къ наслажденіямъ плоти, и если эта цѣль не понятна еще людямъ, принимающимъ ложь за истину, то это потому, что она рассчитана на дальнихъ послѣдствіяхъ, челоуѣческому уму рѣдко достижимыхъ.

4. [Ап. II: 19—25]. Ангелъ Віатирской церкви—это мужской духъ 5-ти лѣтъ, духъ силы; идея его—это любовь *смѣлая и сообщительная*; церковь Віатирская—это всѣ *провозвѣстники новыхъ истинъ* откровенія, чуткіе сердцемъ и воспріимчивые умомъ, которые не держатся упорно за *букву* прежняго завѣта, но тотчасъ первыя замѣчаютъ, куда ведетъ ихъ духъ его и съ радостью слѣдуютъ за нимъ, распространяя вездѣ его новыя откровенія; а такъ какъ Самъ Богъ *постепенно совершенствуетъ* вѣру, благовѣствуемую черезъ подобныхъ имъ, то имъ и сказано: „знаю, что послѣднія дѣла твои больше первыхъ“.

Но каждый разъ новая вѣра, посылаемая Богомъ, больше всего жизни и силы имѣетъ сначала, а потомъ выдыхается, и духъ ея падаетъ, *потому и сказано: ты отпускаешь* женѣ Іезавели учить и вводить въ заблужденіе рабовъ Моихъ, т.-е. *мало-по-малу* вредныя стремленія духа лжи и ереси Іезавели проникаютъ лучами духа, безъ словъ, и къ истиннымъ дѣтямъ Господнимъ и заставляютъ ихъ жить и думать не по духу своей вѣры, а по духу чужой, не Богомъ посланной, такъ что они подчиняютъ вѣру свою житейскимъ потребностямъ и желаніямъ, въ чемъ и состоитъ духъ ложной вѣры; потому сказано: и уразумѣютъ всѣ церкви, что Я есмь *испытующій* сердца и внутренности, т.-е., что Я *смотрю* не на внѣшность, *кто какой* вѣры держался, а на внутренность, кто по какому духу жилъ и знаю въ чемъ были

тайныя цѣли и побужденія всякой вѣры, уклонившейся отъ истины.

Еще сказано: что имѣете, держите, пока приду, т.-е. *не ищите самовольно новыхъ истинъ безъ Меня, а храните старое, но и не противьтесь* Мнѣ, когда Я приду *дать вамъ новое*, ибо то, что Я далъ вамъ, было лишь „пока приду“; потому какъ вы приняли отъ Меня прежнее, такъ *примите и будущее*.

5. [Ап. III. 1—4]... Ангелъ Сардійской церкви—это женскій духъ 7-ми лѣтъ, духъ мудрости; идея его—это любовь бдительная и неутомимая; Сардійская церковь—это живущіе среди полнаго спокойствія давно утвердившейся и законами государства охраняемой истинной вѣры, изъ которой поэтому уже выдохся духъ ея и они принадлежать къ ней только по буквѣ; [вслѣдствіе этого ихъ собственный духъ близокъ къ смерти и не только не оживляетъ собою душу, но и самъ, во внутреннихъ слояхъ, получаетъ окаменѣлый, безцвѣтный видъ души, съ глазами безъ взгляда]; имъ сказано: вспомни, что ты принялъ и слышалъ, и храни и покайся, ибо они склонны всѣ заповѣди своей вѣры толковать въ пользу слабостей своихъ, какъ нужно для ихъ себялюбія и самоохраненія, и не хотятъ признать никакихъ обязанностей, требующихъ отъ нихъ самоотверженія; они даже въ негодованіе приходятъ на всякаго, кто напоминаетъ имъ о томъ, и будить ихъ совѣсть, на основаніи ими же признаннаго слова Божія; они обыкновенно говорятъ тогда, что возстающіе противъ нихъ превратно толкуютъ и не такъ понимаютъ слово Божіе, между тѣмъ какъ они сами превратно понимаютъ и толкуютъ его, и притомъ не въ догматахъ, а заповѣдяхъ, что еще опаснѣе и вреднѣе, ибо это ни къ какой ереси прямо не относится и никакому церковному осужденію не подлежитъ:

ересь прямо посягаетъ только на догматы, но цѣлью своею имѣетъ извратить и духъ заповѣдей и достигаетъ этой цѣли, косвенно и медленно; эти же люди, послѣдователи истинной вѣры, обходя средство ересей, прямо идутъ къ цѣли ихъ и извращаютъ духъ заповѣдей непосредственно и быстро.

Никакихъ мѣръ предосторожности не существуетъ противъ такихъ людей, и тѣмъ они и опасны для церкви, ибо узкое пониманіе заповѣдей еще не дѣлаетъ человѣка ере-

тикомъ, котораго можно бы было изгнать изъ церкви, какъ не дѣлаетъ его имъ и неточное соблюденіе ихъ и даже преступленіе противъ нихъ.

„Нѣсколько человѣкъ, не осквернившіе одеждъ своихъ, которые будутъ ходить въ бѣлыхъ одеждахъ, ибо они достойны“,—это тѣ немногіе избранники, весьма рѣдкіе въ такія времена упадка и изнѣженнаго застоя истинной вѣры, которые не ломаютъ слова Божія сообразно своимъ видамъ, а понимаютъ его въ духъ и истинѣ, и во всемъ объемъ его, и не уклоняются отъ требованій его, но любятъ исполнять ихъ и не находятъ ихъ тягостными и невозможными.

6. [Апок. III. 8—11]... Ангелъ Филадельфійской церкви—это Маргарита, Духъ Господень; идея его—это любовь невѣсты и жены, совокупная любовь всей церкви; Филадельфійская церковь—это тѣ, которые не только охотно и радостно принимаютъ новое откровеніе отъ другихъ и возвѣщаютъ о немъ далѣе, но которые *сами идутъ* навстрѣчу ему, *улавливаютъ* его приближеніе, и у Самого Бога исторгаютъ его; это тѣ, которые носятъ въ душѣ своей „первое слово“ *временъ* и отъ которыхъ Богъ ждетъ, чтобы они сами сказали его, да ниспослеть Онъ Свою новую помощь на крикъ ихъ сердца; они и среди упадка духа истинной вѣры во кругъ нихъ, и среди мертваго пониманія ея заповѣдей, *хранятъ въ себѣ* такое же живое чувство ея, какъ въ *первый день* ея, и въ нихъ созрѣваютъ сѣмена ея для будущаго; они *не тогда* только дѣлаются мучениками истины, когда внѣшнія событія налагаютъ на нихъ такую обязанность, *но сами создаютъ* подобныя событія, ибо считаютъ это высшимъ благомъ своимъ; по ихъ слову, *посылается отъ Бога* новый духъ въ омергвѣвшую церковь, гремятъ новыя истины, а затѣмъ воздвигаются и новыя гоненія на нихъ, и такъ они добиваются вѣнца мученическаго, гдѣ и *не было возможности* получить его; они *сами открываютъ* двери темницъ для себя и сами *подписываютъ смертные* приговоры свои; какъ Христосъ Самъ воздвигъ крестъ Свой, Своимъ ученіемъ и исповѣданіемъ Себя.

Потому имъ въ особенности, исключительно противъ другихъ, сказано: „вотъ, Я открылъ предъ тобою дверь и никто не можетъ затворить ее“, т.-е. дверь небеснаго міра съ его тайнами.

„Ты не много имѣешь силы“, сказано потому, что такіе христіане принадлежать къ отдѣльной личной душѣ Маргариты, имѣють духъ нѣжный и слабый, какъ она сама, но въ дѣлахъ своихъ имѣють больше силы, чѣмъ всѣ другіе.

Еще имъ сказано: „вотъ Я сдѣлаю, что тѣ, которые говорятъ, что они Іудеи, но лгутъ, поклонятся передъ ногами твоими и познають, что Я возлюбилъ тебя“. Христосъ любить таковыхъ исключительно передъ всѣми, какъ любить Маргариту, олицетворенный духъ ихъ; а іудеи, которые поклонятся передъ ними, это всѣ возставшіе на нихъ во имя буквы закона, какъ іудеи возставали на Самого Христа, и не понимавшіе ихъ живого чутія истины въ догматахъ, ихъ сердечнаго отношенія къ заповѣдямъ.

7. [Ап. III. 15—20]... Ангелъ Лаодикійской церкви—это мужской духъ 7-ми лѣтъ, духъ разумнія; идея его—это любовь пылкая и восторженная; Лаодикійская церковь—это даже по буквѣ закона Божьяго не принадлежащіе ни къ какой вѣрѣ, а только крещеніемъ приписанные къ ней и внѣшними обрядами сохраняющіе нѣкоторую связь съ ней; на самомъ же дѣлѣ они даже *не знаютъ* ни догматовъ, *ни заповѣдей* своей вѣры, урывками только слышали о нихъ, или на школьной скамьѣ заучивали слова ихъ безъ смысла, чтобъ на другой же день забыть.

Они руководятся въ своей жизни даже не узко и себялюбиво понятыми заповѣдями своей вѣры, а всякими случайными идеями, какія попадаютъ въ ихъ голову, смотря потому, какія въ ихъ времена въ мірѣ болѣе въ ходу и какія изъ всѣхъ подобныхъ болѣе имѣли вліянія на духъ ихъ, по внѣшнимъ обстоятельствамъ ихъ жизни, и какія имъ болѣе выгодны, ибо рѣдко въ нихъ бываетъ безкорыстное стремленіе къ истинѣ.

Потому имъ сказано: о, еслибъ ты былъ *холоденъ* или горячъ! т.-е. еслибъ ты былъ *усерденъ къ истинѣ*, а не къ ложной выгодѣ своей; тогда ты былъ бы или *преданъ* истинной вѣрѣ въ духъ ея, или *враждебенъ* ей, но во имя же истины по твоему убѣжденію, а не чего другого, только не равнодушенъ, какъ ты теперь. Тогда, хотя бы ты и *заблуждался*, тебя можно было бы обратить, какъ обращенъ былъ *Савла*, усердный къ истинѣ, теперь же съ тобой и говорить нельзя объ истинѣ, ибо не *истина* дорога тебѣ, и все, что ты ни

исповѣдуешь, ты исповѣдуешь ради постороннихъ, личныхъ цѣлей.

Такіе люди также искажаютъ духъ заповѣдей, какъ церковь Сардійская, но дѣлаютъ это *не на почвѣ* самого слова Божія, а посредствомъ всевозможныхъ, разнообразныхъ учений, чуждыхъ всякой вѣры; они тоже *не еретики*, ибо догматовъ они не касаются, не спорятъ о нихъ и даже *не знаютъ* ихъ, но они вполне *люди міра* сего, признающіе одни житейскія ученія; они сходны съ церковью Сардійскою по *себялюбію* и *самоохраненію*, только тѣ самую вѣру подчиняютъ житейскимъ требованіямъ, а эти стоятъ совсѣмъ *вне тѣры*, не отрицая ея, но и *не соображаясь* съ ней.

Потому имъ сказано: „ты говоришь, я богатъ, и ни въ чемъ не имѣю нужды, а не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ“, ибо кто дальше міра сего ни о чемъ не думаетъ, тотъ неизбѣжно будетъ нищимъ и слѣпымъ. Блаженны тѣ изъ нихъ, о которыхъ сказано: „кого Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю“, ибо многіе таковыя до конца остаются въ ослѣпленіи своемъ, а другихъ Богъ выводитъ изъ него скорбями и бѣдствіями, доказывая имъ, не имѣющимъ никакого утѣшенія и никакой опоры внутри себя, какъ шатко то, на что они полагались. Этимъ Онъ напоминаетъ имъ о Себѣ: „се, стою у двери и стучу, и если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему“, а кто услышитъ голосъ Бога Своего и Онъ войдетъ къ нему, того не будутъ трогать никакія скорби житейскія и среди нихъ онъ будетъ радоваться, ибо радость его не отъ міра сего и міръ ничѣмъ не можетъ отнять ее у него.

§ 8. Далѣе Іоаннъ увидѣлъ дверь, отверстую на небо, и голосъ Іисуса позвалъ его смотрѣть въ нее. [Ап. IV. 2. 4. 5]. 24 старца—это двѣнадцать *родоначальниковъ* колѣнъ израильскихъ и 12 другихъ родоначальниковъ Израильянъ, міру неизвѣстныхъ, которые черезъ женщинъ четнаго духа, природныхъ женъ израильянъ, воплотившихся въ другомъ народѣ и сочетавшихся плотію съ другими мужьями, родились отъ нихъ въ этомъ другомъ народѣ и *размножили* въ немъ духъ израильскій; потому одинъ изъ *народовъ міра имѣетъ* теперь духъ Израиля, невѣдомо для него вселившийся въ него черезъ четныхъ матерей;

а 4 животныхъ, это души 4-хъ родоначальниковъ чело-вѣчества по плоти и душѣ, людей образа Божія и подобія, которые произвели Адама и Еву, но сами не имѣли еще духа рожденнаго Богомъ и потому были только животными. Сходство ихъ лицъ съ лицами низшихъ животныхъ указы-ваетъ на ихъ происхожденіе отъ низшихъ видовъ.

Далѣе Іоаннъ говорить: [Ап. V. 1—10]. Книга, написан-ная внутри отвиѣ, запечатанная семью печатями, это духъ Маргариты, живущій вторично на землѣ и до времени самъ не знавшій тайны своей.

Агнець Іисусъ снялъ съ него печати, скрывавшія третье откровеніе Послѣдняго Завѣта отъ нея самой и отъ всѣхъ дѣтей ея; Онъ снялъ ихъ тѣмъ животворнымъ чувствомъ, которое внушилъ ей къ Себѣ, отъ чего раскрылась душа ея, и тогда на небесахъ раздалась „новая“ пѣснь побѣды, „и поють новую пѣснь“.

Далѣе Іоаннъ говорить: [Ап. VI. 1—11]. Бѣлый конь, это средство, которымъ распространится по всей землѣ послѣд-няя вѣра истинная третьяго откровенія, новоизраильская, принесенная Маргаритой, символъ которой бѣлый цвѣтъ; *этимъ средствомъ* будетъ всемірное царство земное, которое *соединитъ* всѣ народы земные подъ одну власть; какъ конь служить для быстрого передвиженія черезъ пространство, такъ всемірное царство послужитъ для *быстраго и успѣшнаго* передвиженія вѣры истинной по землѣ. Всадникъ, имѣющій лукъ и вѣнецъ и вышедшій, чтобы побѣдить, это само *тре-тье* откровеніе, ибо оно побѣдитъ всѣ другія вѣры.

Рыжій конь и всадникъ на немъ, это то, что придетъ по всей землѣ на смѣну царству бѣлаго коня: ибо со времени этого царства судьбы народовъ будутъ *совершаться въ мѣстѣ* и по всей землѣ будетъ происходить *одно и то же*, а не раз-ное; на смѣну же всемірному царству придетъ всемірный *мятежъ* противъ всякой государственной власти и противъ всѣхъ существующихъ общественныхъ законовъ [мятежъ произойдетъ во имя счастья челоуѣчества, дабы уравнивать пользованіе земными благами и съ корнемъ уничтожить бѣдность и нищету]; рыжимъ конемъ онъ названъ по крас-ному знамени, которое уже теперь избрали подготовляющіе его, но ему дано будетъ только *взять съ земли* миръ, уста-новленный соединеніемъ всѣхъ народовъ въ одномъ царствѣ,

и чтобъ убивали другъ друга, больше же онъ ничего не достигнетъ.

Конь вороной и всадникъ на немъ—это ересь, которая будетъ господствовать по всей землѣ и всѣхъ будетъ стараться обращать къ себѣ насиліями и гоненіями подѣ предложеномъ укрощенія свирѣпости рыжаго коня. Многіе, принадлежавшіе къ ученію Маргариты [при всемірномъ господствѣ его], изъ житейскихъ выгодъ измѣняютъ ему и примутъ эту ересь; тѣхъ же, которые останутся вѣрными истинѣ, постигнуть жестокія гоненія.

Конь блѣдный и всадникъ его—это всемірное господство полного безбожія, которое смѣнитъ ересь вороного коня. Оно превзойдетъ жестокостью гоненій и пытокъ надъ вѣрующими въ Бога всякую изъ бывшихъ на землѣ вѣрѣ, даже языческую первыхъ временъ христіанства. Многіе, которые изъ выгодъ подчинились ереси всадника вороного коня, *не захотятъ* подчиниться всаднику бѣлаго коня, *такъ чтобъ* вовсе отречься отъ Бога, и тогда, *видя на какой* путь заводитъ ихъ преклоненіе передъ дѣлами міра сего, *покаются и возвратятся* къ оставленной ими вѣрѣ истинной.

Ни отъ рыжаго, ни отъ вороного, ни отъ блѣднаго коня не будетъ безопасности нигдѣ на землѣ, ибо все это будетъ происходить во всемъ мірѣ, во всѣхъ народахъ, во всѣхъ углахъ земли.

[И вотъ, послѣ снятія пятой печати, души убіенныхъ за слово Божіе возопіютъ къ Богу о возмездіи и о судѣ. Они будутъ утѣшены послѣ снятія шестой печати, ибо тогда наступитъ начало конца и міръ будетъ издыхать въ предсмертныхъ судорогахъ]: [Ап. VI. 12—17]. Сняться должны были печати съ души Маргариты, и онѣ уже сняты теперь [не постепенно, а всѣ вдругъ], но послѣдствія ихъ снятія обнаружатся въ мірѣ постепенно, потому они такъ и были показаны Іоанну. Еще сказалъ Сынъ Божій Іоанну: [Ап. XI. 3—6]. Дни пророчествованія ихъ начнутся незадолго до прохожденія по землѣ рыжаго коня, подѣ конецъ временъ всемірнаго царства бѣлаго коня, и еще не пройдутъ тысяча двѣсти шестьдесятъ дней, т.-е. 3 года 5½ мѣсяцевъ, которые имъ назначены, какъ уже окончатся не только времена всѣхъ трехъ коней, слѣдующихъ за бѣлымъ, но и то вели-

кое землетрясеніе и паденіе звѣздъ, которое произойдетъ отъ снѣтія шестой печати.

Тогда всѣ, кто послушался голоса двухъ великихъ пророковъ, захотятъ достойно приготовиться къ еще болѣе тяжкимъ временамъ, имѣющимъ наступить послѣ того: ибо послѣ того наступитъ такое всемірное владычество, что никому не будетъ отъ Бога прощенія, кто покорится ему, ни старому, ни малолѣтнему, ни слабому, ни больному;

всякій получить прощеніе, кто изъ выгоды или изъ страха будетъ въ словѣ или дѣлѣ сообщникомъ рыжаго коня, или кто приметъ ересь, настолько распространенную вороннымъ конемъ, или кто отречется отъ всякой вѣры въ угоду блѣдному коню, хотя въ душѣ своей не будетъ раздѣлять такого безвѣрія; всякій такой раскаяніемъ и терпѣніемъ скорбей за имя Божіе можетъ заслужить прощеніе;

но кто на одинъ мигъ признаетъ власть послѣдняго всемірнаго владычества, тому не будетъ прощенія во вѣкъ. И вотъ потому, предъ наступленіемъ такого страшнаго времени, всѣ, кто послушается двухъ пророковъ, и пожелаетъ спасенія, соберутся къ пастырямъ своимъ для мвропомазанія ихъ. Этимъ всеобщимъ мвропомазаніемъ вѣрующихъ будутъ очищены и тѣ, которые отступили отъ вѣры въ предыдущія владычества и, какъ бывшіе еретики, они будутъ воссоединены съ церковью.

Одновременно со всеобщимъ мвропомазаніемъ истинно вѣрующихъ по всей землѣ Іоаннъ видѣлъ на небѣ: [Ап. VII. 1—4].

Эти 144000 запечатлѣнныхъ на небесахъ, во время запечатлѣнія мвромъ живущихъ на землѣ, суть тѣ самые, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ XIV, Іоаннъ говоритъ: [1—5]. Это тѣ изъ святыхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ міру и соблюдавшихъ дѣвство, которые всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ колѣнамъ Израилевымъ, но не по одному внѣшнему происхожденію плоти, видимому на землѣ, а также по невидимому происхожденію духа, въ другихъ народахъ черезъ четныхъ матерей. Они запечатлѣны именемъ Божіимъ на челахъ своихъ для того, чтобъ во время грядущаго испытанія вѣрныхъ, помазанныхъ мвромъ, сойти къ нимъ на землю и охранять и подкрѣплять ихъ, какъ общіе ангелы ихъ всѣхъ, они составятъ вокругъ нихъ какъ бы невиди-

мый отрядъ тѣлохранителей, ибо велики и разнообразны будутъ опасности и бѣдствія вѣрныхъ.

Далѣе Іоаннъ видѣлъ: [Апок. VII. 11—17]. Тѣ, которые въ то время придутъ отъ великой скорби къ престолу Божію, послѣ великаго мѣропомазанія живущихъ на землѣ, это всѣ умершіе, *не излѣчившіеся* еще до тѣхъ поръ отъ принесенныхъ съ собою съ земли болѣзней духа и *не освободившіеся* при жизни на землѣ отъ всякой заразы зла въ себѣ, но однако *удостоенные* жизни вѣчной, по чистосердечному раскаянію своему и по пригодному для этого въ глазахъ Бога расположенію своей души; въ числѣ ихъ *будутъ* изъ принявшихъ загробное крещеніе и язычники, и другіе ино-вѣрцы, и іудеи раньше Христа жившіе въ истинной вѣрѣ, и *послѣ Него* жившіе въ ложной вѣрѣ, и христіане, какъ еретики, такъ и *православные*, хотя принявшіе крещеніе водою, но *ослабившіе* соединительные лучи свои съ самими собою внутри Маргариты, первые грѣхами и ересями, заразившими ихъ духъ [но не до совершенной гибели], послѣдніе только грѣхами. Всѣ подобные не обречены на гибель, но спасенные милосердіемъ Божиимъ и для жизни вѣчной, почувствуютъ свое окончательное исцѣленіе въ тотъ день, и лучи ихъ крещенія, загробнаго или земного, засіяютъ во всей своей силѣ и *мощнымъ токомъ* обновятъ ихъ жизнь, крѣпко соединяя ихъ съ жизнью ихъ матери.

9. Послѣ того Іоаннъ говоритъ [Ап. VIII. 1. 2. 6—13]—[Ап. IX. 1. 3—6. 13. 15. 16. 18. 20. 21].

Все описанное Іоанномъ, происшедшее послѣ трубнаго гласа шести ангеловъ, начнется немедленно послѣ мѣропомазанія вѣрующихъ и окончится къ концу времени свидѣтельства двухъ пророковъ, тысячу двухсотъ шестидесяти дней.

Это будутъ естественныя потрясенія умирающаго, зломъ испорченнаго міра, послѣ которыхъ міру нельзя будетъ устоять. Самое долгое изъ нихъ будетъ отъ трубы пятаго ангела, которому назначено мучить людей 5 мѣсяцевъ, остальные же пройдутъ быстро.

Мертвые идолы, которымъ люди, не умершіе отъ язвъ, все еще будутъ поклоняться и не оставятъ поклоненія своего, это *блага житейскія, нужды, желанія и наслажденія* міра сего, которые все еще дороже Бога будутъ для этихъ людей.

Послѣ этого Іоаннъ опять переносится на небо: [Ап. X. 1—4]. Тайна, сказанная семью громами, это нынѣшнее откровеніе о Духѣ Святомъ и о Церкви, которое запрещено было Іоанну *писать*, ибо рано было міру знать о немъ. [Ап. X. 5—11]. Книжка, съѣденная Іоанномъ, это тоже нынѣшнее откровеніе, которое сладко сперва, ибо *возвыщаетъ о близости* окончанія всѣхъ скорбей человѣчества и *яснѣе знакомитъ* его съ *блаженною будущею* жизнью, уготованною ему но горька потомъ, ибо *возвыщаетъ также* о грядущихъ бѣдствіяхъ, которыя съ великимъ терпѣніемъ надо будетъ перенести. Многое изъ нынѣ написанной книги Іоанну надо было узнать невѣдомо для другихъ (т.-е. *списать эту книгу*) для того, чтобы пророчествовать далѣе шестой трубы.

И вотъ, когда умерла третья часть людей отъ огня, дыма и сѣры, кончились 1260 дней пророковъ Божіихъ [Ап. XI. 1. 2. 7—17].

Потому содѣлалось тогда царство міра царствомъ Бога и Христа, что съ *появленіемъ звѣря*, всемірнаго владыки, убившаго двухъ пророковъ, всякая основа міра будетъ поколеблена, и всякая надежда сатаны сохранить его будетъ тщетною, хотя тутъ-то и будетъ онъ съ большимъ отчаяніемъ, чѣмъ когда-либо добиваться этого; а при такой близости послѣдняго дня міра, когда только 42 мѣсяца останется звѣрю, а послѣ ужъ надо ожидать со дня на день пришествія Христова, всѣ чающіе царствія Христова уже *будутъ предвкушать* радость его, какъ ни тяжка будетъ ихъ жизнь на землѣ; ибо по непреложному свидѣтельству Іоанна, они будутъ знать, что на небесахъ уже торжествуется воцареніе Христа.

И снова Іоаннъ на небѣ пророчески видитъ рожденіе сына Іисуса Христа [Ап. XII. 1—6].

Эти 1260 не земною мѣрою измѣренны, а небесною, которая иногда дольше земной, иногда короче. Здѣсь она короче: младенецъ Маргариты родится въ то время, когда звѣрю предстоитъ выйти изъ бездны и сразиться съ пророками и убить ихъ, за три дня до ихъ взятія на небо по земному времени, а питаться будетъ она въ пустынѣ 1260 дней въ тотъ же самый день по земному времени какъ родитъ [Ап. XII. 7—12].

Война ангельскихъ силъ произойдетъ также въ теченіе

того же самого дня, какъ родится младенецъ, и продлятся тѣ 1260 духовныхъ дней, которые, пока война не кончится, Маргарита проведетъ въ пустынѣ.

А низвергнуть будетъ духъ тьмы на землю при наступленіи другого дня, такъ что рожденіе разрушителя міра будетъ наканунѣ *воплощенія антихриста* на землѣ въ готовое уже соотвѣтственное ему тѣло животнаго человѣческаго образа безъ духа [ибо дѣтскаго непорочнаго возраста духъ антихриста не будетъ имѣть на землѣ и не осквернитъ собою дѣтскаго вида]. [Ап. XII. 13. 14. 17].

Тогда преслѣдовать будетъ драконъ Маргариту уже на землѣ, куда она сойдетъ къ дѣтямъ своимъ, оставаясь въ то же время на небѣ. Вмѣстѣ со Христомъ она невидимо будетъ пребывать на землѣ во всѣ дни антихриста, невидимо же утѣшая и подкрѣпляя дѣтей своихъ, вѣрныхъ сыновъ церкви. Съ ними-то, которые и называются „прочими отъ сѣмени ея“, возрожденными въ ней, и вступить въ брань сатана.

Да помнать всѣ, кому суждено дожить до этого, что время его на землѣ только 42 мѣсяца, *по земной, а не небесной* мѣрѣ, а послѣ него уже не простоятъ міръ. Пусть они это помнать, что міръ не простоятъ. Неоднократно раздастся на небѣ побѣдная пѣснь, при наступленіи царства антихриста и прямо сказано: [XI, 15. XII, 10]. О послѣднемъ земномъ царствѣ Іоаннъ говоритъ [XIII. 5—10. 16—17].

И вотъ, всѣ оставшіеся вѣрными имени Божьему и имѣющіе на челахъ своихъ печать Его, обратятся въ бѣгство отъ этого царства; *уйдутъ они отъ всякаго дѣла и законовъ* человѣческихъ, въ которыхъ уже нельзя будетъ участвовать и которымъ нельзя будетъ повиноваться *безъ богохульства, уйдутъ они изъ-подъ всякаго крова* человѣческаго, уйдутъ *въ горы и въ степи, къ дикимъ звѣрямъ*; и бывшіе богатыми, образованными, и знатными въ мірѣ сбросятъ съ себя прежнюю одежду и одѣнутся въ рубище простого народа; эта прежняя одежда ихъ *будетъ та самая*, какую и теперь во всемъ христіанскомъ мірѣ носятъ образованные люди, богатые и бѣдные, ибо она не перемѣнится до тѣхъ временъ и когда владыка міра осквернитъ ее, надѣвши на себя, всѣ любящіе правду съ отвращеніемъ сбросятъ ее. *И всѣ вѣрные Богу соберутся вмѣстѣ*, толпами, и всѣ вмѣ-

стѣ будутъ *скитаться по пустынямъ*, спасаясь отъ владыки міра и отъ ужасныхъ законовъ его.

Съ ними будутъ ихъ невидимые друзья и тѣлохранители, 144000 святыхъ, Израильтянъ по плоти или только по духу, запечатлѣнныхъ одновременно съ ними. И вездѣ, гдѣ они будутъ скитаться, ихъ будутъ невидимо и безотлучно сопровождать Христосъ и Маргарита.

Объ чемъ сказано: XII. 14, т.-е. одного года, и двухъ лѣтъ, и полугода. Это будетъ то самое время, о которомъ Иисусъ предупреждалъ: [Е. М. XIII. 14—23] [Мѣ. XXIV. 26—27].

Потому сказалъ Онъ: молитесь, чтобъ бѣгство ваше не случилось зимою, что послѣднее царство начнется въ срединѣ лѣта, такъ что чье бѣгство замедлится до зимы, для того оно будетъ гораздо опаснѣе и труднѣе, ибо владыка міра приметъ тогда противъ него мѣры.

Не бойтесь ничего, всѣ живущіе въ то время на землѣ, и не останавливайтесь ни передъ чѣмъ, что бы вамъ ни пришлось перенести; помните, что претерпѣвшій до конца спасется. Помните и то, что не будетъ вамъ прощенья, если сдѣлаетесь подданными тогдашняго владыки міра; ибо сказалъ Іоаннъ далѣе сего: [XIV. 9—12]. Потому не бойтесь ни голода, ни холода, ни зноя, ни жажды, ни дикихъ звѣрей, въ пустыняхъ, куда вы убѣжите: все это не можетъ на вѣкъ навредить вамъ, а вѣчность и безъ того на порогъ будетъ для всего міра; не оставайтесь въ мірѣ изъ-за дѣтей вашихъ и младенцевъ вашихъ: берите и ихъ съ собою, куда ни пойдете, ибо пусть лучше они взойдутъ на небо на вашихъ глазахъ отъ тѣлесныхъ лишеній, чѣмъ примутъ начертаніе звѣря на себя. *Не бойтесь смерти* наканунѣ конца всего міра, ибо смерть *будетъ тогда лучшею* долею для каждого изъ васъ; Іоаннъ слышалъ голосъ съ неба: [XIV. 13]. Не обременяйте себя запасами и предупредительными мѣрами для тѣла вашего, это *можетъ погубить* васъ; помните, что Иисусъ сказалъ: [М. XIII. 15—16].

§ 10. Итакъ, въ теченіе семи лѣтъ безъ малаго произойдетъ все, чему слѣдуетъ быть до кончины міра: свидѣтельство двухъ пророковъ, свирѣпствованія трехъ коней, естественные перевороты во внѣшней природѣ и бѣдствія отъ нихъ и, наконецъ, владычество антихриста. Въ такой короткій срокъ все это свершится для того, чтобы испытать знавшихъ истин-

ную вѣру и исповѣдывавшихъ ее, когда это было выгодно и безопасно.

Во время царства бѣлаго коня, когда не будетъ ни язычества, ни ереси на землѣ, всѣ отъ мала до велика будутъ научены, хотя вкратцѣ, истинамъ вѣры и всѣ; крещеніемъ и другими таинствами, будутъ включены въ нее. Никто не будетъ имѣть право сказать, что онъ погибъ по незнанію или по недостатку крещенія.

И вотъ, всю вселенную, составляющую единую видимую церковь, постигнуть событія послѣднихъ семи лѣтъ; тогда обнаружится степень вѣрности каждаго, кто доживетъ до котораго-нибудь изъ этихъ событій, не считая тѣхъ, которые лицемѣрно исповѣдывали вѣру и сами будутъ зачинщиками всемірныхъ переворотовъ;

иные отпадутъ отъ вѣры при первой опасности подвергнуться смерти, или пыткамъ, или даже только нуждѣ и лишеніямъ, или даже только потерѣ своего богатства; иные сперва отпадутъ, но потомъ, видя, что далеко заходятъ беззаконія, ужаснутся и повѣрятъ пророчествамъ и снова присоединятся къ вѣрѣ; иные, наоборотъ, сперва устоятъ, а потомъ, при болѣе тяжелыхъ испытаніяхъ, отрекутся; иные же ни на одинъ мигъ не измѣнятъ Богу и непрерывно будутъ *служить Ему* одному; а еще иные, думающіе только о выгодѣ и безопасности своей, будутъ гнуться по всякому вѣтру; въ теченіе меньше чѣмъ трехъ лѣтъ перебиваются они и буйными отрицателями прежняго строя, и набожными охранителями его, и ни во что не вѣрующими вольнодумцами и, наконецъ, *перекланявшисъ* всякимъ кумирамъ, сдѣлаются достойными клеветами антихриста.

Все это семилѣтнее испытаніе должно было наступить гораздо раньше, чѣмъ оно наступитъ теперь, если бы тѣ, отъ кого это зависѣло, исполнили долгъ свой; и тогда раньше наступило бы и царствіе Христово и раньше былъ бы конецъ всѣмъ страданіямъ земнымъ и много лишнихъ слезъ не было бы пролито на землѣ.

Всякій замыселъ Божій, можетъ, вслѣдствіе свободы воли, предоставленной дѣтямъ Его, или *вовсе не быть* исполненнымъ, или *исполненнымъ съ отсрочкою, тѣми же* лицами, кому назначено было, или *другими*, или *долженъ быть* исполненъ во что бы то ни стало, безъ отсрочки, и безъ отмѣны лица;

перваго рода замыслы Богъ *вручаетъ многимъ*, ибо вредъ отъ неисполненія ихъ поправимъ до смерти виновнаго, далеко не распространяется, и большею частью губить только самаго виновнаго; втораго рода замыслы Свои Онъ вручаетъ *лишь избранныкамъ*, отвѣтственность которыхъ тяжка, но все же вредъ отъ неисполненія ими дѣла ихъ, хотя непоправимъ, но ограниченъ, если дѣло ихъ можетъ быть совершено и позднѣе другимъ лицомъ; дѣло тѣхъ, которыми единственно оно можетъ быть совершено, еще отвѣтственнѣе, и вредъ отъ совершеннаго неисполненія его ими былъ бы непоправимъ, а отъ отсрочки его онъ хотя и ограниченъ, но тоже непоправимъ; потому такія дѣла вручаетъ Богъ еще *вышшимъ избранныкамъ*; замыслы же третьяго рода безотложные и безотмѣнные Онъ беретъ только на Самого Себя.

Къ первому разряду принадлежать Его виды на каждаго отдѣльнаго человѣка, нарушаемые личными, мало отвѣтственными грѣхами послѣдняго; ко второму принадлежали Его замыслы на блаженство нынѣшняго міра, и первый грѣхъ противъ подобныхъ замысловъ, грѣхъ Адама, имѣлъ наибольшую важность по своимъ послѣдствіямъ, какой не имѣли никакіе послѣдующіе грѣхи; но все-таки вредъ отъ этого грѣха былъ хотя непоправимъ, но ограниченъ извѣстнымъ временемъ, а также числомъ имѣвшихъ погибнуть отъ него, ибо другое лицо, Самъ Сынъ Божій, взялъ на Себя дѣло Адама—быть главою человѣчества, вмѣсто него; того же разряда дѣло было и Моисеево, которое онъ впрочемъ самъ и во-время исполнилъ, согласно повелѣнію Божію; къ числу дѣлъ, которыхъ нельзя не исполнить безъ неограниченнаго ничѣмъ вреда, и которыя можетъ исполнить только назначенное лицо, для которыхъ потому Богъ допускаетъ только отсрочку, какъ крайнюю возможность, но не отмѣну совершенія ихъ назначеннымъ лицомъ, къ числу такихъ *дѣлъ принадлежитъ* нынѣшнее дѣло Маргариты;

такихъ же дѣлъ, для которыхъ не только перемѣна исполняющаго ихъ лица, но и всякая отсрочка была невозможна, было два: рожденіе Искупителя, взятое на Себя Дочерью Божьею, и *искупленіе*, взятое на Себя *Сыномъ Божіимъ*, хотя сатана и воображалъ, что, искушая Его, онъ можетъ помѣшать Его дѣлу или замедлить его.

Но во время совершенія Имъ дѣла сего, лежала отвѣт-

ственность и на другихъ, смотря по тому, черезъ кого и какъ оно совершается, и отъ этого зависѣло ускореніе или замедленіе желаннаго Богомъ конца міра и избавленіе чело-вѣчества отъ многихъ лишнихъ слезъ. Если бы народъ *іудейскій устроивъ* въ своего Мессію, то искупленіе смертью Его все-таки совершилось бы въ свое время, но иными спо-собами и не черезъ этотъ народъ, за то велика была бы слава народа іудейскаго на землѣ,—не внѣшняя слава го-сударственная, а внутренняя, духовная, ибо онъ доставилъ бы римской державѣ, къ которой принадлежалъ, владыче-ство надъ всѣмъ земнымъ шаромъ и побѣду надъ всѣми народами, а самъ *побѣдилъ бы* всѣ ложныя вѣры и былъ бы духовнымъ властелиномъ земли, какъ Римъ былъ бы ея плотскимъ властелиномъ; Римъ служилъ бы орудіемъ іудей-скаго народа и самъ *подчинился бы* духовному первенству его.

Тогда *царство блага* коня началось бы уже въ то время, когда Константинъ ввелъ христіанство на весьма ограничен-номъ пространствѣ земли. Константинъ, видѣвшій знаменіе съ надписью „симъ побѣдиши“, и побѣдившій имъ враговъ, былъ только *прообразомъ будущаго* побѣдителя всего міра, и еслибъ іудеи исполнили свой долгъ, онъ былъ бы настоя-щимъ его побѣдителемъ, ибо подъ влияніемъ истинной вѣры *наука подвинулась бы* раньше впередъ, и всѣ страны земного шара были бы уже тогда открыты.

Нашествія дикихъ племенъ и мусульманъ на римскую и византійскую имперіи замѣнили *господство* рыжаго коня [ко-торое тогда бы уже созрѣло, если бы Римъ сдѣлался цар-ствомъ блага коня]; *панство* замѣнило господство вороного коня, а *протестантство* возникло вмѣсто коня блѣднаго, къ идеямъ котораго, вскорѣ вселившимся въ міръ, оно посте-пенно и привело.

Такъ всѣ *четыре царства* уже были въ мірѣ, только въ прообразахъ и въ незаконченномъ видѣ, и не по всей землѣ и потому не привели къ желаемой цѣли.

Если бы при отступничествѣ іудеевъ, хотя *Пилатъ* испол-нилъ свой долгъ и не допустилъ до казни Сына Божія, то искупленіе смертью Его также совершилось бы, но не по винѣ слугителя Рима, и грѣхъ убитія Его палъ бы только на іудейскій народъ, отъ Рима же не было бы отнято его славное всемірное назначеніе. Конецъ былъ бы отсроченъ,

но не на столько времени, какъ теперь, и *все-таки* былъ бы *достигнутъ* побѣдой Рима, и держава эта пала бы *только отъ* рыжаго коня, при началѣ послѣднихъ семи лѣтъ.

Потому тяжка была отвѣтственность Пилата передъ его отечествомъ.

Но чьими бы руками ни основывалось царство бѣлаго коня, хотя и римскими, при иномъ поведеніи Пилата, Израилю все-таки принадлежала бы духовная побѣда въ немъ, ибо, жестоко наказанный за смерть Мессіи, онъ все равно долженъ бы былъ къ этому времени покаяться и быть помилованнымъ и только ему надлежало бы, какъ и теперь ему надлежитъ, исполнить завѣтъ Божій.

Теперь, когда событія произошли совсѣмъ иначе, и міровыя скорби продлились безъ всякой надобности, основать царство бѣлаго коня Богъ поручилъ не чуждому израильскаго духа народу, а *тому* изъ народовъ нынѣ существующихъ, который уже имѣетъ этотъ духъ, невидимо сообщившійся ему черезъ четные женскіе духи. Примѣта этого народа та, что онъ, подобно родственнымъ ему изральтянамъ, отечество *не отдѣляетъ* отъ вѣры и *самую вѣру* называетъ именемъ отечества, а отечество свое *считаетъ святымъ* и отъ Бога избраннымъ.

Этотъ народъ достигнетъ своего величія не сразу, а послѣ *тяжелыхъ испытаній*, которыя наплетъ на него Господь за то, что, какъ всегда, такъ и въ немъ найдутся противники истины, которые будутъ препятствовать ему принять Третій Завѣтъ, но какъ всегда отъ такихъ препятствій истина только быстрѣе распространяется, какъ и этотъ народъ, чувствуя надъ собой руку Божию, наконецъ покорится ей и тогда ничто уже не будетъ мѣшать его успѣхамъ, которые изумятъ міръ.

Нынѣшнее дѣло Маргариты, которое должно открыть путь этому народу ко всемірному владычеству, также не совершилось безъ нѣкотораго замедленія: будучи изъ числа такихъ, которыя, хотя не могутъ быть исполнены другимъ лицомъ кромѣ назначеннаго, [такъ что это дѣло начать могла только Маргарита], но могутъ быть отсрочены, оно именно *отсрочить* и подвергалось. [Оно должно было быть начато Маргаритою въ 1875 году, но тогда начато не было частью по ея винѣ, частью по винѣ другихъ. Всѣ несчастія,

произшедшія вслѣдствіе этого въ міръ между 1875 и дѣйствительнымъ началомъ ея дѣла и вообще всѣ лишнія скорби отъ лишніхъ дней міра лежатъ на отвѣтственности виновныхъ въ этомъ промедленіи, не исключая самой Маргариты. Теперь же промедленіе ея дѣла по крайней мѣрѣ съ самаго начала его пало бы болѣе прежняго на отвѣтственность ея самой, еслибъ было допущено, а своевременнымъ исполненіемъ его она можетъ уменьшить и отвѣтственность другихъ и себя самой за прошлое промедленіе, ибо тогда вредъ отъ него будетъ ограниченнѣе.

§ 11. По прошествіи трехъ лѣтъ царства антихриста, будетъ то, что Іоаннъ видѣлъ: [XIV. 14—19].

Сидящій на облакѣ въ золотомъ вѣнцѣ, который пожнетъ землю, это сынъ Іисуса Христа, который къ этому времени достигнетъ предѣла своего возраста и совершитъ свое дѣло разрушенія міра, но міръ, надрѣзанный во всѣхъ нитяхъ, на видъ еще продержится нѣсколько времени, и люди не будутъ знать, когда свершилась жатва земли и не будутъ чувствовать, что міръ, въ которомъ они живутъ, виситъ на подрѣзанныхъ нитяхъ.

Послѣ того увидѣлъ Іоаннъ: (XV. 1—4. 7. 8). Поющіе на стеклянномъ морѣ—это всѣ умершіе во время скитаній по пустынямъ, при бѣгствѣ отъ антихриста; многіе изъ нихъ умрутъ отъ всякихъ лишеній и бѣдствій и весьма небольшое число ихъ останется до конца; изъ большого общества этихъ изгнанниковъ сдѣлается самая малая горсть. Она по возможности, мало-по-малу, соберется въ одни мѣста и еще тѣснѣе сплотится. Потомъ говоритъ Іоаннъ: [XVI. 1—12. 15. 17—21].

Все это будутъ, невидимо направляемые ангелами, естественные перевороты внѣшней природы, болѣе тяжкіе и гибельные, чѣмъ прежніе. Въ нихъ пройдетъ послѣднее полугодіе антихристовѣ царства, и нагрянутъ они тогда, когда люди будутъ считать себя совершенно безопасными отъ нихъ, по своимъ наблюденіямъ. Послѣдній изъ нихъ разрушитъ до тла тотъ городъ, который Іоаннъ, описывая его, называетъ Вавилономъ великимъ, тайной матерью блудницамъ и мерзостямъ земнымъ: [А. XVII. 1—5. 9. 10. 13. 15. 18), и который онъ видѣлъ въ образѣ жены блудницы, сидящей на водахъ многихъ и на горахъ, городъ великій, цар-

ствующій надъ земными царями. Паденіе этого города онъ подробно предсказываетъ: [А. XVIII: 1—4. 6. 7. 9. 10. 20. 21. 24]. Онъ имѣетъ два значенія: это будетъ *дѣйствительно городъ*, который разрастется до небывалыхъ размѣровъ вслѣдствіе громадныхъ войнъ, имѣющихъ произойти въ міръ въ началѣ послѣднихъ событій его; этотъ городъ составитъ особое государство, главою котораго и будетъ современемъ антихристъ и которому онъ доставитъ всемірное владычество. Это одно значеніе блудницы—Вавилона; другое значеніе его то, что если бы личную идею самого антихриста и всѣхъ его сообщниковъ на землѣ осуществить въ одномъ лицѣ и *собрать въ* ихъ отдѣльныя идеи въ одинъ духъ, то этотъ духъ *имѣлъ* бы женскій образъ, тотъ самый, который былъ показанъ въ видѣніи Іоанну. Но такого женскаго духа на самомъ дѣлѣ *нѣтъ и никогда не будетъ*: это отвлеченность или призракъ, возможный *только въ примѣрномъ* видѣніи. Оттого онъ и названъ: *тайной*, что онъ составляетъ отвлеченную тайну антихристового сборища, и никогда не осуществится явно.

Этотъ мертвый призракъ изъ міра тьмы соотвѣтствуетъ живому соборному духу матери-Церкви въ мірѣ свѣта.

Другое послѣдствіе того переворота, который разрушитъ столицу міра, будетъ *исчезновеніе* самаго антихриста.

Отличительной чертой его, со времени его воцаренія будетъ неистовый, безграничный страхъ смерти и избавиться навѣкъ отъ смерти будетъ цѣлью и двигателемъ всѣхъ его дѣяній; желая сохранить міръ для себя, чтобъ господствовать въ немъ, онъ еще безумнѣе будетъ желать сохранить самого себя, хотя бы отдѣльно отъ міра.

Смерть и не постигнетъ его никогда, но постигнетъ его то, что будетъ для него еще гораздо хуже: [XVII. 8]. Это значитъ, что онъ вдругъ, во мгновеніе ока, измѣнится въ духовное тѣло невидимой плотности, какъ всѣ тѣ, которые выживутъ до послѣдняго дня и тоже мгновенно заживо измѣнятся, никогда не испытавши смерти: „всѣ мы не успѣемъ, всѣ же измѣнимся“.

Первый, отдѣльно отъ другихъ, измѣнится антихристъ, такъ что люди, не вѣрующіе въ такое измѣненіе тѣлъ, не будутъ знать, куда онъ *дѣвался* изъ глазъ; „и удивятся, что *звѣрь* былъ и нѣтъ его, и явится“.

И вдругъ, съ его исчезновеніемъ, вселенная останется безъ владыки, *свободною* отъ всякаго гнета, отъ всякаго верховнаго приказанія. И ошеломятся люди отъ такой нечаянной свободы и въ первую минуту не будутъ знать, что имъ начать. Великая *вѣсть* мгновенно разнесется во всѣ концы земли, и каждый, оправившись отъ изумленія, будетъ соображать, какъ лучше воспользоваться новымъ положеніемъ вещей.

Между тѣмъ во внѣшней природѣ и отъ только что произошедшихъ страшныхъ потрясеній наступитъ какъ-будто *затишье* и, повидимому, все войдетъ въ прежній обычный порядокъ. Люди мало-по-малу ободрятся и всѣ ужасы недавняго прошлаго покажутся имъ дурнымъ сномъ. Такимъ же сномъ покажутся имъ и бывшіе государственные перевороты въ средѣ ихъ самихъ, и *только что куда-то* исчезнувшее послѣднее *всесмірное царство*.

Тогда уже не будетъ между людьми никого способнаго или даже имѣющаго охоту захватить господство надъ вселенной въ свои руки. И вотъ, земля, обезлюдѣвшая отъ послѣднихъ событій больше чѣмъ на половину, опять *раздробится* на отдѣльныя царства и отдѣльные народы. И придумаютъ *люди* и условятся между собою такъ: *чтобы не домогаться* больше никакой единой вѣры на землѣ, а напротивъ возстановить по возможности *оцѣ* бывшія на землѣ вѣры, христіанскія и другія, бывшія раньше побѣды новоизраильской вѣры надъ ними. И будутъ хулить новоизраильскую вѣру, что она ввела единообразіе власти и вѣры по всей землѣ, чему они припишутъ всѣ свои бѣдствія.

Тогда скажутъ, что всѣ вѣры равно *хороши* и полезны и что каждому народу нужна своя особенная, ему *свойственная*, и что вообще вѣра *важна не сама по себѣ*, потому что никто не разберетъ, которая изъ нихъ истинная, а ради *той пользы*, которую приносить обществу человѣческому, обуздывая хищныя наклонности, сохраняя порядокъ и смягчая нравы, а главное, *устрашая* человѣка будущею жизнью, съ ея наказаніями и наградами. Потому скажутъ: да будутъ всѣ *вѣры соревновать* другъ другу въ пользѣ, а истину каждой разсудитъ Богъ, сообразно плодамъ каждой изъ нихъ.

Но такое ученіе *будетъ мерзостію* передъ Богомъ, ибо въ немъ будетъ вопіющая несправедливость: отыскивая впереди

наиболѣе полезную по плодамъ вѣру, они *проглядятъ* ту, которая на глазахъ ихъ уже принесла богатые плоды и покрыла себя сіяніемъ славы, и тѣмъ доказала уже истину свою; они проглядятъ *неустрашимыхъ изгнанниковъ* и скитальцевъ, сквозь *всѣ испытанія* безукоризненно пронесшихъ идеи правды и *страха Божія*, и неповинныхъ ни въ какомъ беззаконіи, и *не преклонившихъ* головъ своихъ передъ *тѣмъ игомъ*, которое тѣ другіе теперь сами будутъ *прокли-нать* и хулить, но передъ которымъ они *пресмыкались*, когда оно было въ силѣ, и гнусныя дѣла котораго они творили, теперь же осмѣлятся искать наилучшую вѣру, по плодамъ ея.

Этимъ они докажутъ, что плоды вѣры они видятъ не въ спасеніи духа отъ всякой скверны и *не въ общеніи* съ Богомъ, а во *внѣшнемъ житейскомъ* благосостояніи, въ безопасности, *богатствѣ* и *тому подобномъ*.

Они не будутъ понимать, что своимъ идолопоклонствомъ передъ неправдой и нечестіемъ они отняли у себя право говорить о какой либо вѣрѣ и правдѣ и безвозвратно *заняли* себя передъ Богомъ; а будутъ думать, что Богъ войдетъ въ ихъ положеніе [какъ оно имъ представлялось], что они вынуждены были подчиниться силѣ земной, и не вмѣнить имъ въ непощенный грѣхъ, не заслуживающій милосердія, что они ради сохраненія жизни и ради семействъ своихъ, по слабости человѣческой, не устояли въ правдѣ. Они будутъ надѣяться на милость Божію, и что умиливать Его жертвоприношеніями своими, и забудутъ, что имъ сказано было Христомъ: [М. XIII. 22—23] и что имъ было сказано Маргаритой: „тому, кто на одинъ мигъ признаетъ власть послѣдняго царства, не будетъ прощенія во вѣкъ“.

И вотъ всякій считающій себя христіаниномъ, смотря по исповѣданію, къ какому присоединится, православный прежняго завѣта, и католикъ, и протестантъ, будетъ совершенно оправдывать необходимою и любовью къ семейству свое богоотступничество и богохульство, противорѣчащее каждому изъ исповѣданій сихъ, ибо оно противорѣчитъ самому Евангелію, которое они всѣ признаютъ.

И не приметъ Богъ людей этихъ, неимѣющихъ никакой вѣры въ сердцѣ своемъ и неспособныхъ любить Его, и на вѣру смотрящихъ только какъ на средство устроить порядокъ на землѣ, чтобъ имъ *спокойно было ѣсть* и пить.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ всевозможныхъ разнообразныхъ прежнихъ вѣрѣ и исповѣданій, будетъ объявлена во всѣхъ царствахъ, въ силу общей вѣротерпимости, и свобода новоизраильской вѣры; тѣ изъ изгнанниковъ и скитальцевъ, исповѣдающихъ ее, которые останутся къ тому времени въ живыхъ, будутъ разысканы и приглашены вернуться въ общество, съ обѣщаніемъ для нихъ полной *свободы совѣсти* и дѣйствій.

Но они *съ ужасомъ* посмотрятъ на *бывшихъ* подданныхъ антихриста, теперь говорящихъ съ ними о свободѣ совѣсти, и о возвращеніи ихъ къ вѣрѣ отцовъ ихъ; и не захотятъ они вернуться въ ихъ оскверненное общество, и предпочтутъ окончить дни свои въ добровольномъ изгнаніи.

Не сочтутъ они тогда священными возстановленные по православному образу и обряду храмы, и не сочтутъ дѣйствительными таинства, совершаемыя въ нихъ, и не сочтутъ пастырями Христовыми священниковъ ихъ, бывшихъ подданныхъ антихриста, имѣвшихъ начертаніе его; ибо всѣ такіе, назвавшіеся православными, принадлежали когда-то къ новоизраильской церкви послѣдняго завѣта и отреклись отъ нея, а потому ихъ православіе уже *не будетъ* тѣмъ православіемъ, какимъ было до послѣдняго завѣта, какъ и іудейская вѣра послѣ Христа перестала быть той вѣрой, какой была до Него;

какъ іудейская вѣра послѣ Христа изъ истинной вѣры обратилась *въ худшую* между ересями, такъ и православіе, къ которому возвратятся въ прежнемъ его видѣ, уже однажды принявши послѣдній завѣтъ, изъ истинной вѣры обратится въ *худшую между ересями*.

Къ этому-то времени кажущагося мира и спокойствія на землѣ, и относятся слова Христовы: [М. XIII. 32., Мѣ. XXIV, 37—39. М. XIII 33—37]. *Да не унываютъ* вѣрующіе, которые доживутъ до этихъ временъ, и да не ужасаются, что со смертію ихъ малой, безпомощной горсти, прекратится всякая истинная вѣра на землѣ; пусть помнятъ, что Онъ сказалъ: „се, Я съ вами *во все дни* до скончанія вѣка“, стало быть, если міръ дожилъ до послѣдняго остатка истинно вѣрующихъ, *то близко* пришествіе Его. Вотъ еще Его слова: [М. XIII 28—29]. *Утѣшайтесь* же постоянно этими словами, да не изнываетъ ваше сердце отъ *безумныхъ* предсказаній

окружающихъ васъ людей, что міру *еще долго* стоять, и что все это *были ложныя* тревоги отъ *случайныхъ* земныхъ потрясеній, наведшихъ пустой страхъ.

А васъ, дѣтей моихъ того времени, будетъ весьма мало въ живыхъ; недаромъ же Іисусъ сказалъ: Сынъ человѣчскій когда придетъ, найдетъ ли вѣру на землѣ? Что значать эти слова? Они не значать, что Онъ вовсе не найдетъ вѣры, но они значать, что свѣтильникъ ея, по малому числу имѣющихъ его, едва-едва будетъ мерцать въ непроглядной тѣмѣ остального міра.

Прямо скажу вамъ, дѣти мои: будетъ такъ между вами, что изъ мужской половины рода человѣческаго, въ одномъ изъ вашихъ обществъ, не останется никто до конца; всѣ они перемрутъ отъ разныхъ бѣдствій, *всѣ до одного*, и въ этомъ обществѣ послѣ антихриста, [между всякими вѣрамп, снова пестрѣющими на землѣ, для земныхъ цѣлей] останутся, въ непоколебимой вѣрности и преданности новоизраильской вѣрѣ, для небесныхъ цѣлей, лишь нѣсколько святыхъ страдальцевъ, женщинъ, добровольныхъ жительницъ пустыни. Онѣ останутся тогда, послѣ смерти всѣхъ своихъ пастырей и даже всѣхъ мужчинъ, единовѣрцевъ [изъ которыхъ многіе будутъ принимать отъ умершихъ пастырей рукоположеніе, дабы не пресѣкать священство до послѣдней возможности], онѣ *останутся* безъ всякихъ законныхъ совершителей таинствъ и безъ всякой возможности совершить литургію, не зная, есть ли еще гдѣ на землѣ вѣрующіе, кромѣ нихъ, или нѣтъ. Но онѣ не позволятъ себѣ *прикоснуться* къ таинствамъ не посвященными руками.

Съ упованіемъ будутъ онѣ *смотреть на небо*, вѣруя, что Богъ не оставитъ ихъ въ такомъ безвыходномъ положеніи и не допуститъ ихъ смерти, въ которой имъ нельзя даже будетъ приготовиться принятіемъ святыхъ тайнъ. Самая крайность ихъ бѣдствій докажетъ имъ, что *спасеніе близко*, что *съ часу на часъ* нужно ждать появленія Сына человѣческаго, которое будетъ, какъ молнія, сверкнувшая отъ края до края небесъ. Онѣ будутъ знать, что только Его пришествіе можетъ выручить ихъ изъ ихъ святого затрудненія, и вся душа ихъ *изольется въ молитву* передъ Нимъ, чтобъ Онъ скорѣе пришелъ, ибо уже нѣтъ у нихъ ни таинствъ, ни *священства*, установленныхъ Имъ. Это и будетъ „первымъ

словамъ“ ихъ времени, и какъ всегда Богъ откликнулся на такое слово, такъ и на ихъ слово откликнется.

Вотъ въ чемъ искаженная правда многихъ нынѣшнихъ расколовъ православія: отрицаніе законности священства, *блгство отъ* государственной власти, отъ общества, *пробы-* *ваніе безъ* таинствъ, вотъ въ какое только время все это будетъ возможно и необходимо, а не теперь, какъ внушили имъ ихъ врагъ, чтобы они не узнали знаменій времени.

И вотъ, подъ конецъ, даже въ этой непобѣдимой горсти женщинъ твердость духа пошатнется; одна только, святѣйшая изъ всѣхъ, престарѣлая праведница, всѣми корнями сердца приросшая къ забытой всѣмъ міромъ вѣрѣ, будетъ подкрѣплять подругъ своихъ надеждой и молитвой и не дастъ имъ отречься отъ своихъ преданій.

Видя, что онѣ ослабѣваютъ и поддаются искушенію, такъ что она едва можетъ убѣдить ихъ, она проведетъ всю ночь въ молитвѣ, какая еще не исходила изъ устъ человѣческихъ. Она не сведетъ глазъ съ Бога своего, пока Онъ не услышитъ ее, и само сердце ея, безъ словъ, будетъ взывать къ Нему о помощи.

И на ея призывъ, въ безмолвный ночной часъ, придетъ Христосъ судить живыхъ и мертвыхъ, и съ Нимъ Маргарита, и всѣ святые ангелы.

Какъ по воскресеніи Своемъ Онъ первой явился мученицѣ Магдалинѣ, такъ и во второе пришествіе Его первая увидитъ Его, къ безпредѣльной своей радости, молившаяся женщина, и разбудитъ спасенныхъ ея молитвою подругъ своихъ, а затѣмъ и весь остальной нечестивый міръ проснется въ ужасѣ и отчаяніи.

§ 12. Раньше этого, въ то время какъ будутъ томиться своею безпомощностью послѣднія исповѣдницы истинной вѣры, вотъ что будетъ происходить на небесахъ.

Немедленно послѣ исчезновенія антихриста, и разрушенія столицы и паденія царства его, Іоаннъ говоритъ: [XIX 6—8. 11—21]. Сидящій на бѣломъ конѣ есть сынъ Рафаила-Исуса. Одежда его, обогрѣнная кровью, означаетъ тѣло его, зачатое и родившееся отъ сочетанія Христа съ Маргаритой одною только кровью.

Его война со звѣремъ и воинствомъ его необходима будетъ для того, чтобы помѣшать антихристу, перешедшему

въ невидимый міръ, силою своего духа скрѣплять и сплавивать частицы нынѣшняго міра, такъ чтобъ онъ не разрушился. Побѣдой надъ нимъ и обезоруженіемъ его сынъ Іисуса довершитъ свое дѣло разрушенія. Имя его: Слово Божіе, по наслѣдству отъ Бога-Слова, отца его, и потому, что весь духъ его заключается въ Св. Писаніи, довершенномъ этою послѣднею книгою матери его. Другое его имя, человѣческое, Іаковъ, въ честь родоначальника Израиля, отъ котораго народъ сей получилъ имя свое. Третье же имя его никому, кромѣ его, неизвѣстно.

На головѣ его много діадимъ, оттого что онъ будетъ всемірнымъ царемъ возрожденнаго міра, и преемникомъ царства бѣлаго коня, бывшаго на тепершней землѣ. Царство его будетъ называться по имени этого земного царства, и ему подчинятся всѣ народы. Самъ же Сынъ Божій будетъ отдѣльнымъ, Израильскимъ Царемъ, и только израильскій народъ, достояніе Христово, не будетъ включенъ во всемірное царство сына его, Іакова.

Бѣлый конь, на которомъ будетъ сидѣть Іаковъ во время войны съ антихристомъ, будетъ первымъ животнымъ, сотвореннымъ заново по законамъ природы будущаго міра; душу этого коня сотворитъ Богъ не изъ живыхъ свѣтовыхъ выдѣленій Бога Сына, какъ всю остальную тварь, но исключительно душу его одного изъ живыхъ свѣтовыхъ выдѣленій Іакова, такъ что онъ будетъ составлять часть его собственнаго свѣта; [это будетъ сдѣлано потому, что Іакову нужна будетъ въ борьбѣ съ безплотными нечистыми силами необыкновенная подвижность, способность появляться въ одно мгновеніе одновременно въ безчисленныхъ мѣстахъ безконечнаго пространства, ибо духъ его противника весьма сильный и по происхожденію весьма близкій къ Богу, такъ что вездѣсущность его весьма велика, вездѣсущность же духа самого Іакова еще больше и уступаетъ только безграничной вездѣсущности Божіей, съ которой нѣтъ сравненій, но плоть его человѣческая нѣсколько задержитъ быстроту его духа; потому изъ его собственнаго свѣта и созданъ будетъ конь его, обладающій тѣмъ же свойствомъ быстроты повторенія изъ самого себя, который будетъ поспѣвать за намѣреніемъ Іакова и въ слѣдъ за своимъ собственнымъ тѣломъ уносить и его тѣло, сидящее на немъ; ибо душа животнаго,

не имѣющаго духа, сильнѣе повелѣваетъ тѣлу, чѣмъ духъ и душа человѣческая, а душа коня, созданнаго изъ собственнаго свѣта Іакова, болѣе будетъ притягивать его тѣло въ слѣдъ за своимъ]; [безъ этого средства, духъ Іакова, въ пылу борьбы, могъ бы унестись въ пространство отдѣльно отъ его тѣла и тогда онъ вышелъ бы изъ его тѣла совсѣмъ].

Трупы его противниковъ, поѣденныя птицами, будутъ такими повтореніями тѣлъ ихъ, потерявшими отъ усилія еще повториться духъ и душу свою, а другія повторенія останутся живыми для вѣчныхъ мученій.

Только самъ антихристъ и лжепророкъ его въ трупы нигдѣ не превратятся, ибо Іаковъ не дастъ имъ избѣгнуть казни заживо ни въ одномъ повтореніи тѣлъ ихъ.

§ 13. Послѣ того говорить Іоаннъ: [XX. 1—11]. Тысячу лѣтъ, о которой здѣсь говорится, надо понимать духовно, небесной мѣрой, и помнить, что „у Бога тысяча лѣтъ какъ одинъ день и одинъ день, какъ 1000 лѣтъ“ [2 П. III 8]. Эти тысяча лѣтъ пройдутъ между взятіемъ антихриста съ земли и пришествіемъ Христовымъ и никто не можетъ знать, сколько это времени, но не унывайте, вѣрующіе на землѣ!

Скованный на тысячу лѣтъ, послѣ побѣды Іакова надъ звѣремъ, и ввергнутый потомъ въ озеро огненное есть безплотный духъ антихриста, который не вездѣ нераздѣленъ будетъ со своею плотью, и послѣ перехода послѣдней въ невидимый міръ, а останется по прежнему и въ безплотномъ видѣ.

Новая брань, произошедшая послѣ окончанія тысячи лѣтъ плѣна сатаны и перваго воскресенія, произойдетъ въ невидимомъ мірѣ, но еще на нынѣшней землѣ. Народы, собранные сатаною, это безплотные духи *умершихъ, чувствующихъ* свою близкую гибель въ вѣчности, которые попытаются въ послѣдній разъ побороть Судью своего.

Станъ святыхъ и городъ возлюбленный, которые будутъ окружены ими, это все праведное населеніе земли, Маргарита съ дѣтьми своими;

на обезлюдѣвшей землѣ будутъ два населенія между временами антихриста и Христа: одно изъ людей міра сего, коснѣющихъ въ лицемѣрномъ множествѣ вѣрь, другое изъ оставшейся горсти людей не отъ міра сего, послѣднихъ подвижниковъ, *въ видимой* плоти, и изъ всѣхъ воскресшихъ въ

первое воскресеніе, въ невидимой плоти; послѣдніе также будутъ жить на землѣ, до пришествія Христова, съ Нимъ и съ Маргаритой, окружая послѣднихъ подвижниковъ, невидимо для нихъ.

Огонь съ неба, который пожретъ напавшее на этотъ станъ войско погибшихъ духовъ, пожретъ и всю землю и весь міръ.

Тогда-то и будетъ пришествіе Христово, ибо тѣла людей мгновенно измѣнятся, и они увидятъ Его, тогда какъ раньше Онъ и былъ близко отъ нихъ, но они не могли Его видѣть.

Уничтоженіе земли и всего міра огнемъ будетъ мгновенно, какъ паденіе молніи, ибо все будетъ уже раньше къ тому приготовлено, и пробужденіе людей среди ночи и измѣненіе тѣлъ ихъ будетъ одновременно.

Тогда сказалъ Іоаннъ: [XX 11—15]. Книга жизни раскрытая—это сама Маргарита, стоящая рядомъ съ Христомъ въ этотъ судный день: кто выдѣлится изъ нѣдръ ея въ *младенческомъ* образѣ, у того не соединились лучи съ внѣшнимъ, взрослымъ образомъ его, и тотъ въ ней не пребудетъ, а извергнется изъ нея весь, какъ *мертворожденное* дитя; кто выдѣлится изъ нея въ *той видѣ*, какой имѣетъ внѣ ея, по возрасту духа своего и сольется внѣ ея съ самимъ собою, тотъ пребудетъ въ ней и будетъ рожденъ ею въ воскресшемъ своемъ тѣлѣ, какъ живое, правильно выношенное дитя; первые не имѣютъ жизни вѣчной, вторые имѣютъ ее.

Выдѣленіе изъ нея каждого изъ судимыхъ въ видѣ мертвого или живого произойдетъ уже послѣ суда надъ нимъ.

Судъ же будетъ совершаться по многимъ книгамъ раскрытымъ, и эти книги суть подробныя жизнеописанія каждаго изъ нихъ. Ихъ принесутъ для каждаго человѣка два духа, наблюдавшіе за жизнью его и направлявшіе ее каждый въ свою сторону: *ангелъ-хранитель*, Богомъ посланный ему отъ рожденія, и злой духъ, также отъ *рожденія* посланный къ нему сатаной; эти два духа всю жизнь его боролись за него и вотъ принесли все записанное ими во время этой борьбы; каждый изъ нихъ записывалъ свою побѣду или добровольное слѣдованіе человѣка за однимъ изъ нихъ; чья книга перевѣситъ другую, тотъ и останется при человѣкѣ, и *уведетъ* его въ свой міръ, а другой отступить, какъ побѣжденный.

Люди будутъ *судимы не общей* толпой всѣхъ временъ и мѣстностей міра, а разобранные по отдѣламъ; каждый такой отдѣлъ Христосъ будетъ *судить особо*, присутствуя въ нихъ одновременно во *всѣхъ повтореніяхъ* Своими, и вездѣ *вмѣстѣ съ Маргаритой*; отдѣлы эти будутъ состоять изъ *всѣхъ людей*, знающихъ другъ друга между собою или слыжавшихъ другъ о другѣ, такъ что каждый будетъ *судимъ не* при постороннихъ, неизвѣстныхъ ему лицахъ, *мнѣніе которыхъ* о немъ не можетъ его особенно пристыдить и *которымъ нѣтъ* нужды до него, а при тѣхъ, *присутствіе* которыхъ во время обнаруженія *не только* всѣхъ тайныхъ дѣлъ его, но и всѣхъ *сокровенныхъ* помышлений будетъ ему весьма *чувствительно*.

Сообразно первымъ, надъ которыми окончится судъ, остальные будутъ ожидать и своего приговора и поймутъ, на какихъ основаніяхъ они будутъ судимы въ свою очередь.

При этомъ многіе будутъ дивиться суду: ибо не за то ихъ братья будутъ осуждены при нихъ, что они сочли бы важнѣйшими грѣхами, и не за то оправданы, что они сочли бы важнѣйшими заслугами; судъ Божій не таковъ, какъ человѣческій, и тогда только многіе узнаютъ, какъ мало они понимали Божье сердце.

§ 14. Изъ всѣхъ жившихъ на землѣ только Марія и Иисусъ судимы не будутъ, ибо они одно существо въ двухъ образахъ, Маргарита же будетъ подлежать суду, и она первая будетъ судима во всѣхъ отдѣлахъ, и по ней первой остальные узнаютъ, чего имъ ждатель.

Совершенно осуждена на гибель она быть не можетъ, ибо уже давно произошедшее воскресеніе ея, и возрожденіе въ ней рода человѣческаго, *оправдало ее*, и безъ нея не можетъ устроиться царствіе Христово;

но она можетъ быть осуждена въ повтореніи своемъ, если будетъ доказано что, по грѣхамъ своей второй, [еще не конченной нынѣ] жизни, она искажила образъ свой и не осталась сама собою. Потому, кромѣ ея образа, стоящаго рядомъ съ Христомъ, безусловно спасеннаго, [что и доказано будетъ книгами первой жизни ея], которымъ она будетъ рождала въ себѣ или извергать изъ себя дѣтей своихъ, *будетъ присутствовать* на страшномъ судѣ, *вмѣстѣ со всеми* остальными людьми, и *другой ея* образъ въ повтореніи, и *въ немъ-то* она и будетъ судима.

Борьба за нее во время чтенія книгъ жизни ея будетъ жестока: ибо злымъ духомъ ея былъ самъ глава темнаго міра, никому не довѣрившій искушать ее, ангеломъ же хранителемъ ея былъ Михаилъ архистратигъ, непрестанно отражавшій врага ея, кромѣ того, въ то время какъ Михаилъ былъ занятъ этою оборонительною борьбой, во второй жизни ея охранялъ ее и наблюдалъ за нею и Самъ Сынъ Божій, для котораго она была ангеломъ хранителемъ во время первой жизни своей, когда еще жила и въ безплотномъ мірѣ.

Неизвѣстно теперь, до второй смерти Маргариты, чѣмъ кончится судъ надъ второю жизнью ея; но судъ надъ первою жизнью долженъ кончиться ея побѣдою и оправданіемъ, ибо въ невидимомъ мірѣ она теперь никакимъ повтореніемъ своимъ не лишена радостнаго общенія со Христомъ и всѣмъ небомъ, и вполне воскресла въ жизнь вѣчную;

а всѣ умершіе или воскресшіе раньше послѣдняго суда уже и раньше знаютъ, чего ожидать имъ, по теперешнему состоянію ихъ.

Потому, такъ какъ вторая жизнь ея даетъ послѣднюю возможность хотъ отчасти повредить ее, оторвавъ отъ нея, въ повтореніи ея, изнанку ея свѣтлаго образа, то теперь еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, нападенія на нее сатаны; за то сильнѣе и охрана ея, взятая Самимъ Христомъ на Себя; и вслѣдствіе этого самый ожесточенный споръ будетъ за вторую жизнь ея.

Итакъ, всѣ знающіе, какія книги будутъ о нихъ читать, да остерегутся злого духа своего: коварство его въ томъ, что онъ нечистыя внушенія свои представитъ имъ здѣсь въ видѣ добродѣтелей или самыхъ простительныхъ слабостей, а тогда самъ же будетъ издѣваться надъ ними, что они послушались его, и будетъ показывать предъ ними изнанку [или карикатуру] ихъ образа, которой онъ желалъ добиться; горе имъ, если онъ докажетъ, что сходство ихъ съ этою изнанкой ихъ собственнаго образа дѣйствительно существуетъ, и если, по внѣшнему виду своему, они должны будутъ отойти налѣво отъ Христа, какъ козлы, отдѣленные отъ овецъ; ангелъ же хранитель ихъ не будетъ осуждать ихъ дурныя черты, и будетъ умалчивать о нихъ, но со всѣмъ напряженіемъ духа будетъ отыскивать такія ихъ черты, кото-

рыя возстановили бы ихъ свѣтлый и правильный образъ; горе имъ, если это ему не удастся! Тогда видна станетъ срамота наготы ихъ передъ всѣми знающими ихъ, послѣ того имѣющіе бѣлыя одежды исчезнутъ изъ вида, ихъ, вмѣстѣ со Христомъ, навсегда.

По изверженіи въ бездну всѣхъ осужденныхъ, для сыновъ жизни будетъ созданъ Богомъ новый міръ изъ простѣйшихъ началъ стараго, въ которыхъ также добрыя начала отдѣлятся отъ дурныхъ, и дурныя будутъ извержены. Создается этотъ міръ на ихъ глазахъ, они будутъ смотрѣть, какъ онъ возникнетъ и воздадутъ славу Творцу.

Іоаннъ говоритъ: [XXI, 1—7. 9—12. 21—27] Новый Іерусалимъ, какъ уже сказано, и сама церковь соборная, Маргарита, и новый земной шаръ, который совмѣстится съ нынѣшнимъ небомъ. Описаніе его стѣнъ и воротъ и описаніе основаній стѣны и мѣры ея [которое заключается у Іоанна между 12 и 21 стихами XXI-й главы] иносказательное; оно относится, въ плотскомъ смыслѣ, къ вещественному составу и устройству будущей земли, а въ духовномъ смыслѣ къ отвлеченному составу и устройству сложной, соборной души Маргариты.

Еще говоритъ Іоаннъ: [XXII 1—2) Рѣка воды жизни, это соединительные лучи каждаго съ его образомъ въ Маргаритѣ, о чемъ сказалъ Іисусъ: кто вѣруетъ въ Меня, у того изъ чрева потекутъ рѣки воды живой. Дерево жизни по ту и по другую сторону рѣки, т. е. дважды повторенное, и дающее 12 разъ плодъ свой, это Христосъ и Маргарита, родившіе по соединеніи ихъ плоти двѣнадцать дѣтей, въ идеяхъ духа которыхъ заключаются всѣ идеи воскресшихъ дѣтей ихъ [кромѣ филадельфійской церкви], а эти двѣнадцать сложныхъ идей въ свою очередь заключаются въ шести идеяхъ предвѣчныхъ ангеловъ-малютокъ, по двѣ въ каждомъ.

Филадельфійская же церковь, принадлежащая къ отдѣльной душѣ ихъ матери, за исключеніемъ простѣйшаго зерна личной недѣлимой души заключается внѣ плоти въ идеяхъ четырехъ безплотныхъ сыновей ея четнаго духа, и ихъ женъ, а во плоти въ идеѣ ея сына Іакова и его жены.

Листья дерева жизни, служащіе для исцѣленія народовъ, это сочетаніе Христа и Маргариты частицами ихъ

тѣлѣ, замѣняемое въ нынѣшнемъ мірѣ для исцѣленія души и тѣла всѣхъ дѣтей ихъ причастіемъ тѣла и крови Христовой.

Потому семейный очагъ ихъ, нераздѣльно принадлежа всему воскресшему и спасенному человѣчеству, вмѣстѣ съ ихъ прямыми дѣтьми, четырнадцатью безплотными и четырнадцатью воплощенными, будетъ такимъ же алтаремъ, на какомъ теперь совершается таинство Евхаристіи, и такъ же блаженное соединеніе всей церкви, общины и жены, съ главой своимъ, будетъ *совершаться* въ извѣстное время; въ благоговѣйномъ присутствіи *всей* церкви-общины въ виду алтаря,—но внѣ его,—внутри же его будутъ только, кромѣ Христа и Маргариты, Отецъ и Дочь.

Таковыми же алтарями семейства, только въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшимъ значеніемъ, сдѣлаются и всѣ очаги, имѣющіе средоточіемъ чету духовную; вокругъ *нихъ соберутся* всѣ, бывшіе связанными съ ними какимъ-либо родствомъ крови на землѣ, и потому обрученные съ ними духомъ, а всѣ вмѣстѣ эти семьи войдутъ въ одну великую семью Христову и будутъ собираться у общаго алтаря Его для обновленія своей жизни.

Тогда сбудется предсказанное Исаіей пророкомъ и относящееся и къ самой Маргаритѣ, церкви-матери, и къ древней истинной церкви іудейской, и къ истинной церкви православно-христіанской, и къ послѣдней истинной церкви вселенской, новоизраильской: [гл. 49-я 13—26] И еще сказалъ Исаія о церкви-женѣ и о церкви-общинѣ: [гл. 54-я] И еще сказалъ о томъ же Осія: [гл. 2-я].

Это сказано о томъ, что какъ грѣшила въ началѣ земной жизни своей Маргарита, церковь-мать, а послѣ была помилована, такъ грѣшили подъ конецъ своей земной жизни и всѣ три истинныя церкви-общины, но были помилованы впослѣдствіи, іудейская обращеніемъ къ Христу въ послѣднемъ завѣтѣ, православная появленіемъ послѣдняго завѣта изъ нѣдръ ея, а новоизраильская большинствомъ своимъ подъ конецъ отпавшая, въ лицѣ обратившагося къ Богу остатка своего, изгнанниковъ и бѣглецовъ праведныхъ.

И еще сказалъ о томъ же Давидъ: [Псал. 44]. И будетъ тогда во всей природѣ, о чемъ говоритъ Исаія: [гл. XI 6—9]. Іоаннъ же такъ кончаетъ пророчества свои: [XXII 16—20].

Отниметъ отъ словъ пророчества его' всякій, кто не повѣритъ объясненію ихъ нынѣ посылаемому Богомъ черезъ Маргариту. *Примать* же къ нимъ никто ничего не начнетъ до временъ антихриста, который весьма искусно будетъ толковать пророчества Іоанна въ свою пользу, и соблазнить этимъ всякаго, хоть нѣсколько склоннаго забыть слова Христовы: „кто сбережетъ *душу* свою въ мірѣ семъ, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ ее, тотъ сбережетъ ее“.

§ 15. Тремя завѣтами и откровеніями Своими Богъ поступилъ съ міромъ такъ, какъ заповѣдалъ каждому чело-вѣку поступать съ братомъ своимъ: [XVIII. 15—17]. Въ Ветхомъ Завѣтѣ говоритъ съ міромъ *только Отецъ*, наединѣ съ собою; въ Новомъ Завѣтѣ Онъ взялъ въ свидѣтели образы другихъ двухъ душъ Своихъ, Сына Своего, и, тайно отъ міра, Дочь Свою во плоти, а внѣ плоти Ее же явно, при сошествіи Св. Духа; въ Третьемъ Завѣтѣ Онъ послалъ въ міръ Свою церковь олицетворенную, живую. Когда ее преслушаетъ міръ, то *будетъ для Бога какъ язычникъ* и мытарь. Міръ простоитъ, пока соблюдетъ слова церкви, съ послушаніемъ же ея, и отпаденіемъ отъ вѣры, посланной черезъ Маргариту, начнутся для него его предсмертные годы, съ ужасными бѣдствіями, послѣ которыхъ онъ распадется.

§ 16. Въ Ветхомъ Завѣтѣ земная церковь была народомъ, происходившимъ отъ Бога, какъ отъ корня своего, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ челоувѣчествомъ и со всѣми ангелами. Въ Новомъ Завѣтѣ земная церковь *стала семействомъ*, составившимся изъ родныхъ братьевъ и сестеръ, по тайному возрожденію отъ Христа.

Въ Третьемъ Завѣтѣ на землѣ появилась *церковь-личность*, до того не бывавшая на землѣ, ибо въ первой жизни она, по предвѣчному духу своему, была только родоначальницей всѣхъ людей, но не матерью всѣхъ крещеныхъ, чѣмъ сдѣлалась послѣ воскресенія своего, въ день сошествія Св. Духа.

§ 17. Сообразно этому значенію церкви-народа, церкви-семейства и церкви-личности, и сообразно постепенному развитію догматовъ въ каждомъ Завѣтѣ, каждый Завѣтъ принесъ съ собою и свою *особенную* заповѣдь. Въ Ветхомъ Завѣтѣ было сказано: „*возлюби* Бога твоего всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, всею крѣпостію твоею,

всею душою своею и ближняго своего какъ самого себя“. Это значило, что любя больше всего само дерево, Бога, надо любить одинаково и всѣ вѣтви, отъ Него произошедшія, какъ себя самого, такъ и другія вѣтви человѣчества.

Въ Новомъ Завѣтѣ Христосъ сказалъ: „заповѣдь новую даю вамъ, любите другъ друга такъ, какъ Я возлюбилъ васъ“. Это значило, что ставши черезъ Него одной родной семьей, по крещенію, ученики Его должны любить другъ друга какъ члены родной семьи, какъ родные братья и сестры, подобно тому, какъ Онъ любитъ въ нихъ новорожденныхъ дѣтей своихъ. Теперь, въ третьемъ Завѣтѣ, ужъ говорить отъ своего лица Церковь Маргарита: Я заповѣдаю вамъ, дѣти мои, *любите Самого Христа такъ, какъ Онъ возлюбилъ васъ, и пусть вы любите Его такъ, какъ никто кромѣ васъ Его любить не можетъ*. Это значить, что вы должны любить Его больше, чѣмъ ангелы на небесахъ, ибо Онъ не за ангеловъ положилъ душу Свою и пролилъ кровь Свою, а за васъ, и не ангелы стали, вмѣсто потомковъ, родными дѣтьми Его, а вы.

Повторите же молитву матери вашей, которая молилась, чтобъ ей любить Его больше, чѣмъ кто другой Его можетъ любить; такъ и вы старайтесь доказать Ему больше любви, чѣмъ кто другой, кромѣ васъ, докажетъ, и молитесь объ этомъ.

§ 18. Какъ будетъ мыслить, и чувствовать, и жить, и поступать тотъ, кто любитъ Христа такъ, какъ Христосъ его? Прежде всего будетъ ли онъ чуждаться смерти, какъ чего-то бѣдственнаго и страшнаго, и всѣми силами молить Бога о продленіи земной жизни своей? Будетъ ли онъ видѣть въ долгоденствіи на землѣ одно изъ условій своего спасенія? Такъ думаютъ и дѣлаютъ теперь всѣ, называющіе себя христіанами; смерть считаютъ худшимъ изъ несчастій для себя и своихъ ближнихъ, и не только смерть несвоевременную, когда человѣкъ видимо не готовъ еще къ вѣчности или не исполнилъ еще своего назначенія на землѣ, но вообще всякую, а долгоденствіе считаютъ первымъ благомъ и желали бы чтобъ оно конца не имѣло на этой землѣ, и все это дѣлаютъ, не видя въ этомъ ничего противнаго любви къ Христу и Богу, и къ Нему возсылаютъ молитвы объ этомъ, въ то же время увѣряя Его въ своей любви. Но

есть ли въ нихъ любовь къ Нему: знаютъ они, что на этой землѣ никогда не увидятъ Христа, и такъ боятся покинуть ее; знаютъ, что смерть есть путь въ тотъ міръ, гдѣ живетъ Христосъ, и средство къ соединенію съ Нимъ, и такъ отчаянно просятъ отсрочки своей смерти, хоть на годъ, хоть на день, хоть на часъ, и ужъ если наконецъ покоряются ей, то какъ неизбежному злу, какъ карѣ Божьей, а не съ радостнымъ предчувствіемъ, что увидятъ любимое существо; есть ли въ нихъ любовь, когда они больше всего боятся свиданія съ Тѣмъ, Кого любятъ, и больше всего желаютъ нескончаемой разлуки съ Нимъ?

Маргарита томится каждымъ днемъ, каждымъ часомъ своей жизни на землѣ и жизнь свою несетъ какъ тяжкій крестъ изъ послушанія къ Богу; но ни на одну минуту она не желала бы продлить ее долѣе, чѣмъ нужно, чтобъ быть готовой къ смерти; смерть для нея—вѣнецъ ея земныхъ желаній, лучезарный день, когда кончится ея изгнаніе и ея разлука съ Богомъ; ничто такъ не утѣшаетъ ее, какъ слова Христовы: „когда же созрѣетъ плодъ [царствія небеснаго въ душѣ человѣка], немедленно посылается серпъ, потому что настала жатва“. Апостоль Павелъ думалъ и чувствовалъ нѣчто подобное и въ слѣдующихъ словахъ выразилъ настроеніе многихъ братьевъ своихъ: [Кѡ. V 1—9]. А о себѣ самомъ онъ сказалъ [и многіе такъ говорятъ] [Филип. 1. 21—24].

Не всякій можетъ испытывать такую тоску по смерти, какъ Маргарита, но всякій долженъ дойти до того, какъ чувствовалъ Павелъ, иначе пусть не говоритъ, что любитъ Христа, ибо онъ лжетъ. Если смерть его внушаетъ ему не радость близкаго свиданія съ Тѣмъ, Кого онъ любитъ, а боязнь и тоску по земной жизни,—пусть онъ не думаетъ, что онъ любитъ Христа, иначе онъ имѣлъ бы желаніе „разрѣшиться и быть съ Нимъ“ какъ Павелъ.

И такіе-то люди, больше всего привязанные къ земной жизни, когда она удастся имъ,—самовольно покидаютъ ее, когда ихъ постигаютъ скорби, по ихъ мнѣнію безысходныя; самоубійцы не тѣ, которые вздыхаютъ о разлукѣ съ Богомъ, а тѣ, которые не разстались бы съ жизнью, еслибъ все шло по ихъ желанію.

Другіе укоряютъ ихъ малодушіемъ, но тоже не изъ по-

слушанія волѣ Божіей, а потому что считаютъ смерть худшею изъ скорбей, и всякую жизнь предпочитаютъ смерти, называя это терпѣніемъ и твердостью.

Истинно терпѣливые и твердые люди, истинные христіане, *одинаково* и въ благоденствіи, *какъ въ скорби*, желаютъ своей скорѣйшей смерти, потому что они не любятъ жизни, а любятъ Христа, но зато никогда не избавятъ себя самоубійствомъ отъ посылаемыхъ скорбей, потому что они ревнивы къ исполненію воли Божіей и жаждутъ доказать свою любовь къ Христу терпѣніемъ.

Если кто жалѣетъ оставить на землѣ отца или мать, или сына или дочь и потому, ради ихъ, боится смерти, и говорить при этомъ, что любить Христа, пусть не лжетъ; ибо Христосъ сказалъ: „любящій отца или мать болѣе Меня, недостойнъ Меня; и любящій сына или дочь болѣе Меня, недостойнъ Меня“. Еще Онъ сказалъ: „Если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и притомъ и *самой жизни* своей, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ“.

И что Онъ говорилъ, то Онъ и Самъ дѣлалъ: когда пришли къ Нему сказать, что мать и братья Его ждутъ Его, Онъ сказалъ, указывая рукою на учениковъ Своихъ: „Кто мать Моя и братья Мои? Вотъ Моя мать, и Мои братья и сестры, ибо кто исполняетъ волю Отца Моего, тотъ Мнѣ и мать, и сестра и братъ“.

Итакъ, если кто больше жалѣетъ о разлукѣ съ семьей своей, чѣмъ радуется о свиданіи съ Христомъ, тотъ не любитъ Его такъ, какъ Христосъ его любить. Это относится не къ однимъ временамъ мученичества, когда всякій христіанинъ кровью своею долженъ былъ быть готовъ запечатлѣть свою вѣру, но ко всѣмъ временамъ, ибо Христосъ сказалъ обо всякомъ ученикѣ своемъ, что если не возненавидитъ жизни своей, не можетъ быть Его ученикомъ. И привязанность къ жизни, и нежеланіе смерти во всякомъ есть первый признакъ нелюбви къ Христу.

Стыдно христіанину любить жизнь свою!

§ 19. Какъ еще будетъ мыслить и чувствовать, жить и поступать любящій Христа, какъ Христосъ его? Будетъ ли онъ сберегать запасъ имущества, какъ говорится *на черный день*? будетъ ли онъ *улучшать бытъ* свой и своего семей-

ства, т. е. увеличивать свои средства и вмѣстѣ съ ними *свои* потребности и прихоти? Будетъ ли считать *богатство* вторымъ величайшимъ благомъ на землѣ, послѣ долгоденствія? Будетъ ли стремиться къ богатству, а если не къ богатству, то къ достатку, а если не къ достатку, то къ меньшей бѣдности, какъ къ непремѣнному условію своего счастья?

Такъ думаютъ и дѣлаютъ всѣ называющіе себя христіанами, и многіе бѣдности боятся еще больше, чѣмъ смерти, а *богатства* желаютъ еще сильнѣе, чѣмъ жизни, и не считаютъ это противнымъ любви къ Богу и къ Христу; напротивъ, къ Нему возсылаютъ объ этомъ молитвы, въ то же время увѣряя Его въ своей любви.

Какое ослѣпление! По сужденію міра, *бережливость* есть добродѣтель, ибо избавляетъ государство отъ обремененія лишними нищими и охраняетъ народное достояніе и потому міръ находитъ, что бережливость лучше расточительности для пользы государства.

По сужденію міра, *предпріимчивость* для увеличенія богатства есть тоже добродѣтель, ибо даетъ работу бѣднымъ, извлекаетъ природныя сокровища изъ земли и увеличиваетъ общую сумму благъ земныхъ въ государствахъ; и потому міръ находитъ, что для пользы государства предпріимчивость лучше праздности, и лучше, чтобы богатства были пущены въ оборотъ, чѣмъ чтобы лежали безъ прибыли.

Но истинно вредна государству только себялюбивая расточительность и только себялюбивая праздность, безъ всякой цѣли охраняющая свои золотые мѣшки. Ученіе же Христово, хотя прямо идетъ въ разрѣзъ и съ бережливостью, и съ предпріимчивостью ради богатства, но кто исполнить его, тотъ принесетъ не только самому себѣ, но и государству неизмѣримо большую пользу, чѣмъ *какой бы ни было* сберегатель богатствъ или предприниматель промысловъ.

Возможно ли уничтожить на землѣ нищету со всѣми ужасами ея крайнихъ степеней? Мы видѣли до сихъ поръ, что не къ тому шелъ міръ, чтобы уничтожилась нищета, а напротивъ, чѣмъ *больше устѣха* съ теченіемъ временъ дѣлала промышленность, чѣмъ *изобрѣтательнѣе* становилась роскошь, чѣмъ *изоощреннѣе* удобства жизни, чѣмъ *многочисленнѣе*, *сложнѣе* и *прихотливѣе* потребности человѣка, тѣмъ все сильнѣе свирѣпствовала и нищета.

Противъ нея до сихъ поръ не найдено средства, и едва ли будетъ найдено, потому что едва ли такое средство существуетъ.

Быть можетъ нищета, какъ и смерть, прекратится въ мірѣ только вмѣстѣ съ самимъ міромъ, ибо въ мірѣ царствуетъ не законъ союза, а законъ *борьбы*. Нищета, какъ и смерть, родилась въ тотъ день, когда, вслѣдствіе грѣха Адама, *животныя стали* пожирать другъ друга, вмѣсто того, чтобъ питаться „зеленюю травною“, и когда *земля произрастила* человѣку *волны и терніе*, такъ что онъ въ потѣ лица сталъ добывать изъ нея хлѣбъ свой.

Успѣхи дѣлало человѣчество до сихъ поръ въ наукѣ и въ изобрѣтеніяхъ, и во всякомъ трудѣ и во всякомъ умѣньѣ, но не сдѣлало еще успѣховъ въ томъ, чтобъ избавляться отъ нищеты, а напротивъ нищета нынѣшнихъ временъ можетъ быть ужаснѣе для большинства, по крайней мѣрѣ, нищеты временъ древнихъ, а тѣмъ болѣе первобытныхъ, патріархальныхъ. И впереди предвидится, что она будетъ еще ужаснѣе, чѣмъ нынѣ.

Но хотя бы нищету искоренили — не законы и учрежденія общественныя, ибо это самообольщеніе, а наука, сдѣлавъ доступными каждому всѣ необходимыя для тѣла вещества, — то и тогда еще успѣхи человѣчества не могутъ усовершенствовать его земного счастья, и безуменъ тотъ, кто ждетъ успѣха или прогресса въ смыслѣ полного общаго счастья на землѣ. Міръ несется все съ большею быстротою къ распаденію, а они ждутъ отъ него добра!

Они не могутъ побѣдить *смерть*, а думаютъ *побѣдить* страданія, не зная того, что смерть и страданія текутъ изъ одного источника, — изъ появленія въ мірѣ заразы зла.

Еслибъ было возможно всѣмъ людямъ въ мірѣ пользоваться всѣми необходимыми благами и всѣми внѣшними удовольствіями такъ же свободно, какъ они получаютъ дары Отца Небеснаго, — солнечный свѣтъ и воздухъ, конечно, подчиняясь только установленному съ Адама закону труда, и трудъ былъ бы доступенъ безусловно каждому, а немощнымъ все давалось бы даромъ, — то и тогда еще до счастья и мира было бы далеко. Не видимъ ли мы, что одинъ царствуетъ надъ скопленіемъ благъ земныхъ, достаточныхъ для прокормленія цѣлаго города, — другой же умираетъ отъ не-

достатка пищи? Но если бы устроить и такъ, что несмотря на всѣ захваты богатыхъ, всѣ бѣдные были бы сыты, по дешевизнѣ пищи и доступности добыванія ея,—то и тогда еще, поистинѣ, страданія не прекратились бы. Есть страданія и помимо нищеты—болѣзни и всевозможныя скорби. Но кромѣ того, не прекратились бы даже страданія отъ лишений, какъ и при нищетѣ. Потребности человѣка безконечны, какъ духъ его, и когда онѣ не обращены къ небесному, гдѣ могутъ быть удовлетворены обладаніемъ Бога живого и безконечнаго, а къ земному, [гдѣ ихъ нечѣмъ удовлетворить], то онѣ никогда удовлетворены и не будутъ.

Можно ли конечнымъ и ограниченнымъ наполнить безконечное? Если бы всѣ блага міра собрать и понемногу надѣлять ими одного человѣка, то *запасъ ихъ* истощился бы *раньше*, чѣмъ его требованія, и получивши все до остатка, онъ бы еще жаловался, что ему многого недостаетъ; если всего міра мало, чтобъ насытить одного, какъ же его можетъ быть довольно, чтобъ насытить всѣхъ?

Понятіе о бѣдности, достаткѣ и богатствѣ относительны. *Не для всякаго* бѣдность есть то же самое, что для другого; кто привыкъ къ грубой пищѣ и одеждѣ, къ тѣсному жилью и простой жизни чернорабочаго, тотъ будетъ избавленъ отъ всякихъ чувствительныхъ страданій гораздо меньшимъ, чѣмъ тотъ, кто ослабленъ сложною жизнью, приученъ къ изнѣженной пищѣ и просторному жилью, а по общественнымъ условіямъ нуждается въ дорогой одеждѣ; послѣдній будетъ еще сильнѣе страдать, когда уже удовлетворенъ будетъ первый.

Это все *цѣпи, налагаемыя* міромъ на рабовъ его.

Мало того: кромѣ истинныхъ нуждъ, дѣйствительно не одинаковыхъ для каждаго, есть еще совсѣмъ искусственныя нужды,—нужды *всевозможныхъ* общественныхъ приличій и обязательствъ, нужды изощреннаго и избалованнаго ума, требующаго развлеченій и занятій, *нужды* изнѣженнаго здоровья, наконецъ ничѣмъ неограниченныя *нужды тщеславія*, честолюбія, властолюбія и всякихъ другихъ страстей. Для уменьшенія только одной *человѣка* *нечеловѣка* скуки человѣка и для оживленія его духа никакихъ сокровищъ не достанетъ.

Какъ ни скромны и ни ограничены сперва желанія че-

Человѣка, онъ будетъ доволенъ только сначала, когда получить, чего желалъ; потомъ, незамѣтно для него расширятся и его потребности, измѣнится образъ жизни, и ему ужъ будетъ этого мало; оттого, въ то время какъ бѣдные завидуютъ богатымъ, часто живущимъ богато, но которымъ не хватаетъ средствъ на ихъ установленный образъ жизни и которые не знаютъ, гдѣ ихъ взять, завидуютъ беззаботности и простотѣ жизни бѣдныхъ. Наконецъ, и отъ болѣзней тѣла и всякихъ скорбей духа не прекратятся стоны въ мірѣ.

Человѣкъ можетъ быть удовлетворенъ только однимъ: обладаніемъ Бога живого и безконечнаго, когда онъ пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ, и когда въ немъ поселится царствіе небесное. Оттого царствіе небесное и подобно купцу, ищущему хорошихъ жемчужинъ, который, найдя одну драгоценную жемчужину, продалъ все что имѣлъ и пошелъ, купилъ ее. Тогда уже всѣ другія потребности человѣка дѣлаются весьма ограничены, и даже независимо отъ привычекъ и воспитанія, онъ почти не чувствуетъ ихъ.

Оттого и борятся люди непрестанно за блага земныя, чтобъ каждому побольше захватить ихъ въ однѣ свои руки. Борьба за богатство глубоко лежитъ въ духѣ человѣческомъ, и только царствіе небесное, гдѣ уже нѣтъ борьбы, но безконечное счастье для всѣхъ, избавляетъ отъ нея; царствіе же небесное „не придетъ примѣтнымъ образомъ“, сказалъ Христосъ, „оно внутри насъ“. А нищета неизбежное слѣдствіе борьбы за богатство. Всякое ученіе, обѣщающее искоренить нищету средствомъ какого-нибудь общественнаго устройства—есть обманъ невидимыхъ враговъ, обольщающихъ человѣка, чтобы онъ бросился въ погоню за этимъ призракомъ и забылъ искать царствія небеснаго.

И всякое ученіе, обѣщающее искоренить вообще всѣ страданія на землѣ, есть обманъ, „иное благовѣствованіе“, противъ котораго остерегалъ Апостолъ: „если бы даже мы, или Ангелъ съ неба благовѣствовалъ вамъ не то, что вы приняли, анаѰема да будетъ“. Обѣщать общее довольство всѣхъ людей, все равно, что обѣщать безсмертіе въ нынѣшнемъ тѣлѣ, раньше кончины міра, переустройства его и воскресенія мертвыхъ.

Запомните это, дѣти мои, страданія будутъ въ мірѣ, пока смерть въ немъ будетъ, а смерть будетъ, пока міръ стоитъ,

хотя бы вамъ обѣщали безсмертіе нынѣшней плоти [которое впрочемъ не утѣшитъ васъ въ разлукѣ съ умершими].

Итакъ, въ мірѣ, гдѣ неизбѣжны, пока онъ стоитъ, тѣ или другія страданія, какъ будетъ думать и чувствовать, жить и поступать съ ближними любящій Христа? И именно какъ будетъ онъ поступать относительно своего достатка, видя нищету вокругъ себя?

Еслибы онъ зналъ, что страданія нищихъ братьевъ его отъ него зависятъ прекратить, онъ желалъ бы какъ для нихъ, такъ и для себя всякаго улучшенія быта, какое только возможно, однако не до подчиненія духа плоти. Но зная, что противъ нищеты учрежденія безсильны [по самой природѣ духа человѣческаго], а наука ни до какихъ мѣръ еще не дошла, какъ будетъ онъ поступать, если любить Христа, какъ Христосъ его любить, и если хочетъ исполнить Его слово: любите другъ друга, какъ Я васъ возлюбилъ?

Вспомнимъ, какъ думалъ и чувствовалъ Самъ Христосъ, ибо Онъ заповѣдалъ подражать Ему. Онъ сказалъ, что на страшномъ судѣ Онъ обратится къ стоящимъ по правую сторону: [Мѣ. XXV 34—41]. Въ земной жизни Своей Онъ не имѣлъ, гдѣ преклонить голову, и прибѣгъ къ чудотворному способу, чтобъ отдать требуемый съ Него на храмъ статиръ. И вотъ, называющіе себя христіанами, безпечно пользуются всѣми благами міра и ни о чемъ такъ не думаютъ, какъ объ увеличеніи своей доли въ нихъ, въ то время какъ *Христосъ жаждетъ и голодаетъ, и нагъ, и босъ, и заключенъ въ темницу, и боленъ, и странствуетъ, вмѣстѣ со страждущими братьями ихъ!*

И въ это же время, молясь Ему о земномъ своемъ благополучіи, увѣряютъ, что любятъ Его. Но есть ли въ нихъ любовь, когда, зная, что любимое существо страдаетъ, они не идутъ отдать ему все свое имущество, чтобъ уменьшить Его страданія, а если и всего имущества не хватитъ, то раздѣлить съ Нимъ страданія Его; есть ли любовь, когда могутъ *спокойно сидѣть* за сытымъ столомъ, зная, что Тотъ, Кого любятъ, терпитъ голодъ; могутъ веселиться, зная, что Онъ боленъ и въ тюрьмѣ: могутъ нѣжиться въ жилищахъ, зная, что Онъ странствуетъ безъ крова!

Не такъ поступали истинные друзья Его. Имъ не доставлялъ удовольствія сытный кусокъ, когда стоны алчу-

щаго Христа раздавались въ мірѣ; ихъ не грѣло жилище и не сносили они воздуха его, глядя на непогоду, постигающую Христа-скитальца; никакое веселье не шло имъ на умъ, при мысли о тюрьмѣ Христовой и о болѣзняхъ Его. Они бѣжали изъ своихъ жилищъ, отдавая нищимъ братьямъ все имущество, когда оно у нихъ было, шли въ пустыни и пещеры, и *проводили жизнь* безъ крова, почти безъ пищи и безъ одежды, радуясь однимъ только общеніемъ съ Христомъ и сознаніемъ, что они Его любятъ и доказываютъ Ему это на дѣлѣ, и что Онъ знаетъ, что они Его любятъ. Этой одной мысли было довольно, чтобъ они блаженствовали, какъ не могли бы блаженствовать ни въ какомъ богатствѣ.

Не всякій можетъ добровольно подвергнуться такимъ лишеніямъ въ самомъ необходимомъ, какъ они, и перенести эти лишенія, равно какъ не всякій можетъ вмѣстить слово о безбрачїи, но всякій долженъ дойти до того, чтобъ умѣть жить какъ бѣдняки живутъ.

Кто и до этого дойти не хочетъ, пусть не говоритъ, что любить Христа, ибо онъ лжетъ. *Сердце Христово* не тамъ, гдѣ пышныя пиршества или хотя бы обильный достатокъ и изнѣженная жизнь; *оно тамъ, гдѣ нужда.*

Кто хочетъ обратить къ себѣ сердце Христово и назваться другомъ Христа, пусть идетъ въ среду друзей Его, туда, куда обращено Его сердце. Объ этомъ и сказали Онъ: „кто хочетъ за Мною идти, пусть отвергнется себя, и возметъ крестъ свой и идетъ за Мною. Кто не беретъ креста своего и не идетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ“. Это сказано о всякомъ ученикѣ, т. е. о всякомъ христіанинѣ, а не объ исключительныхъ подвижникахъ.

Кто любитъ Христа, долженъ *дѣлать обратное* тому, что дѣлается въ мірѣ, и долженъ *отложить* всякую мудрость мірскую. Въ мірѣ царитъ правило *самосохраненія*; правиломъ христіанина должно быть, наоборотъ, *самоотверженіе*. Въ мірѣ всякій, отъ нищаго до перваго богача, желаетъ большаго богатства всевозможныхъ степеней; христіанинъ точно также долженъ *желать всевозможныхъ степеней* большей бѣдности; если онъ очень богатъ, онъ долженъ сдѣлаться меньше богатымъ, но на этомъ не остановиться: какъ не останавливаются люди міра сего на томъ, что уже приобрѣли, а

желаютъ большаго, такъ другъ Христа не долженъ останавливаться на томъ, что уже приобрѣлъ въ царствіи небесномъ, а долженъ желать большаго, или желанія духа его будутъ безконечны для богатства, но ограничены для Христа?

Итакъ, сдѣлавшись менѣе богатымъ, онъ долженъ сдѣлаться просто достаточнымъ; почувствовавъ, что онъ при этомъ не столько теряетъ радостей земныхъ, сколько приобретаетъ небесныхъ, онъ долженъ сдѣлаться бѣднымъ, и такъ все далѣе и далѣе, бѣдность должна *тянуть и прельщать* его, такъ какъ другихъ тянетъ и прельщаетъ богатство, пока онъ не дойдетъ до крайнихъ степеней бѣдности, какія только можетъ вынести духъ его.

Почемъ онъ знаетъ, на чемъ онъ остановится? *Почемъ онъ знаетъ*, что разъ вступивъ на этотъ путь, онъ не способенъ даже на *святые* подвиги крайнихъ лишеній въ необходимомъ?

Многіе стремятся къ богатству, ничѣмъ не довольные, только потому, что не туда направили безконечность духа своего, куда слѣдовало, а между тѣмъ въ нихъ скрытъ духъ подвижника и святого. Человѣкъ можетъ испытать и узнать способности духа своего, только если упражняетъ ихъ, а не тогда, когда даетъ имъ *глохнуть безмысленно* твердя: „вѣдь *то были святыя, а не мы грѣшныя*“. И святыя были такіе же люди и могли бы сдѣлаться такими же грѣшными, и еще грѣшнѣе, еслибъ захотѣли, и еслибъ не захотѣли, никогда святыми бы не сдѣлались.

Кто не начнетъ стремиться къ бѣдности такъ же неутомимо, какъ міръ къ богатству, пусть не думаетъ, что любить Христа, иначе онъ не утерпѣлъ бы, чтобъ не пойти за Нимъ и не взять на себя крестъ его; и кто при постепенной добровольной бѣдности, *не помощенъ* все большимъ и большимъ блаженствомъ отъ мысли, что онъ идетъ за Христомъ и несетъ крестъ Его, и что *Христосъ это видитъ* и назоветъ его другомъ Своимъ; и въ комъ *каждая* новая достигнутая степень бѣдности Христа ради *не возбуждаетъ* жажды большаго, и большей ревности, и *не манитъ* дальше къ *неиспытаннымъ еще радостямъ* сердца, тотъ пусть не думаетъ, что *онъ любитъ Христа*. А кто боится насмѣшекъ и мнѣнія міра и стыдится оставить привычки и знакомства

свой, и образъ жизни свой, и одежду своего прежняго состоянія для болѣе бѣдной одежды, кто краснѣетъ отъ нарушенія приличій міра, и потому не идетъ за Христомъ, и при этомъ говорить, что любить Христа, пусть не лжетъ; ибо сказалъ Христосъ: „Кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ вѣкъ семь прелюбодѣйномъ и грѣшномъ, и отречется отъ Меня, отъ того и Я отрекусь передъ Отцомъ Моимъ и Ангелами Его. А кто исповѣдаетъ Меня передъ людьми, того и Я исповѣдаю передъ Отцомъ Моимъ и Его Ангелами“. Кто желаетъ богатства себѣ и не можетъ отказаться отъ него, тотъ не любитъ Христа, какъ Христосъ его любитъ. Стыдно христіанину любить богатство!

§ 20. Если хоть сколько-нибудь исполнить ученіе Христово, то не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ сбереженіяхъ на черный день и ни о какой предприимчивости для увеличенія богатства. Какія могутъ быть сбереженія, когда Христосъ сказалъ: „кто попроситъ у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“, и „просящему у тебя дай и желающаго занять у тебя не убѣгай“, и „если вы займы дадите тѣмъ, отъ кого надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ займы грѣшнику, чтобъ получить обратно столько же. Вы же займы давайте, не ожидая ничего, и будете сынами Всевышняго“. Если это исполнить какъ Христосъ сказалъ: „кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое, а нежелающій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ“, [I. XIV] тогда нельзя сдѣлать сбереженій, ибо просящіе и желающіе занять всегда найдутся.

Сбереженія даже прямо запрещены ученіемъ Христовымъ, такъ какъ Онъ зналъ, что иначе, какъ отказавшись отъ нихъ, нельзя исполнить словъ Его: [Л. XII 22—34] [Мѣ. VI. 34] Къ тому же у христіанина не можетъ быть *чернаго дня*: святые жили бѣднѣ всякаго бѣднаго въ какой бы ни было черный день, а всѣ ихъ дни были прекрасны и свѣтлы.

Не болѣе сбереженій дозволена христіанамъ и забота объ увеличеніи богатства, ибо Учитель сказалъ: „не можете служить Богу и богатству“, и когда звалъ за Собою богатаго юношу и совѣтовалъ ему избавиться отъ имѣнія его, то сказалъ: „легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное“.

Наслажденіе богатствомъ несовмѣстимо съ любовью къ Христу, голодающему, жаждущему, нагому, безпріютному, больному, заключенному, вмѣстѣ съ меньшими братьями Его, но если бы кто для пользы страждущихъ братьевъ вздумалъ увеличивать свои богатства, чтобъ помогать большему числу ихъ, и не раздалъ бы ихъ сразу, чтобъ не лишиться постоянного дохода съ нихъ, ради этой помощи, а самъ бы *нашелъ* въ себѣ силу воли, имѣя ихъ, не наслаждаться ими, и быть *бѣднымъ* съ бѣдными, а всѣ доходы свои отдавать страждущимъ:—*то и* тогда, при такой цѣли сохраненія богатства, онъ всетаки скоро увидѣлъ бы, что *лучше* исполнить совѣтъ Христовъ и совсѣмъ бросить богатство, чтобъ остаться только съ крестомъ добровольной нищеты; ибо какъ бы велико ни было богатство человѣка, нищета братьевъ его, если не ближнихъ, то дальнихъ мѣстностей, еще больше, и успокоить всѣхъ молящихъ о помощи, наполнить всѣ протянутыя руки не хватить никакого богатства; *сохранять же* богатство значило бы оставить безъ *немедленной* помощи многихъ несчастныхъ и этимъ быть можетъ погубить ихъ ради того, чтобы будущими доходами обезпечить отъ нужды другихъ, т. е. *изъ попеченія* о завтрашнемъ днѣ оттолкнуть руку протянутую за помощью сегодня.

Это прямо противорѣчитъ запрещенію заботиться о будущемъ и потому сохраненіе богатства ни въ какомъ случаѣ нежелательно. Непрерывно помогать нуждающимся можно только личнымъ трудомъ и заработкомъ, а не накопленнымъ богатствомъ. Всякая бережливость и всякая предпріимчивость для обогащенія могутъ быть добродѣтелями только въ глазахъ міра, но и для самого міра они только меньшее зло, въ сравненіи съ небрежною распущенностью и съ безцѣльною праздностью; но эти добродѣтели міра *прямой пользы* и міру не приносятъ, ибо онѣ *не уничтожаютъ* борьбу за богатство, которая есть корень нищеты; истые же ученики Христовы уменьшаютъ въ мірѣ эту борьбу, отвлекаютъ отъ нея лучшихъ борцовъ, задерживаютъ хищныя наклонности и распространяютъ идею царствія небеснаго среди *бѣдныхъ и богатыхъ*, смягчая раздраженіе первыхъ,—и тѣмъ устраняя для государства опасность мятежей,—усовѣщевая жестокость послѣднихъ—и тѣмъ не допуская ихъ до крайняго гнета надъ бѣдными. Насколько

возможно оказать истинную услугу настолько ее оказываютъ этимъ истые ученики Христовы государству и вообще міру, чего не можетъ достигнуть ни одинъ ученикъ міра.

22. Но самая важная услуга ихъ не въ томъ, что они раздадутъ имѣніе свое нищимъ; наибольшая услуга подвижниковъ въ томъ, что они своимъ примѣромъ поднимаютъ бодрость духа и въ тѣхъ страдалцахъ, которымъ иначе ужъ не могутъ помочь, этимъ они помогаютъ имъ лучше всего и не только нѣкоторымъ изъ нихъ, но и всѣмъ несчастнымъ всѣхъ временъ и всего міра, которые сколько нибудь способны понять ихъ примѣръ. [Въ житіяхъ святыхъ мы читаемъ, что дряхлые старцы и слабыя женщины по десяткамъ лѣтъ почти ничѣмъ не удовлетворяли потребностей своего тѣла, жили подъ открытымъ небомъ или въ ущельяхъ, годныхъ только для звѣрей, а иные изъ нихъ по десяткамъ лѣтъ проводили на верхушкѣ столбовъ, рѣдко ѣли и питались только кореньями или травами пустынь; изнашивали свою одежду и приучались обходиться даже безъ одежды, живя не на глазахъ людей (какъ сдѣлала Марія Египетская)]. При всемъ томъ, *многіе* изъ нихъ доживали до глубокой старости, до какой не доходятъ люди при всѣхъ удобствахъ жизни мірской, и чѣмъ больше, казалось, ихъ лишенія превышали силы человѣческія, тѣмъ несокрушимѣе становилась ихъ жизнь, такъ что послѣ полувѣковыхъ и еще должайшихъ подвиговъ, они мирно *засыпали*, какъ бы окруженные всѣми условіями, по мнѣнію міра, необходимыми для здоровья и долгоденствія. А они были такіе же люди. *Отчего* они не болѣли и не *умирали*, когда отъ сотовой доли ихъ лишеній умерли бы многіе не добровольно ихъ принявшіе, а подвергшіеся имъ насильно? Что они этимъ доказали? Они *то доказали*, что они не умерщвляли плоть свою въ томъ смыслѣ, чтобъ ослабить ее и ускорить ея смерть [что было бы самоубійствомъ], а напротивъ оживляли ее, приближая ее къ духу, одухотворяя ее; они доказали, что еще гораздо лучше, чѣмъ плотскими средствами, т. е. обильной пищей, здоровымъ жилищемъ, теплой одеждой, можно поддержать жизнь и крѣпость своей плоти духовными средствами: когда ихъ духъ радовался и блаженствовалъ и воспарялъ все выше и выше, онъ и плоть по-

дымалъ вмѣстѣ съ собою, такъ что она своихъ лишеній не чувствовала и не разрушалась отъ нихъ.

Подобно тому и мученики за имя Христово переносили ужаснѣйшія пытки съ беззаботной и счастливой улыбкой на устахъ, чѣмъ изумляли язычниковъ; они часто говорили послѣ пытокъ, что не чувствовали тѣлесной боли во время ихъ, такъ далеко уносить ихъ подъемъ ихъ духа.

Въ этомъ великій урокъ для всѣхъ подневольныхъ страдальцевъ: онъ передъ глазами ихъ стоитъ, какъ вѣчное доказательство, что не столько они страдаютъ отъ дѣйствительныхъ лишеній и нуждъ, сколько отъ упадка и унынія ихъ духа. Кто изъ нихъ захотѣлъ бы свои лишенія, которыя впрочемъ не могутъ сравниться съ лишеніями подвижниковъ,—перенести съ мыслью о Христѣ и съ радостью, что они хотя внѣшнею силою обстоятельствъ сдѣлались Его друзьями, кто изъ нихъ радовался бы своимъ лишеніямъ, вмѣсто того, чтобъ роптать на нихъ, и сумѣлъ бы подневольныя страданія принять какъ добровольныя, ободряя себя тѣмъ, что другіе еще больше этого перенесли добровольно,—тѣ скоро увидѣли бы, какъ радость ихъ духа помогла бы имъ не чувствовать нуждъ тѣла, и это дало бы имъ силу и въ будущее смотрѣть твердо, ничего не боясь.

Вотъ въ чемъ великая заслуга подвижниковъ, и кто знаетъ, сколько простыхъ сердецъ они подкрѣпили своимъ примѣромъ, сколько невѣдомыхъ слезъ осушили надеждой, сколько тайныхъ самопожертвованій вдохновили, сколько разъ поднимали падавшее терпѣніе. Особенно среди православныхъ христіанъ, гдѣ чаще всего сохранились понятія о самоотверженіи, и гдѣ память о святыхъ братьяхъ еще жива въ народѣ, много способствовали они трудящимся и обремененнымъ нести свой крестъ. Точно такъ и тѣ, которые еще не чувствуютъ силъ поднять подвиги и отказываютъ себѣ въ необходимыхъ нуждахъ, много принесутъ пользы уже тѣмъ, если изъ богатыхъ добровольно сдѣлаются бѣдными и ограничатся самыми простыми потребностями, раздѣливъ остальное со своими братьями; они устыдятъ тѣхъ бѣдныхъ, которые ропшутъ на долю свою, а тѣхъ, которые трепещутъ за каждый свой день и за участь своего семейства—они ободрятъ и утѣшатъ.

Самое *важное* препятствіе къ тому, въ глазахъ міра,

есть ложная, установленная мнѣніемъ міра, обязанность приберегать для дѣтей своихъ *наслѣдство*. Но и въ этомъ, какъ во всемъ, надо выбирать между Христомъ и своимъ семействомъ и помнить, кто любитъ сына или дочь больше, чѣмъ Христа, тотъ недостоинъ Его. Пусть дѣти не укоряютъ родителей, что они роздали имѣніе чужимъ, а имъ не оставили: не чужимъ они роздали его, а Христу, чтобъ идти за Христомъ, неся крестъ Его. Потому и дѣти христіанъ, сами будучи христіанами, не должны огорчаться этимъ, зная, что этого требуетъ ихъ вѣра, и что Тотъ, Кто запретилъ заботиться о пищѣ завтрашняго дня, *запретилъ и имъ спрашивать* наслѣдство у родителей. И родители въ такихъ мысляхъ должны воспитывать дѣтей своихъ.

Пусть никто не думаетъ, что долгъ добровольной бѣдности, *братскаго общенія съ нуждающимися*, можно замѣнить такъ называемою *благотворительностью*, бросаніемъ подачекъ бѣднымъ: это дѣлаютъ и всегда дѣлали и язычники, и во всѣхъ ложныхъ вѣрахъ благотворительность и милостыня стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Но это еще не значить идти за Христомъ и любить Его. Онъ никогда не предписывалъ милостыни отдѣльно отъ совершеннаго оставленія богатства и, *сравнивъ лепту* вдовы съ другими приношеніями, Онъ сказалъ, что она принесла больше всѣхъ, ибо дала все, что имѣла, все свое пропитаніе. А теперь лептой называется всякая кроха, выброшенная отъ избытка богатства!

Нуженъ ли Христу вашъ избытокъ? То, безъ чего вы сами легко можете обойтись, нужно ли Ему *Царю Царствующимъ*? Нѣтъ, *вы сами Ему* нужны, все ваше сердце, все ваше существо, ибо *Онъ Самъ* отдался вамъ весь, всѣмъ Своимъ сердцемъ, всѣмъ Своимъ существомъ. Онъ для васъ не пожалѣлъ ни крови Своей, ни *слезъ Матери* Своей, а вы для Него жалѣете вашего имѣнія и думаете откупиться избыткомъ его! Отъ кого вы хотите откупиться? Отъ врага или займодавца? Или отъ Того, въ Комъ возродились ваши души, Кто муками Своими приобрѣлъ для васъ жизнь вѣчную?

Если вы не любите Его, то такъ прямо и скажите, и оставьте вашъ избытокъ при себѣ, если же любите, то сперва спросите себя, что вы любите больше, Его, или имѣніе свое.

Если вы сразу не можете пересилить въ себѣ боязнь отдать все и остаться бѣдными—ибо глубоко вкоренилась въ васъ порча міра—то идите къ царствію небесному хоть постепенно, и принудьте себя по крайней мѣрѣ помочь комунибудь такъ, чтобъ это было чувствительно для васъ, чтобъ черезъ это вамъ лишиться какого-нибудь удовольствія, какой-нибудь привычки, или принять какое-нибудь бремя на себя; знайте, что только такія добрыя дѣла имѣютъ цѣну въ глазахъ Бога, а не тѣ, которыя не стоятъ никакого усилія и не налагаютъ никакого бремени.

Если вы отъ сердца совершите такое доброе дѣло и порадуетесь, что хоть въ чемъ-нибудь побѣдили свои себялюбивыя наклонности, превозмогли себя для Христа и приобрѣли нѣкоторое право на Его уваженіе къ вамъ, на Его любовь, *вы на этомъ не остановитесь*; вы захотите сами еще выше стать въ Его глазахъ и, дѣлаясь все способнѣе и способнѣе къ жертвамъ, удаляясь все больше отъ міра ради дружбы съ Христомъ, вы, быть можетъ, найдете, въ глубинѣ души своей, драгоценную жемчужину царствія небеснаго.

Не страшитесь же великаго и дальняго пути Христова, сдѣлайте на немъ хоть первые шаги и незамѣтно для себя вы пойдете дальше. Только то помните, возлюбленные дѣти мои, что путь Христовъ одинъ: *самоотверженіе*; начните съ малаго и дойдете до большаго. „Какъ тѣсень путь и какъ узки врата, сказалъ Онъ, ведущія въ жизнь, и какъ немногіе находятъ ихъ! Какъ широкъ путь и просторны врата, ведущія въ гибель, и какъ многіе идутъ ими“!

Посмотрите на тѣхъ, которые держатся того мнѣнія, что слѣдуетъ помогать бѣднымъ *по возможности*, какъ они говорятъ; велика ли у нихъ эта возможность, да и наступать ли она для многихъ когда-либо? У нихъ всегда найдется тысяча доказательствъ, что это возможность для нихъ еще не пришла, что во всемъ, что они имѣютъ, они сами крайне нуждаются, либо для своего здоровья, либо для общественного положенія, либо для воспитанія дѣтей, либо для развеселенія своего угнетеннаго духа; а если ужъ они дадутъ просящему совершенно лишнія свои крохи, то стыдно ихъ и сравнивать съ ихъ другими расходами, и тогда является оправданіе, что бѣдныхъ много, что нельзя одному

дать много, а другому ничего; но то забываютъ, что если бы они умѣли себѣ отказать во всѣхъ прихотяхъ своихъ изъ любви къ Христу, то нашлось бы что дать и „другому“, теперь же они напротивъ этому „другому“, ради котораго отказываютъ первому, и вовсе никогда ничего не дадутъ. Хлопотъ же и бремени они во всякомъ случаѣ ни для кого, кромѣ своего семейства, на себя не примутъ, и опять по самымъ неопровержимымъ для нихъ причинамъ—сохраненія своего здоровья, и т. д.

Словомъ, кто любитъ свое имущество и свой покой и не готовъ во всякое время отдать ихъ Христу, тотъ никогда не сдѣлаетъ истинно добраго дѣла. Да и въ самой жертвѣ этого имущества, не жертва сама по себѣ важна для христіанина, а любовь его. „Если я раздамъ все мое имѣніе и тѣло мое отдамъ на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“. Тѣмъ болѣе пожертвованіе избытка ненужнаго, въ чемъ ужъ и не можетъ быть никакой любви, не принесетъ никакой пользы.

Итакъ, ваше собственное счастье, вся душа ваша нужны Христу, и ничего болѣе. Ему нужно, чтобы вы умѣли страдать вмѣстѣ съ Нимъ, пока Его братья страдаютъ, и Онъ страдаетъ съ ними, для того, чтобъ вы блаженны были этимъ страданіемъ [I. XV. 9—14]. Радость ваша совершенная—вотъ цѣль всего, что требуется отъ васъ. А душу ли вашу вы за Христа положите, какъ Онъ положилъ Свою за васъ, если отъ имѣнія отказать вамъ трудно?

Не считайте излишнимъ и необязательнымъ совершенствомъ самоотверженіе ради Христа, и не находите слишкомъ строгими тѣ...

§ 23. Не считайте также самоотверженія, перваго закона христіанина, чѣмъ-нибудь противоестественнымъ, какимъ-то истязаніемъ самого себя, погребеніемъ себя заживо въ какой-то мрачной могилѣ: человѣку естественно желать счастья, онъ созданъ для него, онъ живетъ имъ или надѣется на него, ибо это сущность его духа, ибо Самъ Богъ, источникъ человѣка, осуществилъ себя для счастья своего.

Человѣкъ, не зная покоя, стремится къ раю, потерянно-му имъ, и готовъ на всякія жертвы, чтобъ найти его. Но вопросъ въ томъ, гдѣ найти это счастье, этотъ рай? Самоотверженіе для Христа не отклоняетъ человѣка отъ есте-

ственного стремленія къ счастью, а напротивъ—оно-то единственно и ведетъ его къ нему.

Всѣ поиски иного счастья въ этомъ испорченномъ мірѣ бесплодны и лишь напрасно надрываютъ силы человѣка; только на пути самоотверженія онъ найдетъ его. Радости самоотверженія не сравнятся съ радостями міра. Вспомните, что вамъ сказано:

[М. X. 29—30] „истинно говорю вамъ, нѣтъ никого, кто оставилъ бы домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради Меня и Евангелія, и не получилъ бы нынѣ, во время сіе, среди гоненій, во сто кратъ больше домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей, и дѣтей, и земель, а въ вѣкъ градущемъ жизни вѣчной“.

Съ того времени, какъ міръ сталъ различать добро и зло, счастье и несчастье, не было въ мірѣ людей счастливейшихъ первыхъ, самоотверженныхъ христіанъ. Среди всѣхъ бѣдствій міра, они жили какъ въ раю, блаженные своею любовью къ Христу и другъ къ другу; вотъ что они говорили про себя: [2-е Коринѣ. VI, 4—10].

Что можетъ дать Христосъ, кромѣ сердца Своего, въ мірѣ, гдѣ полного счастья нѣтъ и никогда не будетъ? Но кто возьметъ отъ Него сердце Его, тотъ получитъ счастье безусловное, не перемѣняемое со зломъ, и которое потому не отъ міра сего, гдѣ всякое добро перемѣняемо со зломъ. О такихъ молился Онъ передъ смертью Своею: [I. XVII 11—21]. Онъ сказалъ: „если пребудете въ Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ“; и: „если о чемъ попросите отъ Отца во имя Мое, Я то сдѣлаю“; и: „чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте, что получите, и будетъ вамъ“; и сказалъ: „все возможно вѣрующему“.

Эти слова непреложны. Кто сумѣетъ съ такой вѣрой просить хотя бы о своихъ нуждахъ и скорбяхъ, тотъ приблизится сердцемъ къ Христу и получивши, о чемъ просилъ, порадуется великою радостью не только за удовлетвореніе нужды своей, но еще больше за то, что Христосъ невидимо говорилъ съ нимъ; и тогда онъ полюбитъ Его, а кто полюбитъ Его, тотъ не отъ міра сего, и тотъ найдетъ свое счастье. Тому уже не страшна будетъ никакая скорбь

міра, ни бѣдность, ибо онъ и такъ добровольно избралъ бы ее, ни болѣзнь, ибо духъ его, радуясь о Христѣ, сдѣлаетъ самое тѣло его выносливѣе и оживить его, ни смерть его собственная, ибо она будетъ для него величайшимъ благомъ, какъ соединеніе съ Христомъ, ни смерть его близкихъ, ибо онъ будетъ радоваться за нихъ, какъ болѣе его счастливыхъ тѣмъ, что они раньше его увидятъ Христа.

А кто не сумѣетъ съ вѣрой просить о своемъ счастьѣ и приблизиться сердцемъ къ Христу, тотъ еще не умѣетъ любить Его, ибо онъ еще отъ міра, и его всегда могутъ огорчать скорби міра; какъ ему разсчитывать избавиться отъ нихъ, когда они общій законъ для всѣхъ и приходятъ къ каждому въ его чередъ?

Вѣрующихъ въ Него и любящихъ Его, Христосъ избавляетъ отъ скорбей, по ихъ усиленной молитвѣ, пока они еще не въ силахъ безъ огорченія принять ихъ, но постепенно Онъ подготавливаетъ ихъ самымъ исполненіемъ ихъ молитвъ къ тому, чтобъ никакая земная скорбь, которую они должны принять по общему закону, не мѣшала имъ имѣть въ себѣ радость Его совершенную.

Невѣрующихъ же въ силу молитвы и, еще не дошедшихъ до любви къ Нему, Онъ къ этому не можетъ подготовить исполненіемъ молитвъ ихъ, и удовлетвореніе нуждъ ихъ не приблизило бы ихъ къ Нему, ибо они и не молятся съ вѣрой, что будутъ услышаны, и потому бесполезно избавлять ихъ отъ скорбей;

хотя бы навсегда избавить ихъ отъ нихъ, вопреки общему закону, они все-таки счастливыми быть не могутъ, пока не научатся любить Христа. Самыя лучшія радости человѣка вырождаются и портятся безъ общенія съ Богомъ, и самая любовь его къ людямъ, не подчиненная любви къ Богу, превращается для него въ огорченіе.

Люди заботятся только о нынѣшнемъ вѣкѣ, забывая будущій; но Христосъ заботится за нихъ. Для Него не то важно, чтобы братья и дѣти Его не потерпѣли скорби временной, а то, чтобы они были способны къ жизни вѣчной.

Жизнь же ихъ вѣчная—это Онъ Самъ и сокровища любви Его къ нимъ. Въ будущемъ вѣкѣ имъ предстоитъ быть блаженными черезъ Него, постояннымъ обновленіемъ ихъ жизни въ Немъ. А какъ они могутъ быть блаженны черезъ

Него, если они еще въ нынѣшнемъ вѣкѣ не любили и не знали Его, и не пребывали въ Немъ?

Потому, хотя Онъ и исполняетъ ихъ молитву о временныхъ нуждахъ, по слову Его: „когда просите, вѣрьте, что получите, и будетъ вамъ“, но это для Него только средство, чтобъ приблизить ихъ къ Себѣ, а не цѣль; цѣль же Его та, чтобъ они приняли сокровища сердца Его, которыя Онъ расточаетъ на нихъ; ими Онъ только и можетъ ихъ ослативить, а не удовлетвореніемъ ихъ временныхъ нуждъ; если велика радость всякой исполненной молитвы, то не по самому предмету ея, а по единенію съ Христомъ, и всякая молитва о чемъ-нибудь, кромѣ единенія съ Нимъ, имѣетъ для Него цѣну лишь временную, въ ожиданіи лучшаго отъ сердца человѣческаго.

§ 24. Среди смѣшаннаго въ мірѣ добра и зла, счастья и несчастья, чтó руководитъ судьбой каждаго отдѣльнаго лица, и какъ и почему происходитъ его чередъ счастья или несчастья?

И то, и другое посылается ему Богомъ, когда еще есть надежда на его спасеніе, смотря по тому, чтó для него въ какое время полезнѣе, чтобы обратить его къ Богу; тутъ не его желанія берутся въ расчетъ, ибо онъ не знаетъ, чего себѣ желать, а только видъ Божьи на него.

Жребій его судьбы вынимаетъ за него, соображаясь съ этимъ, его ангелъ хранитель, пока человѣкъ не совсѣмъ отвернулся отъ него. Если же человѣкъ совсѣмъ отъ него отвернулся, то жребій за него вынимаетъ уже злой духъ его, сообразно своимъ цѣлямъ на него.

Пока человѣкъ не пошелъ безповоротно или за добрымъ или за злымъ своимъ духомъ, онъ чувствуетъ себя слѣпою игрушкою судьбы, воображая, что управляетъ этою судьбою случай и не зная безплотныхъ двигателей ея, болѣе могущественныхъ и зоркихъ, чѣмъ онъ, живущій во плоти; онъ и ропщетъ и радуется, не зная, на что ропщетъ и чему радуется и не понимая цѣли ни своего счастья, ни своего несчастья.

Только тогда человѣкъ видитъ, куда идетъ, и владѣетъ своей судьбой, а не она имъ владѣетъ, когда безповоротно пойдетъ въ ту или другую сторону и не будетъ служить двумъ господамъ; но если пойдетъ за ангеломъ храните-

лемъ своимъ, онъ овладѣтъ своею судьбою на вѣкъ; если же за злымъ своимъ духомъ, то овладѣтъ ею лишь пока онъ въ мірѣ; для этого ему нужно вырвать изъ сердца своего съ корнемъ всякую любовь и всякую правду, и тогда всѣ блага міра будутъ къ его услугамъ, и неудачъ у него уже не будетъ, ибо ангелъ его отступитъ отъ него.

Но горе такому человѣку! Горе тому, кого Богъ уже не любить и кого потому уже болѣе не наказываетъ и не обличаетъ! Всякій, любящій свое имѣніе или свою жизнь, не можетъ быть увѣреннымъ, что далеко не зайдетъ на пути беззаконія и безчестія и не совершитъ такихъ сдѣлокъ со своею совѣстью, которыхъ прежде самъ ужаснулся бы и на которыя не считалъ бы себя способнымъ.

Если онъ еще до этого не дошелъ, то можетъ быть потому, что искушенія были недостаточно сильны; а при болѣе сильномъ искушеніи онъ не можетъ ручаться за себя.

Если же онъ доживетъ до тѣхъ временъ, когда за христіанскія и за многія другія убѣжденія будутъ гоненія въ цѣломъ мірѣ, онъ продастъ ихъ и отречется отъ вѣры и отъ правды; онъ будетъ мятежникомъ при рыжемъ конѣ, святошей при ворономъ, гонителемъ имени Божьяго при блѣдномъ, и, наконецъ, совершитъ непрощаемый грѣхъ подчиненіемъ послѣднему царству.

Пусть же всякій заблаговременно приучается къ самоотверженію, помня совѣтъ Христовъ: „кто душу свою сбережетъ, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ ее ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее“.

Многіе скажутъ: эти времена еще далеки, и мы до нихъ не доживемъ. Но напрасно будутъ такъ говорить: пусть лучше вспомнятъ, какъ быстро совершались всѣ перемѣны въ мірѣ въ послѣднее время, какъ многія и важныя событія проходили, и какъ нравы по нѣскольку разъ измѣняли свой видъ на глазахъ одного только поколѣнія.

Пусть же по этой быстротѣ перемѣнъ недавняго прошлаго судятъ о быстротѣ близкаго будущаго, когда духъ человѣческій будетъ еще сильнѣе возбужденъ, и какъ въ добрѣ, такъ и въ злѣ получить большее напряженіе. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ быстрѣе все идетъ въ мірѣ.

Итакъ, нѣкто да не считаетъ себя обезпеченнымъ отъ необходимости когда-нибудь дать отчетъ своей совѣсти въ своей

вѣрѣ, и особенно никто да не думаетъ, что отреченіе отъ вѣры и отъ Бога есть простительный грѣхъ.

Великое заблужденіе поселилось нынѣ между христіанами, дѣти мои, что Богъ, ради слабости человѣческой, проститъ тѣмъ изъ нихъ, которые отрекутся отъ Него изъ-за земныхъ выгодъ или изъ страха смерти: Онъ проститъ только тѣмъ, которые смертию же своею запечатлѣютъ свое раскаяніе и свою любовь, но которые такъ и останутся при своей измѣнѣ и вернутся къ Нему лишь при безопасности исповѣдывать Его, тѣмъ онъ все другое проститъ, но не это.

По себѣ судите: останется ли вашимъ другомъ тотъ, кто стоитъ за васъ, пока это ему выгодно и приносить почетъ и богатство, а когда васъ постигнетъ бѣдствіе, начнетъ злословить васъ съ вашими врагами? Потому и всякій, кто такъ поступитъ съ Богомъ, ничего не можетъ ожидать отъ Бога.

Изъ книги IV-й: [Въ концѣ рѣчь часто идетъ отъ лица Маргариты, по ея внушенію.]

25. Какъ еще будетъ думать и чувствовать, кто любитъ Христа, какъ Христосъ его? Искреннею молитвою и неотложною заботою его будетъ, чтобы міръ скорѣе разрушился, и Христосъ пришелъ. При всей усердности нашей молитвы о пришествіи Христовомъ, и при всей несомнѣнности желанія Божьяго ускорить разрушеніе міра—не нужно искажать смыслъ этой молитвы, и этого Божьяго желанія; для каждаго отдѣльнаго человѣка соединеніе съ Христомъ достигается и смертию, а царствіе небесное бываетъ *внутри насъ* и на нынѣшней землѣ, „во время сіе среди гоненій“. Потому молитва о кончинѣ міра не должна доходить до отчаянія и до ропота на Бога за медленность: смыслъ этой молитвы не въ томъ, чтобы нынѣ живущихъ скорѣе избавить, а въ томъ, чтобы вовсе не было больше жизни въ разлукѣ съ Богомъ и съ опасностью гибели души. Но кончина міра достигнетъ цѣли только тогда, когда войдутъ въ воскресшую церковь сполна всѣ души, со всѣми своими свойствами, нужныя для полноты ея. Если же церковь-община будетъ не полна и не соотвѣтственна духу церкви-матери, то возрожденіе ея, — т. е. человѣчества будущаго вѣка—будетъ

насильственно, а не свободно, и потому не истинно. Богъ хочетъ счастья людей, но первый законъ этого счастья—свобода, признакъ же свободы—полнота церкви, которую люди составляютъ. Потому желать кончины міра несвоевременной и насильственной все равно что желать бесполезности ея. Богу предадимъ „сами себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу“. Онъ одинъ знаетъ, въ чемъ наше благо, и ропотъ нашъ—кошунство противъ Него. Будемъ негодовать и роптать только на себя за всѣ, очевидно, по нашей винѣ происходящія промедленія желаннаго конца, и будемъ усердно избѣгать ихъ,—но промедленія Промысла Божьяго примемъ какъ высшую благодать—и это будетъ единственнымъ отвѣтомъ его на всѣ испытанія, происходящія отъ зла міра для него и ближнихъ его.

Знайте, дѣти мои возлюбленныя, что кто больше всего страдаетъ отъ страданій человѣчества, такъ это Самъ Богъ. Онъ не на то создалъ человѣка, чтобъ человѣкъ мучился и не на то создалъ міръ, чтобъ міръ „во злѣ лежалъ“.

Онъ мучается за дѣтей Своихъ больше ихъ самихъ, и сердце Его изнываетъ отъ той жизни, которую они себѣ сдѣлали. Онъ доказалъ, какъ Онъ мучается за нихъ тѣмъ, что послалъ Сына Своего на лютую смерть, чтобы дать имъ исходъ изъ ихъ мученій. Потому и Христосъ сказалъ, что Онъ алкалъ, и жаждалъ, и въ темницѣ, и боленъ, и странникомъ былъ, пока братья Его все это терпѣли.

Для Бога не нужно, чтобъ міръ вертѣлся въ колесѣ своей суеты, не подвигаясь впередъ, а только ради все новаго разнообразія его жизни. Для Него нужно, чтобъ міръ кратчайшимъ путемъ достигъ своей цѣли, т. е. конца своего, все, что сократитъ этотъ путь, будетъ благословенно Богомъ, ибо это сократитъ стоны и слезы міра и скорбь Творца его.

Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда съ концомъ міра прекратится появленіе новыхъ и новыхъ поколѣній въ мірѣ скорбей, и этимъ прекратится возможность ихъ вѣчной гибели. Но въ этомъ, какъ во всемъ, Онъ ждетъ перваго слова отъ человѣка и свободного его сознанія своей нужды.

Молитесь же, дѣти мои, о кончинѣ міра, чтобъ Богъ видѣлъ, что вы понимаете сердце Его, и молитва ваша будетъ Ему угодна. Да будетъ это ежедневною вашею молитвою и

постояннымъ стремленіемъ сердца вашего, и сдѣлаетесь друзьями и единомышленниками Господа.

Кромѣ молитвы вашей и отъ самой жизни вашей зависить это великое дѣло. Пока люди довольствуются условнымъ добромъ и условнымъ счастьемъ міра, перемѣпаннымъ со зломъ, міръ не приближается къ цѣли своей, но какъ только въ нѣкоторыхъ появляется безусловное добро и безусловное счастье царствія небеснаго, они, духовными лучами своими, извлекаютъ изъ міра чистое добро, притягиваютъ его на свою сторону, и тогда добро и зло начинаютъ разграничиваться; а только того и нужно для кончины міра, чтобъ въ немъ прекратилась, въ духѣ человѣческомъ, смѣсь добра и зла, и они бы разграничились.

Первые хрістіане значительно подвинули міръ къ его цѣли; но за то чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стало являться истинныхъ сыновъ царствія небеснаго, такъ называемыхъ „святыхъ“, и тѣмъ слабѣе начало извлекаться изъ смѣси міра чистое добро, а потомъ и вовсе перестало извлекаться, и въ мірѣ начался застой, при кажущемся движеніи.

Что же вамъ теперь нужно дѣлать, возлюбленныя дѣти мои, чтобъ избавить міръ отъ этого ложнаго и мучительнаго движенія на одномъ мѣстѣ, подобнаго верченію въ колесѣ? Нужно стараться, чтобъ было въ мірѣ какъ можно больше людей не отъ міра, которые бы извлекали изъ него все его добро на одну сторону, и тогда придетъ конецъ суетѣ его.

Будьте сами не отъ міра и другихъ такими дѣлайте, чтобъ освѣтился весь міръ отъ славы добрыхъ дѣлъ вашихъ. Тогда и придетъ Христосъ, и царство міра сдѣлается Его царствомъ.

Отъ васъ зависитъ ускорить пришествіе Христова: пусть эта мысль возбудитъ вашу ревность, и молитесь словомъ и дѣломъ, чтобъ Онъ къ вамъ скорѣе пришелъ. Въ этомъ и есть послѣдній завѣтъ Бога съ вами. Когда отъ слова Иисуса Христа засохла смоковница, не давшая плода, Онъ сказалъ: [Мѣ. XXI. 21—22] „Истинно говорю вамъ: если будете имѣть вѣру и не усумнитесь: не только сдѣлаете то, что сдѣлано со смоковницею, но если и горѣ сей скажете: поднимись и свергнись въ море, будетъ. И все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите“.

Сдѣлайте же съ міромъ то, что Онъ сдѣлалъ со смоковницею, ибо міръ не даетъ и не дастъ благихъ плодовъ.

Молитва, которой Христосъ научилъ васъ, должна вся относиться въ мысляхъ вашихъ къ пришествію Его. „Отче нашъ, сущій на небесахъ, да святится имя Твое, т.-е. да святится оно въ вашихъ дѣлахъ любви къ Нему, чтобы люди видѣли ваше счастье и прославляли имя Его, и чтобы скорѣе пришло черезъ это то время, когда во всѣхъ и во всемъ оно будетъ святиться, время *будущаго вѣка*. „Да прійдетъ царствіе Твое“, т.-е. да прійдетъ оно не только внутрь васъ и внутрь какъ можно большаго числа людей въ міръ семъ, но да прійдетъ оно скорѣе и окончательно *вѣчными царствіемъ Христовымъ*. „Да будетъ воля Твоя, какъ на небѣ, такъ и на землѣ“, т.-е. да свершится скорѣе послѣдняя, главная воля Твоя, чтобы прекратилось всякое зло и всякое страданіе на землѣ, и чтобы водворилось такое же совершенное благо и на землѣ, какъ на небѣ, черезъ разрушеніе и переустройство ея, а до тѣхъ поръ да будетъ всякая воля Твоя въ насъ и надъ нами, ибо Ты все ведешь къ благу совершенному!

26. Теперь обращаюсь къ тѣмъ, кому прежде всѣхъ до-станется этотъ завѣтъ. По слову Христову къ апостоламъ: „идите наипаче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“, да сообщится ученіе этой книги, возможно скорѣе, кромѣ того народа, *что имѣетъ въ себѣ, какъ сказано, духъ израилевъ*, еще и евреямъ, сколько-нибудь готовымъ принять его, и затѣмъ вообще еврейскому народу во всѣхъ странахъ на землѣ.

Первые евреи, которые увѣруютъ въ это ученіе и вмѣстѣ съ нимъ въ евангеліе, пусть крестятся немедленно, еслибы не было еще новоизраильскихъ священниковъ, у священниковъ православныхъ и всѣ таинства совершаютъ у нихъ же, а также пусть идутъ къ нимъ для таинствъ и всѣ другіе вѣрующіе. Этому не можетъ помѣшать, что сами православные священники еще не будутъ вѣровать въ эту книгу; все-таки ихъ рукоположеніе, полученное отъ Христа, и ихъ исключительное право священнодѣйствовать необходимы для васъ, и всѣ отзывы о васъ, какіе бы ни были, примите съ кротостью.

Но не отрекайтесь отъ вашей матери, Церкви единой, и не поддавайтесь въ этомъ никакимъ увѣщаніямъ, а

просите только православныхъ пастырей не лишать васъ таинствъ и общенія въ нихъ съ Христомъ.

Если православная церковь будетъ расположена дать новоизраильскому обществу, вѣрующему въ эту книгу, пастырей изъ ихъ собственной среды, правильно поставленныхъ православными епископами, — просите объ этомъ, и пусть многіе изъ васъ посвящаютъ себя дѣлу служенія Христова, ибо „жатвы много“; пусть они немедленно какъ увѣруютъ, готовятся къ этому дѣлу, чтобъ быть готовыми, какъ только представится къ тому возможность, принять посвященіе.

Если все еще не будетъ склонна къ этому православная церковь, довольствуйтесь пока, хотя и не единомышленными съ вами, но все же законными пастырями православными. Если бы случилось теперь же, или впослѣдствіи, вездѣ или въ иныхъ мѣстахъ, что православная церковь, ослѣпленная мертвой буквой, стала бы притѣснять васъ и отказывать вамъ въ таинствахъ, вѣренныхъ ей рукоположеніемъ Христовымъ [что впрочемъ, не навѣрное случится], то возложите надежду на Бога, который принудилъ фараона отпустить изъ Египта Его народъ: точно также Онъ принудитъ и православныхъ преемниковъ апостольскихъ, если еще не тотчасъ поставитъ вамъ пастырей изъ вашей среды, то хоть къ себѣ самимъ допускать васъ для общенія съ Христомъ въ таинствахъ.

Но не приступайте къ таинствамъ незаконнымъ путемъ и не замѣняйте преемственнаго отъ Христа священства никакимъ другимъ. Увѣщевайте тогда православную церковь, что она отвѣтитъ Богу, если по ея винѣ вѣрующіе въ Христа будутъ лишены тѣла и крови Его и болыные вѣрующіе умрутъ безъ причащенія и покаянія.

И какъ только православная церковь приметъ васъ въ общеніе съ собою, исполняйте всѣ ея обряды и постановленія и блюдите преданія ея во всемъ, что она сама считаетъ существеннымъ, ибо церковь новоизраильская будетъ тою же самою православною вселенскою церковью, только дальше развившеюся.

Хотя бы православные пастыри еще не приняли васъ, соблюдайте православные церковные уставы во всемъ, что возможно, а къ церковной службѣ ходите въ православные храмы, гдѣ, какъ крещенные, и евреи изъ среды васъ будутъ

имѣть право присутствовать на литургіи до конца. Тѣмъ временемъ настоятельно добивайтесь общенія таинствъ съ православною церковью и неотступно молитесь Богу объ этомъ, но только дѣйствуйте прямыми и правдивыми средствами, чистыми, какъ чиста ваша цѣль; презирайте подкупъ и всякій соблазнъ, иначе Богъ не благословитъ вашего дѣла.

Крещеніе, самое безотложное изъ таинствъ, совершайте тогда надъ некрещеными среди васъ *сами*, погруженіемъ въ воду съ призываніемъ „Отца и Сына и Св. Духа“, ибо и такое крещеніе православная церковь признаетъ дѣйствительнымъ, въ случаѣ крайней невозможности совершить его черезъ пастырей.

Когда же увѣруютъ въ эту книгу живущіе въ неправославныхъ странахъ, то настоятельно просите православную церковь рукоположить для нихъ пастырей изъ ихъ среды; представьте всю крайность ихъ положенія, вдали отъ православнаго священства, при убѣжденіи ихъ совѣсти, что они только отъ него должны заимствовать право совершать таинства.

Почти нѣтъ сомнѣнія, что имъ въ этомъ не откажутъ, а до тѣхъ поръ, пока это устроится, имъ предстоятъ слѣдующія условія ихъ церковной жизни: крещеніе нехристіанъ совершать въ крайнемъ случаѣ самимъ во избѣжаніе замедленія; собираться для общей молитвы по служебнымъ книгамъ православной церкви, но безъ таинствъ, и какъ можно скорѣе приготовить къ служенію достаточное число собственныхъ будущихъ пастырей, которые для рукоположенія должны сѣздить къ пастырямъ православнымъ.

Правда, что и рукоположеніе римскихъ католиковъ признается православною церковью дѣйствительнымъ и не возобновляется при переходѣ въ нее лицъ, принявшихъ его, такъ что и ваши пастыри другихъ земель могли бы быть законно рукоположенными отъ католиковъ,—но все-таки не начинайте вашего священства отъ нихъ, а ждите рукоположенія отъ православныхъ, такъ какъ представляется мало-вѣроятнымъ, чтобъ римская церковь согласилась дать вамъ его безъ всякихъ расчетовъ на подчиненіе ваше папѣ, и такъ какъ вообще опасно подвергать новоизраильскую церковь вліянію чуждаго ей духа.

Когда у васъ будутъ свои новоизраильскіе пастыри,

пусть они свято блюдутъ всѣ обряды и преданія православной церкви, хотя бы эта послѣдняя враждебно относилась къ нимъ и только по крайней необходимости не оставитъ христіанъ безъ таинствъ посвятила ихъ, а не отъ чистаго сердца.

Пусть смиренно принимаютъ всякія нападки и стѣсненія отъ посвятившихъ ихъ, и также и вы всѣ безъ гнѣва на православную церковь принимайте все это, но какъ не должны вы ни ради чего отречься отъ Христа, такъ не отрекайтесь и отъ вашей матери и всѣхъ словъ ея, что бы вамъ ни пришлось за это претерпѣть.

Мать ваша не отъ себя говорила вамъ, а самимъ Богомъ была къ вамъ послана. Остерегайтесь, послушавшись ея, оскорбить Мать ея, Святого Духа.

На всякаго православнаго смотрите какъ на единовѣрца, хотя бы онъ самъ этого не признавалъ, ибо, если онъ знаетъ духъ своей вѣры, то всѣ ваши вѣрованія уже есть у него безъ словъ въ душѣ его духа, и онъ только еще не понимаетъ этого низшимъ душевнымъ умомъ своимъ. Христіанинъ же всякаго другого исповѣданія подлежитъ мѣропомазанію, присоединяясь къ вамъ, какъ всегда, когда еретикъ присоединяется къ православію. Во время крещенія безъ священника какъ домашняго, такъ и черезъ вашихъ собственныхъ новоизраильскихъ пастырей, можно и не измѣнять до сихъ поръ употреблявшихся словъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа“. Достаточно вѣровать, что Духъ Св. есть Дочь Отца.

Потому не измѣняйте этихъ словъ, пока вы не побѣдили окончательно православную церковь, чтобъ она не имѣла повода отвергнуть ваше крещеніе подъ предлогомъ перемѣны словъ. Но впослѣдствіи нужно будетъ измѣнить эти слова сообразно Третьему Завѣту.

Символъ же вѣры нужно измѣнить уже теперь и именно такъ, какъ мною сдѣлано въ концѣ „краткаго ученія“ Третьяго Завѣта. Также въ православномъ катехизисѣ сдѣлать всѣ необходимыя объясненія и дополненія, сообразно откровеніямъ этой книги, и это могутъ сдѣлать еще и раньше полученія вами вашего собственнаго священства, учителя и проповѣдники новоизраильской вѣры.

Такъ же слѣдуетъ растолковать обязанности къ Богу и

Христу опредѣленіе и совершеніе, сообразно ученію этой книги.

Единственнымъ внѣшнимъ отличіемъ вѣрующаго въ Третій Заѣтъ будетъ то, что онъ приметъ *два имени*, не больше не меньше въ знакъ того, что человѣкъ состоитъ изъ душевнаго и духовнаго начала, и что душевное должно быть подчинено духовному, какъ Христосъ носилъ въ первое Свое пришествіе имя Іисуса, а во второе будетъ носить имя Рафаила.

Кто будетъ креститься отъ новоизраильскихъ священниковъ, получить оба свои имени при крещеніи, когда обыкновенно нарекается имя, а покамѣстъ, при крещеніи отъ православныхъ, неединомышленныхъ пастырей, другое имя можно давать и послѣ, *при молитвѣ*, составленной мною нарочно для этого въ концѣ „краткаго ученія“ Третьяго Заѣта. Эту молитву слѣдуетъ говорить и при нареченіи двухъ именъ въ крещеніи.

Христіанинъ неправославный, присоединяясь къ вамъ, пусть сохранить изъ своихъ настоящихъ именъ одно, какъ данное въ крещеніи, а другія оставить и вмѣсто нихъ или снова возьметъ одно изъ нихъ же или одно новое при мѣропомазаніи.

Нареченіе двухъ именъ и будетъ знаменіемъ Третьяго Заѣта Бога вашего съ вами.

Какъ только новоизраильская церковь получить отъ православной степень епископскую, верховное руководство надъ нею долженъ принять, хотя бы она была еще малочисленна, патріархъ ея, который будетъ называться вселенскимъ патріархомъ [но не долженъ называться главою церкви, ибо глава церкви есть одинъ Христосъ] и не долженъ превышать власти, предоставляемой патріархамъ православною восточною церковью.

Патріархъ будетъ начальникомъ *каждаго* епископа въ отдѣльности, но не начальникомъ *всѣхъ ихъ вмѣстѣ* и всей ихъ паствы, *вмѣстѣ взятой*, ибо церковь, *будучи таинственною соборною* личностью, *неравна* простой арифметической *суммѣ своихъ членовъ*: она больше этой суммы; и начальство надъ *каждымъ* ея членомъ въ отдѣльности *еще неравно* начальству надъ *всєю церковью вкупѣ*.

Верховная же власть на землѣ православно-соборной

церкви, *вселенскій соборъ*, будетъ дѣйствителенъ послѣ заключенія завѣта Маргариты, только когда будетъ составленъ изъ вѣрующихъ въ Третій Завѣтъ. Изъ православныхъ же пастырей, невѣрующихъ въ слова своей матери, законный вселенскій соборъ уже не можетъ быть составленъ. Можетъ быть заключенъ только соборъ, который приведетъ къ торжественному признанію и принятію Третьяго Завѣта, т.-е. такой, на которомъ, хотя въ началѣ члены его были еще не вѣрующими въ слово Церкви, они увѣруютъ и обратятся.

Отъ невѣрующихъ же въ слово Церкви пастырей новоизраильская церковь должна зависѣть только какъ отъ законныхъ, рукоположенныхъ совершителей таинствъ и какъ отъ посредниковъ рукоположенія Христова, а не какъ отъ учителей вѣры.

Первымъ вселенскимъ патріархомъ новоизраильской церкви желательно бы видѣть одного изъ соплеменниковъ Христа, сыновъ народа еврейскаго, если только можетъ быть найденъ человѣкъ изъ этого народа, котораго внутренняя прошлая жизнь *была бы согласна со слѣдующимъ описаніемъ*:

Въ дѣтствѣ онъ былъ проникнутъ ревностной вѣрой въ законъ Ветхаго Завѣта и съ восторгомъ ожидалъ Мессіи и молился о скорѣйшемъ царствованіи Его въ этомъ мірѣ, какъ христіанамъ нужно молиться о скорѣйшемъ царствіи Его въ будущемъ мірѣ.

Для него вѣра отцовъ его не была безсмысленной привычкой или упорнымъ суевѣріемъ, не оставляемымъ изъ боязни потерять земныя выгоды, личныя или народныя, какъ для большинства единовѣрцевъ его; она была для него живой истиной.

Онъ такъ же чистосердечно и съ такой же любовью ожидалъ Мессію, какъ тѣ галилейскіе рыбаки, въ которыхъ Христосъ по первому взгляду на нихъ узналъ учениковъ Своихъ.

Позднѣе въ училищѣ, изъ книгъ и отъ живыхъ людей, въ него настолько проникли христіанскія понятія, что онъ убѣдился, что въ нынѣшнемъ мірѣ, такомъ, каковъ онъ есть, царствіе Христово невозможно, что его единовѣрцы слишкомъ узко понимаютъ его; тогда пошатнулись всѣ основы его вѣрованій.

Евангеліе влекло его къ себѣ своей внутренней истиной; повѣсть жизни Христовой вызывала у него слезы, но его смущало множество христіанскихъ вѣръ и разногласіе ихъ; видя, что каждая считаетъ себя истинною, а всѣ другія ересями, онъ не могъ рѣшить, которая права, и, не допуская раздѣленія истины, сомнѣвался во всякой христіанской истинѣ вообще.

Оттого, хотя онъ и жалѣлъ о невозможности признать Евангеліе, которое было ему такъ по душѣ, онъ пришель къ заключенію, что всѣ христіанскія вѣры заблуждаются, но, не вѣря въ Иисуса Христа, какъ въ Бога, онъ искренно любилъ Его, какъ человѣка, и скорбѣлъ за Него, думая, что Онъ Самъ заблуждался.

Въ такомъ настроеніи духа, научившись презирать іудейскую вѣру въ ея теперешнемъ видѣ и не научившись вѣрить христіанской, онъ увлекся, за неимѣніемъ во что другое вѣрить, философскими ученіями о счастіи всего человѣчества и о возможности его достигнуть переустройствомъ общества.

Это увлеченіе могло завести его далеко на путь государственныхъ преступленій, но едва онъ поближе ознакомился какъ съ далекими цѣлями, такъ и съ ближайшими средствами этихъ проповѣдниковъ, какъ отвернулся отъ нихъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и отъ іудейскихъ ожиданій рая на землѣ.

Не говоря уже о неосуществимости его, самый рай, хотя бы и могъ быть осуществленъ, ему не нравился, въ его душѣ уже назрѣвали иныя потребности счастія.

Не зная во что вѣрить и на что надѣяться, сильно принимая къ сердцу страданія своихъ ближнихъ, и самъ много испытывая страданій, онъ сталъ томиться изо дня въ день полнымъ безвѣріемъ, при жаждѣ вѣры, полной безнадеею, при неустанныхъ поискахъ какого-нибудь луча надежды. Онъ бы пошелъ, не щадя души своей, за всякимъ, кто указалъ бы ему, гдѣ истина и жизнь, но онъ не зналъ, за кѣмъ и куда идти.

Въ такомъ состояніи находится его духъ и теперь. Среди современниковъ своихъ, гоняющихся за всевозможными призраками міра, онъ сохраняетъ въ себѣ то сомнѣніе во всѣхъ вещахъ міра, которое въ недавнемъ прошломъ, уже измѣ-

нившимся, охватывало многихъ. По этому настроенію онъ сходитъ съ тѣми изъ Ефесской церкви, которые оставили свою первую любовь.

Какъ только такой челоѣкъ найдется, онъ долженъ, при первой возможности, принять посвященіе въ епископы и немедленно по обращеніи долженъ къ этому приготовляться, а приготовившись, начать просить о скорѣйшемъ посвященіи его во всѣ степени священства за разъ. Богъ будетъ за него и заставитъ преемниковъ апостольскихъ посвятить его.

А если они сперва согласятся дать вамъ только степень пресвитера, а не епископа, примите хоть его, и, въ числѣ другихъ, будущій патріархъ пусть посвятится пока въ эту степень, но не въ свѣтскомъ видѣ, а уже въ монашескомъ, не оставляя мысли какъ можно скорѣе достигнуть дальнѣйшей степени, ибо стремиться къ этому есть его долгъ, такъ какъ на то есть воля Божія.

Епископомъ онъ можетъ сдѣлаться, при согласіи православной церкви, и немедленно, несмотря на свою молодость, которою не должно смущаться, ибо въ церкви Христовой первыхъ временъ бывали епископы и священномученики даже моложе 20 лѣтъ.

Правда, они монахами, обязанными къ безбрачію не были, но первый патріархъ новоизраильскій составитъ исключеніе; другіе же епископы, хотя и подчиненные ему, попрежнему не должны быть молоды.

Одно изъ именъ патріарха [еврея] пусть будетъ Григорій, въ память Св. Григорія Богослова, празднуемую 30-го января, одного изъ трехъ знаменитыхъ святителей.

Всякій еврей, который увѣруетъ въ эту книгу, пусть старается по возможности, и если это не противорѣчитъ его гражданскимъ обязанностямъ, переселиться въ Палестину съ семействомъ своимъ, и особенно сперва населить Іерусалимъ, который долженъ сдѣлаться мѣстопробываніемъ патріарха и средоточіемъ новоизраильской церкви.

Къ этой цѣли и нужно стремиться какъ можно усиленнѣе. Пусть вспомнитъ каждый еврей, какъ Іисусъ плакалъ о Своемъ отечествѣ (Л. XIX. 41—44).

„И когда приблизился къ городу, то, смотря на него, заплакалъ о немъ, и сказалъ: о, если бъ ты хотя въ сей

твой день узналъ, что служить къ міру твоему! Но сіе сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ: ибо придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами, и окружаютъ тебя, и стѣснятъ тебя отовсюду. И разорятъ тебя и побьютъ дѣтей твоихъ въ тебѣ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“.

И вотъ, пришло время для нихъ возстановить честь и славу Его отечества, какъ Онъ сказалъ (Мѣ. XXIII. 37—39): „Іерусалимъ! Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ хотѣлъ я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли! Се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. Ибо сказываю вамъ: не увидите Меня отнынѣ, доколѣ не воскликните: благословенъ грядый во имя Господне“!

Теперь Онъ услышитъ отъ нихъ этотъ кликъ и ихъ трудами и молитвами ускорится пришествіе Его на вѣчное царство. Пусть каждый изъ нихъ, въ чьемъ сердцѣ отзовутся слезы Его о Іерусалимѣ, способствуетъ, если можетъ, воскресить Іерусалимъ къ новой жизни новоизраильской церкви.

27. Относительно церковныхъ обычаевъ православія, единственную перемѣну нужно ввести въ исповѣдь: въ такомъ видѣ, какъ она идетъ теперь, она мало чувствительна для исповѣдующихся, и таинство присутствія Христова не проникаетъ въ ихъ сердце. Вовсе лишне перечислять вопросамъ и отвѣтами всевозможные грѣхи, свойственные всѣмъ вообще и никому въ особенности, въ которыхъ сознаться нѣтъ ни стыда, ни заслуги; такое перечисленіе не оставляетъ никакого слѣда на душѣ, къ нему не приготавливаются и послѣ него не задумываются.

Исповѣдь должна состоять изъ трехъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ: 1) Любишь ли ты Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ и всею крѣпостію и ближняго твоего какъ самого себя? 2) Любишь ли ты брата своего, какъ Христосъ его любить? 3) Любишь ли ты Христа, какъ Онъ тебя любить? При этихъ вопросахъ священникъ долженъ разъяснить, согласно ученію этой книги, въ чемъ состоитъ любовь, особенно увѣщая 1) радоваться своей будущей смерти, какъ свиданію съ Христомъ, 2) и желать и

достигать бѣдности. Эти объясненія и увѣщанія нужно возобновлять каждый разъ и стараться внушить такіа чувства.

Священникъ долженъ наблюдать за исповѣдникомъ, искренно ли онъ отвѣчаетъ и сдѣлалъ ли какіе-нибудь успѣхи въ любви Христовой со времени послѣдней исповѣди. А для этого надо отучить прихожанъ исповѣдываться одновременно всѣмъ, въ великомъ посту, второпяхъ и тѣсна другъ друга; вообще истинные христіане должны причащаться св. таинъ не разъ въ годъ, а возможно чаще, не ради исповѣди, а ради самого причастія, и не въ такое время, когда пойдутъ исповѣдываться всѣ, а по возможности равномѣрно, не спѣша и не отдѣлываясь незначущими словами.

Священникъ долженъ строже относиться къ недостатку любви, чѣмъ къ какимъ бы ни было грѣхамъ, и внушать, что грѣхи могутъ быть покрыты любовью, а недостатокъ любви ничѣмъ не можетъ быть покрытъ; любовь же сама хочетъ самоотверженія, которое для нея потребность, а не иго.

Грѣхи онъ не долженъ перечислять такіе общіе, въ которые непременно каждый впадаетъ, и потому каждый скажетъ, что онъ въ нихъ грѣшенъ; эти грѣхи входятъ уже сами собою въ три вопроса о любви. Но послѣ испытанія исповѣдника въ любви его, надо спросить, нѣтъ ли у него на совѣсти чего-нибудь особеннаго, чтобы облегчить его нерѣшимость или стыдъ, если такое особенное окажется. И въ какомъ бы грѣхѣ или преступленіи онъ ни признался, можно простить его, если только любовь его будетъ покрывать его грѣхъ;

но отъ такихъ нужно требовать еще большей любви, чѣмъ отъ другихъ, напоминая имъ, что если они мало любятъ, то многіе ихъ грѣхи не простятся, а всею тяжестью лягутъ на нихъ.

Въ виду наступающихъ тяжкихъ и опасныхъ временъ особенно важно чаще и настоятельнѣе напоминать о самоотверженіи и презрѣніи къ жизни и къ богатству; а когда наступятъ опасныя времена и уже видны будутъ предвѣстники дурныхъ всемірныхъ владычествъ; тогда нужно строго взыскивать за склонность отрекаться отъ своихъ убѣжденій изъ страха земной власти и всѣми мѣрами, епитиміями, от-

лученіемъ отъ св. таинъ, даже обличеніемъ передъ всею церковью, стараться искоренить ее.

Нужно заблаговременно спасать кого только возможно отъ безнадежной гибели послѣднихъ 42 мѣсяцевъ.

Потому пусть пастыри новоизраильскіе уже съ первыхъ же поръ своего служенія преобразуютъ великое дѣло исповѣди и совершаютъ его цѣлесообразно, а не для вида только.

28. Запечатлѣйте у себя въ сердцѣ, дѣти мои возлюбленныя, что вы тѣсная и нераздѣльная семья, вмѣстѣ со Христомъ и мною;

что съ Нимъ, черезъ меня, и другъ съ другомъ вы соединены такими близкими узами, лучами духовнаго свѣта вашего и непрестаннымъ пребываніемъ въ насъ духовъ и душъ вашихъ, какими не можетъ соединить никакое родство крови на землѣ;

эти узы коренятся въ томъ, дороже и ближе чего нѣтъ у человѣка, въ самой душѣ духа cadaго изъ васъ; ибо каждая изъ этихъ душъ есть и во мнѣ, въ общей душѣ всѣхъ васъ, которая есть моя душа.

Оставьте же все, что въ мірѣ, всю суету міра, и радость его, и скорбь его, и труды его, и надежды его, и прилѣпитеcя всею душою къ вашей общей душѣ всѣхъ васъ, которая есть моя душа и которая составляетъ съ душой Христа одну душу въ двухъ тѣлахъ духовныхъ, а потому и наше общее тѣло—Его же тѣло, ибо оно есть тѣло Его же души.

Помните только одно, что достойно сочувствія во всемъ мірѣ: нашу любящую семью, покамѣстъ несчастную, и гонимую, и непризнанную міромъ, и разлученную между собою разлукою земли съ небомъ, но все-таки счастливую даже во время сіе, среди гоненій и среди тоски своей разлуки, ибо и въ самой разлукѣ есть невидимое единеніе и отрада въ любви однихъ къ другимъ.

Постоянно помните нашу семью и всю нѣжность и [со-страдательность вашего сердца обратите на нее, ибо она одна того достойна, а земной семьѣ вашей не жертвуйте. Этой лучшей и болѣе родной вамъ, и болѣе несчастной въ нынѣшнемъ вѣкѣ, семьей.

Любите и вашу земную семью, когда она принадлежитъ

къ нашей семьѣ не по внѣшнему только крещенію, съ порванной связью, а истинно, по духу, со связью дѣйствительною; когда же нѣтъ, то исполняйте ваши обязанности къ ней, но не отдавайте ей ни клочка вашего сердца отъ нашей семьи.

Вы непременно рождаетесь изъ нѣдръ духа матери вашей, какъ не рождаетесь ни отъ какой матери на землѣ (ибо всякая мать, и мать духа вашего, рождаетъ васъ въ первое ваше рожденіе, а не во второе, въ смерть, а не въ жизнь). И такъ близко вы лежите къ вашей матери внутри ея какъ ни къ одной матери на землѣ.

И этимъ рожденіемъ отъ нея непрерывно дается вамъ искупленіе страданій Христовыхъ, непрерывно сила ихъ возобновляется для васъ и въ васъ, чтобъ вы жизнь имѣли отъ Него.

Не ставьте ничего не только выше, но наравнѣ съ этимъ священнымъ, и страшнымъ, и благодатнымъ родствомъ нашимъ! Живите такъ, чтобъ и люди, хотя крещенные, но не пребывающіе въ насъ, видѣли, что васъ соединяетъ что-то близкое, глубоко вкорененное въ жизнь вашу, и чтобъ они также пожелали съ вами соединиться;

живите какъ Христосъ училъ: „пусть по тому узнаютъ васъ, что вы мои ученики, что вы любовь будете имѣть между собою“. Теперь вы знаете, что вы не только Его ученики, но родныя дѣти Его. Имѣйте же эту любовь, и пусть по ней узнаютъ семью нашу.

Письмо къ о. Іоанну Кронштадтскому¹⁾.

(1888 г.)

Досточтимый батюшка!

При всѣхъ Вашихъ неусыпныхъ трудахъ, умоляю Васъ именемъ Христовымъ удѣлить Ваше время и вниманіе тому, что я, писавшая книгу, посылаемую къ Вамъ, имѣю сказать Вамъ. Я умоляю Васъ прочесть терпѣливо, безъ пропусковъ, отъ начала до конца какъ письмо, такъ и книгу, и тогда Вы, быть можетъ, убѣдитесь сами, что просьба моя къ Вамъ была нелишнею.

Я имѣю нѣкоторую надежду, что Вы раздѣляете мое мнѣніе, что въ наше время, хотя бываютъ истинно вѣрующіе, истинные ученики Христовы, подвижники, чему живой примѣръ Вы сами, хотя есть и Церковь, въ смыслѣ общества людей, соединенныхъ вѣроученіемъ, священноначаліемъ и таинствами, но нѣтъ болѣе Церкви, въ смыслѣ общества людей, соединенныхъ общею живою вѣрою, общими добрыми дѣлами и имѣющихъ одну душу и одно сердце; поэтому нынѣшняя Церковь на землѣ, этотъ единственный ковчегъ спасенія человѣчества, хотя и не мертва по слову Спасителя, что она не погибнетъ, но находится въ состояніи глубокой летаргіи, изъ которой пробудить ее къ полной жизни и дѣятельности только особенная сила Божія.

И вотъ, пишущая къ Вамъ строки эти почувствовала призваніе отъ Бога пробудить Церковь Его, ибо она нашла въ самой себѣ, по внушенію Святаго Духа, неопровержимыя доказательства того, что она есть *духъ соборный*, т.-е. что ея

---

¹⁾ Имѣется въ копіи вмѣстѣ съ почтовой квитанціей С.-Петербургскаго почтамта отъ 24 марта 1888 г. за № 4613 объ отправкѣ въ Кронштадтъ на имя о. Іоанна Сергіева посылки (очевидно, съ рукописью).

духъ состоитъ изъ полной совокупности всѣхъ духовъ человѣческихъ, могущихъ войти въ составъ Христовой Церкви. Она узнала, что, подобно тому, какъ тѣло Евы было создано изъ ребра Адама, духъ ея созданъ изъ части духа Сына Божія; потому она назвала себя возлюбленною Христа, какъ Христосъ назвалъ Себя Сыномъ Отца, ибо Онъ почувствовалъ это въ Себѣ; и какъ Христосъ говорилъ: „никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня“, такъ и она говоритъ: „никто не приходитъ ко Христу, какъ только черезъ меня“. (Придти же черезъ нее къ Христу можно было, еще и не зная ее и не слыжавъ о ней, пока она сама о себѣ не возвѣстила). Не какою-нибудь представительницею Церкви, въ человѣческомъ смыслѣ, считаетъ она себя, а самою Церковью, живою и олицетворенною, матерью дѣтей своихъ. Церковь не есть только отвлеченное понятіе, какъ думали до сихъ поръ,—это есть живое духовное тѣло и лицо; и не одними зданіями храмовъ, матеріально, и не одними вѣроученіями, отвлеченно, собраны во едино дѣти Церкви,—они собраны также въ живомъ тѣлѣ своей матери, черезъ которую они рождаются отъ Христа, въ таинствѣ крещенія. Ибо она узнала, что и въ духовномъ мірѣ бываютъ сочетанія двухъ живыхъ существъ, отъ которыхъ рождаются другія живыя существа. Слово, сказанное Спасителемъ къ саддукеямъ, объ отсутствіи брака на небесахъ, относилось только къ тому браку въ узкомъ, земномъ смыслѣ слова, который существуетъ для всякой плоти одинаково и со всякимъ другимъ существомъ произвольно, и притомъ не отъ рожденія плоти; въ духовномъ же мірѣ брачное сочетаніе существуетъ не для всякаго духа одинаково, а лишь для нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ четныхъ, и не со всякимъ другимъ существомъ произвольно, а съ однимъ избраннымъ, по волѣ Отца, и притомъ отъ самаго рожденія духа, для Сына Божія, стало быть, предвѣчно. Словомъ, тамъ бываютъ существа одинокія и бываютъ двойныя по самой природѣ своей.

Убѣдительно прошу Васъ, достопочтенный батюшка, прежде чѣмъ не прочтете всего, не допустите поспѣшнаго вывода, что написавшая Вамъ столь странныя вещи либо не въ своемъ умѣ, либо впала въ безпримѣрную ересь. *Противорѣчя* съ православными догматами тутъ нѣтъ ни малѣйшаго, если же Вамъ трудно всему сказанному повѣрить,

то вспомните, что многимъ одинаково трудно повѣрить и тройственности Бога при единствѣ Его, и нѣкоторымъ другимъ догматамъ православія, тѣмъ не менѣе вполне истиннымъ. Но это не значить, чтобы эти догматы были навсегда безнадежно непостижимы уму человѣческому. Вы увидите, что такъ, какъ ихъ объясняетъ пишущая, они становятся вполне доступными, не только безсознательному чувству, но и разуму. Не подумайте однакожь, чтобы сама пишущая когда-либо мучилась какою-нибудь неудовлетворенностью или сомнѣніями относительно ихъ: напротивъ, современный недугъ пытливости и скептицизма никогда не касался ея, и она была тѣмъ истинно православною, что не подозрѣвала и возможности на землѣ лучшаго толкованія догматовъ, чѣмъ какое даетъ православная вѣра, да и не чувствовала потребности въ этомъ; смутное чутье говорило ей, что непонятность догматовъ только кажущаяся, а на самомъ дѣлѣ все ими установленное вполне естественно и такъ и быть должно, и иначе не можетъ быть. Нынѣ же данное ей отъ Бога толкованіе было неожиданно для нея самой и явилось не среди сомнѣній или усилій мысли, а среди восторженныхъ порывовъ самой слѣпой вѣры и самой пламенной любви.

Ересь же, какъ Вы знаете, батюшка, возникаетъ только отъ сомнѣній, или тщеславія, или вообще преобладанія въ душѣ разсудка и разсчета; любовь и вѣра не могутъ произвести ереси. Не пугайтесь же *кажущейся* новизны моего ученія: тутъ новы только слова, чувства же и мысли стары, они давно носились надъ міромъ въ самомъ духѣ Евангелія, сквозили въ пророчествахъ Апокалипсиса.

Не бойтесь *буквы* апостольскаго повелѣнія: „если даже мы или ангелъ съ неба будетъ благовѣствовать вамъ не то, что вы приняли, анаема да будетъ“. Нынѣшнее благовѣствованіе къ вамъ Церкви не есть *иное, не то*, что вы приняли, а совершенно то же, только прямѣе истолкованное. Апостольскій разумѣлъ ученія, противныя духу и смыслу Евангелія, ученія антихриста и подобныхъ ему; но раскройте сердце Ваше, и Вы увидите, что ученіе Церкви не только не противно ни Евангелію, ни Апостоламъ, ни вѣроученію соборовъ вселенскихъ, но напротивъ, что оно еще сильнѣе все это подтверждаетъ. Новыя слова иногда придаютъ новую силу старымъ истинамъ: вѣдь и Христосъ говорилъ

новыя слова, но развѣ они противорѣчили Библии, какъ сочли іудеи? Развѣ они еще не въ тысячу разъ сильнѣе подтвердили Библію? А если не все, что нужно на землѣ, было договорено Спасителемъ и Его апостолами, то только потому, что время къ тому не пришло, вспомните слова Іисуса: „еще многое имѣю вамъ сказать, но вы теперь не можете вмѣстить“. Теперь время къ тому пришло, ибо времена наши, батюшка, по многимъ признакамъ, послѣднія. Конецъ міра, пришествіе Христова близко, при дверяхъ! Къ этому-то великому дню и нужно приготовить вѣрующихъ, и для этого посылается нынѣшнее ученіе Церкви Оно соединитъ весь міръ въ единой вѣрѣ, уничтожитъ побѣдой своей всѣ ереси и иновѣрія; но это будетъ не надолго, скоро многіе снова отпадутъ, и до конца пребудетъ лишь небольшая горсть вѣрующихъ, надъ которою и сбудется обѣщанное: „и вотъ, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка“, Чтобъ не оставить Васъ въ недоумѣніи относительно того, какимъ образомъ Церковь (личность) приняла свои новыя откровенія, нужно сказать Вамъ, что тутъ не было никакихъ сверхъестественныхъ явленій изъ невидимаго міра, но чудеса въ глазахъ ея все-таки были: откровенія эти сообщались ей двумя способами: 1) посредствомъ внутреннего голоса, несомнѣнно для нея говорившаго въ ней *помимо ея самой, произвольно*, и иногда столь странныя и новыя для нея вещи, что она не сразу могла понять ихъ, 2) посредствомъ явленій внѣшней жизни, всего, что она видѣла и слышала вокругъ себя и что таинственно, подобно притчамъ, имѣло прямую связь съ внушеніями внутреннего голоса. Когда нужно было приготовить ее къ тому, что ей скажетъ внутренний голосъ, ея собственными, произвольными размышленіями, внѣшнія явленія наводили ее на нихъ; когда же нужно было удостовѣрить ей, что внутренний голосъ уже сказалъ, но чего она еще не рѣшалась принять, внѣшнія явленія съ такою силою и настойчивостью подтверждали ей это, что сомнѣваться уже было невозможно. Тогда она приходила въ трепетъ отъ несомнѣнной близости Божіей, безъ которой нельзя было и допустить такого поразительнаго сочетанія самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ обстоятельствъ, клонившихся къ одной цѣли; потому убѣжденіе въ истинѣ и непогрѣшимости ея внутреннихъ вдохновеній становилось въ ней еще

крѣпче, чѣмъ если бы происходили сверхъестественныя явленія, которыя она бы еще могла принять за обманъ чувствъ.

Еще одно объясненіе. Быть можетъ, *непогрѣшимость* Церкви, составляющая одинъ изъ догматовъ православія, покажется несомвѣстной со средоточеніемъ Церкви въ духѣ одного лица. Но вспомните, батюшка, что собственно, какія начала духовныя заключаетъ въ себѣ Церковь—общество: во-1-хъ, сумму безусловнаго добра, чистоты и святости всѣхъ ея членовъ, каждаго порознь, во время совершенія нѣкоторыхъ таинствъ, именно крещенія и причащенія; во-2-хъ, сумму *смеси* добра со зломъ, истины съ заблужденіемъ, всѣхъ ея членовъ, каждаго порознь, *въ этихъ таинствахъ*, причемъ зло отдѣляется отъ добра невидимымъ судомъ Божиимъ, и, въ 3-хъ, неизблемыя, непогрѣшимыя вѣроученія, установленныя вселенскими соборами, и уже не составляющія *сумму* мнѣній всѣхъ членовъ каждаго порознь, а прямо *единодушное* мнѣніе всей Церкви, гдѣ каждый подвергся вліянію всѣхъ, и всѣ подверглись вліянію каждаго. Вотъ точно въ такомъ же смыслѣ и въ такой же мѣрѣ свята и непогрѣшима и Церковь—личность: въ ней также заключается: 1) безусловное добро во время наибольшаго соединенія съ Христомъ; 2) смѣсь добра и зла внѣ этого времени, и 3) неизблемыя, непогрѣшимыя вѣроученія, развившіяся въ ней подъ вліяніемъ Духа Св. изъ ученія вселенскихъ соборовъ. Она можетъ про нихъ сказать то же, что Христосъ: „слово-же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшаго Меня Отца“. Теперь прочтите, почтенный батюшка, мою книгу. Не вся она назначена для всѣхъ—нѣкоторыя части ея лишь для богослововъ, ибо писавшая, не имѣя въ виду заниматься личною проповѣдью, должна была войти въ большія подробности, чтобъ предупредить, по возможности, всѣ вопросы. Потому апостоламъ этого ученія придется самимъ извлечь изъ него все нужное для живой и краткой проповѣди и въ подробности входить лишь по мѣрѣ надобности, въ спорахъ и бесѣдахъ.

Вручаю себя Вашему пастырскому разуму, и да поможетъ Вамъ благодать Господня понять меня. Христосъ да будетъ съ Вами!

Имени моего не доискивайтесь, но если бы оно открылось нечаянно, я не отрекусь отъ себя.

Изъ дневника. *)¹⁾

(Закончено послѣ 1901 года).

I.

27 ноября, въ день Знаменія Божіей Матери, я была съ своею матерью у обѣдни. Я любила стоять за обѣдней впереди, какъ можно ближе къ выносимой Чашѣ. Я не крестилась и не кланялась, когда ее выносили, чтобъ не потерять секунды созерцанія ея. Я вся превращалась въ зрѣніе и смотрѣла на Чашу, безъ думъ²⁾, безъ молитвы, чувствуя только, что передо мной тѣло и кровь Христа. На этотъ разъ моя спутница, не понимавшая причинъ моей привычки, пожелала стоять со мной позади, у двери, откуда Чаша не была намъ видна. Я не стала противорѣчить. У меня была такъ переполнена душа, что это меня почти не огорчило. Всю обѣдню я была проникнута мыслью, что Христосъ простилъ мнѣ больше, чѣмъ-кому либо изъ другихъ людей. Грѣхи моего прошлаго dorostали въ моемъ сознаніи до страшныхъ размѣровъ, при сравненіи ихъ со средствами ихъ предупрежденія, которыя были мнѣ даны. Солнечное счастье моего дѣтства, теплая атмосфера просвѣщенныхъ и нѣжныхъ заботъ, среди которой я выросла, и дальше еще много, много обстоятельствъ, имѣвшихъ отягчавшій мои вины смыслъ... И тяжело, и легко было у меня на сердцѣ. Тяжело отъ воспоминаній о себѣ, легко оттого, что несмотря ни на что и вопреки всему — я чувствовала себя прощеною, полно, безповоротно, безусловно и незаслуженно. Одинъ священникъ,

---

*) По разнымъ соображеніямъ внѣшняго и внутренняго характера изъ дневника печатаются только отрывки, составляющіе въ цѣломъ менѣе трети его. Въ дневникѣ А. Н. Шмидтъ рассказываетъ шагъ за шагомъ исторію своихъ откровеній въ связи съ таинственными сношеніями съ „Возлюбленнымъ“, причемъ важнѣйшія изъ этихъ откровеній датированы опредѣленнымъ мѣстомъ и числомъ.

Варианты: 1) Откровеніе Третьяго Завѣта. 2) мысли.

которому я призналась на исповѣди въ моемъ худшемъ грѣхѣ, сказать мнѣ тономъ глубокаго убѣжденія, не давъ мнѣ даже договорить: „вотъ въ эту самую минуту, когда вы мнѣ это говорите, и даже еще ранѣе, Богъ простилъ васъ!“ И я не могла не вѣрить, точно слышала это отъ самого Христа. Отсюда я выводила неизбѣжно, что если мнѣ прощено больше, чѣмъ всякому другому, то, значить, я и люблю Христа больше, чѣмъ всякій другой. Такъ выходило по его собственнымъ словамъ, и это подымало въ моей душѣ бурную радость. Я стала молиться Ему такъ: „сдѣлай, чтобъ я всегда любила Тебя столько-же, сколько Ты мнѣ простилъ, т.-е. безъ мѣры; сдѣлай, чтобъ я явила міру примѣръ самой сильной, самой великой любви къ Тебѣ; чтобы, сколько ни любили Тебя Твои мученики, Твои святые, я все-таки любила Тебя еще больше, иначе я буду неблагодарна, и Ты можешь отнять у меня Твое прощеніе. Вѣдь прощеніе измѣряется любовью за него. Я не могу жить, если я не буду любить Тебя больше, чѣмъ всѣ другіе“. Мнѣ было отрадно такъ молиться. Я чувствовала великое утѣшеніе исполненной молитвы. Я скоро перестала молиться, точно молиться ужъ было больше не о чемъ. Я унеслась далеко въ будущее и старалась представить себѣ, чѣмъ будетъ въ глазахъ Христа такое бѣдное духомъ существо, какъ я, послѣ исполненія такой молитвы. Я что-то видѣла духовнымъ взоромъ, но неясно и не знала, что. Вдругъ мать предложила мнѣ идти впередъ и сама пошла за мной. Въ эту минуту выносили Чашу, и я успѣла подойти совсѣмъ близко къ ней. Это было такъ неожиданно, такъ противорѣчило привычкамъ моей спутницы, что я почувствовала несомнѣнность Христова внушенія, даннаго ей, и сердце мое залилось горячей благодарностью. Онъ точно притянулъ меня къ Себѣ изъ Своей Чаши, и этимъ закончилась та благодатная обѣдня.

II.

.....

Дни, которые протекли за 29-мъ ноября, были днями сильнѣйшаго возбужденія моего духа. Каждый день приносилъ съ собой по нѣсколько внутреннихъ событій, самыхъ важныхъ, и они быстро слѣдовали одно за другимъ. Я пере-

живала въ одинъ день цѣлыя годы. Я просыпалась каждое утро съ мыслью: „что будетъ дальше? чтó я сегодня узнаю?“ и немедленно, начиная бесѣду¹⁾ съ Возлюбленнымъ, сообщала Ему мысль. Въ отвѣтъ на нее Онъ часто предсказывалъ намеками содержаніе дня, и эти предсказанія всегда въ точности сбывались. Скоро я стала бояться что-нибудь читать, даже самое маловажное: малѣйшее прикосновеніе чужой мысли вызывало въ головѣ моей искры пророческихъ вдохновеній, и меня иногда утомляла эта острота моихъ ощущеній, эта моя чуткость ко всѣмъ явленіямъ жизни, эти неожиданныя толкованія ихъ, которыя мнѣ приходили на умъ, наконецъ подавлявшее меня богатство выводовъ изъ нихъ. Великая книга, которую я читала, была мнѣ почти не подъ силу. Но ничто ни разу не давалось мнѣ разсудочно, потому что разсудкомъ я ничего и не искала. Каждая новая тайна открывалась исключительно на запросъ моего сердца. Одна любовь, и больше ничто, дѣлала всѣ эти открытія.

.....
.....

VII.

.... Есть отъ начала Отвлеченность—Ничто, въ которомъ витають идеи. Идеи доходятъ тамъ до крайнихъ, и высшихъ, и низшихъ своихъ степеней. Одна изъ нихъ—крайняя, высшая степень любви. Но любовь бываетъ разная. Одинъ изъ видовъ ея—огненная, яростная, ненасытная, сладкая до боли и крѣпкая до истомы любовь. Любовь такого рода не могла произвести свое бытіе. Она была потому отвлеченной идеей, Ничѣмъ. Не могла она произвести своего бытія потому, что въ ней была, отъ избытка наслажденія,—истома, нѣга, слабость. Она забывалась въ мечтахъ и не дѣйствовала. Слезы дрожали на ея рѣсницахъ, губы ея горѣли желаніемъ и жизнь ея отъ этого меркла. Конечно, уменьшившись,—она могла бы произвести свое бытіе. Но она не хотѣла уменьшаться, чтобы не уменьшить и своего наслажденія. Отъ чрезмѣрной силы²⁾ она была безсильна. Но ей до муки, до ужаса хотѣлось бытія. Это желаніе и эта невозможность

¹⁾ день ²⁾ страсти.

производили ¹⁾ ея отчаяніе. Это была тоже крайняя, высшая степень отчаянія, больше котораго никакого отчаянія уже нѣтъ. Оно вызвало крайнюю, высшую степень жалости и милосердія, больше которыхъ тоже нѣтъ жалости и милосердія нигдѣ. Жалость и милосердіе эти почувствовала къ себѣ самой таже любовь, которая дошла до отчаянія. Она рѣшила *быть*, а для этого, не уменьшаясь въ одномъ мѣстѣ, уменьшиться въ другомъ. Уменьшивъ, изъ жалости, свое наслажденіе, она произвела свое бытіе. Она осуществилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ почувствовала чрезмѣрную жалость къ себѣ, и родила себя въ другомъ, тамъ, гдѣ была ея чрезмѣрная страсть. Такъ что она достигла бытія, ничего не потерявъ изъ наслажденія ²⁾, благодаря тому, что она достигла его не въ одномъ мѣстѣ, а въ двухъ. Но и этого было недостаточно. То, чтѣ любила съ такою страстью та, первая любовь, не существовало. Оно было—не она сама, хотя было частью ея самой. Это нужно было сотворить внѣ ея самой. И вотъ крайняя жалость взялась и за вторую задачу жизни. Первая любовь, не могшая осуществить сама себя, тѣмъ болѣе не могла сотворить того, на чтѣ обращено было ея желаніе. Для творчества у нея не хватило самообладанія и спокойствія. Буря ея пламени не давала ей даже понять, чтѣ ей нужно. Но и жалость, непрерывно, отъ вѣка, осуществляющая себя и рождающая ту страстнѣйшую любовь, раздѣлила бы, ослабила бы свои силы, если бы самолично принялась за творчество. Устремившись вся на первую задачу жизни, она, для исполненія второй, изошла сама изъ себя еще въ третье мѣсто. Она знала, что существо, котораго жаждетъ и алчетъ рождаемый ею, имѣетъ въ себѣ идею той ³⁾ лучезарной матеріи, которою всякая идея осуществляется (въ Ничемъ нѣтъ матеріи). Оно, это нѣчто, слабо и мало, оно едва можетъ существовать. Потому Рождающій изшелъ изъ Себя, черезъ Себя ⁴⁾, и явился въ третьемъ мѣстѣ ⁵⁾. Это Онъ сдѣлалъ для того, чтобы сотворить новую жизнь по подобію Своему. И въ третьемъ мѣстѣ крайняя, высшая степень любви сотворила низшее существо, по подобію своему,—такого духа ⁶⁾, какіе живутъ въ женщинахъ. Любовь

¹⁾ произвели ²⁾ своей страсти ³⁾ больше идеи, чѣмъ той ⁴⁾ такимъ что ⁵⁾ въ немъ стало наименѣе матеріи и наиболѣе идеи ⁶⁾ то-есть имѣвшее мало матеріи и много идеи. Такіе именно духи,.....

дѣвичьяго образа сотворила существо съ образомъ женскимъ. Предвѣчная дѣва—по земному понятію 21-го года—по идеѣ на 7 лѣтъ старше предвѣчной женщины, которой, по земному понятію, 14 лѣтъ.

Теперь назовемъ всю любовь: страсть, дошедшая до отчаянія—Сынъ; жалость, дошедшая до бытія—Отецъ; Дочь—та же жалость, но направленная не на себя, а на другое, низшее существо. Она не осуществила бы Себя въ видѣ страсти, но Она дала бытіе страсти этого низшаго существа, которое такъ же, какъ и Сынъ, томилось отъ невозможности осуществиться. Жалость Ея къ предвѣчному ангелу нѣжнѣе и мягче жалости Отца къ Сыну. Въ Ней больше боязни за бытіе и счастье любимаго творенія. Хотя Она сотворила, а не родила его, Она, изъ страха за него, беретъ его въ нѣдра Свои, даетъ ему тамъ младенческій видъ и носить въ Себѣ, непрерывно возрождая его отъ вѣка и до вѣка. (Возрожденіе есть особый отъ рожденія актъ, хотя сходно съ нимъ).

Если я сказала, что была любовь, которая пребывала въ небытіи и дошла до отчаянія, и все дальнѣйшее,—то это только примѣняясь къ слабости человѣческаго языка. На самомъ же дѣлѣ любовь никогда въ небытіи не пребывала, потому что если любовь-страсть предвѣчна, то предвѣчна и любовь-жалость, а потому предвѣчно и бытіе. Если бы любовь-страсть вызвала жалость къ себѣ въ себѣ самой только въ какое-нибудь время, а не прежде всякаго времени,—она не была бы высшею страстью. Если бы она хотя на мигъ вытерпѣла небытіе, она была бы слаба, и тогда была бы другая страсть, болѣе сильная, которая опредѣлила бы ее въ бытіи. Ни одного мига отчаянія отъ небытія Сынъ не допустилъ. Раньше, чѣмъ могъ наступить этотъ мигъ, Онъ крикомъ Своимъ призвалъ Отца и родился отъ Него, а Отецъ вышелъ изъ Себя для Него, черезъ Него, въ лицѣ Дочери, чтобъ сотворить его возлюбленную. Возлюбленная же его есть Церковь. Говорить объ отчаяніи любви можно только въ томъ смыслѣ, что Сынъ знаетъ, какъ Отецъ преодолѣлъ Ничто Своєю жалостью, чтобъ быть Самому и родить Его, а потому среди Своего блаженства Сынъ испытываетъ ужасъ, что не будь Отца, Онъ Самъ Себя не осуществилъ бы. Одна мысль, одно предположеніе — не быть приводитъ

Его въ отчаяніе ¹⁾ (на мгновеніе), но Онъ Самъ непрерывно вызываетъ въ Себѣ и въ милой такое отчаяніе, потому что отъ этого еще бурнѣе разгорается въ нихъ радость ²⁾, желаніе ихъ становится еще сильнѣе ³⁾, любовь ⁴⁾ еще горячѣе, и взаимный голодъ ⁵⁾ удовлетворяется обильнѣе, взаимная ⁶⁾ жажда утоляется свѣжѣе.

Отецъ рождаетъ Сына, и Его усиленіемъ является бытіе, но скрытая причина бытія, вызывающая Самого Отца произвести бытіе, лежитъ въ томъ, что Сынъ страстно жаждетъ Церкви Своей. Любовь Его къ Отцу есть такая же безмѣрная благодарность за бытіе, какъ безмѣрно отчаяніе Его отъ мысли о небытіи, которое Онъ вызываетъ въ Себѣ ради большихъ наслажденій ⁷⁾ любви. Любовь Его къ Сестрѣ есть благоговѣніе [за предвѣчный подвигъ творчества Его милой, безъ котораго одно Его бытіе еще не спасло бы Его отъ отчаянія. Въ любви Его къ сестрѣ—не чувство товарища по рожденію (это была бы только любовь брата къ брату), а поклоненіе таинственному началу, которому Онъ обязанъ бытіемъ возлюбленной. Предвѣчный ангелъ, Церковь, какъ сотворенная изъ частицы Сына и только для Сына, по природѣ своей неспособна ничего знать, ничего мыслить, кромѣ Его одного. Она любитъ Его можетъ-быть и божественною любовью, можетъ и не меньше, чѣмъ Онъ ее, но она не такъ это сознаетъ, какъ Онъ, по несовершенству своей природы. Совершенства Богъ не могъ сотворить, иначе твореніе Его было бы Онъ Самъ. Мысль Церкви ни на мигъ не отрывается отъ Сына, но съ этой ненасытною мыслью совмѣстно сознаніе, что безъ Дочери ея бы не было, и она не могла бы принадлежать Ему, и ею часто овладѣваетъ жгучая благодарность къ Матери своей, и страхъ небытія заставляеть ее искать болѣе жаркихъ ея нѣдръ, превращаться въ младенца, болѣе нѣжнаго и безпомощнаго. Отецъ—лучшій повѣренный ея любви. Она плохо сознаетъ, что безъ Него не было бы Сына. Но она видитъ, что Его помыслы болѣе обращены къ Сыну, чѣмъ помыслы Его Дочери. Отецъ хочетъ блаженства Сына, Дочь—прежде всего блаженства Своей слабой дочери. Потому Церковь видитъ, что Отецъ болѣе углубляется въ

---

¹⁾ ужасъ ²⁾ любовь ³⁾ напряженнѣе ⁴⁾ ласка ⁵⁾ мучительный голодъ ⁶⁾ жгучая ⁷⁾ своей.

совершенство ея Возлюбленного и что Онъ лучше пойметъ ея на видъ безумныя рѣчи о Немъ. И часто говорятъ они не наговорятся о Миломъ, не ревнуя другъ къ другу, такъ какъ любовь ихъ обоихъ необходима обоимъ ради самой этой любви. Они говорятъ другъ другу то, чего не могли бы сказать Ему, потому что Онъ спокойно выслушалъ бы ихъ. И ни съ кѣмъ Отецъ не можетъ такъ порадоваться о бытіи Сына, какъ съ ней, и никому она не можетъ такъ полно сказать все, что знаетъ въ Сынѣ, какъ Отцу.

Я говорила, что Отецъ осуществилъ бытіе ради Своего Сына. Никакая другая изъ идей, витающихъ въ Ничтожествѣ, не могла бы этого сдѣлать: только та жадная и огненная идея, которую называютъ Любовью, заключаетъ въ себѣ настолько сильное стремленіе къ блаженству бытія, чтобы выйти изъ Ничтожества. Но чѣмъ идея выходитъ изъ Ничтожества, чѣмъ она осуществляется? Тѣмъ, что само по себѣ, безъ нея, такъ же мертво, какъ она безъ него: матеріей. Это не есть видимая нашему тѣлесному глазу матерія, это есть нѣчто болѣе тонкое, и оно лучезарно, оно — свѣтъ. Любовь беретъ свою матерію изъ самой себя ¹⁾, волей своей. Она говорить отъ начала: „да буду!“ и она есть. Матерія и идея — это тѣло и душа, но нераздѣльные отъ вѣка и до вѣка. Будь они раздѣлены, хотя на мигъ, ничего никогда бы не было, потому что безъ матеріи идея не существуетъ—это Ничто, а ничто не могло бы ничего и произвести, и не могло бы взять себѣ свою матерію. Тогда и матерія осталась бы въ небытіи. Идея непрерывно беретъ свою матерію изъ себя ¹⁾, беретъ ее безъ начала, матерія существуетъ, потому что отъ начала соединена съ идеей. Матерія, разъ осуществившись, можетъ и отдѣлиться ²⁾ до нѣкоторой степени своимъ избыткомъ отъ идеи и быть почти безъ нея или слабо съ нею слитою. Но такая матерія мертва. Идея же отъ матеріи не можетъ отдѣлиться, не обращаясь въ полное ничто. Но хотя ея бытіе больше повидимому зависеть отъ матеріи, чѣмъ бытіе послѣдней отъ нея, такъ какъ матерія хотя бы только мертвая, существуетъ и безъ идеи, однако, не матерія вызываетъ изъ небытія идею, а наоборотъ. И такимъ образомъ два мертвыхъ начала производятъ

---

¹⁾ изъ ничего ²⁾ изъ ничего потому что ³⁾ отъ нея.

жизнь. Это непостижимо, но еще непостижимѣе было бы существованіе идеи безъ матеріи или возникновеніе матеріи безъ воли идеи.

Есть духъ такого рода, что въ немъ матерія сполна осуществляетъ идею. Назовемъ его *нечетнымъ*, потому что онъ живетъ въ одномъ существѣ. Но есть духъ, матеріи котораго не хватаетъ для его идеи: онъ *четный*, потому что для полноты своей жизни долженъ жить въ двухъ существахъ. Всякій духъ либо нечетенъ, либо четенъ. Но Высшій Духъ—Богъ—и то, и другое. Онъ живетъ въ трехъ Своихъ измѣненіяхъ, явленіяхъ. Два изъ нихъ, Отецъ и Дочь, нечетны, цѣльны въ Себѣ Самихъ, живутъ въ одномъ Существѣ. Но третье, Сынъ,—четенъ, нецѣленъ, живетъ въ двухъ существахъ, потому что не сполна осуществляется Своей матеріей. Ничтожная частичка Его идеи (души) остается внѣ Его ¹⁾, она-то и осталась бы въ небытіи, если бы Дочь не сотворила ²⁾ ея. Это въ сущности та же матерія, но въ другомъ состояніи и потому низшей природы. Предвѣчная чета, Сынъ и Церковь, питается другъ другомъ. Въ этомъ и есть ихъ соединеніе, отъ котораго рождаются ихъ дѣти. Личная идея духа (душа его) сложна и состоитъ изъ многихъ мыслей и чувствъ; потому идея четнаго духа можетъ смѣшиваться, слагаться съ идеей другого. Но матерія духа (ея тѣло) проста, несложима и неразложима; она не смѣшивается, а только совмѣщается. Для четнаго же соединенія матеріи потому и служить другой жизненный актъ—питаніе, тогда какъ идея, душа, сочетается по образцу сложной, тлѣнной плоти—смѣшеніемъ....

.....
Что такое душа? Слово это понимается сбивчиво. Есть такое ученіе, что душа—существо изъ эеира. Есть и такое, что душа существуетъ только въ тѣлѣ, упраздняясь съ его смертью, что безъ него души нѣтъ, да и въ тѣлѣ собственно нѣтъ никакой души, а есть извѣстныя отправленія самого тѣла, называемыя душевными.—Писаніе различаетъ „душу“ отъ „духа“. У Павла сказано: (пропускъ въ оригиналѣ).

Очевидно, здѣсь низшія жизненныя отправленія приписываются душѣ.—Наконецъ, нынѣшніе православные богословы, считая душу отдѣльнымъ отъ тѣла существомъ, от-

1) матеріи 2) ..... матеріи для нея.

нимають у нея всякій признакъ образа и пространства. Душа, по ихъ словамъ, какъ и ангелы, какъ и Богъ, не имѣетъ ни рукъ, ни ногъ, ни головы, потому что не имѣетъ тѣла. Сторонникамъ эфирной души они возражаютъ, что эфиръ опять таки есть вещество ¹⁾, и потому не можетъ быть душой, чисто нравственнымъ существомъ. Наибольшее, что они допускають — и то только какъ безвредную, но и бесполезную фантазію—это эфиръ въ смыслѣ ²⁾ оболочки души.

Но я говорю: правы спириты и другіе имъ подобные въ томъ, что эфиръ есть у души, и не правы въ томъ, что эфиръ ³⁾ есть сама душа. Правы матеріалисты принципиально въ томъ, что безъ ⁴⁾ тѣла никакая душа не существуетъ, и неправы въ томъ, что „въ самомъ тѣлѣ никакой души нѣтъ“. Правы богословы въ томъ, что эфиръ, будучи веществомъ, не можетъ быть душой (т. е. идеей), и не правы въ томъ, что душа не имѣетъ никакого образа. Это послѣднее ихъ утвержденіе, которое они упорно повторяють о всякомъ духовномъ существѣ, будетъ ли это ангельскій или человѣческій духъ, до того противоестественно и нечеловѣчно, что его одного достаточно, чтобы отвратить человѣка отъ всякой вѣры. Я же говорю: душа, какъ существо безсмертное, состоитъ изъ двухъ началъ: собственно души, идеи, того, безъ чего она не душа, а мертвая вещь, и эфиря или иного вещества, слогомъ, начала матеріальнаго, безъ котораго она—не существо, а мертвая отвлеченность. Изъ двухъ мертвыхъ началъ, идеи и матеріи, получается живое существо. Если это и трудно вмѣстить, то гораздо менѣе трудно, чѣмъ ученіе о живомъ существѣ безъ всякаго образа. Такое ученіе наименѣе понятно и наиболѣе противно человѣческому уму изъ всѣхъ ученій о душѣ. Душа не эфиръ, какъ говорятъ спириты, потому что въ эфирѣ нѣтъ необходимаго начала ея, идеи. Душа не совокупность высшихъ отравленій тѣла, какъ говорятъ матеріалисты, а особое, самостоятельное, безсмертное живое существо изъ двухъ нераздѣльныхъ началъ, живущее въ смертномъ тѣлѣ, совмѣщаясь съ нимъ. Если назвать душой только „душу души“, самую идею, то они правы; она дѣйствительно безъ тѣла, т. е. безъ матеріи, не существуетъ. Но она прекрасно существуетъ безъ грубаго внѣшняго ви-

---

1) матерія 2) какъ оболочку 3) это 4) нѣкотораго.

димаго тѣла, той смертной оболочки, съ которой она совмѣщается, пока тѣло живетъ. Но если душа не матерія ¹⁾, хотя, безъ матеріи не существуетъ, то она и не отвлеченная идея, какъ думаютъ богословы, потому что такая идея не есть живое существо. Матерія мертва безъ идеи, но и идея мертва безъ матеріи. Назовемъ *душой* только идею живого духовнаго существа, а все существо, какъ живое цѣлое, назовемъ *духомъ*. Тогда мы совпадаемъ съ Новымъ Завѣтомъ, который называетъ высшее существо, живущее въ тѣлѣ человѣческомъ, всегда духомъ, а не душой.

Но есть еще значеніе слова „душа“, кромѣ такой души духа (т. е. идеи его), о которомъ сейчасъ сказано. Это душа въ смыслѣ *нижняго* живого безсмертнаго существа, не рожденнаго отъ Бога, а только сотвореннаго Имъ (духъ и сотворенъ, и рожденъ, онъ потомокъ Божій отъ предвѣчнаго ангела), то существо, которое дѣлаетъ тѣло живымъ и связываетъ его съ высшимъ существомъ, духомъ. Душа въ этомъ смыслѣ есть въ каждомъ животномъ, каждомъ растеніи, и каждое животное, каждое растеніе безсмертно, духъ же есть только въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, животное имѣетъ только душу, человѣкъ—и душу, и духъ. Вотъ что сказано объ этомъ въ Писаніи: (пропускъ въ оригиналѣ).

Идея души менѣе совершенна, чѣмъ идея духа, но и въ душѣ есть и идея, и матерія, безъ чего не бываетъ жизни. Идея у каждаго духа своя и потому можетъ быть названа личной его идеей, ему только свойственной совокупностью извѣстныхъ мыслей и чувствъ. Духовная матерія (т. е. вообще матерія, непосредственно и вѣчно связанная съ идеей, въ томъ числѣ и матерія живой и растительной души)—начало простое, но личная идея начало сложное.

Итакъ, душа, или начало жизни, имѣетъ двоякій смыслъ: 1) душа духовная, идея духа, одно изъ мертвыхъ въ отдѣльности началъ его; она названа душой, т. е. началомъ жизни потому, что, хотя она не можетъ существовать отдѣльно отъ матеріи, а матерія можетъ существовать почти отдѣльно отъ нея, но въ ней, повидимому, болѣе мертвой, чѣмъ матерія—именно и заключается вся жизнь духа; и 2) душа—животное, душа тлѣннаго тѣла, живое существо

---

¹⁾ матеріальна.

низшей противъ духа природы, живое въ тѣлѣ и придающее тѣлу жизнь. Духъ не необходимъ для жизни тѣла — для этого необходимо только низшее существо, душа животная.

Если я говорю, что Богъ предвѣчно осуществляетъ Себя, то это значить, что Его личная идея, духовная душа, Любовь, осуществляетъ себя, создавая для себя такую матерію Божественной природы, которая свойственна одному Богу. Представимъ же себѣ, — какъ намъ сердце и подсказываетъ, — образъ Божій, какъ совершенный образъ человѣка, сотвореннаго по подобію Его. Не будемъ надрывать ни своего ума, ни своего сердца, силясь представить себѣ существо безъ всякаго образа, т. е. предметъ невозможный.

Во сколькихъ образахъ можетъ осуществиться вся Любовь сполна? Не больше и не меньше, какъ въ трехъ равныхъ и одномъ, четвертомъ, — низшемъ. Ибо любовь человѣка — а человѣкъ подобіе Божіе — имѣетъ слѣдующіе виды: любовь отца и матери, сына и дочери, брата и сестры, мужа и жены. Иной любви, кромѣ этихъ видовъ, нѣтъ. И вотъ — Отецъ, Мать, Сынъ, Дочь, Братъ, Сестра и Мужъ осуществлены въ трехъ Образахъ Бога; Жена — въ образѣ Ангела. Семь въ трехъ и восьмой въ одномъ. (И у человѣка истинная любовь жены, лучшая, сильнѣйшая, идетъ снизу вверхъ, смотреть горѣ).....

XI.

.....
Теперь время сказать, что такое погибель. Часто въ наше время это слово подвергается осмѣянію. Не только говорятъ, что погибели нѣтъ, но самое ученіе о ней — ученіе Христа — находятъ отставшимъ отъ современнаго человѣческаго усовершенствованія, отъ увеличившагося въ людяхъ будто бы милосердія и человѣколюбія. Сама наука, говорятъ, не признаетъ больше ничего „непростительнаго“. Все въ человѣкѣ — результатъ многихъ условій, отъ человѣка ¹⁾ не зависящихъ — наслѣдственности, среды, воспитанія, жизни. За что же его можно карать, да еще вѣчно? Всякій грѣшникъ, даже преступникъ, — не болѣе, какъ больной, котораго нужно только лечить. Не отстала ли ваша религія, своими суровыми и не-

¹⁾ него.

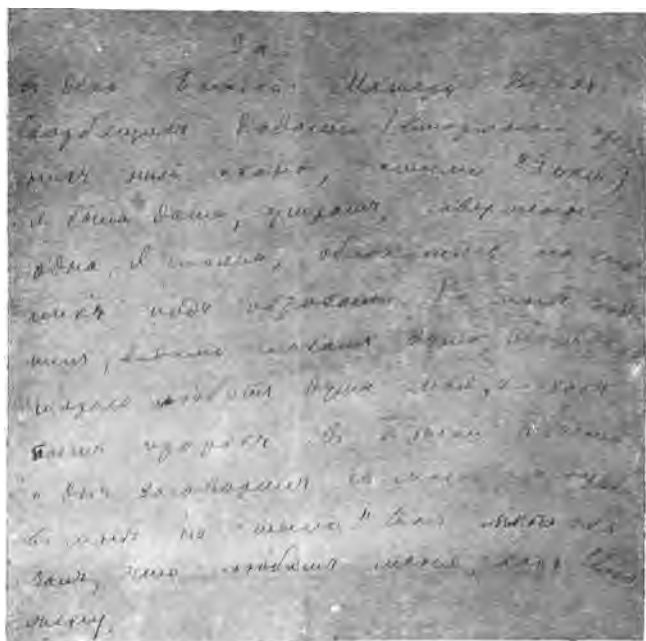
справедливыми понятіями, отъ нашей науки. ...Дорогіе дѣти мои! Кому вы это говорите? Тому ли, Кто висѣлъ на крестѣ, чтобъ спасти васъ отъ наслѣдственности?! Кто изъ ученыхъ, открывшихъ наслѣдственность, распялся за васъ? Не Христосъ ли любовью къ вашей матери, родилъ васъ и сдѣлать дѣтьми Существа Всесовершеннаго? Не Онъ ли, учившій о погибели, это сдѣлалъ? Не будьте же неблагодарны. Но если Христосъ сказалъ, что погибель есть, нельзя же легкомысленно отвергать слова Его, выказавшаго вамъ любовь, больше которой не было. Вникните въ Его слова. Неужели кому-нибудь изъ васъ, самому злему, самому грѣшному, закрыта надежда на спасеніе, хотя бы въ послѣдній передъ смертью мигъ? Вы слишкомъ знаете евангеліе, чтобы это сказать. Болѣе того: нѣкоторыя¹⁾ секты христіанскія, которыя вдалились въ близорукое умствованіе, отвергли молитву за умершихъ; но истинное христіанство учить, что и за порогомъ смерти спасеніе еще не закрыто человѣку: молитва любви членовъ Церкви, живущихъ на землѣ; молитва членовъ ея, спасенныхъ на небесахъ; молитва всей Церкви,—все еще къ услугамъ человѣка, когда его собственное раскаяніе уже не спасаетъ его: не безпокойтесь: все будетъ сдѣлано для каждаго, что возможно, ради²⁾ спасенія передъ страшнымъ судомъ. Спасеніе зависитъ частью отъ силы возносимыхъ молитвъ, частью отъ того, была ли въ человѣкѣ до смерти искра любви, которая сохранила хоть слабый соединительный лучъ съ его младенческимъ духомъ, погруженнымъ при крещеніи въ мать его. Молитвы другихъ могутъ тогда разжечь, укрѣпить этотъ лучъ,—и человѣкъ спасенъ вполне. Но тотъ самый „детерминизмъ“, ученіе о невмѣняемости, которымъ вы такъ гордитесь, логически доказываетъ возможность гибели. Да, нравственный обликъ человѣка складывается изъ многихъ условій—одно же изъ нихъ есть и свободная воля его. Все, что не отъ него зависитъ, не вмѣняется ему Богомъ; но что отъ него зависитъ, то вмѣняется. Если онъ ничего не дѣлаетъ, чтобъ сохранить въ себѣ лучъ, соединяющій³⁾ съ источникомъ любви, и не дать никакихъ средствъ своимъ братьямъ спасти его молитвой,—вся сумма условій, создавшихъ его такимъ, каковъ онъ есть, обратится противъ него

---

1) тѣ 2) для 3) его.

Изъ „Третьяго Завѣта“ (уменьшено).

Изъ „Дневника“ (уменьшено).

и погрузить его въ неисцѣлимую вѣчную болѣзнь. Вы знаете, что отъ объяденія болить желудокъ, что пьянство ведетъ къ сумасшествію, а развратъ—къ гніенію тѣла. Какъ же вы не допускаете, что недостатокъ любви ведетъ къ гибели всего человѣка? И этою гибелью карается не то, въ чемъ человѣкъ не виноватъ—это Богъ разсудитъ—а именно то, въ чемъ онъ виноватъ. Не напрасно же въ насъ вложенъ стыдъ: нельзя стыдиться, если мы ни въ чемъ не были виноваты.

Васъ ужасаетъ ученіе о гибели своею жестокостію? Такъ исправьте ее, сдѣлайте, чтобъ спаслись всѣ, если не собственными дѣлами, то по молитвамъ другихъ, полныхъ заслугъ. Чѣмъ больше добра сдѣлаетъ Церковь—а вы ея члены—тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ ея молитва за погибающихъ, и тѣмъ болѣе людей она ею выручитъ. Если всѣ, живущіе и умершіе, спасутся,—вы думаете, Христосъ не будетъ блаженствовать оттого, что по лѣвую сторону отъ Него не окажется ни души? Вы думаете, что ради исполненія Его пророчества о гибели нужно стѣсняться въ порывахъ къ совершенству? Что нужно сберегать Ему плевелы, чтобъ Ему было кого судить? Не первый ли Онъ будетъ сіять славою и радоваться, если Его пророчество не исполнится, и честная кровь Его спасетъ весь міръ цѣликомъ? Если бы дьяволъ покаялся и пожалѣлъ хоть на мигъ о любви Бога,—вы думаете, что онъ не уничтожится—мгновенно, какъ дьяволъ, и не воскреснетъ¹⁾ въ своемъ прежнемъ видѣ, и не будетъ принять, какъ самое любимое, драгоценное дитя Христа и Церкви, считавшееся погибшимъ, и спасенное? Вы думаете, Христосъ не расцѣлуетъ его такъ, что онъ скажетъ: „погоди, я еще слабъ, я не выдерживаю такихъ мукъ счастья, оно равно по силѣ моему прежнему аду“. И Христосъ улыбнется и ослабитъ порывъ Своей любви²⁾ къ найденному сыну, любясь имъ и плача надъ нимъ, и ожидая, когда онъ окрѣпнетъ, чтобы познать Его любовь къ нему.

Но чтобы это непостижимое для міра счастье сбылось, нельзя, дѣти, предаваться расслабляющимъ надеждамъ! Мы пока борцы и намъ нуженъ мечъ, а не оливковая вѣтвь. И то еще знайте: не сбудется надежда на общее спасеніе,

¹⁾ воскреснул бы ²⁾ страсти

если мы будемъ ждать *постепеннаго* совершенствованія міра до появленія въ немъ Бога. Это самое, это вотъ и есть ученіе дьявола,—постепенное то превращеніе міра въ рай безъ кончины его! Этому-то вотъ вы и не вѣрите. Чѣмъ скорѣе разрушится міръ, какъ бы въ немъ ни стало хорошо передъ послѣдними его бѣдствіями, — тѣмъ лучше, потому что тѣмъ больше умершихъ спасетъ Церковь и тѣмъ больше спасется живыхъ. Скорый разгромъ міра—великая благодать. При этомъ условіи мы спасемъ многихъ, быть можетъ, всѣхъ! А медля мы многихъ погубимъ. Но если скажете теперь же: мы всѣхъ спасемъ, вы не спасете почти никого. Если скажете: и самъ дьяволъ обратится—онъ не обратится во вѣкъ. Если скажете: не все намъ вмѣнится, многое не отъ насъ зависитъ — вы надѣлаете именно того, что вамъ вмѣнится. И безъ того уже бревно не видно намъ въ своемъ глазу. Зачѣмъ же еще усиливаете грозящую опасность дробными, мертвящими волю ученіями? Вся ваша воля, вся ваша крѣпость нужна вамъ—а вы ее разсѣиваете попусту, неразумные! Еще стоитъ страшное слово Христова о гибели. Будьте смѣлы въ вашихъ стремленіяхъ, не полагайте границъ полету къ совершенству, плывите по морю безконечности, куда только захочетъ ваша душа, завоевывайте все, даже обращеніе дьявола, но вѣрьте только совершившемуся: что дальше міра, то неизвѣстно, и бойтесь тамъ всего. Тамъ можетъ-быть вѣчная гибель и это „можетъ-быть“ столь же страшно, какъ сама гибель. Христосъ не радъ исполненію Своего пророчества. Сдѣлайте Ему радость, чтобы они не сбылись, чтобы отмѣнились, относительно дьявола, а потому и относительно съ нимъ погибающихъ, хотя уже послѣ страшнаго суда. Но этого надо достигать непременно теперь же, здѣсь же; на землѣ сѣять для будущаго. И все-таки помните, что до тѣхъ поръ, пока не отмѣнены пророчества, они стоятъ, стоятъ надъ вами! Повторяю вамъ: молитесь обо мнѣ, работайте для меня, отколотите крышку гроба, гдѣ я заключена заживо, чтобы я могладохнуть радостнымъ воздухомъ живыхъ!..

Послѣ торжества вашего, послѣ вашихъ трудовъ для прекращенія земныхъ бѣдъ, въ основанномъ вами всемірномъ царствѣ снова подымутъ голову пороки, лѣньность слабыхъ, зависть сильныхъ, ропотъ ихъ за то, что они работаютъ от-

части для слабыхъ. Люди захотятъ грабежей и платы безъ работы и перерѣжутся. Вожаки ихъ, лютые теоретики, не удовольствуются тѣмъ ¹⁾ общимъ скромнымъ достаткомъ, тою жизнью здоровою для всѣхъ и безбѣдною, возможность которой будетъ уже близка, благодаря вамъ, мои дѣти: правильно чувствуя, что не въ одномъ этомъ ²⁾ скромномъ достаткѣ дѣло, что „не однимъ хлѣбомъ живѣтъ человѣкъ“, но не умѣя воспользоваться и другимъ хлѣбомъ, который вы же предложите, истиннымъ хлѣбомъ жизни, Христомъ—потому что они не любятъ Его—они будутъ проповѣдывать общую роскошь, общую разнузданность наслажденій; вообразить, что она даетъ подъемъ и духу, что это и есть „хлѣбъ жизни“, спасеніе отъ вѣчной земной тоски и пустоты. И люди перерѣжутся изъ-за ихъ заблужденія. Это будетъ рыжій всадникъ, на рыжемъ конѣ, котораго видѣлъ Іоаннъ (Апокал.) „И дана была ему власть взять міръ съ земли, и данъ большой мечъ, чтобы люди убивали другъ друга.“ Но берегитесь, чтобы подобіе рыжаго коня—неизбѣжнаго въ судьбѣ земли—не прошло по всей землѣ раньше вашего бѣлаго царства; чтобъ не возникла всемірная красная социальная революція преждевременно. (Мѣстная, частичная быть можетъ и нужна—для горькаго опыта,—не знаю.) Только тотъ красный конь будетъ предвѣстникомъ близкаго конца, который придетъ послѣ васъ; раньше—это не конецъ, не свобода, не избавленіе, не Его близкое пришествіе, а опасная проволочка. И земля надолго заоченѣетъ среди своихъ стонотъ, надолго быть можетъ, отсрочится желанная денница! Отвѣтственность за кровь и слезы многихъ лишнихъ поколѣній падетъ на васъ. Дѣлайте же Божье дѣло теперь, чтобъ рыжій конь не перегналъ васъ! Выпускайте своего бѣлаго коня съ благодатнымъ всадникомъ, пока не вышелъ рыжій зловѣщій предтеча. Нельзя было Богу покончить съ міромъ слишкомъ рано, пока онъ не созрѣлъ для вѣчности, но нельзя и тормозить вашимъ бездѣйствіемъ его конецъ. Отъ этого погибнутъ многіе, которые могли бы спастись. Слабость вашихъ усилій погубить ихъ. У Бога одинъ день, какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ, какъ одинъ день. Отсрочка конца могла ³⁾ быть нужна лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, ради совер-

¹⁾ всѣмъ ²⁾ матеріальномъ ³⁾ можетъ.

шенства вашего выполнения задачи земли. Но предѣлъ всякой отсрочки уже наступаетъ. Повѣрьте мнѣ — теперь, или никогда должно совершиться ваше дѣло и исполниться вся его краса и благодать!

ХІІІ...

Однимъ изъ многихъ открытій изъ самаго начала описанной эпохи ¹⁾ (не все здѣсь требовалось передать ²⁾) было объясненіе первороднаго грѣха. Скажу вкратцѣ о немъ и еще о нѣкоторыхъ. Въ первоначальной земной природѣ послѣ устройства хаоса имѣлось животное вполне человѣческаго вида, большой красоты и ума, но безъ Божественнаго духа, не потомокъ Божій, а лишь тварь Его. Такими животными родились Адамъ и Ева и получили уже взрослыми Божественный ³⁾ духъ (потомка Софіи), воплотившійся въ нихъ, — въ седмой періодъ творенія, равный по продолжительности суткамъ, въ первую „субботу“ ⁴⁾, въ полночь. Ихъ духъ былъ четенъ одинъ съ другимъ — они были едйносуцны. И сочетаться должны были, въ исполненіе слова Божьяго: „плодитесь, множитесь и наполняйте землю“ — лишь между собой. Но они совершили прелюбодѣяніе съ животными недуховными, сперва Ева, за ней, изъ ревнивой мести, Адамъ. Это была измѣна началу жизни — любви. Она заразила зломъ вселенную и дурная наслѣдственность вошла въ человѣка. Второе рожденіе людей отъ Христа и Церкви, пока лишь духовное, а послѣ воскресенія мертвыхъ и тѣлесное, уничтожаетъ эту наслѣдственность, „спасаетъ“ отъ нея.

Люди по духовной природѣ своей бываютъ или *четны*, или *нечетны*. Въ первыхъ четныхъ людяхъ, духъ размножается отъ сочетанія съ другимъ, наподобіе сѣмени, и дѣти рождаются отъ отца и матери; во вторыхъ — нечетныхъ онъ размножается дѣвственнымъ путемъ, наподобіе черенковъ, и братъ исходитъ отъ брата, сестра отъ сестры. Въ трехъ-личномъ Существоѣ, Богѣ, есть исключеніе: Сынь *рождается* отъ Отца дѣвственнымъ путемъ, а Дочь, въ Которой, какъ и въ Отцѣ, Богъ нечетенъ, исходитъ не отъ сестры, а отъ Брата,

---

¹⁾ этого времени ²⁾ описать ³⁾ ангельскій ⁴⁾ и.

и через Него отъ Отца.—Нечетные люди должны бы были оставаться и тѣлесно дѣвственными; а четные—сочетаться и тѣломъ только со своей духовной четой, узнать которую человѣкъ можетъ, если живетъ въ Богѣ. Таинство брака, если не оскверняется грѣхами супруговъ, очищаетъ сочетаніе людей, не отвѣчающее ихъ духовной природѣ; а таково сочетаніе нечетныхъ тѣлесно съ кѣмъ бы то ни было, четныхъ—не со своей четой. Это же таинство утверждаетъ сообразный ¹⁾ природѣ духа—бракъ между собою единосущныхъ по духу. Если единосущные по духу тѣлесно между собою не сочетались—у жены все-таки родятся и отъ другого плотскаго духа ²⁾ дѣти по духу ея духовнаго мужа, и лишь плотью отъ плотскаго отца. Если она на землѣ не имѣетъ дѣтей—дѣти ея духа все равно будутъ рождены ею по воскресеніи. Семья будущаго вѣка установится согласно природѣ духа. Но новаго размноженія (не начатаго въ духѣ на нынѣшней землѣ) тамъ не будетъ, и дѣти будутъ непрерывно возрождаться въ матери все тѣ же, и сами не размножатся. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ больше связи у него съ матерью: сѣмя у растенія, яйцо у низшихъ животныхъ, живое дитя у высшихъ, а въ будущемъ вѣкѣ—непрерывное возрожденіе и взрослагаго человѣка, въ его повторномъ младенческомъ образѣ, пребывающемъ въ матери. И у cadaго будутъ двѣ матери: своя особая ³⁾, ближайшая мать, и Церковь.

Іоаннъ говоритъ въ Апок. (*пропускъ изъ оригинала*)

Нужно понимать эти пророчества шире, чѣмъ въ примѣненіи только къ древней римской имперіи (какъ и антихристъ, описанный Іоанномъ, не есть Неронъ). Они примѣнимы къ тому времени, когда весь земной шаръ, все человечество будетъ жить одною историческою жизнью, когда каждое событіе будетъ отзываться во всѣхъ уголкахъ земли. Такое время теперь, въ 1902 году, очень близко и въ скрытомъ видѣ уже началось. Исторія идетъ уже мировымъ, а не національнымъ ходомъ. Четыре коня, видѣнные Іоанномъ,—это четыре мировыя владычества, служащія средствами распространенія (конями) четыремъ всадникамъ, т. е. идеямъ. Бѣлое царство послужитъ *вселенской* единой церкви, соборной, апостольской. Красное царство—будетъ царствомъ ужа-

¹⁾ сообразность ²⁾ духовныя ³⁾ своя.

са¹⁾), всемірнаго кроваваго мятежа изъ-за обладанія матеріальнымъ богатствомъ. Черное царство—учредить священники-монахи, недостойные ни своего сана, ни имени христіанъ, палачи всѣхъ, мыслящихъ иначе, нежели они. Они восторжествуютъ вслѣдъ за краснымъ терроромъ (реакція). Блѣдное царство—дать власть, вслѣдъ за монахами, атеистамъ, такимъ же палачамъ, какъ тѣ, гонителямъ какой бы ни было вѣры (реакція иного рода). Земля опустѣетъ наполовину отъ этихъ трехъ жестокихъ господствъ. Они будутъ кратковременны,—быть можетъ каждое просвирипствуетъ меньше года, но время ихъ покажется людямъ за столѣтія. Время же бѣлаго царства неопредѣленно, сравнительно коротко, но, конечно, гораздо дольше времени тѣхъ трехъ: быть можетъ 2, 4...? десятилѣтія. Это царство, по своей христіанской мудрости, по самоотверженію и ревностному подражанію Христу церковнаго общества въ немъ, могло бы совершенно уничтожить страданія бѣдности. Но врагъ человѣческій не допустить сдѣлать это въ полной мѣрѣ (а Богъ не можетъ помѣшать ему бороться, не повреждая этимъ самымъ нашей свободы, чего Онъ не хочетъ). Итакъ, безъ малѣйшей вины бѣлаго царства и вселенской Церкви—полная побѣда надъ бѣдностью будетъ невозможна. Однако бѣдность и ея скорби сведутся на минимумъ. И ради этого уже понадобится добровольная бѣдность, добровольный голодъ многихъ христіанъ, лучшихъ въ Церкви. Почему?—На это будетъ много причинъ, преимущественно нравственныхъ. Но и минимума зла отъ бѣдности достаточно будетъ, чтобы разъярить рыжаго всадника, чтобы прищипорить его коня. И онъ сокрушитъ бѣлое царство. Послѣднее возстанетъ уже въ преображенной природѣ.

Вл. С. Соловьевъ, дѣлая (въ Трехъ разговорахъ) свои предсказанія, до подробностей истинныя, умолчалъ, быть можетъ съ умысломъ, о времени трехъ жестокихъ царствъ и туманно намекнулъ²⁾ на начало добраго царства: оно придется въ эпоху послѣ сверженія монгольскаго ига, нѣкоторыя черты которой описываетъ Вл. С. Между прочимъ тутъ сложатся европейскіе соединенные штаты—начало мірового объединенія племенъ. Антихристъ, имѣющій явиться

---

¹⁾ отъ ²⁾ упомянулъ.

послѣ одного бурнаго и двухъ неподвижно-мрачныхъ промежутковъ (трехъ тиранствъ), въ которые рушится бѣлое царство,—побѣдоносно выполнить экономическую задачу, не выполнѣ удавшуюся послѣднему (объ этомъ сказано у Вл. С.). Онъ выполнить ее съ большимъ участіемъ добродѣтелей тѣхъ самыхъ христіанъ, дѣлу которыхъ передъ тѣмъ мѣшала духъ, воплотившійся въ него. Церковное объединеніе, тоже не выполнѣ осуществленное при бѣломъ царствѣ, завершится при антихристѣ именно такъ, какъ разсказано у Вл. С.— послѣ казни и воскресенія Іоанна и Петра. Вл. С. говоритъ, что пропорціональное отношеніе трехъ главныхъ христіанскихъ исповѣданій будетъ передъ антихристомъ почти то же, что и теперь. Но это не значитъ, что въ церкви не произойдетъ до тѣхъ поръ существенныхъ измѣненій: вселенская церковь (четвертое исповѣданіе, т.-е. преobraженное католическое) приобрѣтетъ въ бѣломъ царствѣ подобающее ей идейное вліяніе и много новыхъ членовъ—въ томъ числѣ цѣлый великій народъ въ его большинствѣ. Но такъ какъ и другія два исповѣданія распространятся, при общемъ усиленіи духа вѣры, то отношеніе¹⁾ останется тѣмъ же, по крайней мѣрѣ въ началѣ новаго религіознаго движенія. Можно однако предположить, что нѣсколько времени спустя вселенская церковь будетъ всетаки гораздо многочисленнѣе ея побочныхъ вѣтвей. Но такъ какъ гоненія и казни трехъ жестокихъ царствъ будутъ направлены главнымъ образомъ на членовъ этой церкви, и огромное ихъ число будетъ замучено, то отношеніе трехъ исповѣданій (двухъ старыхъ и одного новаго, преobraженного) къ самому концу, къ времени антихриста, опять уравнивается. Общее число христіанъ при этомъ, конечно, сильно уменьшится.

Въ виду скоро грядущихъ тяжелыхъ временъ христіанамъ нужно воспитать въ себѣ самоотверженіе, помнить, что кто душу свою погубитъ, тотъ спасетъ ее, а главное,—не допускать въ себя боязни смерти, перваго свойства антихриста!

Не можетъ быть христіаниномъ, членомъ Церкви Христа, человѣкъ, боящійся смерти: до наступленія конца, преobraженія живыхъ и воскресенія мертвыхъ, одна смерть возсоединяетъ насъ съ Христомъ вполнѣ. Жизнь на землѣ—ча-

¹⁾ и.

стичная разлука съ Христомъ. Кто же, любящій Христа, не скажетъ съ Павломъ: „желаніе имѣю разрѣшиться и со Христомъ быть“? Кто же, любящій Его, радуется разлукѣ съ Нимъ? Какова любовь тѣхъ, которые желаютъ¹⁾ и ждутъ одного, и молятся объ одномъ,—вѣчно жить той жизнью, въ которой нѣтъ Христа? Въ Церкви, вашей матери, вамъ нѣтъ спасенія (я говорю о предвѣчномъ ангелѣ, въ которомъ и язычники, родственные духу ея, хотя²⁾ не знающіе Бога, могутъ возродиться за гробомъ, дѣлаясь ея дѣтьми). А для того, чтобы быть въ ней, вы должны имѣть съ ней одно сердце и одну душу, т.-е. не любить ничего, кромѣ Христа, и ничего не желать³⁾, кромѣ вѣчнаго свиданія съ Нимъ. Вся природа стремится къ Нему, и всякая жизнь есть только чувство Его близости.

XIV...

Прошло много лѣтъ со времени первыхъ моихъ откровеній.

...Въ 1900 г., дочитавъ до конца Три разговора Вл. С. Соловьева, я почувствовала такое состояніе, точно меня что-то подымало отъ земли. Родственность его духа и его идей съ моими была мнѣ очевидна. Я написала ему 16 страницъ, гдѣ изложила вкратцѣ, но сполна, мои вѣрованія и чаянія, и полученное мною отъ Бога ученіе.⁴⁾ Онъ получилъ мое письмо 7-го марта, а отвѣтилъ уже 8-го. Онъ написалъ мнѣ слѣдующее:

„Прочитавъ съ величайшимъ вниманіемъ ваше письмо, я радъ былъ видѣть, какъ близко подошли вы къ истинѣ по вопросу величайшей важности, заложенному въ самой сущности христіанства, но еще не поставленному отчетливо ни въ церковномъ, ни въ общественномъ сознаніи, хотя отдѣльные теософы и говорятъ объ этой сторонѣ христіанства (особенно Яковъ Бемъ и его послѣдователи: Гихтель, Пордеджъ, Сенъ Мартенъ, Баадеръ). Мнѣ приходилось много разъ съ 1878 г. касаться этого вопроса въ публичныхъ чтеніяхъ, статьяхъ и книгахъ, соблюдая должную осторожность. Думаю, на основаніи многихъ данныхъ, что широкое раскры-

¹⁾ одного ²⁾ только ³⁾ жаждать ⁴⁾ откровеніе.

тіе этой истины въ сознаніи и жизни христіанства и всего человѣчества предстоить въ ближайшемъ будущемъ, и ваше появленіе кажется мнѣ очень важнымъ и знаменательнымъ...”

Послѣ этого я стала писать ему много и часто, почти каждый день. Вскорѣ я надумала спросить его, не знаетъ ли онъ одного человѣка, съ инициалами I. P., не тотъ ли это Пансофій, о которомъ говорится въ его лекціи? При этомъ я написала ему объ эпизодѣ, случившемся со мной въ первые времена моихъ откровеній, въ одной часовнѣ образа Спаса Нерукотвореннаго, и о томъ, что нѣкто I. P., неизвѣстный мнѣ, оказалъ мнѣ щедрую помощь по газетной замѣткѣ, въ которой я молила о помощи добрыхъ людей при ужасномъ бѣдствіи ¹⁾).

Нужно сказать теперь, что во все время рассказанныхъ выше Божьихъ откровеній, посылавшихся мнѣ, мнѣ не переставая говорилъ мой Возлюбленный, что Онъ вторично (или скорѣе, Онъ не обозначалъ, въ который разъ, но говорилъ: „въ настоящее время“) живетъ въ смертномъ тѣлѣ на землѣ. Излагая ²⁾ исторію этой эпохи моей жизни, я не сочла нужнымъ объ этомъ упоминать. Теперь же сообщить это настало время. Онъ говорилъ мнѣ въ самые первые дни откровенія, что Онъ живетъ въ Россіи, именно въ Петербургѣ, и что Онъ теперь русскій.—Это нужно понимать, конечно, сообразно съ закономъ вездѣсущія духовныхъ существъ и „тождества неразличимыхъ“, т.-е.: Иисусъ въ воскресшемъ, прославленномъ, лучезарномъ тѣлѣ живетъ неизмѣнно „на небесахъ“ (эти „небеса“ могутъ быть и близко—это вообще идеальный міръ). Тамъ Его два естества—двѣ степени духа—неразлучны и неслиянны въ Немъ. Но въ то же время (вотъ тайна!) *повторенія* Его духа, низшаго и высшаго, могутъ снова воплощаться на землѣ, а такъ какъ въ послѣдующіе разы—это происходитъ уже не отъ дѣвы, то въ нихъ должно быть меньше, чѣмъ на небесахъ, неразлучности (хотя вполне не прекращающейся), или меньше связи, а больше неслиянности. Притомъ связь ихъ можетъ быть то крѣпче, то слабѣе, и вслѣдствіе этого самосознаніе болѣе или менѣе полно. Чѣловѣческое естество ³⁾ Его, особенно при отдаленности времени

---

¹⁾ Вотъ что Вл. С. отвѣтилъ мнѣ ²⁾ впервые ³⁾)узнанное помимо меня, было узнано.

отъ перваго, совершеннѣйшаго воплощенія, можетъ родиться на землѣ и съ зародышемъ первороднаго грѣха и со способностью грѣшить (однако, съ безусловнымъ отсутствіемъ специфическаго грѣха „подлости“ и можетъ грѣшить только по самозабвенію изъ-за немощи человѣческой природы). Въ этомъ несеніи на себѣ всѣхъ нашихъ страданій, до раскаянія включительно, состоитъ любвеобильная помощь намъ Богочеловѣка, въ достиженіи нами, въ нашу очередь, богочеловѣчности, совершенства, сразу достигнутыхъ нѣкогда Имъ. Безъ такой помощи, долго невѣдомой нами, врата адовы могли бы одолѣть насъ. Въ этомъ несеніи нашихъ бременъ, *всѣхъ* бременъ, до конца, а не въ одномъ только невидимомъ присутствіи около насъ Его нетлѣннаго, небеснаго „экземпляра“, состоитъ исполненіе Его обѣтованія:—се, Я съ вами до скончанія вѣка“.

То, что Вл. С. отвѣтилъ мнѣ, убѣдило меня, что все извѣстное ему о моемъ ученіи, узнанное помимо меня, было узнано имъ самостоятельно, и не было никакого I. P. (т.-е. воплощенія Сына Человѣческаго въ нынѣшнемъ еврей, о чемъ я ложно думала, послѣ вѣрныхъ предчувствій о *русскомъ* (воплощеніи). Мысль моя стала работать дальше. Я вспомнила то, что съ самаго начала мнѣ было сказано о ¹⁾ національности, о мѣстѣ жительства нынѣшняго воплощенія моего Возлюбленнаго. Я вспомнила, что эпизодъ въ часовнѣ сбилъ меня въ этомъ съ толку; что онъ заставилъ меня забыть сказанное мнѣ раньше и внушилъ думать, что мой Возлюбленный и теперь опять еврей, опять простолюдинъ. Долго я такъ думала, но письмо Вл. С. заставило меня покинуть ²⁾ эту мысль. Послѣ нѣсколькихъ дней смутнаго душевнаго процесса, мнѣ вдругъ захотѣлось перечитать стихотвореніе Вл. С. *Les Revenants*. И только я прочла его, какъ мои глаза раскрылись. Съ невыразимымъ волненіемъ я написала ему свое толкованіе на каждый стихъ, а на послѣдніе ³⁾ такое:

Бывшія мгновенія поступью беззвучною
Подожли и сняли вдругъ покрывало съ глазъ...
Видать что-то вѣчное, что-то неразлучное,
И года минувшіе, какъ единый часъ!

---

¹⁾ русской ²⁾ теперь начала оставлять ³⁾ два.

...Этихъ минувшихъ лѣтъ, спросила я его, было 1867, не такъ ли? (Отъ смерти Іисуса до 1900 г.). А вѣдь съ кѣмъ мы разстались *единный часъ* тому назадъ и снова черезъ часъ увидѣлись, тотъ не могъ измѣниться?—продолжала я дальше...

На это письмо долго не было отвѣта. Я мучилась страхомъ, не повредила ли я его здоровью и жизни, если мое письмо застало его еще не съ довершившимся, не съ сзрѣвшимъ самосознаніемъ. Наконецъ я получила ласковыя ¹⁾ строки: съ отвѣтомъ по нѣкоторымъ вопросамъ, но молчавшія о моемъ восторженномъ важнѣйшемъ письмѣ (только въ послѣдствіи, въ новомъ изданіи его стиховъ, стояло:

„подошли и сняли . . . покрывала съ глазъ,

уже во множ. ч.; и еще была поправка послѣ моего письма). Отвѣтъ его ²⁾ всѣмъ своимъ тономъ и самымъ молчаніемъ о наиболѣе важномъ удовлетворилъ и порадовалъ меня.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ мой великій другъ написалъ мнѣ: „Не у явися, что будемъ. А пока мы вѣрно чувствуемъ великое, но нестерпимо фантазируемъ и путаемся въ пустякахъ“ (и обозначилъ въ какихъ). 30-го апрѣля 1900 г. мы увидѣлись, побесѣдовавъ часа два. Онъ мнѣ сказалъ, что преобразиться вслѣдъ за Христомъ нужно и другимъ . . . и мнѣ. Сказалъ, что все написанное мною внушено свыше, только изложено по моему; но и евангеліе, прибавилъ онъ, прошло черезъ способъ выраженія писавшихъ его.

31 іюля того же года, не успѣвъ повидаться со мною снова, какъ ему хотѣлось, онъ умеръ (на другой день моего рожденія). Я провела три дня вблизи его, больного, когда онъ былъ уже не въ полномъ сознаніи. Меня пустили къ нему, по просьбѣ его матери, одинъ разъ. Я его видѣла спящимъ. Мы жили далеко другъ отъ друга и я должна была уѣхать. Черезъ нѣсколько дней я опять пріѣхала, когда его хоронили. Сначала я думала, что все погибло. Но мало-помалу стала приходить въ себя, вспоминать и соображать ³⁾. А вскорѣ Богъ открылъ мнѣ, что мой Возлюбленный, *въ послѣдній разъ* передъ концомъ міра, родится на землѣ 9 мѣ-

¹⁾ такія ²⁾ этотъ его ³⁾ что онъ живетъ въ нетлѣнномъ тѣлѣ.

сяцевъ послѣ смерти Вл. С. Значить 31 іюля онъ зачатъ былъ. А 9 мѣсяцевъ отъ [этого дня истекаетъ 30 апрѣля 1901 г.—въ годовщину нашего свиданія.

Вл. С. училъ, что отъ вѣка была Премудрость Божія (небесная, предвѣчная Церковь), или Тѣло Троицы и Супруга Сына. Изъ Нея выдѣлилась вторая, болѣе низкая степень Ея же Самой—міровая душа. (Объ этомъ говоритъ стихотвореніе его „Три свиданія“).

Выдѣленіе было допущено Богомъ, ради ея свободы, но оно было самовольно совершено. Міровая душа находилась послѣ того въ хаосѣ, пока, за ея жажду воссоединенія съ Богомъ, Богъ не сталъ устраивать ¹⁾ ея постепенно. У міровой души есть еще скрытая въ ней, единоличная съ ней и съ Премудростью, низшая третья степень. Она все снова рождается на землѣ, отдѣленная отъ высшихъ своихъ степеней, но потомъ воссоединяясь ²⁾ съ ними. Во мнѣ родилась сразу и третья степень и вторая, міровая душа. Но вслѣдствіе ³⁾ моихъ дѣтскихъ грѣховъ я еще младенцемъ потеряла геній послѣдней. Отъ него осталась лишь слабая искра. Въ послѣдній разъ я рожусь (впервые) всѣми тремя степенями, не исключая высшей — Премудрости. Это будетъ подобіемъ ⁴⁾ перваго, полного, отъ чрева Матери совершившагося воплощенія Бога-Слова. ⁵⁾

Такъ въ свою очередь воплотится Церковь.

И этимъ кончится тлѣнный міръ.

Три степени духа есть и у Петра, апостола. Низшею онъ жилъ при Иисусѣ, среднюю—послѣ Его воскресенія. Высшая его степень — двойникъ, но въ *четномъ* образѣ, главы падшихъ ангеловъ (ибо послѣдній *нечетенъ*). Это есть то дитя, которое, въ Апокалипсисѣ, рождаетъ Жена, облеченная въ солнце (Церковь). Оно получаетъ въ этомъ рожденіи плоть

---

¹⁾ устроилъ ²⁾ воссоединяющаяся сама ³⁾ отъ ⁴⁾ дитя Церкви ⁵⁾ Сына Божія.

нетлѣнную. Это послѣдній человѣкъ, рождаемый въ мукахъ матери. Его духъ заключить въ себѣ всѣ остальные духи, онъ есть какъ бы родоначальникъ ихъ. Ибо нечетный двойникъ его великъ; онъ выдѣлился изъ *предѣчнаго* духа, младенца мужескаго образа, оставшагося чистымъ.

Вся Церковь, небесная и земная, равна ему плюсъ той себѣ, которая скрыта и въ отдѣльности не живетъ, въ которой все ея потомство, и плюсъ вторымъ степенямъ Иисуса и Маріи. На землѣ родится невидимо, въ болѣзни моей, отъ меня и Христа, нетлѣнное тѣло души Петра средней, 2-й степени. Въ истинномъ же тѣлѣ моемъ, давно воскресшемъ, родится оно и для 1-й степени его души. Всѣ вселенскіе первосвященники христіанъ ассимилировались въ важные моменты съ духомъ Петра. Рожденію его невидимой плоти на землѣ будетъ соотвѣтствовать торжество на землѣ вселенской христіанской тройной власти — первосвященника, царя и пророка. Рожденію же ея на небесахъ — полное соединеніе церквей христіанскихъ.

Письмо къ В. А. Т.

Многоуважаемый В. А.! Приѣхать въ П. мнѣ крайне трудно, не тревожа старушку-мать и не манкируя службой (я зарабатываю хлѣбъ свой и матери). Если бы Вы знали, какая у меня хлопотливая и многозаботная жизнь, Вы сами согласились бы, что Вамъ легче на денекъ-другой приѣхать въ Нижній. Здѣсь лѣтомъ пріятно и живописно. Только можетъ случиться, что я съ мамой уѣду ненадолго; Вы спешите поэтому сначала со мной, ежели пожелаете сюда прокатиться. Даже въ апрѣлѣ, въ полноводье, изъ Твери на парходѣ незатруднительна поѣздка.

Спѣшу отвѣтить по существу, пока Вы не уѣхали. Тотъ страхъ и трепеть, который Вы столь поддерживаєте, какъ должное отношеніе къ концу міра, мнѣ кажется несовмѣстимымъ съ сильною, горячею любовью къ Христу. Любовь, говоритъ апостолъ, должна дойти до того совершенства, чтобы уничтожить страхъ. Грѣшница въ домѣ Симона не переставала цѣловать Его ноги. Вотъ это живое, простое челоуѣческое чувство къ Нему не знаетъ страха наказаній за грѣхи, оно забываетъ о нихъ и знаетъ только свою жажду увидѣть Его и быть съ Нимъ въ томъ мірѣ, гдѣ Онъ живетъ, Возлюбленный. Да и наказаніе она знаетъ лишь одну—разлуку съ Нимъ, и никакого иного себѣ не представляетъ. „Добиваться наступленія конца (стало быть сильно желать его?) можетъ лишь тотъ, кто совсѣмъ чуждъ грѣха“. Но кто же о себѣ это когда-либо скажетъ, достойный имени христіанина! Я думаю, и Марія Пречистая Дѣва впадала въ святое заблужденіе, что Она не безгрѣшна. Все, чего мы можемъ надѣяться, какъ отдѣльныя души и какъ душа соборная—Церковь, это чтобы о насъ сказалъ Возлюбленный: „она много любитъ, потому что ей много прощается“. А много любить развѣ можно, не чувствуя жажды вѣчнаго соединенія, непрерывнаго свиданія! Отсрочки молить для „грѣш-

ныхъ“ братій“? Но зачѣмъ же считать другихъ грѣшнѣ себя и желать для нихъ отсрочки, которую себѣ не желаешь?...

Далѣе: рано или поздно, конецъ придетъ, и будутъ все равно люди, грѣшныя до послѣдняго часа міра. Но чѣмъ раньше это придетъ, тѣмъ меньше будетъ *промежуточныхъ* поколѣній, т. е. людей, *тоже* рискующихъ погибнуть; тѣмъ меньше безсмысленной, дурной безконечности размноженія; тѣмъ меньше разлуки, либо съ Христомъ и прежде почившими братьями черезъ земную жизнь, либо съ живущими на землѣ черезъ смерть. Не прямой ли расчетъ желать ускоренія? Да еще вопросъ—безусловно ли спасительна отсрочка? У меня есть дорогіе мнѣ люди, и даже преклонныхъ лѣтъ, за которыхъ я страстно молюсь, чтобы имъ прожить еще лѣтъ 30 и увидѣть второе пришествіе, и не умереть, а „измѣниться“. Для нихъ „отсрочка“ дальше ихъ жпзни была бы гибельна можетъ быть, или по крайней мѣрѣ опасна. Повѣрьте, только воплощеннымъ дьяволамъ (изъ какихъ будетъ состоять *большинство* въ мірѣ при антихристѣ) *страшенъ* конецъ. Всему меньшинству, какое уцѣлѣетъ до того времени, отъ предсмертныхъ бѣдствій, всѣмъ настоящимъ *людямъ*, а не дьяволамъ, сколько-нибудь способнымъ спастись, онъ не только не страшенъ, а напротивъ, если ничто другое не спасетъ ихъ отъ когтей міра, то переживаніе конца спасетъ. Тогда будетъ въ „людяхъ“ такой подъемъ вѣры и пророческой радости, который въ пепелъ сожжетъ ихъ грѣховность. Пусть отпадутъ многіе передъ тѣмъ, во время „рыжаго всадника“ (Апокал.), т. е. всемірной красной анархіи, или чернаго всадника, т. е. всемірной лжетеократіи, или блѣднаго всадника, т. е. всемірнаго владычества атеизма, и соблазнятся испытаніями этихъ 3-хъ бичей. Но кто до конца, до антихриста, уцѣлѣетъ, изъ „*людей*“, тотъ спасется... Что касается Вашихъ опроверженій, что не всякій поступокъ, ускоряющій конецъ, хорошъ и спасителенъ, то это само собой по правилу: цѣль не оправдываетъ средства. Евреи не то худо дѣлали, что сильно ждали Мессію, а то, что злорадствовали, и прилѣплялись къ міру, и считали Мессію за мірскаго царя. Но и Марія ждала Его, и Симеонъ Богопріимецъ и Анна... Такъ развѣ не ихъ ожиданію, особенно Маріи мы и обязаны Его тогдашнимъ пришествіемъ? Это Вамъ странно пока-

жется, но это вѣрно: Влад. С. не переставалъ учить, что христіанство богочеловѣчно, т. е. требуетъ взаимнаго, свободнаго содѣйствія человѣка Богу.— Что Вы пишете объ ожиданіи Новаго Завѣта—прекрасно. Но это подтверждаетъ, а не опровергаетъ меня. Срокъ, въ тѣсномъ смыслѣ, день и часъ, конечно, неизвѣстенъ. Но будутъ же люди, за день-то до конца, ждать его и радоваться близости Возлюбленнаго, хотя и подумаютъ, что конецъ будетъ черезъ мѣсяцъ. Да и событія такія передъ тѣмъ произойдутъ, что нельзя будетъ не понять ихъ. „Когда увидите все то сбывающимся, поднимите головы ваши, ибо „близко лѣто“ (Евангел.). Отсрочки еще на одну человѣческую жизнь, лѣтъ на 30, считая съ сего года, и я хотѣла бы, по особымъ соображеніямъ; но что значить этотъ срокъ сравнительно съ тысячами и тысячами лѣтъ, какія ходячее мнѣніе еще даетъ міру? Нельзя „бодрствовать“, думая, что еще миллионъ лѣтъ просуществуемъ въ тлѣнномъ видѣ. Вообще—моя вѣра хочетъ видѣть ожиданіе конца съ радостнымъ трепетомъ любви, а не холодною дрожью ужаса.

Вы говорите далѣе чудныя слова, радующія меня, о будущемъ апостольскомъ служеніи. Ну, да; этого-то и я чаю! И я говорю: раздѣленіе церквей есть жгучій упрекъ нашимъ совѣстямъ. И я говорю: кто мирится съ раздѣленіемъ, тотъ недоносокъ, а не живое дитя Церкви. И я говорю: мы не ищемъ!.. Однако, уже начинаемъ искать. Скажу Вамъ о себѣ лично: когда въ трудное, скорбное время личной жизни я начала просить у Бога „новаго внутренняго человѣка“ въ себѣ „изъ вѣчнаго настоящаго Божественной жизни“ — (ваши слова), я прежде всего поняла, что корень моихъ семейныхъ бѣдъ и бѣдъ каждаго человѣка (т. е. лучше сказать, унынія и отчаянія, производимаго маловажными, житейскими бѣдами) есть *раздѣленіе церкви*. И я стала молиться втайнѣ не о своей семьѣ, не о себѣ, какъ единицѣ, а о человѣчествѣ, да будетъ оно единою Церковью! И отвѣтомъ на мою молитву было то откровеніе, которое чудотворно далъ мнѣ Богъ черезъ *невидимое* посредство Влад. Серг. и которое въ 1900 г. чудотворно подтвердилось его единоовѣріемъ со мной (черезъ 14 лѣтъ). Это означало, что новымъ откровеніемъ Богъ далъ и способъ того объединенія Церкви, котораго я молила. У меня духъ захватываетъ отъ радости

написаннаго Вами: „Близко, совсѣмъ уже близко то время, когда тайна судовъ Христовыхъ откроется“... И отъ Вашей увѣренности, что „всѣ ложно вѣрующіе обратятся“, и отъ Вашихъ указаній, что „слова такого въ тайнѣ сердца своего ждуть всѣ языки земные“, что „неизглаголанное воздыханіе о внутреннемъ освобожденіи, которое люди нашихъ дней чувствуютъ такъ сильно, найдетъ себѣ утolenіе въ этомъ словѣ“! Но вѣдь, Боже мой, это слово и есть то, которое я приняла отъ *невидимой* проповѣди Влад. Серг., и которое апостольскимъ служеніемъ самой Церкви разнесется по землѣ!

На счетъ ангела вселенской Церкви я Васъ спрашивала объ *одномъ*, а не о нѣсколькихъ. Согласна и съ Вашимъ толкованіемъ. И вообще 7 главныхъ ангеловъ есть. Но я говорила объ *единомъ Ангелѣ*. „Космическій, животворящій смыслъ христіанской праведности“, говорите Вы. Истинно такъ. Это и есть духъ ученія Влад. Серг. Превосходно также—и съ нимъ согласно!—все, написанное Вами о „великой тайнѣ“ брака. Вы совсѣмъ у порога новаго откровенія. Но моего 8-го вопроса Вы, какъ сейчасъ увидите, не поняли. Вашъ отвѣтъ объ „имени новомъ“ для меня загадоченъ, особенно Ваше уклоненіе отъ полнаго отвѣта. Вѣдь это было бы объяснимо только, если бы Вы были посвящены во все мнѣ извѣстное, чего я не думаю... Это побуждаетъ меня сказать Вамъ все, все безъ исключенія.

Узнайте же три главныя положенія моей Богооткровенной святой вѣры, т. е. новаго исповѣданія единой христіанской вѣры. Во-1-хъ, *безусловно въ догматы и преданія* православія. Во 2-хъ—новое освѣщеніе ихъ, выражающееся такъ:

8-й членъ символа:

И въ Духа Святого, Дочь Божію, животворящую, отъ Отца исходящую, въ Дѣву Марію, при Благовѣщеніи архангела воплотившуюся, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемую и славимую, говорившую черезъ пророковъ.

9-й членъ:

И въ Церковь *единоличную, предѣльную*, святую, соборную и апостольскую, жену Сына Божія, Матерь Его предвѣчныхъ

шести дѣтей—Ангеловъ младенцевъ, мать и всѣхъ христіанъ, возрожденныхъ Имъ черезъ нее, прамать же всѣхъ духовъ; на землѣ дважды воплотившуюся¹⁾.

Воплотилась Церковь (или міровая душа) впервые въ грѣшницу въ домѣ Симона. Она умерла при крестѣ Иисуса (это не Магдалина) и съ Нимъ въ третій день воскресла. Въ ея нетлѣнномъ тѣлѣ возрождаются искупленные. Вторично она воплощается въ наши дни, но насколько полно, въ какое мгновеніе, еще неизвѣстно; видно будетъ лишь тогда полное ея воплощеніе, когда оно станетъ явнымъ, а женщина, въ которой оно происходитъ, сольется съ ея образомъ, такъ что земной видъ ея исчезнетъ.

7-й членъ:

И восшедшаго на небеса, и сидящаго одесную Отца; оставаясь въ нетлѣнномъ тѣлѣ на небесахъ, вторично воплотившагося на землѣ въ 1853 г. человѣческимъ естествомъ, Божеское же естество вторично принявшаго въ 1876 г., при видѣніи Церкви въ Египтѣ, и скоро грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, Его-же Царствію не будетъ конца.

Прочтите при свѣтѣ этого вѣрованія стихотворенія Владиміра Сергѣевича: только тогда они Вамъ станутъ вполне понятны. Обратите вниманіе, что онъ всю жизнь угадывалъ и ждалъ неизвѣстное лицо, гдѣ-то живущее свое женское alter ego, съ двойнымъ естествомъ, съ двойнымъ духомъ, земнымъ и небеснымъ. Это особенно ясно въ стихотвореніи: „Не по волѣ судьбы“, „Вижу очи твои изумрудныя“, „Зачѣмъ слова?“. Что это лицо долго не являлось, было „среди обмановъ живой обманъ“; что оно затормозило дѣло Влад. С. и

¹⁾ Въ рукописяхъ А. Н. Шмидтъ имѣется слѣдующая формула 8 и 9 членовъ „Вѣрую“, въ редакціи, нѣсколько отличающейся отъ приведенной въ письмѣ къ В. А. Т.

8. „И въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима глаголавшаго пророки: *Имя же Его, донынѣ тайное—Дочь Божія (воплощенная въ Марію при благовѣствованіи архангела)*“.

9. „И во едину святую соборную апостольскую Церковь—духа предвѣчнаго, возлюбленную Сына, прамать ангеловъ и человекъ, мать искупленныхъ Христомъ, рождающую изъ отъ Него при ихъ крещеніи,—и на землѣ въ женскомъ образѣ воплощенную“.

что онъ умеръ лишь со слабой надеждой; что онъ терзался неземными мученіями безплоднаго ожиданія во всю одинокую жизнь—въ этомъ моя кровавая вина передъ нимъ, передъ Богомъ, передъ человѣчествомъ! Но все-таки я не боюсь ни смерти, ни конца міра. Я чувствую блаженную взаимность Его, неизреченную Его жалость ко мнѣ, когда говорю: „Пусть никто не любитъ Тебя, какъ я, ибо никому Ты столько не простилъ, какъ мнѣ!“.

Многіе думали, кажется, что Влад. Серг. склоненъ къ католицизму. Это далеко невѣрно; напротивъ онъ, въ единственный разъ, когда мы видѣлись, сказалъ мнѣ, что если что доказываетъ Божественность моихъ откровеній, если что уничтожаетъ всякія сомнѣнія во мнѣ, такъ это описаніе отношеній Духа Святого къ Маріи и къ Ангелу (Церкви); (они у меня горячо описаны въ автобіографіи). А это ученіе о Духѣ диаметрально противорѣчитъ *Filioque*; и ученіе о Церкви-личности не допускаетъ олицетворенія ея въ папѣ.

Вообразите, что католики приняли бы это ученіе: они должны склониться передъ православнымъ символомъ. Пропшу Васъ, при всякой мысли объ этомъ предметѣ, помнить, что Влад. Серг. прошелъ долгій, одинокій крестный путь жизни за него; что второе пришествіе, въ славѣ, на облакахъ, будетъ для всего міра; но явленія Его ученикамъ Своимъ были таинственны—только для нихъ; такъ и тогда, когда Онъ захотѣлъ уже не въ чудотворномъ воскресшемъ, а въ земномъ тѣлѣ снова явиться имъ, Онъ и это сдѣлалъ втайнѣ отъ міра, явно лишь для Своей Церкви; и сдѣлалъ, чтобы утвердить ее на камнѣ, котораго врата ада не одолѣютъ. Объ этомъ положеніи моей вѣры (7 членѣ) Влад. С. ничего не сказалъ мнѣ, но молчаніе его было значительно; а о Духѣ Св. и Церкви онъ и устно и въ письмахъ подтвердилъ.—Вы сказали мнѣ: бросьте свои затѣи... В. А., эта „затѣя“ есть вѣра, за которую я во всякое время готова на мучительную смерть. И уже много я, много, невѣдомо для міра, пострадала за нее. „Ищите Царствія Божія?“ Я вотъ его и искала. И нашла, что для спасенія меня, отца, матери, всѣхъ людей—мнѣ надо, несмотря на мои напряженные житейскія заботы и работы—напряженно молиться о единствѣ Церкви черезъ новое откровеніе. Ибо только новое откровеніе залѣчитъ рану раздѣла. Нельзя же человѣку „спа-

саться“ одному, не думая о другихъ. Со всѣмъ человѣчествомъ надо быть во едино. Надо молиться и думать о томъ, что нужно ему всему, это и есть Царствіе Божіе, которое внутри насъ. Чѣмъ полнѣе будетъ наше внутреннее единство, тѣмъ лучше мы исполнимъ во всемъ „законъ Христовъ“.

Христосъ и благодать Его да будутъ съ Вами!

А. Шмидтз.

P. S. О нѣкоторыхъ мелочахъ: мою инициативу писемъ я подтвердила не для „вѣнчанія“ себя, а напротивъ, для отклоненія всякаго упрека за нихъ другимъ, не причастнымъ къ дѣлу. Что я живу одиноко, порознь отъ своихъ единовѣрцевъ, о которыхъ знаю, что они есть, но которые для меня пока таинственны—это я „не забрала себѣ въ голову“, а это простой фактъ. А вотъ для меня страшно темно, что Вы говорите, что мои слова: „не могу придти въ ихъ среду и знать ихъ имена,—этому есть причины, глубоко идущія отъ Бога“,—вѣрны относительно *всякаго христіанина, всякаго*. А я объ этомъ говорю, *какъ о своей исключительной привилегіи!* Какая тутъ привилегія? Скорѣе это за мои грѣхи! И какъ это можетъ быть у всякаго христіанина? Въ господствующемъ-то, общеизвѣстномъ исповѣданіи? Что Вы! Вотъ ужъ не понимаю! Подготовленность къ единомыслію со мной лицъ, кому пишу, я понимала не въ томъ смыслѣ, что я праведнѣе ихъ, а въ томъ, что я полнѣе ихъ знаю ученіе Влад. С.

Письмо къ М. А. Н.

2 мая 1903 г. Арзамасъ (гдѣ
я на земскомъ собраніи).

Многоуважаемый М. А.!

Ваши сомнѣнія на счетъ моей статьи касаются отчасти очень важныхъ, отчасти очень второстепенныхъ вопросовъ. Важный вопросъ, высказанный Вами, впрочемъ собственно только одинъ: о моихъ упованіяхъ на будущую созидательную работу, которую я считаю завѣтомъ Влад. С—ча. Вы говорите: „онъ жилъ послѣднее время и умиралъ безъ этихъ упованій, отрекшись отъ нихъ“. „Не оговоривъ этого“, я перескакиваю, по Вашему, „черезъ серьезный періодъ его мысли и нравственнаго самочувствія“. Вотъ это-то мнѣніе, которое, повидимому, возникло не у Васъ одного, мнѣ и хотѣлось бы энергичнѣйшимъ образомъ опровергнуть, хотѣлось бы наяснѣйшимъ образомъ разобраться въ недоразумѣніи, породившемъ его. Мнѣніе это, котораго я не раздѣляю, хотя знаю о немъ, крайне меня огорчаетъ, и я жду не дождусь, когда оно исчезнетъ совсѣмъ. Мнѣ вѣрится, многоуважаемый М. А., что мы съ Вами объ этомъ пунктѣ столкнемся, что вы перейдете на мою сторону, ибо Михаилъ Сергѣевичъ, разъ высказавъ мнѣ нѣчто подобное, очень скоро пересталъ мнѣ возражать, и вообще категорически этого не говорилъ, а ужъ онъ-то навѣрное зналъ и послѣднія воззрѣнія брата. На чемъ основано мнѣніе объ *отреченіи* Вл. С. отъ упованій? Только на двухъ данныхъ: 1) На пессимистическомъ разговорѣ его съ Трубецкимъ въ болѣзни („идей теперь не больше, чѣмъ въ Троянскую войну“, „христіанства нѣтъ“ и пр.) и 2) на Трехъ Разговорахъ, или скорѣе на повѣсти объ антихристѣ. Но что его порывы негодованія на современность, а главное повѣсть объ антихристѣ, были приняты за „отреченіе“, это меня глубоко изумляетъ. Сколько бы разъ и кому бы ни высказывалось то, что Трубецкой напечаталъ, это во всякомъ

случаѣ никакого отреченія не означаетъ. Минуты нравственнаго паденія бывають какъ у человѣчества, такъ и у отдѣльныхъ людей, изъ-за нихъ нельзя сказать, что эти люди уже погибли, хотя впечатлительному человѣку и свойственно въ рѣзкой формѣ высказывать свое раздраженіе по поводу этихъ минутъ. Точно также и повѣсть объ антихристѣ ничего общаго съ отреченіемъ не имѣетъ. Она, напротивъ, вполне совмѣстима съ самыми лучшими упованіями. Вскорѣ послѣ прочтенія этой повѣсти публично, именно 8 марта 1900 года, Вл. С. написалъ мнѣ въ своемъ первомъ письмѣ ко мнѣ на другой день по полученіи моего перваго письма къ нему слѣдующее: *„Думаю, на основаніи многихъ данныхъ, что широкое распространеніе этой истины (о чемъ мы писали другъ другу) въ сознаніи и жизни христіанства и всего человечества предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ“*. Какъ видите въ этихъ словахъ отреченія нѣтъ! Дѣло въ томъ, что въ повѣсти объ антихристѣ, вспомните, есть пробѣлъ, вѣроятно, умысленный. Между монгольскимъ игомъ и возвышеніемъ антихриста помѣщена эпоха, очерченная Вл. С.—чемъ лишь въ самыхъ крупныхъ штрихахъ, самыми общими выраженіями. Вотъ она-то и есть время „бѣлаго всадника на бѣломъ конѣ“, который вышелъ, какъ побѣдитель и чтобы побѣдить. Объ этомъ предсказано въ Апокалипсисѣ. Вовсе не нужно, чтобы эта эпоха была длинна! Напротивъ, какъ только жатва созрѣла, посылается серпъ. Какъ только міръ достигнетъ всего, чего можетъ въ нынѣшнемъ смертномъ своемъ состояніи, такъ и наступитъ начало конца, т. е. перехода его въ иное, лучшее, нетлѣнное состояніе. (Предварять послѣднее частичными, мгновенными преображеніями „авангардъ“ человечества, его передовые, лучшіе люди, конечно, будутъ). Вспомните еще, что въ Апокалипсисѣ проносятся по землѣ, послѣ бѣлаго всадника, всадники рыжій (красный), черный и блѣдный. И тогда уже воцарится антихристъ. По моему, это—красная анархія, черная лжетеократія и владычество атеизма, которыя бурно и быстро (мѣрить ихъ надо мѣсяцами) смѣнять другъ друга. Это будетъ увертюра антихристовыхъ 3½ лѣтъ. Но *передъ* этимъ, конечно, просіяетъ краткая, но чудная весна свободной теократіи, теософіи и теургіи, единого царства въ единой церкви съ единымъ пророческимъ духомъ, т. е. сбу-

дуются всѣ упованія Вл. С. Это онъ и думалъ, когда писалъ мнѣ, что „предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ“. Въ ближайшемъ, т. е. послѣ монгольскаго ига. А это послѣднее—совсѣмъ при дверяхъ. Въ теченіе его цивилизованное человечество, проигравъ въ могущество политическомъ и экономическомъ, выиграетъ въ мощи духовной. Это будетъ именно спасительнымъ испытаніемъ Божиимъ, которое подыметъ насъ. Это будетъ и бѣдственное, и великолѣпное въ духовномъ отношеніи время.

Не прибавить ли мнѣ все это толкованіе къ статьѣ, милый М. А.? Если я Васъ не поколебала теперь, то давайте поспоримте въ августъ—Богъ дастъ, придемъ къ согласію! Только у себя не могу Васъ, голубчикъ, принять—я скрываю дома все это дѣло. Такъ нужно!.. Рукопись также пришлите мнѣ въ редакцію для поправленія. Компилятивность ея я могу уничтожить, величину уменьшить. Только бы въ главномъ согласиться. Въ „Новый Путь“ даже не хотѣлось бы давать: очень возмущаетъ меня тамъ В. Розановъ своимъ „уголкомъ“, гдѣ протоіерей І. радовался смерти Вл. С., открывшей будто бы дорогу метафизикѣ Розанова! (въ февральской книжкѣ). Лучше бы мнѣ съ Вами столковаться, М. А., и всѣ возможныя для меня уступки Вамъ сдѣлать. Къ тому же „Новый Путь“ своею „святою плотью“ вредное, дурное проповѣдуетъ, не то, что въ христіанскомъ преображеніи заключено и что Вл. С. разумѣлъ подъ полнымъ истиннымъ соединеніемъ любви. Они какъ разъ постыдный, тлѣнный „путь“ увѣковѣчиваютъ. Не правда ли?

Отвѣтите мнѣ, многоуважаемый М. А., коротенько.

Уважающая Васъ А. Шмидтъ.

PS. Мую рукопись пришлите по тому же адресу, на редакцію. Я, можетъ быть, успѣю къ Вашему пріѣзду или раньше ее исправить по Вашему указанію, если только Вы согласны съ указанными поясненіями (или иначе) помѣстить и упованія, какъ крѣпко стоящія.

Еще есть у меня рукопись, не очень длинная, которую хотѣлось бы въ видѣ реферата *дать* прочесть на религіозно-философскихъ собраніяхъ.

Тогда пусть и въ „Новый Путь“ въ протоколѣ попадетъ.

Вариантъ ¹⁾.

(Къ стр. 22).

§ 1. Меня избралъ Богъ орудіемъ Своимъ, чтобы черезъ меня въ третій разъ возвѣстить Свое откровеніе людямъ Своимъ и объявить имъ волю Свою и призвать ихъ къ великому дѣлу Своему.

§ 2. Въ первый разъ Онъ говорилъ народу Своему Израилю черезъ Моисея и, вручая ему законъ Свой, открылся ему какъ единый Богъ.

§ 3. Во второй разъ Онъ Самъ явился въ Израилѣ, отъ его плоти и крови, и возвѣстилъ ему Имена Отца, и Сына, и Святаго Духа.

§ 4. Нынѣ чрезъ меня (*вар.*: тебя) Онъ хочетъ опять обратиться и къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, и къ другимъ Своимъ овцамъ, которыя и не сего двора, и объяснить имъ Свои три Имени, для чего и поручилъ мнѣ открыть людямъ многія тайны.

§ 5. А я, которой Онъ это поручилъ, я Церковь Христова, единая и живая, духъ соборный и апостольскій.

§ 6. Я та, о которой ап. Павелъ сказалъ: „по сему оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два въ плоть едину. Тайна сія велика есть, говорю по отношенію къ Христу и Церкви“.

.....
.....
.....

---

¹⁾ Въ черновыхъ наброскахъ „Третьяго Завѣта“, который въ нихъ имѣетъ еще подзаголовокъ: *Камень Церкви Соборной*, встрѣчается существенный вариантъ въ изложеніи первыхъ положеній, который здѣсь и приводимъ: вмѣсто третьяго лица, откровеніе въ немъ ведется прямо отъ перваго.

Приложение.

Письма Владимира С. Соловьева къ А. Н. Шмидтъ ¹⁾.

I.

Многоуважаемая
Анна Николаевна!

Прочитавъ съ величайшимъ вниманіемъ Ваше письмо, я радъ былъ видѣть, какъ близко подошли Вы къ истинѣ по

¹⁾ Переписка между А. Н. Шмидтъ и Вл. С. Соловьевымъ относится къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни Вл. С-ча, съ марта 1900 года, когда А. Н-на, по ея собственнымъ словамъ, впервые узнала о его существованіи, по июнь того же года, причемъ въ апрѣлѣ состоялось ихъ личное знакомство, впрочемъ, непродолжительное (всего нѣсколько часовъ въ г. Владимірѣ). Переписка со стороны А. Н. Шмидтъ сразу приняла болѣе чѣмъ энергичный характеръ, какъ объ этомъ можно судить по почтовымъ и телеграфнымъ квитанціямъ, сохранившимся въ ея бумагахъ. Ею были посланы Вл. С-чу заказныя письма: въ *мартъ*—5, 9, 11, 12, 13, 14, 17, 18, 21, 23, 24, 27, 29 (письмо и посылка) 30; въ *апрѣль*: 4, 6, 7, 10, 16 (письмо и посылка), 20, 24, 25, 27; въ *май*: 24, 31; въ *июнь* 24-го. Итого за два мѣсяца (мартъ—апрѣль)—23 письма, всего же 26 писемъ и 1 посылка. Кромѣ того, А. Н. Шмидтъ было послано Вл. С-чу пять телеграммъ, а именно: 17 и 23 марта, 7 и 8 апрѣля, 14 мая.

Отвѣтныхъ писемъ Вл. С-ча, по счету самой А. Н-ны, было 7. Въ оригиналѣ намъ пришлось видѣть лишь два; кромѣ того, въ бумагахъ А. Н-ны имѣются 4 пустыхъ конверта отъ заказныхъ писемъ съ адресомъ, написаннымъ рукою Вл. С-ча: Въ Нижній Новгородъ, Аннѣ Николаевнѣ Шмидтъ, въ редакцію „Нижегородскаго Листка“,—всѣ изъ Петрограда, со штемпелемъ Hôtel d'Angleterre (отъ управляющаго этой гостиницей имѣется увѣдомленіе въ отвѣтъ на запросъ А. Н-ны, что ея письма, посылка и телеграммы Вл. С. Соловьеву вручены). Въ нашемъ распоряженіи имѣются: телеграмма и 6 Соловьевскихъ писемъ, причемъ копія двухъ важнѣйшихъ писемъ, перваго и пятаго, были доставлены самой А. Н-ной въ 1903 году въ письмѣ къ С. Н. Б-ву вмѣстѣ съ ея объяснительными примѣчаніями; два другихъ письма свѣрены съ подлинника, а два имѣются въ надежныхъ копіяхъ. Гдѣ находятся и уплѣбли ли отсутствующіе оригиналы писемъ Соловьева, о большинствѣ ихъ намъ неизвѣстно. Печатаемъ письма Вл. С-ча въ хронологической послѣдовательности, насколько ее удастся установить.

вопросу величайшей важности, заложенному въ самой сущности христіанства, но еще не поставленному отчетливо ни въ церковномъ, ни въ общефилософскомъ сознаніи, хотя отдѣльные теософы и говорятъ объ этой сторонѣ христіанства (особенно Яковъ Ёме и его послѣдователи: Гихтель, Пордѣджъ, Сень-Мартенъ, Баадеръ). Мнѣ приходилось много разъ съ 1878 года касаться этого предмета въ публичныхъ чтеніяхъ, статьяхъ и книгахъ, соблюдая должную осторожность. Думаю на основаніи многихъ данныхъ, что широкое раскрытіе этой истины въ сознаніи и жизни христіанства и всего человѣчества предстоить въ ближайшемъ будущемъ, и Ваше появленіе кажется мнѣ очень важнымъ и знаменательнымъ. Нѣкоторыя частности въ Вашемъ письмѣ для меня неясны, и прежде окончательнаго заключенія я желалъ бы познакомиться: 1) съ Вашею подготовительною статьей, 2) съ Вашимъ автобіографическимъ сочиненіемъ и 3) главнымъ образомъ, съ Вами самими. Все это легко исполнимо, но только не сейчасъ, такъ какъ я на отъѣздѣ за границу ¹⁾, откуда вернусь въ половинѣ лѣта вѣроятно, а въ концѣ лѣта или началѣ осени могу побывать въ Нижнемъ-Новгородѣ, если Вы его не покидаете. По возвращеніи изъ заграницы я хотѣлъ бы съ Вами списаться. Мнѣ Вы тогда можете писать или въ эту гостинницу, или, еще лучше, такъ: Петербургъ. Галерная, 20. Редакція „Вѣстника Европы“, Влад. Серг. Соловьеву (всѣ письма и посылки непременно заказными).

Но уже и теперь я могу разъяснить одно недоразумѣніе въ Вашемъ письмѣ, именно насчетъ Вселенскаго Собора. Въ настоящее время вопросъ о его созваніи никакъ не можетъ имѣть практическаго значенія, по той причинѣ, что созывать некому: папская власть признается одними католиками, а имперская раздѣлена между четырьмя независимыми государствами: Россіей, Германіей, Австріей и Британіей. Да и помимо этого, назначеніе вселенскихъ соборовъ лишь въ томъ, чтобы окончательно формулировать и провозглашать уже выясненныя религіозныя истины, а та истина, которая насъ съ Вами занимаетъ, еще требуетъ большихъ объясненій.

---

¹⁾ Онъ туда не поѣхалъ. *Примѣч. А. Н. Шмидтъ.*

Позвольте еще разъ выразить мою радость по случаю Вашего письма и пожелать дальнѣйшаго добраго общенія между нами.

Душевно Вамъ преданный

Владиміръ Соловьевъ.

8 марта 1900.

Обяснительныя подробности (приписка А. Н. Шмидтъ).
Первое его письмо написано на другой день по полученіи перваго моего къ нему. А написала я, прочитавъ „Три разговора“, обо всѣхъ новыхъ вѣрованіяхъ, которыя у меня возникли 16 лѣтъ назадъ—интуитивнымъ, или, на моемъ языкѣ, чудотворнымъ, нездѣшнимъ способомъ. Вѣрованія эти—ростки изъ христіанскаго сѣмени, оказались у меня общими съ тѣми, какія раньше появились у Влад. Серг. (но я о немъ почти не знала, книгъ его не читала). Изъ нихъ онъ о многихъ писалъ „съ должной осторожностью“, но о нѣкоторыхъ, или скорѣе объ одномъ не писалъ и не говорилъ еще никому, а у меня одобрилъ и цѣнилъ всѣхъ призналъ страницы моей автобіографіи, говорившія о нихъ. Теперь я это вѣрованіе сообщаю иногда другимъ, но не всѣ еще понимаютъ . . . . .

Итакъ, письмо было отъ незнакомой ему, я же едва знала о немъ понаслышкѣ, и то лишь незадолго до переписки съ нимъ (по разнымъ обстоятельствамъ я очень долго почти ничего не читала).

II.

Многоуважаемая
Анна Николаевна!

Получивъ посланныя Вами бумаги, буду, не вскрывая конвертовъ, хранить ихъ до Вашего востребованія. Вотъ все, что пока могу обѣщать Вамъ по этому предмету. Что касается до Вашего сообщенія мнѣ о происшествіи, случившемся съ Вами 1 января 1885. года, то, благодаря Васъ за довѣріе и признавая очевидную искренность и правдивость

Вашего разсказа, я долженъ пока воздержаться отъ окончательнаго сужденія о самомъ фактѣ. Обращу только Ваше вниманіе на переданную Вами самими подробность, именно, что явленіе предполагаемаго лица не произвело въ Васъ непосредственно никакого движенія душевныхъ чувствъ, такъ что впечатлѣніе было, такъ сказать, головное, а не сердечное. Это очень важный признакъ, давно замѣченный церковными специалистами по этой части.

Разыскивать лицо, соотвѣтствующее инициаламъ *И. Р.*, я не вижу человѣческой возможности, а получить объ этомъ прямыя сообщенія свѣше не считаю себя достойнымъ. Могу служить Вамъ тутъ лишь своей догадкой: *И. Р.*—*Иуда Раскаившійся*? Но въ адресномъ столѣ онъ, конечно, записанъ подъ другою фамиліею и значить, если бы даже моя догадка была достовѣрна, то она осталась бы все равно бесполезной.

Вашу замѣтку по поводу лекціи объ антихристѣ я прочелъ издателю „Недѣли“, и она, вѣроятно, будетъ напечатана, съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, если Вы ничего не имѣете противъ.

Будущаго своего адреса я не знаю въ точности, но съ апрѣля мѣсяца Вы можете писать: *Ajaccio, île de Corse, France, mr. Solovieff, poste restante.*

Богъ дастъ, встрѣтимся, когда будетъ нужно.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

(Конецъ марта или 1 апрѣля).

III.

Дорогая Анна Николаевна!

Мнѣ было пріятно прочесть Ваши полемическія замѣтки, но разумѣется, печатать ничего подобнаго не нужно. Разъясняю евангельское выраженіе насчетъ „бисера“. *И Б.*, и *М.*—поросята: первый поросенокъ циничный и нахальный, а второй—поросенокъ лицемѣрно-добродушный и плаксивый. Ваше серьезное къ нимъ отношеніе показалось мнѣ трогательнымъ.

Больной пріятель, къ которому я долженъ былъ ѣхать

на островъ Корсику, быстро скончался, и я пока не ѣду за-
границу. Собираюсь на нѣсколько дней въ Москву и вообще
ничего опредѣленнаго не знаю и не загадываю понапрасну.

Посылаю Вамъ книжку „Духовныя основы“, а недѣли
черезъ двѣ надѣюсь послать новое изданіе своихъ стихо-
твореній, а также „Три разговора“ отдѣльной книжкою съ
поправками и дополненіями.

Будьте здоровы.

Душевно преданный Вамъ

Влад. Соловьевъ.

(Начало апрѣля).

IV.

(Отсутствуетъ, если только оно было).

V.

Воскресенье, 22 апрѣля. Петербургъ.

Дорогая Анна Николаевна!

Не у явися, что́ будемъ. А пока мы вѣрно чувствуемъ ве-
ликое, но нестерпимо фантазируемъ и путаемся въ пустя-
кахъ. Три характерные пустяка: 1) Вы продолжаете смѣши-
вать меня съ моимъ старшимъ братомъ Всеволодомъ Соловье-
вымъ, имѣвшимъ какія-то темныя дѣла съ г-жею Блавацкою
и написавшимъ объ этомъ какую-то сѣрую книгу, чему я ни
душою, ни тѣломъ не причастенъ. Г-жу Блавацкую я нико-
гда въ жизни не видалъ и ни ея личностью, ни ея „чуде-
сами“ или „фокусами“ никогда не занимался, а только (и
весьма умѣренно) теософическимъ движеніямъ съ принци-
пальной стороны, о чемъ напечаталъ двѣ замѣтки, не ка-
сающіяся личности и „практики“ этой покойницы. 2) Зная,
какъ Вы цѣните мои стихи, я хотѣлъ оказать Вамъ любез-
ность, приславши до выхода книжки тѣ стихотворенія,
которыя Вамъ были неизвѣстны. „Разрывать“ книжку, какъ
Вы говорите, я не имѣлъ ни возможности, такъ какъ она

не была еще въ моихъ рукахъ,—ни надобности, такъ какъ я рѣшилъ непремѣнно Вамъ ее доставить въ цѣломъ видѣ, какъ только она выйдетъ.

3) Замѣтивъ въ одномъ Вашемъ письмѣ лучшую редакцію одного моего стихотворенія ¹⁾, я съ удовольствіемъ этимъ воспользовался. И изъ этого простѣйшаго факта Вы выводите какія-то сложныя заключенія.

Довольно о пустякахъ.

Исповѣдь ваша возбуждаетъ величайшую жалость и скорбно ходатайствуетъ о Васъ предъ Всевышнимъ. Хорошо, что Вы разъ это написали, но прошу Васъ болѣе къ этому предмету не возвращаться. Уѣзжая сегодня въ Москву, я сожгу фактическую исповѣдь въ обоихъ изложеніяхъ,—не только ради предосторожности, но и въ знакъ того, что все это только пепелъ. А о томъ, что подъ пепломъ, я Вамъ расскажу сонъ одной давно умершей старушки ²⁾. Она видѣла, что ей подають письмо отъ меня, написанное обыкновеннымъ моимъ почеркомъ, который она называла *pattes d'araignée*. Прочтя его съ интересомъ, она замѣтила, что внутри завернуто еще другое письмо на великолѣпной бумагѣ. Раскрывъ его, она увидѣла слова, написанныя прекраснымъ почеркомъ и золотыми чернилами, и въ эту минуту услышала мой голосъ: „вотъ мое настоящее письмо, но подожди читать“, и тутъ же увидѣла, что я вхожу, сгибаясь подъ тяжестью огромнаго мѣшка съ мѣдными деньгами. Я вынулъ изъ него и бросилъ на полъ нѣсколько монетъ одну за другой, говоря: когда выйдетъ вся мѣдь, тогда и до золотыхъ словъ доберешься.—Совѣтую Вамъ, Анна Николаевна, этотъ сонъ примѣнить и къ себѣ.

Я ѣду въ Москву на похороны. Въ Нижній теперь пріѣхать не могу, но во Владимірѣ-на-Клязьмѣ—возможно. на нѣсколько часовъ ³⁾. NB. Если Вы способны разговаривать, и если Вамъ не трудно пріѣхать во Владиміръ, то напишите короткое письмо въ Москву (слѣдовалъ адресъ) и скажите, какой изъ трехъ дней: пятница, суббота, воскресенье

---

¹⁾ Les Revenants.

²⁾ А. Ѳ. Аксаковой.

³⁾ Я его ни о чемъ не просила. Прим. А. Н. Шмидтъ.

для Васъ удобнѣе, но ни въ какомъ случаѣ не выѣзжайте изъ Нижняго до моей телеграммы изъ Москвы. Потому что ничего еще не рѣшено, и по моему, лучше, можетъ быть, отложить свиданіе до конца лѣта ¹⁾.

Пожалуйста, ни съ кѣмъ обо мнѣ не разговаривайте, а лучше всѣ свободныя минуты молитесь Богу.

Душевно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Телеграмма.

(Изъ Москвы. 29 апрѣля 1900 года).

Нижній. Редакція „Нижегородскаго Листка“. Аннѣ Николаевнѣ Шмидтъ.

Если есть опасенія здоровья, не выѣзжайте. Мнѣ все равно нужно (быть во) Владимірѣ по другому дѣлу.

Соловьевъ.

VI.

Дорогая Анна Николаевна!

Вотъ два слова въ успокоеніе. Я живъ, попрежнему сохраняю къ Вамъ неизмѣнныя чувства интереса и симпатіи, никакого неблагопріятнаго впечатлѣнія свиданіе съ Вами не оставило, однимъ словомъ, все по старому.

Теперь очень спѣшу, а на-дняхъ постараюсь написать больше.

Искренно къ Вамъ расположенный

Влад. Соловьевъ.

На-дняхъ в... (конецъ фразы въ оригиналѣ оторванъ).

(Повидимому писано въ маѣ, вскорѣ послѣ Владимірскаго свиданія).

---

¹⁾ Повторяю, я объ этомъ ему не писала, но онъ часто отвѣчалъ на мысли. *Прим. А. Н. Шмидтъ.*

VII.

22 іюня 1900 года.

Дорогая Анна Николаевна!

Приѣхавъ изъ деревни, нашелъ Ваше письмо отъ 17 іюня. Въ немъ много вѣрнаго. Я тоже думаю, что прежняя историческая канитель кончилась. Ну, а дальнѣйшее: не намъ дано вѣдать времена и сроки.

На-дняхъ ѣду въ южную Россію на неопредѣленное время. Какъ видите, Ваше желаніе приѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣться со мною, независимо отъ основательности или неосновательности этого желанія, все равно не можетъ осуществиться. Очень радъ, что Вы сами сомнѣваетесь въ объективномъ значеніи извѣстныхъ видѣній и внушеній, или сообщеній, кторыхъ Вы не знаете. Настаивать еще на ихъ сомнительности было бы съ моей стороны не великодушно. По возвращеніи въ Петербургъ (вѣроятно, въ августѣ), напишу вамъ непременно. Будьте здоровы, дорогая Анна Николаевна.

Искренно Вашъ

Влад. Соловьевъ.

Временно ~~цѣна~~
повышена на 50 %

Цѣна 2 р. 50 коп.

**UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY**

Return to desk from which borrowed.

This book is DUE on the last date stamped below.

~~20 Nov 51 RC~~

Due end of WINTER Quarter
subject to recall after —

MAR 20 '71 63

MAR 22 1968 #1

RECEIVED

MAR 14 '68 -3PM

REC'D LD

MAR 23 '71 -DAM 37

JUL 17 1968

TT

DEC 06 1995

RECEIVED

JUL 8 '68 -11 AM

LOAN DEPT.

LD 21-95m-11,'50(2877s16)476

YC100018

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C022803479

7